

И. А. Стучевский

РАМСЕС II и ХЕРИХОР

Из истории
древнего Египта
эпохи
Рамессидов

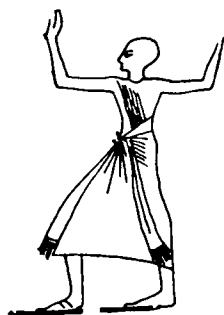

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. А. Стучевский

РАМСЕС II и ХЕРИХОР

Из истории
древнего Египта
эпохи
Рамессидов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

9(M)03
С 88

Ответственный редактор
Э. А. ГРАНОВСКИЙ

В книге рассматриваются разнообразные проблемы, в основном политической истории, древнего Египта эпохи Рамессидов, связанные с деятельностью двух крупных политических фигур этого времени — фараона Рамсеса II и верховного фиванского жреца Херихора.

С 0504010000-129 98-84
013(02)-84

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

Работа посвящена рассмотрению различных проблем, связанных с деятельностью фараона Рамсеса II и верховного фиванского жреца Херихора — двух крупных политических фигур, живших соответственно в начале и конце эпохи Рамессидов (XIII—XI вв. до н. э.).

Эпоха Рамессидов — яркая страница в истории древнего Египта. Это было время возрождения военного могущества страны пирамид, ожесточенных схваток с хеттами, ливийцами и пришедшими с северо-запада «народами моря», активных политических и культурных контактов с переднеазиатским миром, строительства величественных памятников архитектуры, острых политических и социальных конфликтов.

Рамсес II был лишь третьим представителем XIX династии, с приходом которой к власти началась эпоха Рамессидов. Но именно в его более чем шестидесятишестилетнее царствование наступил расцвет этой эпохи.

Живший более 3000 лет тому назад, фараон Рамсес II — достаточно известный исторический персонаж. О нем писали античные авторы, его имя упоминается в Библии. Туристы, посещающие Египет, всегда с восхищением любуются величественными архитектурными сооружениями, возведенными в долине Нила в годы его царствования. Созданные при Рамсесе II великолепные памятники зодчества, такие, как гипостильный зал Карнака, Рамессеум, передний двор Луксора, храмы в Абу-Симбеле и многие другие изумительные творения архитектуры, и теперь поражают своими гигантскими размерами, стройностью и красотой.

Будучи действительно великим фараоном, Рамсес II оставил по себе столь прочную память, что почти все представители XX династии, воцарившейся после окончания XIX династии, к которой принадлежал Рамсес II, носили имя «Рамсес». Популярность Рамсеса II в древности и в новое время¹ объясняется как его строительной деятельностью, так и тем, что при нем произошел последний взлет египетского могущества. Царствование Рамсеса II характеризуется длительными войнами за восстановление гегемонии страны пирамид в Азии, экономическим благополучием и политической стабильностью Египта.

Рамсес II был, безусловно, сильной личностью. Индивидуаль-

ные черты его характера прослеживаются с трудом, поскольку египетские источники всех фараонов изображают по стандартному образцу неземного величия, могущества и силы. И все же о Рамсесе II можно сказать, что это был человек, несомненно, смелый и решительный. Само собой разумеется, что Рамсес II никогда не задумывался над тем, насколько его желания и поступки соответствуют объективным потребностям страны, полновластным хозяином которой он был. И тем не менее внешняя и внутренняя политика египетского государства, осуществлявшаяся в годы его царствования, несомненно, соответствовала нуждам господствующего класса, заинтересованного в планомерной эксплуатации собственного народа и покоренных народов Нубии и Азии. Как неограниченный владыка Египта, как земной бог, Рамсес II многие годы определял жизнь египетского общества, и по этой причине подробное рассмотрение всего, что характеризует деятельность Рамсеса II, представляет, по нашему мнению, бесспорный интерес.

Херихор был политическим деятелем совершенно иного масштаба и характера. Если при Рамсесе II нашел свое наилучшее выражение принцип максимальной централизации политической власти в Египте, то при Херихоре победила противоположная тенденция — тенденция политического сепаратизма. Херихор фактически был независимым правителем Верхнего Египта в годы царствования последнего Рамессидов — Рамсеса XI, в правление которого завершился закат эпохи Рамессидов. В этот период фиванский «первый жрец» Амуна-Ра, стремящийся овладеть короной фараонов, искал идеологического оправдания для своих честолюбивых планов в религиозной доктрине амунократии — доктрине, умалявшей достоинство фараона путем противопоставления его престижа авторитету верховного фиванского божества.

После выхода в свет в конце прошлого столетия романа Б. Пруса «Фараон» о Херихоре, первом жреце Амуна-Ра, царя богов, военачальнике, визире, «царском сыне Куша», на закате своих дней присвоившем и царский титул, узнала и широкая публика. С тех пор личность Херихора приобрела относительную известность, чему способствовал и поставленный польским режиссером Ежи Кавалеровичем по роману Б. Пруса кинофильм, показанный на экранах всего мира в конце 60-х годов.

Само собой разумеется, что реальный, исторический Херихор далеко не тождествен тому образу могущественного, коварного и хитрого жреца, который был создан польским романистом под влиянием современной ему египтологической традиции и тех идейных, политических устремлений, которые волновали в конце XIX в. либеральные демократические круги польской общественности. В последующие годы развитие египтологической науки, дальнейшее исследование первоисточников позволили увидеть несколько иной путь Херихора к власти, чем это представлялось во времена Б. Пруса. Многие мы теперь,

естественно, оцениваем иначе, чем в годы написания романа. Однако говорить о полном раскрытии «загадки» Херихора все еще преждевременно.

Весьма солидная египтологическая традиция давно провозглашает Херихора «творцом» особого политического образования — так называемого «государства бога» Амуна или «фиванской теократии», возникшего в Верхнем Египте на развалинах державы фараонов Рамессидов в конце эпохи Нового царства. По мнению корифеев старой, «классической» египтологической школы Г. Масперо, Дж. Брэстеда, Б. А. Тураева, в основе этой «теократии» лежала победа древнеегипетского клерикализма [25, т. II, с. 205—206; 83, т. I, с. 325, т. II, с. 20; 394, с. 272; 395, с. 565]. С точки зрения Эд. Мейера, становление «фиванской теократии» явилось результатом развития религии и торжества религиозной идеи приоритета власти Амуна (т. е. идеи амунократии) [407, с. 495, 530]. Согласно выводу Г. Кееса, осуществившего коренной пересмотр старых представлений о Херихоре, фиванское «государство бога» Амуна по своей сути было замаскированной религией (лозунгом амунократии) военной диктатурой светского деятеля, захватившего кормило власти в благоприятный исторический момент — после подавления социального движения в Фивах [334, с. 1—20].

Думается, Г. Кеес был абсолютно прав, указав на ограниченность старых, традиционных идеалистических трактовок и раскрыв «мирской» смысл деятельности Херихора, лишь «прикрытый» лозунгом амунократии. Однако Г. Кеес, как нам кажется, излишне акцентировав свой вывод, преподнес его в таком модернизаторском ключе, что полностью согласиться с ним также невозможно. Г. Кеес обоснованно обратил внимание на военную опору власти Херихора, но он, явно модернизируя события, происходившие в то время в Египте, расценил эту «тайну» могущества Херихора как военную диктатуру, будто бы призванную усмирять социальные движения. Характеризуя возглавленную Херихором «фиванскую теократию» как военную диктатуру, Г. Кеес тем самым придавал ей оттенок особой исключительности, не замечая, что ее своеобразие было, по существу, лишь внешним и второстепенным, поскольку в основе этой «теократии» лежал традиционный для истории древнего Египта местный (номовый) сепаратизм.

Конечно, после опубликования работ Г. Кееса и его последователей многое в истории возвышения Херихора и создания «фиванской теократии» прояснилось. Сейчас мы гораздо лучше представляем себе путь Херихора к власти, чем во времена Г. Масперо, Дж. Брэстеда, Эд. Мейера, Б. А. Тураева. И все же в судьбе Херихора остаются еще не разгаданные «белые пятна», вызывающие разногласия среди египтологов. Все это, полагаем, оправдывает наш интерес к личности Херихора и к его деятельности, протекавшей в переломный, бурный, драматический период истории древнего Египта.

ПРЕДКИ РАМСЕСА II

Рамсес II был третьим представителем XIX династии, начавшей новую эпоху в истории древнего Египта — эпоху Рамесидов. Царствовали отец Рамсеса II (Сети I) и дед (Рамсес I). Возвысившийся еще при Хоремхебе, Рамсес I был сыном некоего «начальника лучников» (*ḥrj pd.t*), по имени Сети¹. Почему потомки этого Сети смогли овладеть престолом фараонов, остается неясным и по сей день. Можно думать, что решающую роль сыграло покровительство Хоремхеба, не имевшего наследника и потому выдвинувшего Рамсеса I, как человека, принадлежавшего к близкой Хоремхебу военной среде². Основатель XIX династии Рамсес I царствовал очень недолго — немногим более одного года. Его сын Сети I³ находился на престоле фараонов не менее 11 лет⁴. Рамсес II намного превзошел и отца и деда по длительности царствования.

О ближайших предках Рамсеса II интересные сведения содержатся в записи на стеле, упоминающей о 400-летней зре Сетха (Сутеха). Эта стела была обнаружена в Танисе О. Мариеттом еще в 1863 г. Оставленную на том месте, где она была найдена, эту стелу в 1932 г. вновь открыл П. Монтэ⁵. В верхней части стелы изображен бог Сетх (Сутех) в одеянии, характерном для азиатских божеств, в высоком головном уборе Баала. За Сетхом представлен Рамсес II, а за ним — человек в позе поклонения, названный визирем Сети. Текст по всей этой группой содержит 12 строк. Последняя строка частично разрушена. По предположению П. Монтэ, в первоначальном виде текст имел еще две строки. Первая часть текста дает титулатуру Рамсеса II и сообщает о его приказе поставить стелу «ради великого имени его отцов, чтобы восстановить имя отца отцов его». Вторая часть текста упоминает о событии, датированном 400-м годом зры бога Сетха Небти (т. е. из Омбоса), называемого царем Верхнего и Нижнего Египта. Хотя конец текста испорчен, совершенно очевидно, что речь в нем идет о визире по имени Сети, который обратился к богу Сетху с просьбой о покровительстве. Здесь же помещена полная титулатура визиря Сети и отца последнего — также визиря — Парамеса (*P ; R'mś*).

Приведем теперь текст стелы полностью. В верхней части стелы, как мы уже говорили, изображен бог Сетх (Сутех) в одеянии и головном уборе азиатского Баала, под ним — надпись: «Сетх Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь всякая». Рядом находится изображение царя и надпись: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун». Действия царя характеризует надпись: «Выдача вина отцу, создавшему (?) его, которому дана жизнь». Рядом с царем изображен человек, о котором сопроводительный текст, продолжая вышеприведенную надпись, сообщает: «Для Ка твоего, Сетх, сын Нут. Да дашь ты прекрасное время при сопровождении Ка твоего, для Ка правителя, начальника города, визиря, царского писца, начальника лошадей, начальника чужеземных стран, начальника крепости Чару, Сети правогласного». С правого и левого краев стелы одна и та же запись: «Верховный Гор, могучий бык, любимый правдой, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун». Основной текст стелы гласит: «(1) Живой Гор, могучий бык, любимый правдой, владыка праздников „хебсед“, подобный отцу его Птаху, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь, (2) две богини, храбрец Египта, который унаследовал чужеземные страны, порождение богов, приведший в порядок две земли, Гор золота, сильный годами, великий победами (3), царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, правитель, покрывший две земли памятниками ради имени его (Сетха). (4) Сияет Ра в небе ради любви к нему, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун. (5) Повелел его величество поставить большую стелу из нового камня ради великого имени его отцов, чтобы восстановить имя отца отцов его (т. е. Сетха.— *И. С.*) (6) (и имя.— *И. С.*) царя Менмаатра, сына Ра, Сети Мернептаха (Сети I), пребывающего прочно, навеки, подобно Ра, каждый день. (7) Год 400-й месяц 4-й периода шему, день 4-й (от) царя Верхнего и Нижнего Египта Сетха, великого мощью, сына Ра, любимого его, Небти (т. е. из Омбоса.— *И. С.*), любимого Ра-Горахте, да существует он до вечной вечности. (8) Приход этот, который сделал правитель, начальник города, визирь, носитель опахала с правой стороны царя, начальник лучников, начальник чужеземных стран, начальник крепости Чару, начальник маджаев, царский писец, начальник лошадей, (9) руководитель праздника (бога) Дждети — владыки Мендеса, первый жрец Сетха, „херихеб“ колонного зала (в храме), который разделяет две земли (?), начальник жрецов всех богов, Сети правогласный, сын правителя, начальника города, визиря, (10) начальника лучников, начальника чужеземных стран, начальника крепости Чару, царского писца, начальника лошадей Парамеса правогласного — говорит он (Сети): Привет тебе, Сетх, сын Нут, великий мощью в ладье

миллионов, сокрушающий врагов (?) перед ладьей Ра, великий криком... (12) да дашь ты мне прекрасное время при сопровождении Ка твоего, да буду я упрочен (в)... (13)...» [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 287—288].

Эд. Мейер, объясняя содержание танисской стелы, обратил внимание на фиксацию в ней особого способа летосчисления, начавшегося в гиксосский период в связи с установлением культа Сетха (Сутеха) и строительством храма для этого божества. Что касается визирей Парамеса и Сети, о которых сообщает стела, то, по мнению Эд. Мейера, в данном случае речь идет о лицах, занимавших пост визиря при Рамсесе II. Визирь Сети, изображенный на стеле позади Рамсеса II, приносящего дары Сетху, согласно концепции Эд. Мейера, был послан Рамсесом II в Танис для установления стелы [405, с. 292, и сл.]. Высказанная выше трактовка танисской находки была общепринятой до 1930 г., когда К. Зете опубликовал статью [514, с. 85 и сл.], сразу коренным образом изменившую понимание содержания текста стелы из Таниса. Предложенная К. Зете реконструкция содержания стелы получила широкое признание [116, с. 39 и сл.; 204, с. 328; 242, с. 165; 469, с. 252 и сл.] и господствует по сей день. К. Зете утверждал, что в надписи на стеле говорится об осуществленном визирем Сети в Танисе праздновании 400-летней годовщины эры Сетха⁶. Этот визирь потом стал фараоном Сети I. Визирь Парамес — отец визиря Сети, также фигурирующий в рассматриваемой стеле, — аналогичным образом должен был быть отождествлен с фараоном Рамсесом I, основателем XIX династии. Празднование 400-летней годовщины господства Сетха (Сутеха) отмечалось в царствование Хоремхеба, когда отец Рамсеса II был еще визирем, а не фараоном Сети I. Сама же стела была поставлена уже в годы правления Рамсеса II, пожелавшего таким образом почтить память о своем отце Сети, который сначала был лишь визирем, а позднее стал фараоном.

Как мы уже отмечали, изложенная выше концепция господствует в египтологической литературе и по сей день. Однако в 1965 г. Р. Штадельманн попытался полностью ее пересмотреть [537, с. 46—60] и этим положил начало дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Chronique d'Egypte» в 1966 г. Дискуссия эта, несомненно, представляет интерес для нас, почему мы и попытаемся ниже изложить взгляды как Р. Штадельманна, так и тех египтологов, которые откликнулись на высказанные им суждения.

Р. Штадельманн прежде всего отказался от отождествления визирей Парамеса и Сети с фараонами Рамсесом I и Сети I на том основании, что жена визиря Парамеса и мать визиря Сети носила имя, отличавшееся от имени матери фараона Сети I. Если женой визиря Парамеса и матерью визиря Сети была некая певица Тну (Tjw), то матерью фараона Сети I считается царица Сатра (S;t-Rc). Аргумент, выдвинутый Р. Штадель-

манном, действительно выглядит весьма серьезным, и потому, если бы в данном случае недопустимы были бы другие суждения (о которых мы еще будем говорить несколько ниже), концепции Р. Штадельманна вряд ли можно было бы что-либо противопоставить. Основываясь на несовпадении имен матерей визиря Сети и фараона Сети I как якобы на неоспоримом факте, Р. Штадельманн и построил свои дальнейшие доказательства и выводы. По мнению Р. Штадельманна, на стеле 400-летия речь действительно идет о предках сына Сети I, однако о более отдаленных — не об отце и деде, как полагал К. Зете, а о прапрадеде и прадеде Рамсеса II. Событие, упоминаемое на стеле, Р. Штадельманн датировал временем царствования Аменхотепа IV (Эхнатона), а установление стелы объяснил желанием Рамсеса II доказать законность прав своей семьи на престол фараонов, якобы избранных самим богом Сетхом (Сутехом). Что же касается упоминания на стеле даты 400-летия, то, по словам Р. Штадельманна, в данном случае не следует предполагать реальное историческое событие, положившее начало особой эре, так как фигурирующее в тексте стелы число 400 всего лишь плод произвольных подсчетов, осуществленных в семье Рамессидов, не имевших никакого отношения к событиям гиксосского времени.

На тезисы статьи Р. Штадельманна, опубликованной в журнале «Chronique d'Egypte» в 1965 г., откликнулись в том же журнале в 1966 г. два исследователя — Г. Гёдике [268, с. 23—39] и В. Хелк [305, с. 234—241], занявшие диаметрально противоположные позиции по существу высказанных Р. Штадельманном суждений. Если Г. Гёдике принял аргументацию Р. Штадельманна и попытался развить ее дальше, отказавшись видеть в визирях Парамесе и Сети предков Рамсеса II, даже отдаленных, то В. Хелк полностью отверг основные выводы Р. Штадельманна, показав их несостоятельность и неспособность поколебать концепцию К. Зете.

Г. Гёдике не соглашался с Р. Штадельманном в вопросе, который касался мотивов действий Рамсеса II, повелевшего установить стелу 400-летия. Г. Гёдике не считал для Рамсеса II необходимым как-то обосновать свои права на престол. Ни о каких предках Рамсеса II на стеле, по словам Г. Гёдике, речь также не шла, но зато подчеркивалась личная привязанность Рамсеса II к культу Сетха (Сутеха), процветавшему в столице Египта Пер-Рамсесе. Ритуальное подношение Сетху (Сутеху), изображенному в верхней части стелы в одеянии и с атрибутами азиатских Баалов, осуществил по приказу Рамсеса II его визирь и современник Сети, не имевший никакого отношения к фараону Сети I. Данное событие произошло в промежуток времени между 34-м годом царствования Рамсеса II (год празднования второго юбилея *ḥb-śd*) и 40-м годом и, возможно, отражало какую-то годовщину, связанную с назначением Рамсеса II на престол фараонов в качестве соправителя

своего отца Сети I. Что же касается самой даты 400-летия, то, по мнению Г. Гёдики, это была культовая эра, связанная с утверждением в Аварисе (позднейшем Пер-Рамсесе) почитания, принявшего азиатские черты исконного египетского божества Сетха. Подобное возвышение культа Сетха осуществил в конце эпохи Среднего царства и незадолго до начала гиксосского периода царствовавший в Дельте фараон. Нехси. Если полагать, что Рамсес II начал править в 1290 г. до н. э., то тогда, по подсчетам Г. Гёдики, начало культовой эры Сетха (Сутеха) падает на 1654 г. до н. э., а начало гиксосского периода — на 1648 г. до н. э. [Иными словами, культовая эра Сетха (Сутеха) началась всего лишь за шесть лет до установления в Египте господства иноземных, азиатских властителей, принявших уже существовавший в Аварисе культ Сетха (Сутеха), уподобленного азиатским Баалам.]

Вывод Г. Гёдики относительно сущности эры 400-летия представляется нам справедливым. Однако все попытки Г. Гёдики утвердить с помощью филологического анализа текста стелы тезис об отсутствии в этом тексте каких-либо упоминаний о предках Рамсеса II выглядят, как нам кажется, очень неубедительными. В подтверждение высказанного нами сейчас суждения приведем хотя бы предлагаемую Г. Гёдики интерпретацию выражения *ḥr gn wr n it.w.f* в стк. 5 текста стелы. По словам Г. Гёдики, в данном случае не имеются в виду предки (отцы) Рамсеса II, а речь идет совсем о другом: вместо слова *it.w* («отцы») в исследуемой фразе якобы фигурирует термин, сравнимый с термином птолемеевского времени *tfw* [Wb. V, 299, 2], который следует сопоставить со словом *ṯf* («быть коронованным» [Wb I, 234]), вследствие чего в стк. 5 текста стелы вместо *ḥr gn wr n it.w.f* («ради великого имени его отцов») следует читать *ḥr gn wr n tfw.f* («ради великого имени его корон») или [«ради великого имени, (которым) он был коронован»] [268, с. 32]. Г. Гёдики находит термин *tfw* еще в одном месте текста стелы (также в стк. 5), предлагая понимать соответствующее сочетание слов не как общепринято — *gn n it (n) it.w.f* («имя отца отцов его»), а как *gn n it (n) tfw.f* [«имя отца (поручителя) его коронования»] [268, с. 33—34]. Основываясь на показанных нами выше изменениях в понимании одного слова иероглифического текста стелы (не *it.w.f*, а *tfw.f*), Г. Гёдики делает смелый, но, по нашему мнению, недостаточно убедительный вывод, что в рассматриваемом месте стелы речь не идет об отцах (предках) Рамсеса II, а имеется в виду коронование Рамсеса II фараоном — соправителем своего отца Сети I [268, с. 33—34], с чем якобы и было связано осуществленное через много лет по приказу Рамсеса II его визирем Сети ритуальное почитание бога Сетха (Сутеха). Один из основных постулатов статьи Г. Гёдики выглядит, как нам кажется, весьма нарочитым и искусственным. Подобную же оценку, думается, можно дать и всей статье Г. Гёдики. Последний, подобно Р. Штадельманну, от не-

которых суждений которого он отталкивается, не смог предложить убедительную альтернативу взглядам К. Зете.

Как мы уже говорили, основным фактом, определившим концепцию Р. Штадельмана (фактом, принимаемым и Г. Гёдике), была подчеркнутая им разница имен матери визиря Сети, упоминаемого и изображенного вместе с Рамсесом II на стеле 400-летия, и матери фараона Сети I. Первая носила имя Тиу, а вторая — Сатра. Между тем по этому решающему пункту статьи Р. Штадельмана дал исчерпывающее разъяснение В. Хелк, выступивший на страницах журнала «Chronique d'Egypte» в поддержку интерпретации стелы 400-летия, предложенной К. Зете [305, с. 234—241]. В. Хелк подверг анализу все памятники, в которых речь идет о Сатра (стела в гробнице Сети I [382, т. III, с. 236], стела в заупокойном храме Сети I в Абидосе [148, т. 2, табл. 35], гробница № 38 в долине захоронения цариц в западной части Фив), и пришел к выводу, что в данном случае имелась в виду не мать, а жена фараона Сети [305, с. 237—238]. Если это так, то тогда никакой несовместимости имен матери визиря Сети, фигурирующего на стеле 400-летия, и матери фараона Сети I не существует, и потому вся возведенная Р. Штадельманом конструкция оказывается основанной на недоразумении и, естественно, неспособной опровергнуть утверждения К. Зете. В итоге В. Хелк, как и К. Зете, считает наиболее обоснованным реконструировать следующую родословную Рамсеса II: некий «начальник лучников» Сети, его сын визирь Парамес (он же фараон Рамсес I, женатый на Тиу), сын визиря Парамеса (Рамсеса I) и Тиу визирь Сети (он же фараон Сети I, женатый на Сатра и на Тиу), сын визиря Сети (Сети I) и Тиу Рамсес II [305, с. 239; 292]⁷. В. Хелк полагает, что эра 400-летия, зафиксированная на найденной в Танисе стеле⁸, отражает исторический факт, а именно возведение в Танисе храма богу Сетху (Сутеху), которое было осуществлено где-то между 1715 и 1712 гг. до н. э. [305, с. 241]. Как видим, последний вывод В. Хелка, несмотря на некоторое расхождение в датировке начала эры 400-летия, весьма близок к сходному утверждению, сделанному Г. Гёдике в его уже рассмотренной нами статье. Спрашивается, однако, почему Рамсес II, как и его предки и потомки, несомненно, чувствовал свою особую связь с культом бога Сетха (Сутеха)? Дать бесспорный ответ на поставленный вопрос, конечно, невозможно, но, безусловно, следует отметить, что фараоны XIX династии продолжали семейную традицию, восходившую к очень отдаленным временам. Соблазнительно поэтому было бы предположить, что предки Рамсеса II каким-то образом связаны с гиксосскими правителями Египта, как известно почитавшими Сетха (Сутеха), или с тем слоем азиатов, которые остались в долине Нила после изгнания гиксосов и египтизировались [157, с. 37].

В результате каких событий культ бога Сетха оказался связанным с Аварисом, попытался объяснить Дж. Вэн Сетерс.

Он вслед за уже упомянутым Г. Гёдиком вспоминает правителя Нехси, который царствовал в Дельте после фараонов XIII династии и незадолго до начала гиксосского периода [546]. (Он упоминается в Туринском каноне.) От времени этого Нехси в Танисе был найден обелиск вместе с обелисками Рамессидов [365]. На одном фрагменте обелиска Нехси можно прочесть: «Старший сын царя, Нехси, любимый Сетхом, господином г-ꜥht». На другом фрагменте говорится о Нехси, что он «любимый Хершефи». Культ Хершефи на северо-восточной границе Дельты мог восходить к эпохе X династии, фараоны которой почитали Хершефи и о которых известно, что они укрепляли границу для защиты от набегов азиатов. По мнению Дж. Вэн Сетерса, Нехси, «старший сын царя», был начальником пограничного гарнизона и скорее всего выдвинул на первый план культы Сетха и Хершефи по той причине, что последние были не в чести у царей XII и XIII династий. Когда Нехси стал фараоном, он сделал Сетха господином Авариса (см. надпись Нехси в Телль Мокдаме [546, с. 102, примеч. 23]), придав этим Аварису новое религиозное и политическое значение. Тот факт, что обелиск Нехси был обнаружен вместе с обелисками Рамессидов, согласно точке зрения Дж. Вэн Сетерса, указывает на почитание царя Нехси фараонами XIX династии, которые отсчитывали эру бога Сетха от начала правления Нехси в Аварисе. Выбор Сетха в качестве патрона Нехси обуславливался несколькими причинами. С одной стороны, Сетх был древним божеством — покровителем монархии, и этот факт способствовал укреплению власти нового царя. С другой стороны, Сетх почитался на северо-востоке Дельты и в некоторых близлежащих районах Азии, где он отождествлялся с Баалом, и по этой причине мог привлечь на сторону Нехси тех азиатов, которые селились во времена Нехси в Дельте. Согласно предположению Дж. Вэн Сетерса, при дворе Нехси многие высокие должности занимали азиаты, которые впоследствии установили свое господство в Египте, выдвинув из своей среды гиксосских фараонов, воспринявших от Нехси культ Сетха в качестве главного божества.

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ РАМСЕСА II

Установление абсолютных хронологических дат для царствований всех египетских фараонов — задача исключительно сложная. Само собой разумеется, что и длительное правление Рамсеса II не представляет в этом смысле исключения. Для абсолютной датировки всего царствования Рамсеса II решающим, естественно, оказывается хронологическое определение года его восшествия на престол. В этом последнем вопросе между исследователями до сих пор нет единогласия, и потому абсолютная дата воцарения Рамсеса II остается неустановленной.

В советской историографии признание получила ранняя датировка начала царствования Рамсеса II, относящая это событие к 1317 г. до н. э. [29, с. 353, 691]. Дж. Брэстед называл 1292 г. до н. э. первым годом правления Рамсеса II [25, т. II, с. 99]. Б. А. Тураев склонялся почти к той же самой дате [83, т. I, с. 305]. В современной западной египтологии господствует мнение о поздней датировке начала царствования Рамсеса II, колеблющейся между 1304 и 1290 гг. до н. э. Последняя дата принята и в специальной работе Дж. Д. Шмидта [499, с. 13].

Абсолютную дату воцарения Рамсеса II пытаются определить как путем сопоставления событий, происходивших в Египте, с событиями истории царствований властителей Ассирии и Вавилонии, так и путем ориентации на ту или иную расшифровку одной лунной даты, упомянутой в Лейденском папирусе (P. Leiden I, 350, vs. 3, 6) и соответствующей 52-му году царствования Рамсеса II [443, с. 42—43]. М. Б. Роутон, ссылаясь на царские списки, заимствованные из труда Манефона, на перечень ассирийских правителей, обнаруженный в Хорсабаде, а также на данные о соотношении царствований Эхнатона, Тутанхамона, Хoremхеба и ассирийца Ашшурубаллита I, как и на сопоставление годов жизни и деятельности хеттского правителя Хаттусилиса III, Рамсеса II и вавилонского царя Кадашман-Тургу, пришел первоначально к выводу, что воцарение Рамсеса II падает на 1290 г. до н. э. или на самый конец 1291 г. до н. э. [487, с. 57—79]. Подобное же заключение сделал и Э. Эдель, ссылаясь на хронологическую расшифровку лунной даты от 52-го года царствования Рамсеса II и на хеттский текст из Богазкёя (КВо I, 10), якобы указывающий, что письмо Хаттусилиса III к вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II было отправлено еще до заключения мирного договора между Египтом и страной хеттов в 21-й год Рамсеса II [205, с. 130—133].

Непосредственному анализу лунной даты, отмечающей начало новой луны (так называемое $\text{p}\acute{\text{s}}\text{d}\text{n}\text{t}\text{j}\text{w}$) в 27-й день 2-го месяца периода prt в 52-й год царствования Рамсеса II (P. Leiden I, 350, vs. 3, 6), посвятил свою статью известный специалист по древнеегипетской астрономии Р. А. Паркер. Учитывая 11-летний и 14-летний циклы начала лунного месяца соответственно с ускорением или с опозданием на один день по сравнению с тем, что наблюдалось за 11 или за 14 лет до этого, Р. А. Паркер предложил четыре расшифровки $\text{p}\acute{\text{s}}\text{d}\text{n}\text{t}\text{j}\text{w}$ из Лейденского папируса (P. Leiden I, 350, vs. 3, 6). Согласно этим расшифровкам, 27-й день 2-го месяца периода prt в 52-й год царствования Рамсеса II мог соответствовать: 1) 26 декабря 1253 г. до н. э. (в этом случае царствование Рамсеса II началось в 1304 г. до н. э.); 2) 24 декабря 1250 г. до н. э. (в этом случае Рамсес II стал царствовать в 1301 г. до н. э.); 3) 21 декабря 1239 г. до н. э. (в этом случае Рамсес II взошел на престол в 1290 г. до н. э.); 4) 20 декабря 1228 г. до н. э. (в этом случае правление Рамсеса II началось в 1279 г. до н. э.). Считая наи-

более вероятной третью расшифровку pšdntjw из Лейденского папируса (ориентируясь в данном вопросе на уже упомянутую нами работу М. Б. Роутона), Р. А. Паркер предложил оценивать 1290 г. до н. э. как год начала царствования Рамсеса II [443, с. 39—43]. Все дело, однако, в том, что и другие три расшифровки pšdntjw из Лейденского папируса вполне вероятны и их принятие или непринятие может обуславливаться лишь отношением исследователя к соответствующим историческим факторам.

И именно в этом вопросе позиция Р. А. Паркера оказалась поколебленной тем самым М. Б. Роутоном, на которого он сослался для обоснования своего мнения, поскольку М. Б. Роутон пересмотрел свой первоначальный вывод, базировавшийся на установлении синхронизма в царствованиях правителей Египта, страны хеттов, Ассирии и Вавилонии. Полемизируя с Э. Эделем, работу которого мы уже упоминали [205, с. 130—133], М. Б. Роутон пришел к заключению, что текст КВо I, 10 содержит письмо, отправленное Хаттусилисом III вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II не до, а после заключения мирного договора с Рамсесом II, из чего, исходя из его выкладок, следует, что Кадашман-Тургу (отец Кадашман-Эллиля II) умер не в 1270 г. до н. э., а скорее в 1280 г. до н. э. Последний вывод делает наиболее вероятной датой воцарения Рамсеса II 1304 г. до н. э., поскольку это подтверждается, по мнению М. Б. Роутона, и вавилонскими данными, и содержанием списка ассирийских царей, изготовленного для Адад-Нерари I [486, с. 240—258].

Однако некоторые египтологи, и в частности Дж. Шмидт, посвятивший специальное исследование разработке проблемы хронологии царствования Рамсеса II, считают, что ассирийские и вавилонские списки не могут помочь в установлении абсолютной даты восшествия на престол Рамсеса II. Дж. Шмидт пишет: «Трудности, связанные с установлением и датировкой синхронизмов между Месопотамией и Египтом на протяжении XIX династии, отвергают любую попытку контролировать египетский материал ассирийской или вавилонской хронологией... следовательно, месопотамская хронология не может помочь определить дату воцарения Рамсеса II... Принимая для воцарения Тутмоса III (год) 1490, пренебрегая хронологической возможностью соправительства Аменофиса III и Аменофиса IV и Семенхкара, выделяя Хoremхебу царствование в 25—30 лет, на что указывает надпись Меса, предоставляя Сети I царствование примерно в 11 лет, на что указывают датированные памятники, (можно установить), что наиболее вероятной датой воцарения Рамсеса II является (год) 1290» [499, с. 13]. Приведенный вывод Дж. Шмидта совпадает с сообщением К. А. Китчена: «Окончательный результат заключается в том, что все еще невозможно для воцарения Рамсеса II сделать выбор между 1304 и 1290 (годами). Однако в настоящем исследовании 1290 (год)

будет принят как дата восшествия на престол (Рамсеса II.— И. С.)» [341, с. 322; 342, с. 310—322].

В установлении даты начала царствования Рамсеса II, к сожалению, не может помочь и решение вопроса о так называемой эре «ἔπερ Μενόφρεω» («от Менофреоса»). О том, что собой представляет эта эра, писали многие исследователи [380, с. 167 и сл.; 489, с. 94 и сл.]. Из советских египтологов специальную статью ей посвятил В. В. Струве [541, с. 45—50]. Он попытался установить, к царствованию какого фараона XIX династии следует отнести начало упомянутой греческим математиком Теоном из Александрии особой эры, в названии которой специфическим образом хронологически локализовалось очередное начало периода Сотиса, т. е. начало цикла в 1460 лет, знаменующего совпадение гражданского и астрономического (солнечного) древнеегипетских календарей и одновременное (на широте Мемфиса) утреннее восхождение звезды Сириус (Сотис), и наступление разлива Нила. Поскольку из сочинений римского писателя Цензорина известно, что очередной период Сотиса возобновился в 139 г. н. э., то, следовательно, предшествующее начало периода Сотиса имело место в 1322 (1318)⁹ г. до н. э. Как указал В. В. Струве, в самом названии эры «ἔπερ Μενόφρεω» («от Менофреоса») скрывается или название города Мемфис (Μενόφρης и Μέμφις) (так полагали некоторые египтологи), или указание на имя какого-то исторического лица, в царствование которого и наступил в 1322 (1318) г. до н. э. очередной период Сотиса. В. В. Струве, исходя из соответствующего греческого контекста сочинения Теона из Александрии, в котором Μενόφρης сопоставляется с Августом, пришел к выводу, что в выражении «от Менофреоса» имеется в виду не город Мемфис¹⁰, а какой-то правитель Египта по имени Μενόφρης.

В данном случае В. В. Струве согласился с мнением, высказанным еще Р. Лепсиусом, сопоставившим того, кто у Теона связывался с эрой «от Менофреоса», с человеком, чье имя могло звучать как Μενόφρης или Μενόφθης. Перед В. В. Струве возник, однако, вопрос, кто из фараонов, правивших около 1322 (1318) г. до н. э., оказался прототипом для носителя греческого имени Μενόφρης. Мернептах, сын Рамсеса II, для этого явно не подходил, поскольку он правил, несомненно, позднее 1322 (1318) г. до н. э. Вряд ли, по мнению В. В. Струве, ими являлись и кандидатуры Хoremхеба, Рамсеса I и Рамсеса II, поскольку их соответствующие тронные имена — Dsr-hprw-Rc, Mn-phthj-Rc и Wsr-m;ct-Rc-štp-n-Rc — никак не могли в греческой транскрипции преобразоваться в Μενόφρης или Μενόφθης. Мало соответствует подобной трансформации и тронное имя Сети I — Mn-m;ct-Rc. Однако личное имя названного последним фараона — Sthj-mr-n-Pth — без начального Sthj, т. е. Mr-n-Pth, легко могло дать такие греческие именны́е формы, как Αμενόςης, Αμενέφης, Αμενέφθης, а также Μενόφρης, Μενόφθης [541, с. 46].

Для заключительного, предложенного В. В. Струве толкова-

ния происхождения имен Μενόφρης , Μενόφθης препятствием является необходимость допущения выпадения в личном имени Сети I слово Sthj . Однако, по мнению В. В. Струве, в позднем и эллинистическо-римском Египте имя бога Сетха было настолько одиозным, настолько совпадающим с понятием зла, что его предпочитали не упоминать [541, с. 47]. Против последнего объяснения говорит как будто наличие имени Сетха в греческой форме Σέθως в сочинении Иосифа Флавия «Против Апиона» (I, 15), в том месте, где речь явно идет о Рамсесе II ($\text{Σέθως ὁ καὶ Ραμέσσης}$). Противоречит вышеприведенному толкованию и наличие имени Σέθως в списках фараонов, заимствованных из труда Манефона. В. В. Струве нашел, однако, простое объяснение затруднению, возникшему в логической цепочке его доказательства. По его словам, под греческим Σέθως в сочинениях авторов, писавших на греческом языке (т. е. в сочинениях Манефона и Иосифа Флавия), подразумевалось имя не проклятого бога Сетха, а краткое прозвище Рамсеса II, которое звучало как Сеси и по-гречески писалось как Σέσως (Σέθως), а по-коптски — как ⲥⲉⲥⲙⲥ [541, с. 47].

Таким образом, отсутствие упоминания бога Сетха в личном имени фараона Сети I — Sthj-mr-n-Pth , — и преобразование в греческие формы Μενόφρης , Μενόφθης лишь древнеегипетского сочетания Mr-n-Pth , также относящегося к Сети I, является вполне естественным и закономерным. В итоге, по мнению В. В. Струве, получается, что в эре «от Менофреоса» логично видеть упоминание фараона Сети I, в царствование которого в 1322 (1318) г. до н. э. произошло очередное начало периода Сотиса. Вывод В. В. Струве был позднее поддержан К. Зете [519, с. 1—7] и Э. Горнунгом [317, с. 61—62]. Соглашаясь с мнением В. В. Струве, К. Зете попытался привести некоторые текстуальные материалы в пользу идентификации имени «Менофреос» с фараоном Сети I, в царствование которого якобы были окончательно ликвидированы последствия религиозной реформы Эхнатона, что и могло побудить начать отсчитывать новую эру — эру «Возрождения».

Против соображений К. Зете выступил Я. Черны [173], предложивший сопоставлять имя «Менофреос» с Рамсесом I, чье тронное имя звучало как Mn-phthj-Rc . Доводы Я. Черны были, однако, подвергнуты критике в статье Ю. фон Бекерата [115, с. 5—9], указавшего на то, что фонетически Mn-phthj-Rc никак не могло дать греческое «Менофреос». По мнению Ю. фон Бекерата, в данном случае следует подразумевать сына Рамсеса II, фараона Мернептаха, одно из имен которого в греческих списках звучало как Λμενώφης , Λμενώφθης или Λμενόφας . С выпадением первичного «А» могло образоваться имя Μενώφθης , близкое к «Менофреосу» Теона. Конечно, датировка начала очередного периода Сотиса временем царствования Мернептаха была ошибкой [Мернептах стал править, несомненно, значи-

тельно позднее 1321 (1322) г.]. Однако в данном случае эту ошибку совершил не Теон, а те греческие авторы, на указания которых он опирался. В заключение Ю. фон Бекерат в своей статье справедливо подчеркивает, что эра «от Менофреоса» не может дать никакого указания на то, следует ли относить начало царствования Рамсеса II к 1304 г. до н. э. или к 1290 г. до н. э. Полагаем, что обе эти датировки в настоящее время могут считаться одинаково вероятными, более же точное определение абсолютной даты начала царствования Рамсеса II просто невозможно, несмотря на все попытки, которые делались в этом направлении¹¹.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНИЯ РАМСЕСА II

О продолжительности царствования Рамсеса II (не считая времени его соправления с Сети I) сообщает абидосская стела от 4-го года правления Рамсеса IV, содержащая следующее обращение последнего к божеству: «Удвой для меня продолжительность срока жизни и прекрасное царствование Усермаатра Сетепенра, великого бога, так как посмотри на количество полезных вещей, которые я сделал для твоего храма с целью обеспечить тебя божественными приношениями и для того, чтобы отыскать каждую радостную и каждую полезную вещь, дабы их давали в твоём храмовом дворе на протяжении этих четырех лет; оно (т. е. содеянное) более велико, чем то, что Усермаатра Сетепенра, великий бог, сотворил для тебя на протяжении своих 67 лет» [388, табл. 34—35, стк. 21—23]. Переводы данного текста см. [137, т. IV, § 470—471; 499, с. 65; в настоящее время стела находится в Каирском музее (№ 48876)].

Сведения абидосской стелы Рамсеса IV согласуются с данными одной карнакской надписи Рамсеса IV, в которой указывается, что Рамсес II царствовал 66 лет [309, с. 39—40]. О том же сообщает и папирус из Гуроба (фрагмент L) [251, с. 30—32], в котором имеются две датировки: в первой датировке упоминается «1-й месяц (периода) ахет, 18-й день», 67-го года царствования Рамсеса II, а во второй датировке — «2-й месяц (периода) ахет, 19-й день», 1-го года царствования какого-то другого фараона — несомненно, наследника Рамсеса II Мернептаха. Обе датировки разделяет интервал времени в один месяц, и, безусловно, в течение этого месяца на 67-м году самостоятельного царствования и умер Рамсес II [317, с. 95; 499, с. 64]. Вывод этот подтверждает Иосиф Флавий, который в своем труде «Против Апиона» (I, 97), ссылаясь на Манефона, писал, что Рамсес II процарствовал 66 лет и 2 месяца [552, с. 102—103].

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ СТАРШЕМ БРАТЕ И СОПЕРНИКЕ РАМСЕСА II

Несколько десятилетий тому назад Дж. Брэстед попытался развить тезис о том, что Рамсес II имел старшего брата, который и должен был стать преемником своего отца на престоле фараонов. Дж. Брэстед развернул увлекательное повествование о борьбе двух старших сыновей Сети I, борьбе, закончившейся гибелью соперника Рамсеса II. Каковы же аргументы, которыми оперировал Дж. Брэстед при построении своего, несомненно, весьма интригующего предположения? Аргументы эти следующие: на внешней стороне северной стены большого гипостильного зала в Карнаке представлены сцены и надписи, повествующие о военной деятельности Сети I. Здесь особый интерес могут вызвать изображения и тексты, относящиеся к борьбе Сети I с ливийцами. По мнению Дж. Брэстеда, в данной части стены якобы сохранились наложенные друг на друга изображения двух сыновей Сети I, из которых один стал потом фараоном Рамсесом II. По словам Дж. Брэстеда, историческое значение этих изображений заключается в указании, что первенец Сети I не был его наследником Рамсесом, т. е. Рамсес II имел старшего брата, который не завладел троном [137, т. III, с. 62; 140, с. 130—139]. По мнению Дж. Брэстеда, старший сын Сети I вставил свое изображение по правую сторону от сцены битвы с ливийцами и по правую сторону от сцены возвращения Сети I в Египет. Впоследствии Рамсес II повелел стереть обе фигуры своего старшего брата и начертать свою собственную в сцене возвращения отца таким образом, как будто он (Рамсес II) принимал участие в борьбе с ливийцами. Кроме того, по словам Дж. Брэстеда, имеются следы подобной же подстановки и в верхней части стены на нескольких изолированных блоках с северной стороны, содержащих изображение захвата Сети I города Кадеш на Оронте. Все это позволило Дж. Брэстеду утверждать, что Рамсес II не принимал участия в битвах своего отца, который не предполагал сделать Рамсеса II своим наследником. По мнению Дж. Брэстеда, Рамсес II не взошел на трон еще ребенком в качестве соправителя. Утверждение же надписи из Абидоса и надписи на кубанской стеле о назначении Рамсеса II еще при жизни Сети I его наследником или соправителем, согласно предположению Дж. Брэстеда, было скорее всего фикцией [137, т. III, с. 59—62, 65, 71, 104, § 123, 129—131, 251, 283, фиг. 3—4; 140, с. 130—139].

Подробно толкование предыстории царствования Рамсеса II Дж. Брэстед изложил в своем капитальном труде, посвященном истории древнего Египта [25, т. II, с. 99—100]. Нужно, однако, сразу отметить, что интригующая историческая конструкция Дж. Брэстеда была поставлена под сомнение еще Эд. Мейером [406, с. 456, примеч. 2]. Ведь в карнакских сценах, повествующих о борьбе Сети I с ливийцами, изображение какого-то

персонажа, сопровождающего Сети I, сохранилось очень плохо, и нужно было обладать большой фантазией, чтобы на столь шаткой основе развить увлекательную гипотезу о борьбе двух сыновей Сети I за власть. Впоследствии в результате тщательных эпиграфических обследований надписей Сети I в Карнаке было установлено, что Рамсес II вообще не имел старшего брата, а в качестве сопровождающего Сети I в походе был изображен «начальник лучников» (Is pd.t) и «носитель опахала» по имени Мехи [425, с. 60—61; 529, с. 275—278].

СОПРАВЛЕНИЕ РАМСЕСА II С СЕТИ I

Первым по времени документом, сообщаемым о соправлении Рамсеса II со своим отцом, является посвятельная надпись из Абидоса, датируемая 1-м годом самостоятельного царствования сына Сети I [137, т. III, § 251—281; 257, 344, т. II, вып. 6, 1971, с. 323—336; 388, табл. 6; 463, т. III, 3; 506, с. 26—27]. В этой надписи Рамсес II утверждает следующее: «Когда мой отец появился перед народом, я был ребенком, находящимся между его рук. Сказал он обо мне: „Коронуем его как царя, (чтобы) видел я красоту его, пока живу“. Повелел он, чтобы объявили находящимся во внутренних покоях дворца относительно возложения двойной короны на мою голову. „Поместим для него корону на его голову“, — сказал он относительно меня в то время, когда был он (Сети I.— И. С.) на земле» [344, т. II, вып. 6, 1971, с. 327—329, стк. 49—50].

О большой власти Рамсеса II в детские годы при жизни Сети I утверждает и текст стелы из Кубана, относящейся к 3-му году независимого правления Рамсеса II [137, т. III, § 282—298; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356; 491, с. 30; 506, с. 27, 543]: «Каждое дело проходило через твои уши с того времени, как ты руководил этой страной. Управлял ты еще тогда, когда был в яйце в твоём статусе ребенка и наследного царевича. Сообщали тебе о делах обеих земель, когда ты был еще мальчиком с локоном. Не было памятника, который возникал бы без твоего наблюдения. Не было поручения, о котором ты бы не знал. Ты стал „верховными устами“ войска, когда ты был еще мальчиком десяти лет» [344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356, стк. 1—7]¹².

Как показал К. Зееле, время соправления Рамсеса II с Сети I может устанавливаться в результате анализа храмовых текстов и изображений, в которых сохранились следы совместной деятельности обоих правителей.

Дело в том, что для надписей Сети I характерна техника высокого, выпуклого рельефа, а для надписей Рамсеса II — техника глубокого, врезного рельефа. В период соправления Рамсеса II также использовался высокий, выпуклый рельеф, который впоследствии, когда Рамсес II стал царствовать самостоятельно, был переделан на любимый им глубокий, врезной

рельеф. Этот рельеф использовался и в конце периода соправления. Другим отличительным признаком времени соправления Рамсеса II с Сети I, на который обратил внимание К. Зееле, был характер тронного имени Рамсеса II, фиксируемого в надписях в период соправления в своей краткой форме — Усермаатра (Wsr-m; c.t-Rc) (иногда с некоторыми дополнительными эпитетами), а с началом самостоятельного правления Рамсеса II — в полной, развернутой форме — Усермаатра Сетепенра (Wsr-m; c.t-Rc Stp-n-Rc) [506]. Впоследствии выводы К. Зееле по конкретным текстам и изображениям в различных храмах, связанные с их датировкой, были уточнены В. Марнейном [425, с. 80—87; 426].

К сожалению, нет точных данных ни о длительности периода соправления, ни о том, в какой год царствования Сети I оно началось.

Как полагал К. Зееле, соправление продолжалось около десяти лет, и, следовательно, оно должно было начаться в самые первые годы царствования Сети I [506, с. 29]. Дж. Д. Шмидт пришел к выводу, что соправление было провозглашено в 8-й год царствования Сети I и длилось около четырех лет [499, с. 158—160].

По мнению В. Марнейна и А. Спэрлингера, соправление Рамсеса II с Сети I было очень кратковременным, так как продолжалось немногим более одного года, начавшись в конце 9-го года царствования Сети I [425, с. 57—87; 426, с. 189—190; 427, с. 41—43; 529, с. 271, 284—286]. Особо следует отметить, что В. Марнейн поддержал вывод Дж. Д. Шмидта, согласно которому отсчет своего царствования Рамсес II начал вести еще в период соправления с Сети I [425, с. 80—87; 426, с. 188; 499, с. 158—160]. Точка зрения Дж. Д. Шмидта о времени начала Рамсесом II отсчета годов своего царствования не стала общепринятой, и в момент ее выдвижения из египтологов ее разделяли только Е. Дриотон и Ж. Вандье [204, с. 388].

Позднее, когда точку зрения Дж. Д. Шмидта поддержал В. Марнейн, она также не получила всеобщего признания, о чем свидетельствует критика ее А. Спэрлингером [529, с. 284]. Утверждение Дж. Д. Шмидта и В. Марнейна, что Рамсес II, еще будучи соправителем Сети I, уже начал вести отсчет годов своего царствования, нам представляется недоказуемым. Это утверждение, как и вывод о начале соправления в 8-й или 9-й год царствования Сети I, не согласуется с теми данными, которые нам известны о возрасте Рамсеса II, когда он был назначен соправителем. Ведь если соправление Рамсеса II началось, когда ему было 10 лет, а продолжалось оно около четырех или двух лет, то, следовательно, Рамсес II стал править самостоятельно в возрасте всего лишь 14 или 12 лет. Но это совершенно невозможный вывод, особенно если принять во внимание свидетельства текстов и изображений в храме в Бейт эль-Вали [479; 476], которые сообщают о том, что в годы своего

соправления Рамсес II вместе со своими четырьмя старшими сыновьями якобы принял участие в военных действиях в Нубии, которые вел в 8-й год своего царствования Сети I [529, с. 284—285]. Наиболее сильный аргумент Дж. Д. Шмидта, который, по его мнению, должен был обосновать вывод, что Рамсес II начал отсчет своего царствования в 8-й год правления Сети I, также не представляется нам неотразимым. Дж. Д. Шмидт упомянул две синайские стелы в Серабит эль-Кадиме, из которых одна датируется 8-м годом правления Сети I, а другая — 2-м годом царствования Рамсеса II. Поскольку обе стелы были поставлены не только одними и теми же лицами, но и в одном и том же месте, Дж. Д. Шмидт и пришел к выводу, что обе датировки на обеих стелах соответствуют одному и тому же времени и, следовательно, Рамсес II начал отсчет своего царствования еще в период соправления с Сети I [499, с. 158—160; 426, с. 189—190]. По этому поводу мы можем сказать следующее. Сам факт сооружения обеих стел в одном и том же месте одними и теми же лицами еще не может обязательно служить доказательством постановки их в одно и то же время. Вторая стела, датированная 2-м годом царствования Рамсеса II, могла быть воздвигнута и позднее первой, т. е. уже после смерти Сети I и во 2-й год самостоятельного правления Рамсеса II. Если учитывать, что Сети I умер на 11-м году своего царствования¹³, то тогда две синайские стелы — от 8-го года Сети I и 2-го года Рамсеса II — могли быть поставлены совсем через небольшой отрезок времени, всего лишь в пять лет, т. е. в срок вполне приемлемый, когда это могли сделать одни и те же люди в одном и том же месте.

Синайские стелы не могут помочь обосновать и тезис о начале соправления в 8-й год царствования Сети I. На одной из этих стел в верхней части изображены Сети I и Рамсес II, а в тексте упоминаются как Сети I, так и «его царский сын Усермаатра...». Вопреки мнению В. Марнейна, наименование Рамсеса II «его царским сыном» не означает, что Рамсес II еще не был провозглашен соправителем [426, с. 189—190]. Скорее из данной записи следует сделать вывод, что в 8-й год царствования Сети I Рамсес II уже был соправителем, коль скоро он обозначен тронным именем Усермаатра, причем это тронное имя приводится здесь, возможно, в своей краткой форме, характерной для соправления. Во всяком случае, и в этом В. Марнейн прав, синайские стелы, вопреки утверждению Дж. Д. Шмидта, ничего не сообщают о провозглашении Рамсеса II соправителем в 8-й год царствования Сети I, согласно же А. Спэрлингеру, синайские стелы вообще не имеют никакого отношения к проблеме соправления [529, с. 286, примеч. 79].

Обосновывая свое мнение, что Рамсес II был провозглашен соправителем в конце 9-го года царствования Сети I, В. Марнейн ссылается прежде всего на одну стелу Сети I из Асуана, датированную 9-м годом его правления, в которой Рамсес II

упоминается всего лишь в качестве старшего сына Сети I, но не как его соправитель [295, с. 113—125; 426, с. 190]. По этому поводу, однако, А. Спэрлингер справедливо заметил, что, поскольку данная стела была поставлена от имени Сети I, а не от имени Рамсеса II, в тексте на этой стеле могла подчеркиваться преимущественная позиция Сети I, игнорирующая его соправление с Рамсесом II [529, с. 282].

Решать проблему начала периода соправления и его длительности невозможно без учета данных текстов и изображений в храме в Бейт эль-Вали, в которых имеются точные указания на наличие у Рамсеса II в период строительства этого храма четырех сыновей, якобы достаточно взрослых для того, чтобы принимать участие в военных действиях, которые вел в Нубии Сети I в 8-й год своего правления (по общему мнению, храм был построен Рамсесом II в период его соправления в 9-й год царствования Сети I). В. Марнейн совершенно не затронул эту проблему, а А. Спэрлингер предложил такое ее решение, которое может вызвать только недоумение: «Как мы можем заключить, Рамсес II был зачислен в войско в раннем возрасте в ранге командира, и он должен был быть рожден до восшествия Сети I на престол. К восьмому (году Сети I.— И. С.) — времени нубийской войны — он был достаточно взрослым для того, чтобы породить четырех детей, и, следуя за свидетельством стелы из Кубана... ему было по крайней мере десять лет от роду. Впоследствии он был коронован как царь» [529, с. 283]. Десятилетний мальчик, конечно, не мог бы иметь четырех сыновей, и притом настолько великовозрастных, чтобы они вместе с ним могли принимать участие в войне, которую вел в Нубии их дедушка Сети I.

Загадку надписей и изображений храма в Бейт эль-Вали можно объяснить следующим образом. После войны в Нубии, которую вел Сети I в 8-й год своего царствования, Рамсес II был назначен в 9-й год правления Сети I не соправителем своего отца, а всего лишь ответственным за строительство пещерного храма в Бейт эль-Вали. Если считать, что десятилетним мальчиком Рамсес II был провозглашен соправителем уже в 1-й год правления Сети I, то тогда в 9-й год царствования Сети I Рамсесу II должно было быть 19 лет. В этом возрасте он, конечно, уже мог иметь четырех сыновей, старшему из которых могло бы быть около шести лет. Конечно, малые дети не принимали участия в нубийской войне, но, поскольку их отец Рамсес II руководил строительством храма в Бейт эль-Вали, он распорядился изобразить их как участников нубийской кампании Сети I.

Итак, только возврат к выводу К. Зееле о длительном, десятилетнем периоде соправления, начавшемся в самые первые годы царствования Сети I, позволяет достаточно хорошо разрешить очень сложную проблему. В год смерти Сети I Рамсесу II, как мы полагаем, было около 21 года (считая, что соправление продолжалось в течение всех 11 лет царствования

Сети I). Если в качестве самостоятельного правителя Рамсес II царствовал более 66 лет, то, следовательно, умер он на 88-м году жизни¹⁴.

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАМСЕСА II В АЗИИ (ВОЙНЫ СЕТИ I)

Первые два десятилетия своего царствования Рамсес II вел упорную борьбу в Азии с хеттским царем Муваталлисом, стремясь укрепить господство Египта в Палестине, Финикии, Сирии. Находимые по всему Египту и Нубии изображения и тексты, начертанные на стенах храмов, повествуют о доблести Рамсеса II как фараона-воина и о его многочисленных победах. Перед своими современниками и потомками Рамсес II хотел предстать в качестве великого завоевателя. Насколько эти претензии были оправданны, мы постараемся показать ниже. Однако не подлежит сомнению, что Рамсес II в течение многих лет совершал регулярные походы в страны Азии, заставив их вновь почувствовать военную мощь египетской державы.

Военная политика Рамсеса II в Азии была направлена на достижение тех же целей, что и политика его отца Сети I, и поэтому освещение военных акций последнего представляет несомненный интерес (о войнах Сети I см. [228, с. 34—39; 303, с. 189—194; 406, с. 449—456; 528]).

Предварительно скажем несколько слов о международной обстановке того времени.

В правление Эйи, после убийства в Египте хеттского царевича, сына Суппилулиумаса, которого вдова Тутанхамона хотела взять в супруги и сделать фараоном [285, с. 94—110; 303, с. 186; 346, с. 48], в Южной Сирии, в районе Амка [500], встретились хеттское и египетское войско. Во главе египетского войска стоял Хoremхeб. Начавшееся сражение закончилось безрезультатно, так как от египетских пленных в хеттском войске распространилась эпидемия чумы, от которой вскоре погиб и хеттский царь Суппилулиумас, что, однако, не изменило неблагоприятную для Египта обстановку в Азии. Вся Северная Сирия, включая долину Оронта, вместе с княжеством Кадеш, оказалась в сфере влияния хеттов. Египетская провинция в Южной Сирии (без Кадеша) и Ханаан (Палестина) остались за Египтом, однако и в этих районах было очень неспокойно, поскольку постоянные мятежи отдельных вассальных правителей, действовавших в союзе с так называемыми хапиру, делали власть Египта крайне непрочно. Таким образом, огромные завоевания Тутмоса I, Тутмоса III, Аменхотепа II были практически к концу эпохи XVIII династии сведены на нет, и фараонам новой, XIX династии пришлось начинать все сначала.

Как писал Р. О. Фолкнер [228, с. 34—39], после смерти Эхнатона, при Тутанхамоне, будущий фараон Хoremхeб, согласно его надписи, совершил военную экспедицию в Палестину.

ну, «охраняя ноги своего господина на поле битвы в день избиения азиатов». Сам Тутанхамон на раскрашенном ларце из его гробницы представлен устремляющимся на колеснице против врага — семита. Правитель Нубии — «царский сын Куша» Хеви сообщает о принесении Тутанхамону даров Куша и Азии [189, табл. 19]. Очень сомнительно, однако, чтобы в это время какая-либо значительная территория в Азии была вновь подчинена Египтом. После своего воцарения Хоремхем был полностью занят установлением порядка в долине Нила и лишь одну несомненную экспедицию предпринял в Куш для подавления мятежа [382, т. III, с. 120 и сл.; 137, т. III, с. 41 и сл.]. Список покоренных народов, представленный в Карнаке Хоремхемом, включающий и царство хеттов, явно фиктивен, так как в это время Египет не мог совершить значительный военный поход в Азию и, бесспорно, не вступал в непосредственное столкновение с хеттами. Возможно, в данном случае Хоремхем как бы подводил итог своей деятельности в качестве военачальника при Тутанхамоне.

Преемник Хоремхеба — Рамсес I при вступлении на престол был уже старым человеком, однако его сын Сети I, еще будучи соправителем своего отца, готовился к восстановлению владычества Египта в Азии. Став фараоном, Сети I осуществил свой замысел, предприняв ряд походов, сведения о которых дают тексты и изображения на внешней стороне северной стены большого гипостильного зала в Карнакском храме, представляющие собой три регистра, в которых рассказывается о битвах, покорении чужеземных вождей, триумфальном возвращении Сети I в Египет и принесении пленных в жертву Амуноу [137, т. III, с. 80; 577, табл. 34 и сл.]. Как установил Дж. Брэстед, здесь суммируются сведения о нескольких военных походах, хотя упоминается только один — в 1-й год царствования Сети I [137, т. III, с. 39]. Художник, по-видимому, стремился представить походы Сети I в хронологическом порядке, начиная с нижнего регистра, слева от дверного проема, который разделяет северную стену гипостильного зала Карнакского храма примерно на две равные половины (по обе стороны от дверного проема изображены сцены избиения пленных перед Амуном). В нижнем регистре, слева от дверного проема, под 1-м годом правления Сети I содержатся сведения о покорении племен кочевников-шасу [266] и опустошении города (?) Канаана. В средней части вышерасположенного регистра речь идет о захвате Иеноама, который был осуществлен, согласно данным стелы из Бейт-Шеана, также в 1-й год царствования Сети I. Здесь же говорится о подчинении правителей Ливана. Если, согласно Дж. Брэстеду [137, т. III, с. 40], Сети I повторял военные планы Тутмоса III, то тогда разрушенная часть верхнего левого регистра должна была, по мнению Р. О. Фолкнера, свидетельствовать о покорении аморитских морских портов в Северной Сирии, наиболее важным из которых была Симира, так как ее

захват отрезал город Кадеш на Оронте от поступления военных подкреплений и припасов. Подобная точка зрения Р. О. Фолкнера подтверждается тем фактом, что надписи Сети I неоднократно упоминают города Симиру и Уллазу. По правую сторону от дверного проема, на северной стене гипостильного зала Карнакского храма, помимо сцен принесения пленных в жертву Амуну в верхнем правом регистре говорится о захвате Кадеша на Оронте. (Падение Кадеша было необходимым условием для проникновения египетских войск на просторы Северной Сирии.) Средняя часть правого регистра посвящена борьбе с ливийцами, а его нижняя часть говорит о победе Сети I над хеттами. Таким образом, если анализировать надписи и изображения, сгруппированные в три регистра на северной стене большого гипостильного зала Карнакского храма в том порядке, в котором предложил их рассматривать Р. О. Фолкнер — с нижнего регистра к верхнему регистру (слева от дверного проема) и с верхнего регистра к нижнему регистру (справа от дверного проема), то тогда все военные эпизоды, за исключением борьбы с ливийцами, окажутся расположенными в логически обусловленной последовательности, отражающей стремление Сети I покорить Северную Сирию. (Анализ карнакских военных сцен Сети I осуществил А. Спэрлингер; см. [528; 529, с. 277—279].)

Итак, в I-й год своего царствования Сети I совершил военную акцию против племен кочевников шасу в Южной Палестине и захватил дорогу вдоль северного побережья Синайского полуострова. Вдоль этой дороги были приведены в надлежащее состояние колодцы с устроенными для их охраны военными постами [237, с. 19 и сл., табл. II, 12]. Многие из этих постов были названы именем Сети I. Покорив племена шасу и захватив города Рафу и Канаан (Газу?) [237, с. 104; 577, табл. 39], Сети I прошел через приморскую равнину Южной Палестины. Однако это не явилось пределом его продвижения в Азии, поскольку раскопки в Бейт-Шеане обнаружили стелу, датированную I-м годом правления Сети I, в которой сообщается о следующем: «В этот день пришли сказать его величеству, что подлый враг, который был в городе Хамате, собрал для себя много людей и захватил город Бейт-Шеан, заключив союз с (городом) Пеллой, и он не позволил правителю Рехоба выйти наружу. И Его Величество послал первое войско Амуна, могучего луками, к городу Хамату, и первое войско Ра, богатого доблестями, к городу Бейт-Шеану, и первое войско Сутеха, победоносного луками, к городу Иеноаму. И это пришло к завершению в течение одного дня — то, что они (города) пали из-за мощи его величества, царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра, сына Ра, Сети Мернептаха, которому дана жизнь» [228, с. 36]. (В настоящее время стела Сети I из Бейт-Шеана хранится в музее Иерусалима, № 885; см. [278].)

По мнению Р. О. Фолкнера, надпись на стеле из Бейт-Шеана указывает на то, что египетское войско под водительством

Сети I после сокрушения города (?) Канаана проникло на просторы равнины Иизреэля. Крепость Мегиддо не оказала сопротивления продвижению египетских войск, и, очевидно, город Бейт-Шеан, как и менее крупный город Рехоб, поддержал египтян. Согласно надписи стелы из Бейт-Шеана, продвижение войск Сети I к городам Бейт-Шеан, Хамат и Иеноам было осуществлено одновременно. Город Хамат, о котором идет речь в надписи на стеле из Бейт-Шеана, находился на берегу Галилейского озера (или несколько южнее, у начала долины Ярмука. Данный Хамат не следует смешивать с городом Хамат на р. Оронт, в 70 км вниз по течению от Кадеша). В надписи на стеле из Бейт-Шеана ничего не говорится о попытках освободить Рехоб, который располагался в долине Иизреэля, недалеко от Бейт-Шеана и р. Иордан. Ничего не сообщается в надписи на стеле из Бейт-Шеана также о продвижении в сторону города Пелла, находившегося к юго-востоку от Бейт-Шеана. Этот город, однако, несомненно, покорился Сети I перед его возвращением в Египет, поскольку данное название встречается в списке подчиненных местностей, начертанных на сфинксе из заупокойного храма Сети I в Курна [382, т. III, с. 131, а; 137, т. II, с. 114]. (Сети I поставил стелу в Телль эс-Шихабе, в Хауране, в 35 км восточнее Галилейского озера [228, с. 36].) По-видимому, в первом военном походе египтяне захватили и морские порты Акра и Тир, как об этом сообщается в перечне на сфинксе из Курна. Захват Иеноама, ливанского (?) города Гадер [577, табл. 34 и сл.] и подчинение правителей Ливана явились главными успехами Сети I, достигнутыми в первом военном походе в Азию, после чего фараон триумфатором вернулся в Египет [228, с. 37; 237, табл. 11; 406, с. 434, примеч. 1]. Интересно отметить, что надпись на стеле из Бейт-Шеана дает возможность получить некоторое представление о структуре египетского войска во времена Сети I, поскольку здесь впервые упоминаются крупные военные подразделения, названные по имени основных богов Египта — Амуна, Ра и Сутеха (Сетха). Эти подразделения характеризуются как «первые», из чего позволительно предположить существование и «вторых» подразделений, возможно, как думал Р. О. Фолкнер, резерва, находящегося в Египте [228, с. 37]. (Об организации египетского войска в эпоху Нового царства см. [68, с. 141—150; 226; 503].)

Записи о втором военном походе Сети I в Карнаке отсутствуют, поскольку они занимали верхнюю, разрушенную часть левого регистра на северной стене гипостильного зала. Однако факт наличия в перечне покоренных местностей на сфинксе из Курна городов Симиры и Уллазы позволяет предполагать, что в утраченных сценах и записях в Карнаке речь шла о завоевании части аморитского побережья с главным портом Симирой. Захват Кадеша на Оронте, который был осуществлен во время третьего военного похода, зафиксирован в записях и сценах сохранившейся части верхнего правого регистра на север-

ной стене гипостильного зала Карнакского храма [577, табл. 53].

М. Пезард открыл в Кадеше на Оронте стелу, согласно которой Сети I овладел этим важным городом, открывавшим путь в Северную Сирию. Тем самым было опровергнуто предположение Эд. Мейера и Дж. Брэстеда, что Сети I покорил лишь Кадеш галилейский [137, т. III, с. 71; 406, с. 451]. Как говорится в надписи в Карнаке, сопровождающей изображение крепости Кадеш, в данном случае имеется в виду «поднятие, которое совершил фараон для того, чтобы разрушить страну Кадеш и страну Amor». Следовательно, захват Кадеша на Оронте и подчинение «страны Amor» были осуществлены во время одного военного похода. Поскольку сцена овладения Кадешем на Оронте представлена на краю северной стены гипостильного зала Карнакского храма, в наибольшем отдалении от центрального дверного проема, постольку, полагал Р. О. Фолкнер, Кадеш был крайним северным географическим пунктом, до которого дошло тогда египетское войско Сети I [137, т. III, с. 80; 228; 237, с. 99].

В записи на сфинксе из Курна Сети I упоминает страну Тахси, южная граница которой пролегла недалеко от Дамаска. Эд. Мейер во временном плане относил военный поход Сети I, в котором был захвачен Кадеш на Оронте, непосредственно за столкновением с хеттами. Нет, однако, никаких доказательств того, что сфера влияния царства хеттов при Сети I пролегла южнее Кадеша. В амарнский период долина к югу от Кадеша находилась в районе египетского подчинения. План Сети I форсировать успех при Кадеше на Оронте был ликвидирован вторжением в дельту Нила ливийцев. По этой причине четвертый военный поход Сети I, зафиксированный в центральном правом регистре записей и сцен, изображенных на северной стене гипостильного зала в Карнаке, был посвящен ликвидации в двух сражениях угрозы Египту с запада [137, т. III, с. 120 и сл.]. Дж. Брэстед склонялся к тому, чтобы отнести борьбу Сети I с ливийцами ко 2-му году его царствования, полагая, что это произошло перед вторым азиатским походом [137, т. III, с. 120]. Тот факт, однако, что в Карнаке борьба с ливийцами изображена после захвата Кадеша на Оронте и перед победой над хеттами, указывает скорее на пресечение ливийской опасности в промежуток времени между двумя этими событиями. В своем последнем военном походе Сети I встретился с хеттами и разгромил их, захватив пленных и добычу [137, т. III, с. 142 и сл.]. Неизвестно, где произошла эта битва, но, по-видимому, это случилось к северу от Кадеша на Оронте.

Победа Сети I, однако, не была решающей. Она не нанесла существенного ущерба хеттской державе. Хотя на время египетский контроль и распространился на часть Северной Сирии, включавшую города Катну и Тунип, о чем сообщают записи Сети I, несомненно, к концу своего правления Сети I потерял все свои северные завоевания. Неудачи Египта не нашли отражения на северной стене гипостильного зала Карнакского

храма, однако весьма показательно, что Рамсесу II уже в первом военном походе пришлось брать город Берит. Конечным результатом войн, которые вел Сети I, было установление в Азии северной границы египетского влияния, которая проходила приблизительно от устья р. Эль-Литани на восток, оставляя в руках египтян города Тир, Мегиддо и Бейт-Шеан, использованные, возможно, в качестве военных постов. Совершив максимум осуществимого, Сети I заключил мирный договор с хеттским царем Муваталлисом [193, с. 129] и больше не вел никаких войн¹⁵. Хотя Сети I не удалось восстановить владения Египта в Азии в том объеме, в котором они были во времена Тутмоса III и Аменхотепа III, отец Рамсеса II все же преуспел в распространении египетского авторитета на всю Палестину и, возможно, на часть Южной Сирии. В результате в Азии установилось равновесие сил между Египтом и хеттами, и, по мнению Р. О. Фолкнера, для обеих держав было бы благом, если бы Рамсес II признал этот факт [228, с. 39]. В своих надписях Сети I говорит о подчинении стран Хета, Нахарина, Алашия (Кипр), однако всерьез принимать эти отчеты, конечно, нельзя. Правдой было лишь то, что Сети I один раз одержал победу над хеттами и на какое-то время захватил контроль над владениями союзников хеттов в Северной Сирии.

ВОЙНЫ РАМСЕСА II В АЗИИ

К концу правления Сети I его завоевания в Северной и Южной Сирии были потеряны. Кадеш на Оронте попал в сферу влияния хеттов. Соглашение Сети I с Муваталлисом оказалось кратковременным перемирием. Сын Сети I — Рамсес II продолжил политику своего отца в Азии, в течение многих лет ведя упорную борьбу с могущественной державой хеттов¹⁶. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы стало прославленное в египетских памятниках сражение под стенами Кадеша на Оронте, происшедшее в 5-й год царствования Рамсеса II, во время его второго азиатского похода. Наследник Сети I был вынужден вновь укреплять пошатнувшееся влияние Египта в Палестине и на средиземноморском побережье Финикии, с тем чтобы обеспечить себе тыл для дальнейшей борьбы с хеттами за обладание Сирией. Основным препятствием для проникновения египетского войска на просторы союзной с хеттами Сирии, как и при Сети I, стал город Кадеш на Оронте, где и разгорелась знаменитая битва между войском Рамсеса II и объединенными силами возглавленной хеттами обширной коалиции сирийских вассалов Муваталлиса.

Насколько можно судить, опираясь на свидетельства сохранившихся источников, Рамсес II совершил несколько походов в Азию. Первый из них датируется 4-м годом царствования Рамсеса II, о чем говорится в надписи на так называемой сред-

ней стеле, поставленной Рамсесом II у р. Эль-Кельб (Собачень реки), к северу от Берита [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 1; 345, с. 68, примеч. 1; 382, т. III, с. 197, в; 463, т. III, с. 385]. По-видимому, в данном случае Рамсес II (как когда-то и Сети I) стремился подчинить морское побережье Палестины и Финикии в качестве необходимой предпосылки дальнейшего успешного ведения борьбы с хеттами.

Второй поход Рамсеса II завершился (в 5-й год его царствования) наиболее хорошо освещенной египетскими памятниками битвой под стенами Кадеша на Оронте. (Об этом сражении мы будем говорить особо.)

Как засвидетельствовано на западной стороне пилона в Рамессеуме [303, с. 219—220; 345, с. 68, примеч. 4; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149; 577, табл. 90—91], в 8-й год правления Рамсеса II военные действия происходили в Палестине, Финикии и Сирии. Рамсесу II удалось осадить и взять штурмом город Дапур в Северной Сирии (в «стране Amor»), а также ряд городов в Северной Палестине.

В 10-й год царствования Рамсес II вновь вторгся в Финикию, на что указывает поставленная им у р. Эль-Кельб южная стела [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 149; 345, с. 68, примеч. 5; 382, т. III, с. 197, с; 463, т. VII, с. 385]. (У р. Эль-Кельб имеется еще северная стела, поставленная Рамсесом II, но ее текст полностью разрушен [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 1].) В это же время Рамсес II совершил военный поход в Северную Сирию, о чем сообщают серии рельефов в Карнаке и Луксоре и другие памятники [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149, 152—175, 183—186, 192, т. II, вып. 5, 1971, с. 288; 345, с. 68, примеч. 6—8; 463, т. II, с. 23—24 (66—73), 108—109 (117—125); 577, табл. 54—56а, 65—80]. В Северной Сирии был захвачен город Тунип.

По-видимому, в период борьбы Рамсеса II в Сирии или несколько позже произошли какие-то смуты в Палестине. Недатированная сцена в Карнаке изображает подчинение города Ашкелона [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 150; 345, с. 68, примеч. 9; 577, табл. 58].

В 18-й год своего правления Рамсес II был в Палестине, в районе Бейт-Шеана, о чем свидетельствует обнаруженная здесь базальтовая стела, находящаяся в настоящее время в музее Филадельфийского университета [177, с. 75—82; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 150—151; 345, с. 68, примеч. 10; 463, т. VII, с. 379; 469, с. 255, в; 483, табл. 46]. (В Бейт-Шеане были обнаружены развалины египетской крепости и храма, относящихся ко времени Рамсеса II.)

В период между 11-м и 20-м годами своего правления Рамсес II был занят укреплением египетского господства в Палестине. В это же время его войско проникало в Заиорданье (в Эдом и Моав) [345, с. 69]. В 21-й год правления Рамсеса II был заключен мирный договор с хеттами.

По мнению Д. Шмидта [499, с. 98], наибольшая активная военная деятельность Рамсеса II в Азии наблюдалась в первом десятилетии его царствования. Совершал ли Рамсес II походы в Азию в течение двух лет после Кадешского сражения, остается неизвестным. Однако в 8-й год своего правления Рамсес II, как мы уже говорили, снова был в Палестине, Финикии и Сирии [330; 334, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149]. В Рамессеуме на первом пилоне сохранились изображения городов, захваченных Рамсесом II [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149] и снабженных припиской: «Город, который его величество захватил в 8-й год царствования». О деятельности Рамсеса II в Палестине свидетельствует изображение в Карнаке (рядом с текстом мирного договора с Хаттусилисом III) захвата города Ашкелона. Д. Шмидт в данной связи предполагает, что в тот момент в Египте и в Палестине произошли какие-то смуты, в определенной степени подтолкнувшие Рамсеса II на заключение мирного договора с хеттами [499, с. 178]. Во всяком случае, имеются неоспоримые свидетельства о вторжении египтян в Палестину и в Заиорданье после 10-го года царствования Рамсеса II.

К. А. Китчен тщательно проанализировал материалы о военных походах Рамсеса II в Заиорданье [345, с. 47—70]. Материалы эти представляют несомненный интерес, так как затрагивают малоисследованную проблему, и по этой причине заслуживают специального рассмотрения. В конце прошлого века Э. Барэз произвел обследование внешней стороны северного конца восточной стены большого двора Рамсеса II в Луксорском храме. При обследовании были обнаружены сцены военных действий в Азии и сопутствующие надписи, опубликованные еще в 1922 г. Ш. Куэнтцем [345, с. 47, примеч. 2]. К. А. Китчен дал новое воспроизведение и толкование надписей из Луксора, что позволяет представить район Заиорданья, в который не раз вторгалось войско Рамсеса II. Выделить в данном случае в первую очередь следует надписи, сообщающие о захваченных египтянами городах.

Надписи эти следующие: «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., в стране Моав, B(w)trt». «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., Sbdn» [345, с. 50]. «Город, который разграбила [могучая рука] фараона, ж.н.з., Yn(?)d... в горах Mgrn». «Г[ород, который] [разграбила] могучая рука фараона, ж.н.з., Tbnlw». «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., D...tdniwr» [345, с. 53]. «Город, который... разграбила... p; [...]k/r-d» [345, с. 56]. «Город, который разграбил его величество, Krtup» [345, с. 57]. «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., I[r]k» [345, с. 60].

Итак, в надписях, приведенных выше, упоминаются следующие города и территории: Моав. B(w)trt. Šbdn, Yn(?)d... в го-

рах Mггп, Tбпlw, D...tdniwr, p; [...]k/r-d, Kгmyn, I[p]k. По мнению К. А. Китчена, территория Моава зафиксирована употребленным термином Mwlb, что же касается города B(w)trt, то его локализация в Моаве установлена. Город Sbdn — это Шабтуна, известная по текстам, описывающим битву при Кадеше на Оронте. Город Yn(?)d... в горах Mггп нигде более в источниках не упоминается, но можно полагать, что, подобно B(w)trt, Yn(?)d... в горах Mггп также находился в Моаве. Tбпlw — это хорошо известный по Библии моавитский город Дибон, или Дэбон [современный Дибан (Dhibān)]. D...tdniwr, а точнее, [Dt-]dniwr, или [Drt-]dniwr, — город неизвестного местонахождения. Иаименование местности p; [...]k/r-d и города Kгmyn К. А. Китчен не расшифровывает.

Город I[p]k обычно встречается в списках рядом с городом Kгmyn, в частности в текстах Рамсеса II, помещенных в большом гипостильном зале в Карнаке [345, с. 61, 63]. (Тексты Рамсеса II в Карнаке в отличие от надписей Сети I, по мнению К. А. Китчена, аморфны и не могут быть точно «привязаны» к какому-либо определенному военному походу.) На восточной стене большого двора Луксорского храма и в карнакских текстах города Kгmyn и I[p]k занимают верхний регистр соответствующих надписей, в то время как город Sbdn-Шабтуна — нижний регистр [345, с. 63]. Город Дибон находится немного к северу от р. Арнон и на восток от Мертвого моря. Труднее локализовать город B(w)trt. Возможно, как предполагает К. А. Китчен, он соответствует пункту Раба-батора, в 92 км к югу от Аммана [345, с. 64]. Город Yn(?)d... в горах Mггп скорее всего находился на отрогах моавского плато, западнее дороги, протянувшейся с севера на юг вдоль восточного берега Мертвого моря [345, с. 65]. Войско Рамсеса II проникло в Заиорданье севернее р. Арнон, захватило Дибон и вторглось на моавское плато, между Арноном и р. Зеред. Возможно, что движение египетского войска осуществлялось мимо Гезера, в направлении Айлонской долины, через холмы Иудеи и р. Иордан, к северо-восточному берегу Мертвого моря [345, с. 65—66].

Рамсес II претендовал также на захват территории Эдома, о чем сообщает стела, поставленная в восточной дельте Нила, в Телль эр-Ратабе: «Совершение великого избиения в стране шасу. Он разграбил их холмы. Избиение их (людей) и застройка (вновь?) городами, носящими его имя» [241, с. 267, примеч. 1; 243, с. 89, примеч. 1; 345, с. 66; 454, табл. 28, 32]. На одном обелиске из Таниса о Рамсесе II сказано, что он «ужасный, свирепствующий лев, который разграбил страну шасу, который опустошил гору Сеир своей доблестной рукой» [345, с. 66]. Страна кочевников-шасу сопоставляется здесь с горой Сеир, расположенной в Эдоме, и, таким образом, активность Рамсеса II в Эдоме, как и в Моаве, несомненна. К. А. Китчен поднимает вопрос о том, подчинил Рамсес II Моав и Эдом в

течение одного похода или двух. Дать определенный ответ на подобный вопрос в настоящее время не представляется возможным. Если Моав и Эдом были покорены в течение одного похода, то тогда К. А. Китчен предполагает движение египетского войска на восток, через Палестину и Иордан, в Моав, а затем на юг, в Эдом. Если же Моав и Эдом были подчинены Рамсесом II в результате двух военных экспедиций, то тогда можно представить себе северный путь египетского войска через Палестину и Иордан в Моав и южный путь — в Эдом [345, с. 67].

Как мы уже отмечали, К. А. Китчен предполагает военную активность египтян в Палестине и в Заиорданье, в Моаве и Эдоме в период между 11-м и 20-м годами царствования Рамсеса II [345, с. 69]. Как об этом засвидетельствовано стелой в Телль эс-Шихабе, Северное Заиорданье при Сети I было подчинено Египту [345, с. 69, примеч. 5]. Сети I вел борьбу и с племенами шасу, которые поднимали волнения и угрожали Египту в обширном районе от Силе (на границе восточной Дельты) до Южной Палестины (на Синае, в Негеве, в местности к югу от Мертвого моря и восточнее). Возникновение новых царств Эдома, Моава и Аммона вызвало волнения в Палестине и по обе стороны р. Иордан. Начиная с царствования Рамсеса II Египет поддерживал постоянные контакты с территориями Моава и Эдома [345, с. 69]. Новая информация в данном случае, по мнению К. А. Китчена, может быть добавлена к сообщению Библии о времени проникновения израильтян в Палестину [345, с. 70]. Как утверждает К. А. Китчен, моавитяне сначала заняли не только земли между реками Зеред и Арнон, но и район к северу от Арнона, вплоть до Хесбона на плато Медеба [345, с. 64]. Но аморитский царь из Гилеада по имени Сихон отнял у моавитян плато Медеба, вследствие чего они оказались оттесненными на юг, за р. Арнон. В это же время в Моаве появился новый царь Балак. Во времена Балака израильтяне расположились на восточных границах Эдома и Моава.

По мнению К. А. Китчена, Рамсес II не мог вторгаться в Моав и Эдом после израильского нашествия, поскольку в последнем случае можно было бы ожидать упоминание Израиля в надписях. Рамсеса II [345, с. 70, примеч. 7]. Реалистичнее предполагать, что походы Рамсеса в Моав и Эдом совершались до появления в этом регионе израильтян. Можно, согласно К. А. Китчену, ожидать следующую последовательность событий, происходивших в Моаве и Эдоме. Сначала, во втором десятилетии своего правления, Рамсес II — в ходе одной или двух военных экспедиций — вторгнулся в царства Моав и Эдом, о чем сообщают надписи в большом дворе Луксорского храма. Позднее аморитский царь Сихон захватил моавитскую территорию к северу от Арнона. Новым моавитским царем стал Балак.

Вторжения Рамсеса в Моав и Эдом имели место где-то в первой половине XIII в. до н. э., однако временные промежут-

ки между всеми последующими событиями определить невозможно. Если движение израильтян через Иордан в Палестину произошло во второй половине XIII в. до н. э., то тогда сообщения Рамсеса II о его победах в Заиорданье добавляют некоторые сведения, полезные для лучшего понимания рассматриваемой эпохи.

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ НА ОРОНТЕ

Из всех военных акций Рамсеса II наиболее подробно в египетских памятниках освещена битва под стенами Кадеша на Оронте, происшедшая в 5-й год его царствования, во время второго азиатского похода. На стелах многочисленных храмов описаны и изображены героические деяния молодого фараона, представленного храбрым воином — единственным героем, одержавшим в критических обстоятельствах победу над многочисленными войсками хеттского царя Муваталлиса и его сирийских союзников. Первым издателем, переводчиком и толкователем текстов, посвященных Кадешскому сражению, был Дж. Брэстед [138; 137, т. III, § 294—351]. Он же подробно обрисовал весь ход битвы при Кадеше в своей обобщающей истории древнего Египта [25, т. II, с. 106—116].

Прекрасное собрание всех надписей (без перевода и комментария), сообщающих о Кадешской битве, опубликовал в 1928 г. Ш. Куентц [355]. Изданию текстов, посвященных битве при Кадеше, посвятил свою работу Селим Хассан [298]. Р. О. Фолкнер в 1958 г. дал свой комментированный перевод соответствующих текстов [227, с. 93 и сл.]. Переводы этих текстов предлагали также А. Эрман [221, с. 325 и сл.], А. М. Блэкман [125, с. 261 и сл.], Дж. А. Вильсон [570, с. 266 и сл.]. Наиболее тщательный комментированный перевод основных надписей, описывающих Кадешское сражение, содержится в фундаментальной работе А. Гардинера [247]. В начале 60-х годов полный русский перевод «поэмы» Пентаура («литературный» отчет о битве при Кадеше) дал Н. С. Петровский [89, с. 119—125], основывавшийся на издании Селима Хассана. В конце 70-х годов свой перевод «поэмы» предложил М. А. Коростовцев [39, с. 122—138]. Воспроизведение всех относящихся к битве при Кадеше сцен, начертанных на стенах многочисленных храмов, помещено в работе В. Врешинского [577]. Все тексты, описывающие Кадешскую битву, собраны в издании К. А. Китчена [344, т. I, вып. 1, 1969, с. 2—64, т. II, вып. 2, 1970, с. 65—124, т. V, вып. 3, 1970, с. 125—147]. Дж. Брэстед, издавая тексты, рассказывающие о Кадешском сражении, разделил их на три категории: 1) на «поэму», чье авторство было ошибочно приписано писцу Пентауру; 2) на «официальный» отчет (record) и 3) на рельефы, иллюстрирующие отдельные эпизоды битвы, сопровождающиеся небольшими пояснительными записями.

По мнению А. Гардинера, вышеприведенное деление можно упростить. Прежде всего «поэма» не является стихотворным произведением. В данном случае речь может идти скорее о прекрасном образце прозаического, «художественного» текста. Это «литературный» отчет о битве при Кадеше [247, с. 3; 344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, т. II, вып. 2, 1970, с. 65—101]. В свою очередь, «официальный» отчет [344, т. II, вып. 2, 1970, с. 102—124] очень близок к тем кратким записям, которые поясняют воспроизведенные на стенах храмов эпизоды битвы. В различных храмах иногда встречаются оба текста — и «литературный» и «официальный». В Луксоре и в Рамессеуме они расположены рядом. То же самое характерно также для Карнака и Абидосского храма Рамсеса II. Лишь в Абу-Симбеле «литературный» текст (или «поэма») отсутствует. А. Гардинер обратил внимание на факт близкого расположения «официального» отчета к рельефным сценам, которые этот отчет как бы растолковывает [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 125—128]. В последнем плане проявляется принципиальное сходство «официального» отчета и кратких записей, сопровождающих отдельные рельефные воспроизведения битвы. В обоих случаях речь идет об одинаковом функциональном предназначении «официального» отчета и кратких пояснительных записей, т. е. о предназначении комментировать соответствующие рельефные сцены, посвященные Кадешскому сражению. Последнее обстоятельство заставило А. Гардинера называть «официальный» отчет «пикторальным» отчетом, принципиально близким к сопровождающим отдельные сцены кратким записям [247, с. 3—4]. Оба отчета — и «литературный» и «пикторальный» — составлялись писцами и художниками, работавшими в тесном контакте друг с другом, вдохновлявшимися рассказом самого Рамсеса II и сообщениями начальников войска, лично принимавших участие в битве.

«Литературный» отчет, начиная свое повествование с момента выступления войска Рамсеса II в поход (ровно на один месяц ранее начала Кадешской битвы), опускал много подробностей фактического порядка, акцентируя внимание на эмоциональном описании героического деяния фараона. Что же касается «пикторального» отчета (или «официального»), то он более краток, однако содержит интересные фактические данные, объясняющие те конкретные условия и обстоятельства, которые привели к сражению под стенами Кадеша. «Пикторальный» отчет разъясняет текстуально то, что обычно бывает представлено в виде рельефных сцен [247, с. 47]. Значение «пикторального» отчета для понимания хода Кадешской битвы весьма велико. «Пикторальный» отчет обнаружен во многих пунктах Египта и Нубии: в Абидосе, на стене храма Рамсеса II, в Рамессеуме, на задней стороне первого пилона и на северной стене второго двора, в Карнаке, в Луксоре, на внешней стороне первого пилона, на внешней (западной) стороне стены переднего двора и на внешней (южной) стороне стены того же двора. «Пик-

торальный» отчет зафиксирован также на северной стене большого зала храма в Абу-Симбеле [499, с. 28; 201].

«Литературный» отчет («поэма») зафиксирован (вместе с «пикторальным» отчетом) в Абидосе, в Луксоре, в Карнаке (на внешней стороне южной стены большого гипостильного зала Карнакского храма Амуна, а также на внешней стороне западной стены двора, между девятым и десятым пилонами).

Независимо от «пикторального» отчета «литературный» отчет помещен на втором пилоне Рамессеума. «Литературный» отчет содержится также в записи на папирусах: Саллье III, Честер-Битти III vs. [244, табл. 9—10] (из Британского музея), на папирусе Рэфе (Raifé) (из Лувра, одна страничка в 11 строк). В папирусе Саллье III, датированном 9-м годом царствования Рамсеса II, упоминается писец Пентаур, которому было первоначально ошибочно приписано авторство «поэмы». Как и папирус Рэфе, папирус Саллье III содержит текст, который является неточным воспроизведением почти всего «литературного» отчета о Кадешской битве [247, с. 2; 499, с. 28].

Каково же содержание «литературного» и «пикторального» отчетов о Кадешской битве?

В «литературном» отчете (344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, т. III, вып. 2, 1970, с. 65—101] сначала перечисляются страны и народы, побежденные Рамсесом II. Затем дается пространная характеристика могущества фараона, в войске которого кроме египтян служили наемники-шердены. Далее сообщается о том, как «его величество» выступил в поход на север (с пехотой и колесницами) в 5-й год своего правления и во 2-й месяц летнего периода шему, в 9-й день¹⁷, описывается путь войска Рамсеса II. Повествование затем переходит к описанию многочисленных союзников хеттского царя Муваталлиса¹⁸. Подчеркивается, что Рамсес II оказался почти в полном одиночестве перед множеством врагов, скрытно поджидавших его у Кадеша, поскольку только отряд Амуна и царские телохранители следовали непосредственно за фараоном, в то время как отряд Ра переходил еще вброд Оронт у города Шабтуна, отряд Птаха находился южнее города Аронама, отряд Сетха — где-то еще далее от Кадеша, а отборный отряд молодых воинов — на берегу моря, в «стране Амор». Именно в это время царь хеттов внезапно направил свои колесницы, скрытые за Кадешем, против ничего не подозревавшего отряда Ра, подходившего к Кадешу с юга, и привел его в полное замешательство.

В «литературном» отчете далее основное внимание обращается на описание героического поведения Рамсеса II, оказавшегося в своем лагере на западном берегу Оронта, к северу от Кадеша, вместе с отрядом Амуна, телохранителями и остатками отряда Ра в окружении 2500 хеттских колесниц. Очень ярко и художественно излагается трогательное, эмоциональное обращение фараона к Амуну. Бог обещает Рамсесу II свою поддержку и призывает его атаковать врагов. Рамсес II, одетый

в панцирь, стоя на колеснице вместе с возницей Менна, производит страшное опустошение в рядах своих противников — хеттов и их союзников, отбивая новую атаку еще тысячи хеттских колесниц. Фараон упрекает своих воинов в трусости, поскольку они оставили его одного в опаснейший момент битвы. Когда возница и щитоносец Рамсеса II Менна призывает своего господина к осторожности, фараон ободряет возницу и советует ему быть стойким и храбрым. Рамсес II продолжает беспощадно истреблять врагов на глазах египетского войска, которое прославляет его. Рамсес II еще раз упрекает своих воинов в том, что они оставили его одного в окружении врагов, и перечисляет свои героические деяния. Затем в одной из версий отчета сообщается, что на следующий день царь хеттов обратился к Рамсесу II с предложением прекратить кровопролитие. Рамсес II советуется с начальниками пехоты и колесничих относительно мирного предложения хеттского царя. Все рекомендуют фараону заключить мирное соглашение. В этом нет ничего плохого, так как Рамсес II уже достаточно продемонстрировал свое могущество, а мир лучше войны. Рамсес II соглашается с просьбой хеттов и мирно отходит на юг от Кадеша. Фараон благополучно возвращается в Египет и вступает в свою столицу Пер-Рамсес Мериамун-Великий-Победами [247, с. 7—14; 344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, вып. 2, 1970, с. 65—101].

Бесспорно, огромное впечатление оставляет та часть «литературного» отчета о Кадешском сражении, в которой эмоционально показаны чувства фараона в момент, когда он обращается за помощью к своему отцу Амуну: «Затем сказал его величество: „Что беспокоит тебя, мой отец Амун? Разве приличествует отцу игнорировать своего сына? Разве я делал что-либо без тебя? Разве я не иду и не останавливаюсь по твоему слову? Разве я пренебрегал тем, что ты приказывал?. Сделай добро тому, кто полагается на тебя... Я обратился к тебе, мой отец Амун, когда я был в середине множества, которое я не знаю. Все чужеземные страны объединились против меня, в то время как я один с самим собой, никого другого нет со мной, моя многочисленная пехота покинула меня, никто не смотрит на меня на моей колеснице. Я стал кричать им, но никто из них не услышал меня, в то время как я звал. Я нашел, что Амун более полезен, чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч колесниц и чем десять тысяч братьев и детей, объединенных одним сердцем. Нет пользы во множестве людей, но Амун более полезен, чем они...“ Я нашел, что Амун пришел, когда я звал его; он дал мне свою руку, и я возрадовался. Он говорил позади меня, как если бы он был лицом к лицу: „Вперед, Рамсес Мериамун, ж.н.з.! Я с тобой. Я твой отец. Моя рука с тобой. Я более полезен, чем сотни тысяч людей. Я господин победы, который любит доблесть“. Я нашел мое сердце крепким и мою грудь полной радости. Все, что я делал, приходило к завершению. Я был подобен Монту. Я стрелял своей правой (рукой) и схватывал

своей левой. Я был, на их взгляд, подобен Сутеху в его момент...» [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 34, § 92—94, с. 35, § 95, с. 39, § 109—110, с. 40, § 111—114, с. 41, § 115—118, с. 42, § 119, с. 43, § 123—126, с. 44, § 127—130, с. 45, § 131]¹⁹.

Более прозаичен «пикторальный» отчет о Кадешском сражении [344, т. II, вып. 2, 1970, с. 102—124]. В этом отчете сразу же сообщается, что в 5-й год своего правления, в 3-й месяц²⁰ летнего периода шему, в 9-й день, Рамсес II оказался в районе Джахи во время своего второго похода в Азию. Когда Рамсес II достиг города Шабтуна, два кочевника-шасу, якобы бежавшие от хеттского царя, сообщили фараону, что правитель хеттов со всеми своими силами находится еще далеко от Кадеша, на севере Сирии, «в стране Алеппо, к северу от Тунипа». Однако то, что сказали Рамсесу перебежчики-шасу, было хитро задуманной дезинформацией. Все хеттское войско совместно с воинскими контингентами сирийских городов (всего около 30 тыс. человек) уже было возле Кадеша (так называемого «Кадеша старого»). Ничего не подозревавший Рамсес II быстро проследовал на север с отрядом Амуна и телохранителями и остановился на западном берегу Оронта, к северо-западу от Кадеша на Оронте, где воины из отряда Амуна и телохранители стали разбивать лагерь. В это время были пойманы два разведчика, которые, будучи допрошены с пристрастием, рассказали о том, что все хеттское войско со своими союзниками находится совсем близко. Рамсес II стал горько упрекать своих помощников, «правителей чужеземных стран», в том, что они проглядели хитрый маневр хеттов. Затем он спешно отправил своего визиря на юг, чтобы поторопить отряд Птаха. Вскоре началась атака хеттских колесниц, разгромивших подходивший к Кадешу отряд Ра. Далее пространно излагается воинская доблесть фараона, сумевшего, уже будучи в окружении, сокрушить врагов, произведя страшное опустошение в стане своих противников [247, с. 28—31; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 102—104]. Многие выражения, употребленные в данном случае для характеристики воинского могущества Рамсеса II, перекликаются с теми, которые упоминаются в «литературном» отчете.

«Пикторальный» отчет, как мы видим, во многом дополняет «литературный». Содержание «пикторального» отчета, в свою очередь, поясняется рельефными сценами, начертанными в Абу-Симбеле, в Дерре, в Рамессеуме, в Луксоре, в Карнаке, в Аби-досе и во многих других местах [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 125—147], в которых показано, как воины Рамсеса II разбивают лагерь, в то время как фараон сидит на стуле в окружении своих приближенных. Недалеко обычно изображены колесница фараона и его возничий и щитоносец Менна, группа начальников войска, приближающихся к Рамсесу II с донесением, избивание хеттских разведчиков. Большой выразительности достигают батальные композиции, в которых показывается, как в лагерь Рамсеса II прибывают спасающиеся от хеттов его сы-

новья, как Рамсес II в окружении хеттских колесниц прорывается на восток и сбрасывает в Оронт всех, кто стоял на его пути. Пространство между колесницей Рамсеса II и Оронтом усеяно трупами. На противоположном берегу Оронта обычно бывают изображены хеттский царь вместе с отрядами пехоты, так и не вступившей в битву, хеттские воины, с трудом переправляющиеся через Оронт, спасаясь от натиска Рамсеса II. Здесь же показан комичный эпизод, как воины царька Алеппо держат своего правителя вниз головой, чтобы вытряхнуть из него воду, которой он наглотался, переплывая Оронт.

Многочисленные небольшие надписи, сопровождающие отдельные сцены и изображения, обычно содержат интересную информацию о ходе Кадешской битвы. Особенно важной является одна сцена с сопровождающим ее текстом, согласно которому не только храбрость Рамсеса II спасла его самого и египетское воинство от полного разгрома. Оказывается, что в решающий момент сражения на помощь Рамсесу II с запада подошло подкрепление из пеших воинов и колесниц, которое ударило с тыла на хеттов, уже увлекшихся грабежом египетского лагеря. Из всех версий этого эпизода Кадешского сражения наиболее полная изображена в храме Абу-Симбела [577, с. 170]. (Соответствующая сцена и сопроводительный текст к ней имеются также в Луксоре [577, с. 82], в Рамессеуме [577, с. 92а] и в других местах — всего пять версий.) Вот что сообщается в данном случае: «Прибытие, которое сделали пꜥгп фараона, ж.н.з., из страны Амор (imr). Они нашли, что множество низменных хета окружило лагерь фараона, ж.н.з., в то время как его величество пребывал один, его войско не было с ним (и) множество колесниц окружало... его воинов, в то время как войско Амуна, в котором находился фараон, еще не закончило разбивку лагеря, а войско Ра и войско Птаха находились в пути (и) их воины еще не прибыли из леса Рабави. И пꜥгп вторглись во множество мерзких, низменных хета, когда они проникали в лагерь (фараона), и слуги его величества убили их и не позволили ни одному из них спастись. Их сердца были уверены в великой силе фараона, ж.н.з., их прекрасного господина. Он находился за ними, подобно горе из меди и подобно стене из железа, навсегда во веки веков» [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 131—132, § 11].

Египетский термин (семитского происхождения) пꜥгп (Wb. II, 209) толкуется как обозначение особого войскового подразделения, имеющего буквальное значение «молодежь». Он может быть сопоставлен с египетским словом *dꜣmw*. В этом смысле этот термин имеет соответствующий древнееврейский эквивалент *חַיִּים*, который обычно использовался в Библии, в книгах Ветхого завета для обозначения молодых («отроков») воинов (например, I книга царей XX, 14, 15, 17 [69]). В папирусе Анастаси I, 17, 3—4 под пꜥгп имеются в виду финикийские воины. В большой надписи Мернептаха ханаанские наемники на-

зываются пѣгп. По мнению Г. Гёдике [267], словом пѣгп обозначались наемники семитского происхождения, набранные из числа так называемых аперу (хабиру-хапиру), расселенных фараонами в Палестине в качестве военных колонистов, чем объяснялась их тесная связь с властями Египта (о пѣгп см. [504]). В данном случае речь идет о воинском подразделении, которое было или оставлено египтянами на финикийском побережье (в «стране Амор») после первого похода Рамсеса II, в 4-й год его царствования, или специально направлено туда незадолго до начала Кадешской битвы. Подступив к Кадешу на Оронте с запада (или с северо-запада), данное подразделение вмешалось в сражение в его кульминационный момент и тем спасло фараона и египетское войско (отряд Амуна, царских телохранителей и остатки рассеянного хеттами отряда Ра) от полного разгрома. (Отряды Птаха и Сетха, находившиеся далеко от Кадеша, так и не приняли участия в сражении.)

Согласно египетским отчетам о Кадешской битве (и «литературному» и «пикторальному»), можно подумать, что Рамсес II одержал под Кадешем решительную победу. Между тем второй поход Рамсеса II в Азию был, несомненно, проигран, и именно так он и оценивается в хеттских документах, в чем мы еще будем иметь возможность убедиться. Рамсесу II не только не удалось проникнуть на просторы Северной Сирии, вытеснив оттуда хеттов, но даже в Южной Сирии и в Палестине положение египтян пошатнулось.

После битвы под стенами Кадеша союз хеттов с их сирийскими вассалами не только не ослабел, но, как о том свидетельствуют хеттские источники, еще более укрепился, что подтверждает наш вывод о неудачном для египтян исходе второго похода Рамсеса II в Азию.

Для оценки Кадешской битвы несомненный интерес представляет интерпретация этого сражения, данная Г. Гёдике [267, с. 71—80]. Предлагаемая Г. Гёдике трактовка битвы под стенами Кадеша заслуживает внимания потому, что в ней учитываются уточнения фактического характера, которые сделал Э. Эдель [208, с. 195—213; 213, с. 253—258] на основе анализа содержания письма Рамсеса II к Хаттусилису III (КВо I, 15—19), рассказывающего о расстановке египетских воинских сил в ходе Кадешского сражения, и текста из папируса Честер-Битти [244, с. 23—24, табл. 9—10], в котором также сообщается о расположении отрядов войска Рамсеса II перед началом битвы.

Как считает Г. Гёдике, Рамсес II в 5-й год своего царствования направил войско к Кадешу на Оронте по той причине, что правитель Кадеша, признававший вассальную зависимость от Сети I, отказался подчиниться его молодому наследнику. Речь шла о решительной борьбе за обладание Сирией, и обе стороны — и египетская и хеттская — тщательно готовились. Хетты, как мы уже отмечали, привлекли на свою сторону многочисленных союзников из Малой Азии, Сирии, из городов Кар-

кемиш и Угарит, из страны Нахарина. (В войске Муваталлиса насчитывалось около 30 тыс. воинов.) По «литературному» отчету о Кадешской битве, хеттский царь Муваталлис подкупал своих союзников: «Он не оставил серебра в своей стране, он собрал это во всех своих владениях и дал его всем чужеземным странам с целью побудить их сражаться вместе с ним» [267, с. 72]. Приготовления Рамсеса II были не менее значительны. (В войске Рамсеса II насчитывалось около 20 тыс. воинов.) В дополнение к египетским военным силам, разделенным на отряды Амуна, Ра, Птаха и Сетха, Рамсес II набрал воинов в Палестине, а также отряды наемников-шерденов. Как сообщает одна стела из Таниса, «царь Усермаатра, сын Ра, Рамсес Мериамун, его слава пересекла море, центральные острова почитают его. Они пришли к нему с дарами... Шердены изменили свои сердца; никто не знал, как одолеть их, начиная с вечности. Когда они нагло приходили, после того как они приплывали с середины моря на военных кораблях, никто не знал, как иметь с ними дело. Он (Рамсес II.— И. С.) победоносно взял их благодаря своей доблестной силе и привел (их) в Египет» [267, с. 72].

Хеттские воинские силы собирались под стенами Кадеша. Что же касается войска Рамсеса II, то оно, прежде чем выступить к Кадешу, сконцентрировалось (согласно «пикторальному» отчету) в Джахи. Само слово «Джахи» («жажда»), по мнению Г. Гёдике, указывает на то, что речь шла в данном случае о каком-то засушливом районе. Джахи не могла располагаться в приморской полосе Палестины или Финикии, как считал Дж. Брэстед, а находилась где-то в глубине страны. (Только в папирусе Petersburg 1116, А, 67, в списке «марианну из Джахи», упоминается один прибрежный город — Ашкелон.) Не совсем ясна связь между обозначениями «Джахи» и «Ретену». В то время как А. Гардинер видел в них два различных термина [238, т. 1, с. 145*], В. Хелк считал слова «Джахи» и «Ретену» синонимами [303, с. 274]. Локализация Джахи в глубине горной страны заставила Г. Гёдике предполагать, что Рамсес II выступил со своими основными силами к Кадешу не вдоль берега моря, а напрямик, через Палестину, и затем по долине р. Эль-Литани и далее по долине Бекаа. Согласно Г. Гёдике, высказанное выше предположение может получить подтверждение в той фразе «литературного» отчета (стк. 34), в которой говорится о продвижении египетского войска по узкой дороге в местности «кемет» (т. е. по дороге в плодородной долине). Коль скоро Рамсес II продвигался по дорогам внутренних областей Палестины и Финикии, он должен был пройти долины Эль-Литани, Бекаа и верхней части р. Оронт. В стк. 35 «литературного» отчета упоминается город, носящий название «Город (dmi) Рамсеса Мериамуна, который в долине кедра». Это был крайний пункт египетских владений в Азии, локализация которого вызвала споры.

Некоторые исследователи предполагали, что город этот «в долине кедр» находился в прибрежной полосе возле Берита. Другие утверждали, что этот укрепленный египетский центр в Азии располагался в горах Ливана. Э. Эдель (как и Дж. Брэстед) помещал «Город Рамсеса Мериамуна, который в долине кедр» в Финикии, возле р. Эль-Кельб [267]. Как считали все исследователи, город, о котором в данном случае идет речь, был или вновь основан, или, что более вероятно, переименован Рамсесом II. По мнению Г. Гёдике, «Город Рамсеса Мериамуна, который в долине кедр», определял границу владений Египта в Ливане, причем располагался он не в долине р. Нахрэль-Кельб, а в долине Бекаа, между горными хребтами Ливана и Антиливана. Долину эту орошала на юге р. Эль-Литани, а на севере — р. Оронт. Вдоль Оронта и шло продвижение с юга на север войска Рамсеса II. У города Шабтуна на Оронте (Дж. Брэстед сопоставил Шабтуну с городом Рибла) Рамсес II перешел через Оронт с передовым отрядом Амуна. Кадеш находился на западном берегу Оронта, приблизительно в 10,5 милях от Шабтуны, т. е. на расстоянии одного дня пути. Согласно данным «пикторального», или «официального», отчета (стк. 26, 51), войско хеттов сконцентрировалось у так называемого «Кадеша старого». Г. Гёдике, как и В. Хелк, полагает, что этот «Кадеш старый» не идентичен городу на холме Телль Неби Менд (местоположение Кадеша на Оронте, у которого произошло сражение), но тождествен другому городу, располагавшемуся немного к северо-востоку от Кадеша на Оронте. Именно здесь, по мнению В. Хелка, с которым согласен Г. Гёдике, и сконцентрировались силы хеттов [303, с. 212].

Рамсес II, обойдя Кадеш на Оронте с запада, стал возводить временный лагерь северо-западнее Кадеша. Севернее его лагеря было оз. Хомс, а западнее — р. Микийе. Подобное местонахождение лагеря указывает на то, что Рамсес II ожидал нападения с севера. В это время хеттское войско и царь Мува-таллис находились на правом берегу Оронта, продвинувшись на юго-запад от «Кадеша старого» к Кадешу на Оронте.

Атаку против египтян начали хеттские колесничные отряды, внезапно переправившиеся через Оронт южнее Кадеша. Г. Гёдике сомневается, что такая масса хеттских войск, как 2500 колесниц и 7500 колесничих, могла сразу переправиться через Оронт, достаточно широкий в районе Кадеша. По мнению Г. Гёдике, хеттские колесничные отряды заблаговременно находились в засаде на левом берегу Оронта, южнее Кадеша, и именно отсюда они произвели свое неожиданное нападение на подходивший отряд Ра и затем, преследуя в панике бежавших египетских воинов, ворвались с юга в лагерь Рамсеса II. Как полагает Г. Гёдике, Рамсес II с отрядом Амуна подошел к Кадешу после полудня. В это время отряд Ра находился на расстоянии одного «итера» (10,5 миль, или одного перехода) [276, с. 76, примеч. 2]. Узнав, что хеттское войско находится рядом, Рам-

сес II послал визиря и кравчего поторопить отряды Ра и Птаха. По-видимому, отряд Ра поспешил на помощь к Рамсесу II еще ночью, но утром на подходе к Кадешу был внезапно атакован хеттами. Отряд Птаха в это время находился на марше возле Аронамы, в удалении на один «итер» (один переход) от отряда Ра. Согласно мнению У. Ф. Олбрайта, Аронама может быть локализована в горной местности Эль-Хермиль, причем Аронама отстояла от Шабтуны (Риблы) примерно на такое же расстояние, как Шабтуна (Рибла) от Кадеша.

По тексту, сообщаемому об участии п'гп в битве под стенами Кадеша, отряды Ра и Птаха еще не вышли тогда из «леса Рабави». Нужно, однако, обратить внимание на то, что горная местность Эль-Хермиль находилась восточнее Оронта, в то время как главная дорога к Кадешу проходила западнее Оронта, и здесь же был «лес Рабави». По мнению Г. Гёдике, отряды Амуна и Ра продвигались к Кадешу вдоль правого берега Оронта. Отряд же Птаха проходил по дороге к западу от Оронта, вдоль отрогов Ливана. Можно предполагать, что отряд Птаха торопился на помощь к Рамсесу II, идя более кратким путем — вдоль левого берега Оронта.

Все высказанные выше соображения Г. Гёдике подкрепляются ссылкой на известное письмо Рамсеса II к Хаттусилису III, отправленное уже после подписания мирного договора [208; 213, с. 253—258]. В этом письме Рамсес II указывает на расположение своего войска перед началом Кадешской битвы. Основное, что в данном случае отмечается, так это пребывание отряда Сетха Рамсеса II в стране Амурру (Амор), в то время как отряд Амуна тогда находился возле Кинзы (Кадеша), отряд Ра — возле Таминты, кочеру Э. Эдель расшифровывает как местность западнее Кадеша, а отряд Птаха — в районе Эль-Хермиля. Согласно «литературному» отчету, отряд Сетха «продвигался по дороге». Однако, согласно луксорской версии «литературного» отчета (стк. 62—65), он еще находился «на берегу страны Амор», что полностью согласуется с содержанием письма Рамсеса II к Хаттусилису III. Оказывается, Рамсес II разделил свое войско на две части. Одна часть (отряды Амуна, Ра, Птаха) продвигалась к Кадешу с юга, другая (отряды Сетха и п'гп) — с запада, из «страны Амор», по долинам рек Эль-Кебир и Элеутерос. Кадеш в стратегическом плане Рамсеса II играл роль сборного пункта всего египетского войска. По мнению Г. Гёдике, основной смысл стратегии Рамсеса II заключался в том, чтобы собрать в один определенный момент две части своего войска у стен Кадеша. Данная стратегия, как полагает Г. Гёдике, оказалась правильной. Она позволила египетскому войску, несмотря на несомненный успех хеттов, избежать угрожавшего ему полного уничтожения.

Изложенная нами выше интерпретация хода Кадешской битвы, предложенная Г. Гёдике, бесспорно, заслуживает внимания, поскольку в ней, как мы уже отмечали, учитываются данные

письма Рамсеса II к Хаттусилису III, в котором сообщаются интересные сведения о дислокации египетского войска перед Кадешской битвой. Однако не на все возникающие вопросы Г. Гёдике дает ясный ответ, а с окончательным его выводом вообще трудно согласиться. Вряд ли можно считать проявлением стратегической мудрости разделение египетского войска на две части, которые должны были соединиться у Кадеша. Подход с запада в решающий момент битвы свежего подкрепления был всего лишь счастливой случайностью, поскольку Рамсес II, конечно, не предполагал, что он попадет в ловушку под стенами Кадеша. Рамсес, несомненно, считал, что войска хеттов и их союзников находились далеко на севере, и поэтому разъединил свои силы.

Для понимания основной специфики Кадешского сражения прежде всего необходимо объяснить странное поведение хеттской пехоты Муваталлиса, которая простояла в бездействии на правом берегу Оронта весь день, пока на левом берегу шло ожесточенное сражение, а Рамсес II героически отбивался от окружавших его хеттских колесниц. Как объяснить этот казус, если исходить из логики военных действий? В существующей египтологической литературе высказываний на этот счет имеется немного, и сводятся они, как правило, к простой констатации данного непонятого факта. Так, Дж. Брэстед писал: «По какой-то причине Метелла (т. е. Муваталлис.— И. С.) не посылал против него (т. е. Рамсеса II.— И. С.) восьми тысяч пеших воинов, сосредоточенных на восточной стороне реки против позиции Рамсеса. В битве, насколько мы можем проследить, продолжали принимать участие одни колесницы» [25, т. II, с. 113]. Аналогичным образом И. В. Виноградов, характеризуя Кадешское сражение, отмечает лишь, что «пехоту же Муваталли почему-то упорно держал в резерве» [34, с. 255].

Насколько нам известно, из советских историков лишь В. В. Струве попытался определить те мотивы, которыми руководствовался хеттский царь, отказываясь ввести в бой свои основные пешие силы: «По-видимому, не доверяя своей пехоте, противостоящей колесничим, происходившим преимущественно из знати, Муватталлу не решился кинуть ее в бой. Этим он выпустил из своих рук победу» [29, с. 379].

Не думаем, однако, что с подобным объяснением можно согласиться. В самом деле, почему пехота была опасна для хеттского царя только при включении ее в битву? Разве она была менее для него опасна, когда стояла в бездействии? И вообще, о какой опасности в данном случае могла идти речь? Как известно, в социальном плане пехотинцы и колесничие различались на древнем Востоке всегда, что тем не менее не мешало пехоте принимать самое активное участие во всех битвах. Между тем поведение хеттского царя, конечно, можно объяснить. По нашему мнению, Оронт в районе битвы у Кадеша был непреходим для пехоты и потому являлся тяжелым препятстви-

ем для людей, не умеющих плавать, а именно таковыми были, по-видимому, воины Муваталлиса. Однако следует учитывать то обстоятельство, что для прекрасно плавающих лошадей и деревянных колесниц, не тонущих в воде (а следовательно, и для колесничих, которые могли держаться за лошадей и колесницы), Оронт не являлся непреодолимой преградой. На рельефах, воспроизводящих Кадешскую битву и мощный натиск фараона в сторону Оронта, художник юмористически изобразил тот панический ужас, который охватил спасающихся бегством хеттских и сирийских воинов, с трудом переправляющихся через Оронт. Большинство цепляются за лошадей и колесницы, многие тонут. Не случайно здесь помещаются такие изображения: захлебнувшийся царек Алеппо, из которого воины вытряхивают воду, перевернув его вниз головой; хеттский воин, не умеющий плавать, переправляется через Оронт верхом на лошади; два хеттских воина добираются до стен Кадеша, ухватившись за шею и ногу плывущей лошади.

Нам могут возразить, что Дж. Брэстед, изображая ход Кадешской битвы, писал, будто бы Муваталлис сначала держал все свои войска на левом берегу Оронта, а при приближении Рамсеса II с отрядом Амуна спешно переправил свое войско на правый берег, стремясь скрыть его от фараона за стенами города [25, т. II, с. 109]. Но хотя в «литературном» отчете и говорится о местонахождении хеттского войска перед началом битвы к северо-западу от Кадеша, в стк. 26, 51 «пикторального» или «официального», отчета о Кадешском сражении ясно сказано, что войско хеттов концентрировалось первоначально не в окрестностях Кадеша на Оронте, а несколько северо-восточнее, в районе так называемого «Кадеша старого», не тождественного Кадешу на Оронте, расположенному на холме Телль Неби Менд [303, с. 212], т. е. городу, определившему место схватки египетских и хеттских воинских сил. Таким образом, Муваталлис не переправлял свое войско с одного берега Оронта на другой непосредственно у интересующего нас Кадеша. Не мог он это сделать в отношении пехоты и в день битвы.

Как известно, основные воинские силы Рамсеса II (отряды Амуна и Ра) переправились вброд с правого берега Оронта на левый в районе города Шабтуна (Рибла). Однако город этот находился далеко к югу от Кадеша, примерно на расстоянии 10,5 миль, т. е. на расстоянии одного дневного перехода пехоты. Ближе к Кадешу места, удобного для переправы пехоты вброд через Оронт, по-видимому, не было, и это лишило Муваталлиса возможностей маневра, почему он и смог бросить против Рамсеса II, находившегося на противоположном берегу Оронта, только свои колесницы.

В итоге можно сказать, что если Рамсес II вел себя перед Кадешской битвой весьма легкомысленно, то и Муваталлис, вначале продемонстрировавший свои способности замечательного стратега, все же не все предусмотрел. Муваталлис стре-

мился нанести удар по египетскому войску внезапно. Для этого он послал навстречу Рамсесу II дезинформаторов и, продвигаясь на юг по правому берегу Оронта, заботился о том, чтобы стены Кадеша и холм, на котором он стоял, загорались его от египетского войска. Однако, когда хорошо задуманная Муваталлисом операция стала осуществляться, оказалось, что Оронт в том месте, где разгорелась жаркая схватка, непреходим вброд для пехоты, вследствие чего блестящий замысел хеттского царя, несомненно, обладавшего незаурядными способностями полководца, не нашел своего логического завершения.

Капкан, в который Муваталлис заманил Рамсеса II, не захлопнулся, и это избавило молодого фараона от смерти или позорного плена. Можно понять психологическое состояние Рамсеса II, когда он после сражения поклялся ежедневно самолично кормить лошадей, запряженных в его колесницу, которые выстояли в жаркой схватке и спасли его от неминуемой гибели.

Прорываясь на восток в критический момент битвы сквозь кольцо окружавших его хеттских колесниц, Рамсес II, несомненно, сражался как герой. Однако совершенный им подвиг был, в сущности, продиктован отчаянием, поскольку впереди протекал Оронт, а за ним на противоположном берегу стояли многотысячные плотные шеренги хеттской пехоты. Рамсеса могло спасти только чудо, и потому можно вполне поверить автору «литературного» отчета о Кадешском сражении, что в грохоте битвы фараону почудился голос Амуна, сказавшего ему: «Вперед, Рамсес Мериамун, ж.н.з.! Я с тобой! Я твой отец! Моя рука с тобой!»

Посмотрим теперь, как оценивались итоги битвы под стенами Кадеша в хеттских документах. Египетские источники изображают эту битву как решительную победу египтян. Но так ли обстояло дело в действительности? Мнения на этот счет у историков не совпадают. Так, Эд. Мейер утверждал, что «Рамсес своей личной решительностью превратил грозящую катастрофу в блестящую победу, которой он был вправе гордиться» [405, с. 466]. Другие исследователи, например Дж. Брэстед, Г. Кеес или А. Гётце, придерживались противоположной точки зрения. Наибольшее значение для решения вопроса о действительном исходе сражения при Кадеше имеют, несомненно, свидетельства хеттских официальных записей, позволяющие взглянуть на многократно повторенные утверждения египетских памятников глазами противников Рамсеса II. Последнюю задачу дают возможность решить некоторые тексты из хеттского архива в Богазкёе, уже давно изданные А. Гётце [271, с. 832—838; 469, с. 319], но все еще не всегда учитываемые при характеристике результатов Кадешского сражения²¹. Давая оценку этому сражению, А. Гётце ссылается на свои публикации (в транскрипции с переводом) двух хеттских документов, в частности на пу-

бликацию договора правителя страны Амурру Иштармуваша с хеттским царем Тутхалиясом, сыном Хаттусилиса III (KUB XXIII, 1). Вот что сообщается в этом договоре:

- «(28) Когда, однако, Муваталлис, дядя Солнца,
- (29) был царем, люди страны Амурру провинились
- (30) перед ним и сказали ему следующее:
- (31) „Искренними
- (32) подданными были мы, теперь, однако,
- мы (более) не твои подданные“.
- (33) И (на сторону) царя страны Египет
- (34) перешли они. И дядя Солнца Муваталлис
- (35) и царь Египта сразились из-за людей страны Амурру.
- (36) И Муваталлис
- (37) победил его, и страну Амурру
- (38) уничтожил он оружием и подчинил ее.
- (39) И в стране Амурру сделал он Шапилиша царем».

А. Гётце справедливо считает, что, если бы Рамсес II одержал победу в битве под стенами Кадеша (а именно данная битва имеется в виду в вышеприведенном тексте), это соответствующим образом отразилось бы на взаимоотношениях хеттского царя с его сирийскими вассалами. Между тем, как следует из договора Иштармуваша с Тутхалиясом, союзные отношения Муваталлиса со страной Амурру были восстановлены после битвы при Кадеше, и, следовательно, можно доверять стк. 37 этого договора о поражении Рамсеса II. Тот факт, что правителем страны Амурру после восшествия на хеттский престол Хаттусилиса III вместо Шапилиша стал Бентешина, свидетельствует о событиях в царстве хеттов, так как ставленник Муваталлиса Шапилиш был отстранен узурпатором Хаттусилисом III, враждовавшим с Муваталлисом. О правителе же страны Амурру Бентешине в договоре Иштармуваша с хеттским царем Тутхалиясом (Иштармуваш стал правителем страны Амурру непосредственно вслед за Бентешиной) говорится следующее:

- «(45) ...И он (Бентешина) был верен отцу Солнца,
- (46) а также стране Хатти был он верен
- (47) и не провинился по отношению к стране Хатти».

Следовательно, страна Амурру от момента сражения при Кадеше на Оронте и до воцарения Тутхалияса все время находилась под хеттским господством. Отсюда можно сделать вывод, что Рамсесу II так и не удалось на протяжении всего своего многолетнего правления изменить в пользу Египта политические взаимоотношения в Сирии. Границу между египетской и хеттской сферами влияния в Азии (в Финикии и Сирии), определившуюся еще при Суппилулиумасе, Рамсес II не смог изменить с помощью многолетних военных действий, несмотря на отдельные успехи его войска, что он и вынужден был в конце концов признать в мирном договоре с хеттским царем Хаттусилисом III. Но, может быть, битва под стенами Кадеша принесла Египту не стратегический, а тактический успех? По мне-

нию А. Гётце, об этом говорить также не приходится. Если Хаттусилис III в большой автобиографической надписи мало сообщает о военной деятельности своего брата Муваталлиса в период его борьбы с Рамсесом II, то это объясняется не ослаблением страны хеттов после сражения при Кадеше, а тем фактом, что Хаттусилис III враждовал с Муваталлисом и стремился прежде всего в благовидном свете изобразить свои собственные действия, направленные на захват престола. (Анналы самого Муваталлиса неизвестны.) Интересное сообщение о событиях, происшедших после битвы под стенами Кадеша, содержится в тексте Хаттусилиса III (KUB XXI, 17), являющемся, по мнению А. Гётце, параллелью к § 9 большой автобиографической надписи Хаттусилиса III, в котором повествуется о злодеяниях Арма-у-аса (Армадаттаса). В данном тексте говорится следующее:

- «(14) Так что, [однако, мой брат] вел против царя Египта
(15) [в стране Хурр]и войну.
(16) [Когда], однако, царь Египта из (?) страны Хурри
(17) [назад] в страну Аба [от]ошел,
(18) [Тогда (?)] завоевал мой брат Муваталлис страну Аба.
(19) [Арма-у-ас (Армадаттас), однако, был] в стране Хатти,
(20) я же [был] в стране Аба».

Как явствует из § 9 большой автобиографической надписи Хаттусилиса III, повествующего о злодеяниях Арма-у-аса (Армадаттаса), речь идет в вышеприведенном тексте о событиях, последовавших за битвой при Кадеше. Мы видим, что Рамсес II был вынужден отойти к стране Аба (или Уби), т. е. к оазису Дамаска, а вслед за этим страна Аба перешла в подчинение к царю хеттов. Таким образом, Муваталлис после битвы при Кадеше предпринял наступление на юг, проникнув на территорию, подвластную ранее Египту.

«Успех» Рамсеса II в сражении при Кадеше ограничился лишь тем, что попавшим в западню вместе с фараоном изрядно потрепанным египетским воинским силам, несмотря на значительные потери, удалось вырваться из окружения. В данном случае большое значение имели как личная храбрость и решительность Рамсеса II, так и то случайное обстоятельство, что Оронт у Кадеша оказался непроходимым вброд для хеттской пехоты. Рамсес II смог выиграть время, и это позволило ему после подхода с запада свежего подкрепления, так называемых пегн, а с юга отряда Птаха уйти от угрожавшего ему полного разгрома. Заключение на следующий день соглашения с Муваталлисом дало Рамсесу II возможность с честью отступить и благополучно вернуться в Египет. Однако военный поход 5-го года царствования Рамсеса II был фараоном, несомненно, проигран.

Как мы уже отмечали, после Кадешской битвы Рамсес II продолжал вести упорную борьбу за овладение Сирией. На протяжении еще 16 лет войско египетского фараона регулярно втор-

галось в Палестину, где происходили какие-то волнения, а также в Заиорданье, Финикию, Сирию. Как утверждают надписи Рамсеса II, он покорил: Нижний Ретену (Северную Сирию), Нахарину (бывшее царство Митанни), Кефтиу (Крит), захватил штурмом город Дапур в «стране Амор» и город Тунип в Северной Сирии [581], город Арвад в Финикии, город Катна в долине Оронта, ряд городов в Заиорданье и в Северной Палестине [137, т. III, § 357—366; 344, т. II, вып. 1, 1969, вып. 3, 1970, вып. 4, 1979, вып. 5, 1971, вып. 1, 1976]. Если, однако, некоторые походы войска Рамсеса II в Азию и были удачны, прочного успеха они не принесли. Рамсесу II, бесспорно, не удалось восстановить власть Египта в Северной Сирии.

Помимо войн в Азии Рамсес II, по-видимому, совершал какие-то военные действия на западной границе Египта против ливийцев (племен темеху, техену, мешвеш, либу), с которыми боролся еще Сети I. Ничего определенного на этот счет неизвестно, кроме того, что в 44-й год царствования Рамсеса II ливийские пленные использовались на строительстве храма в Вади эс-Себуа в Нижней Нубии (в Куше) [225, с. 16]. Представляет интерес факт строительства Рамсесом II укрепленных пунктов вдоль северо-западного побережья Дельты — от местечка Ракотис (где много веков позднее был основан город Александрия) до ливийского побережья Средиземного моря (около Эль-Аламейна). По-видимому, эти укрепления возводились для защиты от набегов морских пиратов-шерденов [225, с. 16]. Можно предполагать, что во 2-й или в 4-й год своего правления Рамсес II отразил набег шерденов, после чего шерденские пленные были включены в египетское войско, составив его большой, организационно обособленный контингент [225, с. 12]²².

МИРНЫЙ ДОГОВОР РАМСЕСА II С ХАТТУСИЛИСОМ III

Наиболее полный египетский текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III, заключенного в 21-й год царствования Рамсеса, помещен в Карнаке, на внешней стороне западной стены, между большим гипостильным залом и седьмым пилоном. Фрагмент этого текста имеется также на наружной стороне поверхности второго пилона в Рамессеуме. Оба текста представляют собой не буквальный перевод на египетский язык той составленной на аккадском языке записи текста мирного договора, который был выгравирован на серебряной пластине и доставлен Рамсесу II специальной дипломатической делегацией в составе посла Рамсеса II при хеттском дворе и двух послов Хаттусилиса — Теретсеба и Рамеса, прибывших от хеттского царя в столицу Египта — город Пер-Рамсес [211].

Выработке текста мирного договора предшествовали длительные переговоры между заинтересованными сторонами. Сна-

чала текст договора был согласован в столице хеттов с послами Рамсеса II. Затем договор был записан на аккадском языке на серебряной пластине и отправлен в Египет, в резиденцию Рамсеса II. В Египте с аккадского оригинала договора был сделан не совсем дословный перевод на египетский язык, который по утверждению его Рамсесом II был высечен в иероглифике в Карнаке и Рамессеуме, серебряная же пластина с первоначальным аккадским текстом договора была отправлена на хранение в архив столичного храма Ра [210, гл. 72—85; 359, с. 203].

В свою очередь, отредактированная по приказанию Рамсеса II аккадская версия текста мирного договора вновь была записана в Египте на аккадском языке, зафиксирована на серебряной пластине и отправлена Хаттусилису III, который повелел снять копию с текста полученной от Рамсеса II серебряной пластины, записать эту копию на глиняных табличках и поместить их на хранение в архив храма Тешуба [210, с. 72—85; 359, с. 203]. Именно эту клинописную копию со вторичного аккадского текста мирного договора и обнаружил в Богазкёе Г. Винклер.

Имеется много изданий текста и переводов египетского варианта мирного договора [137, т. III, § 367—391 (перевод); 344, т. II, вып. 5, 1971, с. 225—232 (издание текста); 359, с. 185—198 (перевод); 402; 428, с. 193 и сл., табл. I—XVI; 477; 459, с. 113—141 (перевод); 571, с. 199—201 (перевод)].

На русский язык египетский текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III переводился неоднократно [83, т. I, с. 306—307; 89, с. 126—130; 90, с. 79—83]. Предложим и мы свой перевод, осуществленный на основе последнего издания этого текста, выполненного К. А. Китченом [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 226—232]:

«(1) Год 21-й, первый месяц периода перет, день 21-й при величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сына Ра, Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь вечная навеки, любимого Амуном-Ра, Горахте, Птахом-югом стены его — владыкой Анхтаун, Мут — владычицей Ишеру, Хонсу-Неферхотепом, воссиявшего на троне Гора живущих как отец его Ра-Горахте на веки вечные. (2) День это, когда величество его (находился) у города Пер-Рамсес Мериамун, восхваляя отца своего Амуна-Ра-Горахте, Атума, владыку двух земель Гелиополя, Амуна Рамсеса Мериамуна, Птаха Рамсеса Мериамуна, Сетха, великого силою, сына Нут в соответствии с тем, что дают они ему вечность в празднествах, вечность в мирных годах, когда все земли (и) все чужеземные страны повергнуты под сандалии его навеки. (3) Пришел царский посол, слушающий (?)... царский посол... посол из страны Хета... Теретсеб, второй посол из страны Хета — Рамес, посол... рад[еющий] о (?) (Хаттусилисе III), [с пластиной] из [серебра, которую повелел] (4) великий правитель страны Хета Хетесер (Хаттусилис III) доставить фараону, да будет он жив, невредим, здрав, чтобы

выпросить [мир у величества царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра] Сетепенра, сына Ра, Рамсе[са] Мериамуна, [которому дана] жизнь на веки вечные, как отцу его Ра, каждый день. Копия пластины из серебра, которую повелел великий правитель страны Хета Хетесер (Хаттусилис III) доставить фараону, да будет он жив, невредим, здоров, рукою посла его (5) Теретсеба (и) посла его Рамеса, чтобы выпросить мир у величества [царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра], сына Ра, Рамсеса Мериамуна, быка властителей, определяющих границы свои по желанию своему в любой стране. Договор, составленный великим правителем страны Хета Хетесером (Хаттусилисом III), могучим, сыном Мерсера (Мурсилиса II) (6), великого правителя, могучего, сына сына Сепе[рера] (Суппилиумаса), великого правителя страны Хета, мо[гуче]го, на пластине из серебра для Усермаатра Сетепенра, великого властителя Египта, могучего сына Менмаатра (Сети I), великого властителя Египта, могучего, сына сына Менпехтира (Рамсеса I) (7), великого властителя Египта, могучего. Прекрасный договор о мире и братстве, устанавливающий мир... навеки.

Что касается будущего вплоть до вечности, что касается помысла великого властителя Египта и великого правителя страны Хета, то да не даст бог случиться вражде между ними в соответствии с договором. Что же касается того, что во (8) времена Меченра (Муваталлиса), великого правителя страны Хета, моего брата, он сражался [с (Рамсесом Мериамуном)], великим властителем Египта, то в будущем, начиная с этого дня, смотри, Хетесер (Хаттусилис), великий правитель страны Хета, (заключил) договор, закрепляющий помысел, который сделал Ра, который сделал Сутех, для земли Египта (9) и страны Хета, чтобы не дать случиться вражде между ними во век. Смотри, заключил его Хетесер (Хаттусилис), великий правитель страны Хета, в качестве договора с Усермаатра Сетепенра, великим властителем Египта, начиная с этого дня, чтобы дать установиться прекрасному миру и прекрасному братству между нами навеки. (10) Он в братстве со мной, он в мире со мной, я в братстве с ним, я в мире с ним навеки. Когда Меченра (Муваталлис), великий правитель страны Хета, мой брат, проследовал за своим предопределением (умер), (тогда) Хетесер (Хаттусилис) сел в качестве (11) великого правителя страны Хета на трон своих отцов. Смотри, я оказался с Рамсесом Мериамуном, великим властителем Египта, (а) [он оказался со мной в мире и братстве (?)]. [Наш] ми[r] (и) на[ше] брат[ство] — лучше это, чем мир и братство, которые прежде были на земле. Смотри, я в кач[естве] великого правителя страны Хета (нахожусь) с (12) [Рамсесом Мериамуном], великим властителем Египта, в прекрасном мире, в прекрасном братстве. Да будут дети детей великого правителя страны Хета в братстве и мире с детьми детей Рамсеса Мериамуна, великого вла-

стителю Египта. Да будут (они) в (нашем) помысле о братстве, нашем помысле (13) [о мире. (Да будет) земля Египта] страной Хета (в) мире и братстве, подобно нам, вечно. Да не случится] вражда между ними вовек. Да не совершит великий правитель страны Хета нападение на землю Египта вовек, чтобы захватить что-нибудь в ней. Да не совершит Усермаатра Сетепенра, великий властитель Египта, нападение на землю (14) [страны Хета], чтобы захватить что-нибудь в ней, вовек. Что касается засвидетельствованного договора, бывшего во времена Сеперера (Суппилулиумаса), великого правителя страны Хета, а также засвидетельствованного договора, бывшего во времена Меченра (Муваталлиса), великого правителя страны Хета, моего отца (?sic!), то я следую ему. Смотри, Рамсес Мериамун, великий властитель Египта, следует (15) [ему]... вместе с нами одновременно. Начиная с этого дня следуем мы ему. Мы будем действовать в соответствии с этим засвидетельствованным помыслом. Если пойдет другой враг против земель Усермаатра Сетепенра, великого властителя Египта, и он пошлет (послание) великому правителю страны Хета, говоря: „Выступи со мной с победоносным (войском) (?) против него“, великий правитель страны Хета (16) (придет) [и] великий правитель страны Хета сокрушит его врага. Если же не будет желания у великого правителя страны Хета прийти (самому), то он даст без промедления свою пехоту и свое колесничное войско и (они) сокрушат его врага. Либо если будет гневаться Рамсес Мериамун (17), [великий властитель Египта], на слуг своих или совершат они другой проступок и он выступит, чтобы сокрушить их, то будет великий правитель страны Хета вместе [с ним, чтобы уничтожить всех тех, которые вызвали гнев против них]. Если же [пойдет д]ругой в[раг] против [великого] правителя [страны Хета... (и он пошлет послание)] Усермаат[ра] Сетепенра, (18) [великому властителю Египта], то и он придет к нему с победоносным (войском) (?), чтобы сокрушить его врага. Если (не) будет желания у Рамсеса Мериамуна, великого властителя Египта прийти (самому), то он... [и он даст без промедления] свою пехоту (19) и свое колесничное войско] в качестве повелевшего вернуть (положительный) (?) ответ (на послание великого правителя) (?) страны Хета. Если же поднимутся слуги великого правителя страны Хета против него, то и Рамсе[с] Мериамун... (будет вместе с ним (?))... сообразно с тем, как договорились великие правители (?) страны Хета (и) [земли Египта] (20)... (и если великий правитель страны Хета сообразно с) (?) клятвой скажет: „Когда я последую [за его (?) судьбой (умру)], пусть Рамсес [Мериамун], великий властитель Египта, живущий вечно, (придет на помощь к наследнику великого правителя) (?) [страны] Хета“, (то пусть он придет) (?)... (21)... (И если узнает великий властитель Египта то, что) (?) сделали они для того, чтобы был он (узурпатор) (?) дан им в качестве господина, то пусть (не) будет Усермаатра Сетепенра, великий

властитель Египта, молчать (на его притязания) (?) ртом своим вовек. И после того как он (узурпатор) (?) (будет изгнан из) (?) [страны] Хета, пусть он будет (возвращен) (?) [великому правителю страны Хета. Также], (если какой-либо знатный человек убежит из земли Египта к) (?) великому правителю страны Хета или какой-либо город (в Азии)²³ (22) из тех, которые на землях Рамсеса Мериамуна, великого властителя Египта (отпадет от Египта) (?) и они придут к великому правителю страны Хета, то да не примет их великий правитель страны Хета, да повелит великий правитель страны Хета, чтобы доставили их Усермаатра Сетепенра, великому властителю Египта, их господину, [да будет он жив, невредим], здрав. Либо если [убегут] один человек или два человека, которых не знают, (23) [из Египта] и они придут в землю страны Хета, чтобы стать слугами другого, то да не оставят их в стране Хета, пусть их доставят Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта. Либо если убежит какой-либо знатный человек из страны Хета и он [придет к Усер]маат[ра] Сетепенра, [великому властителю] Египта, или какой-либо (человек) из города, или какой-либо (человек) сельской местности, или (24)... их страны Хета и они придут к Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта, то да не примет их Усермаатра Сетепенра, великий властитель Египта, да повелит Рамсес Мериамун, великий властитель Египта, чтобы доставили их великому правителю [страны Хета], да не оставят их. Точно так же, если убегут один человек или два человека (25), которых не знают, и они придут в землю Египта, чтобы стать слугами других, то да не оставит их Усермаатра Сетепенра, великий властитель Египта, пусть повелит он, чтобы доставили их великому правителю страны Хета. Что касается этих слов договора, который заключил великий правитель страны Хета [с Рамсесом Мериамуном], великим властителем (26) [Египта, которые начертаны] на пластине из серебра, что касается этих слов, то тысяча божеств из богов (и) богинь страны Хета вместе с тысячей божеств из богов (и) богинь земли их Египта — они у меня в качестве свидетелей, (гарантирующих) (?) эти слова: Па-Ра, владыка неба, Па-Ра города Аринны (27), Сутех, владыка неба, Сутех страны Хета, Сутех города Аринны, Сутех города Зиппаланды, [Сут]ех города Петтиарика, Сутех города Хиссасхапы, Сутех города Сариса, Сутех города Халеба, Сутех города Лихзины, Сутех (28) [города... Сутех города... Сутех города...] Сутех города Сахпина, богиня Антарет страны Хета, бог страны Зитхариас, бог страны Карзис, бог страны Хапанталиас, (29) богиня города Карахны, [богиня] страны Джер, богиня страны Нуа, богиня страны Джин, бог страны Ан[ет], бог [страны Керет, бог страны Хебет, царица] неба из богов — владык клятвы, богиня, [госпожа] земли, госпожа клятвы Исхара, госпожа (30) гор и рек страны Хета, боги страны Киззувадна, Амун, Па-Ра, Сутех, боги (и) богини, (божества) гор и рек

земли Египта, неба, земли, нашего великого водного потока (моря), ветров, облаков²⁴.

Что касается этих слов, (31) которые на этой пластине из серебра, (начертанные) для страны Хета (и) для земли Египта, то, что касается того, кто не будет соблюдать их, тысяча богов страны Хета вместе с тысячью богов земли Египта сделают (все), чтобы уничтожить его дом, его землю, его слуг. Что же касается того, кто будет соблюдать эти слова, которые на этой пластине из серебра, будут ли они из страны Хета, будут ли они из (числа) людей (32) Египта, и они не станут пренебрегать ими, тысяча богов страны Хета вместе с тысячью богов земли Египта сделают (все), чтобы был он здоров, чтобы был он жив вместе с его домами, вместе с его землей, вместе с его слугами. Если убежит один человек из земли Египта, или два, или три и (33) они придут к правителю страны Хета, то великий правитель страны Хета пусть схватит [их] и пусть он [повелит] доставить их обратно к Усермаатра Сетепенра, (великому) властителю [Е]гипта. Что же касается челове[ка], которого доставят Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта, то да не будет возбуждено против него (дело) (относительно) его преступления, да не (34) уничтожат его дом, его жен, его детей, [да не убьют] его, да не посягнут на его глаза, его уши, его рот, его ноги, да не будет против него (дело) (относительно) какого-либо [преступления]. Точно так же, если убегут люди из страны Хета, будет ли он один, будут ли их двое, будут ли их трое, и они придут к Усермаатра Сетепенра (35), великому властителю Египта, то пусть Рамсес Мериамун, [великий] властитель [Египта], схватит [их] и пусть он повелит доставить их великому правителю страны Хета, и да не [возбудит великий правитель страны Хета] (дело) против них (относительно) [их] преступле[ния], и да [не уничтожат] его [дом], его жен, его де[тей], и да не убьют его, и да не посягнут на его уши (36), на его рот, на его ноги, и да не возбудят (дело) против него (относительно) какого-либо преступления, (подобного тому), которое в середине пластины из серебра. На ее передней стороне фигура в образе Сутеха, обнимаю[щая... великого властителя страны Хета], окруженная сопроводительными (?) словами, а именно: „Печать Сутеха, властителя неба, печать этого договора, заключенного Хетесером (Хаттусилисом III), великим правителем (37) страны [Хета], могучим, сыном [Мерсера] (Мурсилиса), [великого правителя страны Хета, могучего“.

Внутри обрамления этой фигуры печать... Сутеха, властителя неба. То, что (находится) в середине] ее другой стороны: фигура знатной женщины — [богини страны Хета, обнимающей (образ) знатной женщины — правительницы страны Хета, окруженная сопроводительными словами, а именно: „Печать] Па-Ра города Аринны, владыки земли; печать Пудухепы — правительницы страны Хета, дочери страны Киззувадна, (владычицы) [го-

рода Ајринны, госпожи земли, прислужницы богини“. То, что внутри обрамления этой фигуры: печать Па-Ра (города) Аринны, владыки всей земли» [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 226—232].

Таков египетский текст мирного договора, заключенного Рамсесом II с Хаттусилисом III. Аккадский вариант этого договора, обнаруженный в Богазкёе (тексты: КВо I, 7+KUB III, 121; КВо I, 25, KUB III, II+KUB III, 120), [231; 359, с. 181—183; 400, с. 46—57; 401; 402; 477], менее известен, и потому для сопоставления приведем и его, используя перевод А. Гётце [270, с. 202—203]. (Имеется много клинописных фрагментов составленного на аккадском языке текста договора. Один такой фрагмент хранится в Ленинграде, в Эрмитаже [92, с. 77—82].)

«Договор Риамасеса Маиамана (Рамсеса Мериамуна), великого царя, царя страны Египет, могучего, с Хаттусилисом, великим царем Хатти, об установлении [хорошего] мира [и] хорошего братства, [достойных] великого [цар]ства, навечно.

Таковы слова Риамасеса Маиамана, великого царя страны Египет, могучего в отношении всех стран, сына (5) Минмуариа (Сети I), великого царя, царя страны Египет, могучего внука Минпахтариа (Рамсеса I), великого царя, царя страны Египет, могучего, (сказанные) Хаттусилису, великому царю страны Хатти, могучему, сыну Мурсилиса, великого царя, царя страны Хатти, могучего, внуку Суппилиумаса, великого царя, царя страны Хатти, могучего.

Теперь я установил хорошее братство (и) хороший мир между нами навечно. Для того чтобы установить хороший мир (и) хорошее братство во [взаимоотношениях] страны Египет со страной Хатти навечно, (я говорю) так: Вот, что касается взаимоотношения между страной Египет (10) и страной Хатти, то и после бесконечности бог не позволит возникнуть вражде между ними по причине договора (действительного) вечно. Вот, Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, с целью осуществить взаимоотношение, которое бог солнца (Ра) и бог бури установили для страны Египет и страны Хатти, признает себя во взаимоотношении, действительном и после бесконечности, которое [не позволяе]т возникнуть вражде между [нами] вплоть до вечного времени.

Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, вступил в соглашение, (написанное) на серебряной пластине, (15) с Хаттусилисом, великим царем, царем страны Хатти, [своим] братом, [с] этого [д]ня об установлении хорошего мира (и) хорошего братства ме[жду нами] навечно. Он брат [мне], и я брат ему и в мире с ним навечно. И что касается нас, наше братство и наш мир осуществлены и будут лучше, чем братство и мир, которые существовали прежде для страны Египет и страны Хатти.

Вот, Риамасеса Маиамана, царь страны Египет, находится в хорошем мире (и) хорошем братстве с [Хаттусилисом], великим царем, царем страны Хатти. Вот, сыновья Риамасеса

Маиамана, царя страны Египет, (20) находятся в мире с братьями и сыновьями Хаттусилиса, великого царя, царя страны Хатти, навечно. Они находятся в таком же взаимоотношении братства и мира, как мы. И что касается (взаимоотношения) страны Египет со страной Хатти, они находятся в мире и братстве, подобно нам, вечно.

Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, не вторгнется в страну Хатти, чтобы предпринять что-либо там, в будущем. И Хаттусилис, великий царь, царь страны Хатти, не вторгнется в страну Египет, чтобы предпринять что-либо там, в будущем. Вот, священный указ, (действительный) вечно, который бог солнца (Ра) и бог бури осуществили (25) в отношении страны Египет и страны Хатти, (призывая к) миру и братству, с тем чтобы не возникла вражда между ними. Вот, Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, взял в отношении этого (обязательство ?) с целью осуществления хорошего бытия с этого дня. Вот, страна Египет (в своем взаимоотношении) со страной Хатти, они находятся в мире и братстве навечно.

Если какой-либо враг со стороны пойдет против страны Хатти и Хаттусилиса, великий царь, царь страны Хатти, пошлет ко мне, говоря: „Приди ко мне, чтобы помочь мне против него“. Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, (30) пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они поразят [его врага и] отомстят ему ради страны Хатти.

И если Хаттусилис, великий царь, царь страны Хатти, рассердится на своих слуг, принадлежащих ему, (и если) они не будут иметь успеха против него и пошлют к Риамасеса Маиамана, великому царю, царю страны Египет, в отношении себя — вот, Риамасеса Маиамана пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они разрушат все (дело) тех, на кого он (Хаттусилис) рассердится.

Если какой-либо враг со стороны пойдет против страны Египет и Риамасеса Маиамана, царь страны Египет, его брат, пошлет к Хаттусилису (35), царю страны Хатти, своему брату, говоря: „Приди сюда, чтобы помочь мне против него“. вот, Хаттусилис, царь страны Хатти, пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они поразят моих врагов.

И если Риамасеса Ма[иамана, царь] страны Египет, рассердится на слуг, принадлежащих ему, (и если) они предадутся греху проти[в него и я пошлю] к Хаттусилису, царю страны Хатти, моему брату, в отношении себя, вот, Хаттусилис, [царь страны Хатти], мой брат, пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они разрушат все (дело) тех, на кого он (Риамасеса Маиамана) рассердится.

(40) Вот, сын Хаттусилиса, царя страны Хатти, станет царем страны Хатти вместо Хаттусилиса, его отца, после многих лет (правления) Хаттусилиса, царя страны Хатти. Если знатные

люди страны Хатти предадутся греху против него, вот, [Риамасеса Маиамана, царь Египта, пошлет пеших воинов (и) колесничих, чтобы отомстить им [ради страны Хатти, и, после того как они восстановят порядок] в стране царя страны Хатти, [они вернутся] в страну [Египет].

[Если знатный человек убежит из страны Хатти и е]сли какой-либо (подобный) человек придет [к Риамасеса Маиамана, великому царю, царю страны Египет], с целью поступить к нему на службу — [да будет это... принадлежащее Ха]ттусилису, царю страны Хатти, (10) [да будет это...] или один город, — [Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Хатти (?), схватит их и] доставит их обратно к царю страны Хатти.

(18) [Если знатный человек] убежит [от Риамасеса Маиамана, царя страны Египет, и если какой-либо (подобный) человек] придет в страну [Хатти], [Ха]ттусилис, (20) [великий царь, царь страны Хатти, схватит его и] доставит его обратно к Р[иамасеса Маи]амана, великому царю, царю страны Египет, своему брату.

Если какой-либо человек убежит из [страны Хатти, или] два человека, [или три человека и придут к] Риамасеса Маи[амана, великому царю, царю страны Египет], [Риамасеса] Маиамана, великий царь, [царь страны Египет, схватит их и доставит их обратно к] Хаттусилису, своему брату. [Риамасеса Маиамана, и Хаттусилис действительно] братья, [да не взыщут наказание за] их грехи, [да не] вырвут [их глаза; (25) да не отомстят им] на их людях [...вместе с] их [женами и с] их детьми.

Если [какой-либо человек убежит из Египта], или два человека, или три человека [и придут к Хаттусилису, великий царь], царь страны Хатти, его брат, схватит их и доставит их [обратно к Риамасеса Маиамана, великому царю, царю] страны Египет. [Хаттусилис, великий царь страны Хатти], и Риамасеса Маиамана, великий царь, [царь страны Египет, действительно братья, да не взыщут они наказание за их грехи] (30) [...] да не вырвут их глаза, [да не отомстят им на их людях... вместе с] их женами (и) с их детьми».

После нескольких фрагментарных строк текст обрывается. Из-за незаконченности сохранившегося аккадского текста потерян аккадский список богов, которые были привлечены в качестве гарантов соблюдения договора.

Сличение египетского и аккадского вариантов договора Рамсеса II с Хаттусилисом III показывает тождественность их содержания. Речь идет в обоих случаях об одном и том же: о заключении договора о вечном мире, дружбе и братстве, о взаимном отказе от агрессии, о союзе и взаимопомощи в случае военного нападения на кого-либо из договаривающихся сторон, о помощи в случае внутренних беспорядков, о выдаче друг другу политических противников — беглецов при условии гуманного отношения к ним независимо от того, знатные они люди или простые.

В то же время египетский вариант договора, несомненно, более подробен. Так, только в египетском варианте договора сообщается о том, что согласованный при дворе Хаттусилиса III аккадский текст договора, записанный клинописью на серебряной пластине, был доставлен в Египет специальным посольством, в состав которого входили два хеттских посла, Теретсеб и Рамес, и один египетский. Только в египетском варианте договора упоминаются предшествовавшие мирные договоры, заключенные хеттской державой с Египтом при Суппилулиумасе и Муваталлисе. Только в египетском варианте договора сохранился перечень имен многих переднеазиатских богов из объявленной в тексте договора тысячи египетских и хеттских богов и богинь, которые должны были выступить гарантами соблюдения договора заинтересованными сторонами. Только в египетском варианте договора описываются печати хеттского царя и царицы с изображениями хеттских богов, скреплявших начертанный на серебряной пластине согласованный первоначальный аккадский текст договора, отправленный Хаттусилисом III Рамсесу II.

Очевидная большая краткость известного нам клинописного текста по сравнению с египетским объясняется как худшей сохранностью клинописного текста, так и прежде всего тем, что в данном случае перед нами не первоначальный согласованный клинописный текст, начертанный на серебряной пластине, полученный Рамсесом II от Хаттусилиса III, а клинописная копия с другого, также клинописного, но уже вторичного текста, который был составлен в Египте, записан на серебряной пластине и, в свою очередь, отправлен Рамсесом II ко двору Хаттусилиса III. Египетские писцы-переводчики, несомненно использовавшие в своей работе первоначальный клинописный текст, полученный Рамсесом II от Хаттусилиса III (после перевода на египетский язык этот текст лег в основу египетского варианта договора), по каким-то причинам его немного сократили.

Кроме того, отсутствие как в египетском, так и в аккадском варианте договора упоминания об обязательстве Хаттусилиса III поддержать наследника Рамсеса II, возможно, объясняется тем обстоятельством, что Рамсеса II менее по сравнению с Хаттусилисом III, пришедшим к власти после отстранения племянника Урхи-Тешуба, волновала необходимость гарантировать своему сыну наследование престола.

Подчеркивание двух факторов в качестве основного содержания договора — взаимопомощь в случае внешней военной опасности и в случае внутренних смут — позволяет сделать определенный вывод о предпосылках, приведших к заключению вечного мира между Египтом и страной хеттов. Этими предпосылками были внешняя опасность и внутренние смуты. О какой-либо внешней военной угрозе Египту во времена Рамсеса II (помимо угрозы со стороны хеттов) говорить трудно. Нет никаких свидетельств и о каких-либо внутренних смутах в Египте пошатнувших трон Рамсеса II²⁵. Что касается государства

хеттов, то здесь внутренние беспорядки в правление Хаттусилиса III были весьма вероятны. В плохо сохранившейся и потому трудной для интерпретации строке 21 египетского текста договора все же явно говорится о возможности существования заговора, направленного против власти Хаттусилиса III или его сына.

Аналогичным образом военная опасность с какой-либо третьей стороны угрожала прежде всего царству хеттов, и потому можно думать, что инициатором переговоров, приведших к подписанию мирного соглашения с Египтом, был Хаттусилис [501, с. 112—130]. На царство хеттов с востока наступали ассирийцы, и именно об этом свидетельствуют хеттские документы, относящиеся к периоду, предшествующему 21-му году правления Рамсеса II, когда был заключен договор о мире и союзе между двумя недавними противниками. Речь в данном случае идет о хеттских документах KBo I, 14.6—19 и KBo I, 14 rev. 4 ff., в которых говорится о завоеваниях ассирийских царей Адад-Нерари I и Салманасара I в районе Ханигальбата (бывшего царства Митанни), на восточной границе хеттского государства.

Хеттскими документами устанавливается, что Адад-Нерари I совершил поход в Ханигальбат, сверг тамошнего правителя Шаттуара, но затем вновь восстановил в Ханигальбате власть последнего — уже в качестве вассала Ассирии. Через много лет, после того как сын Шаттуара, Васашатта, поднял восстание против ассирийцев, Адад-Нерари I вторично вторгся в Ханигальбат, устранил Васашатта, включив Ханигальбат в состав Ассирии [485, с. 1]. Случилось это в небольшой отрезок времени между восшествием на престол Хаттусилиса III и заключением мирного договора Египта с царством хеттов [485, с. 9]. Поражение Васашатта привело к значительным изменениям в расстановке политических сил в Азии [485, с. 9] и создало угрожающее положение на восточной границе хеттской державы. Отныне ассирийские войска могли в любой момент вторгнуться в Северную Сирию, и это обстоятельство не мог не учитывать Хаттусилис III. Интересно, что Адад-Нерари I написал Хаттусилису III письмо (KUB XXIII, 102), в котором предлагал заключить договор о мире и братстве. Однако Хаттусилис III счел недостойным для себя называть Адад-Нерари I братом, хотя Адад-Нерари I после устранения Васашатта претендовал на титул «великого царя». Хеттский властитель ответил Адад-Нерари I, что не станет называть его своим братом, как это не делали и предки Хаттусилиса III [485, с. 10, примеч. 44—46]. В это время ассирийские отряды подошли вплотную к стенам Каркемиша, и потому Хаттусилис III счел за лучшее заключить договор о мире и союзе с Рамсесом II, бесспорным «великим царем», соглашение с которым не унижало достоинства правителя страны хеттов.

Как мы уже указывали, текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III согласовывался заблаговременно. В перего-

ворах участвовали специальные представители двух договаривающихся сторон, велась оживленная переписка.

В Богазкёе было найдено письмо египетского визиря к Хаттусилису III [206, с. 42, табл. 2] и письмо египетской царицы [359, с. 203; 210, с. 72—85], которая поздравляла свою «сестру» — жену Хаттусилиса III Пудухепу — со знаменательным событием — установлением мирных и союзнических отношений между двумя недавними противниками. (О переписке Рамсеса II с хеттским двором см. также [207; 208; 209; 210; 212; 213].)

Хотя в договоре, как мы могли убедиться, нигде не упоминается граница между Египтом и царством хеттов, однако, по всем данным, Рамсесу II не удалось расширить владения Египта в Азии. Большая часть Сирии и Финикии, несомненно, осталась под властью хеттов, и только Южная Финикия, Южная Сирия и Палестина оказались в сфере влияния Египта [25, т. II, с. 120].

Отметим, что, еще ведя упорную борьбу с хеттами, а также после заключения мирного договора с Хаттусилисом III Рамсес II добивался установления дружественных отношений с Вавилонией — несомненно, в целях укрепления позиций Египта на восточных границах страны хеттов. О сказанном выше свидетельствует содержание письма Хаттусилиса III, адресованного вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II, в котором сообщается как о предшествующем времени правления союзника Хаттусилиса III — вавилонского царя Кадашман-Тургу (отца Кадашман-Эллиля II), так и о взаимоотношениях Рамсеса II с Кадашман-Эллилем II после заключения мирного соглашения с хеттами (текст КВо I 10 [205, с. 130]). В данном письме речь идет не о заключении мирного договора Египта с хеттским царством (так первоначально оценили исследователи содержание письма) и не о предварительных переговорах, подготавливавших этот договор, а о дипломатической активности Рамсеса II, направленной на установление дружественных отношений Египта с Вавилонией и во время войны с хеттами, и после нее, т. е. как во время царствования Кадашман-Тургу, так и во время правления сына последнего Кадашман-Эллиля II.

Приведем теперь текст письма КВо I, 10 в переводе Эл. Эделя [205, с. 131—132] с учетом замечаний М. Б. Роутона [486, с. 16—18]:

«(55) [Так (говору) моему брату: „]То, что мой брат написал [относи]тельно посланцев царя Египта (56), [относительно этих посланцев царя] Египта так написал я моему брату: (57) [Когда тво]й отец и я заключили соглашение о дружбе и стали братьями (58), [тогда ск]азали [мы так:] братья мы. С каким-либо общим врагом [желаем мы быть во враждебных отношениях, и с] каким-либо общим другом желаем мы быть в дружественных отношениях!“...

Когда же царь Египта (60) [и я между собой в]раждовали, тогда я написал твоему отцу Кадашман-Тургу: (61) [„Царь

Египта] враждует со мной“, и твой отец написал мне: (62) [„Когда твои отряды] выступают против Египта, выступлю и я с тобой; (63) [когда ты против Египта] выступишь, [пошлю] я [тебе] (пешее) войско и колесницы, как если бы они были привлечены вместе со мной“. Спрашиваю [т]еперь, мой брат, твое величество, о том, что тебе могли бы сказать. (65) [Когда я выступил], взял ли я (пешее) войско и колесницы в том большом количестве, о котором он (Кадашман-Тургу.— *И. С.*) сказал, что [пошлет], чтобы со мной выступили? (66) (Но) когда и что я взял? ²⁶. Что касается моего врага, который за границу [бежал, который] прибыл к царю Египта, когда я ему (царю Египта.— *И. С.*) написал: (68) [„Моего врага] мне предоставь!“ Тогда он (царь Египта.— *И. С.*) не позволил предоставить (мне) моего врага (69), [и из-за этого (дела) гневались друг на друга я и царь Египта]. (70) [Я написал] твоему отцу: [„Царь Египта привлек на помощь моего врага!“ И тогда твой отец посланцев царя] Египта отослал прочь. Когда же ты, мой брат, (72) [царем стал], тогда ты [твоих посланцев к царю Египта направил. Дела посланцев (73) [царя Египта... и царь] Египта твои (74) [подарки принял, и ты его подарки] принял. Теперь (75) [...И если ты твоих посланцев к царю Египта] посылаешь, почему должен я тебе (в этом) мешать?» [205, с. 131—132; 486, с. 17].

Как полагал Эл. Эдель, письмо Хаттусилиса III к Кадашман-Эллилю II было направлено еще до заключения мирного договора между Египтом и страной хеттов [205, с. 133]. Между тем, по мнению М. Б. Роутона, последняя строка письма Хаттусилиса III, подчеркивающая согласие хеттского царя на установление хороших отношений Вавилонии с Египтом, указывает, что это письмо было составлено уже после подписания Хаттусилисом III мирного соглашения с Рамсесом II в 21-й год правления последнего [486, с. 16—17]. Согласно трактовке М. Б. Роутона, текст КВо I, 10 являлся ответом Хаттусилиса III на какое-то письмо Кадашман-Эллиля II, в котором Кадашман-Эллиль II скорее всего обвинял Хаттусилиса III в том, что он втянул Кадашман-Тургу (отца Кадашман-Эллиля II) во враждебные отношения с Рамсесом II [486, с. 17]. Хаттусилис III как бы оправдывался, сообщая Кадашман-Эллилю II, что предложенные его отцом пешие войска и колесницы не были использованы Хаттусилисом III в военных действиях против Египта, да и сейчас, уже после заключения мирного договора с Египтом, хеттский царь не собирается препятствовать развитию дружественных отношений между Вавилонией и Египтом.

Отметим, что приведенный текст КВо I, 10, несомненно, во-первых, свидетельствует о существовании дипломатических связей Египта с Вавилонией в период борьбы с царством хеттов, во-вторых, указывает на налаживание дружественных отношений между Египтом и Вавилонией после подписания мирного договора с хеттами. Особо подчеркнем, что в тексте КВо I, 10

как о причине вражды Хаттусилиса III к Рамсесу II говорится о каком-то противнике хеттского царя, бежавшем в Египет, скорее всего о знатном подданном или родиче Хаттусилиса III, возможно замешанном в династийной борьбе за престол, в которой столкнулись друг с другом Урхи-Тешуб и Хаттусилис III (племянник и дядя). Сообщаемый текстом КВо I, 10 факт поддержки Рамсесом II какого-то враждебного хеттскому царю беглеца, бесспорно, заслуживает внимания, коль скоро он нашел свое отражение и в соответствующих параграфах мирного договора Хаттусилиса III с Рамсесом II, предусматривающих взаимную выдачу подобного рода беглецов.

БРАК РАМСЕСА II С ХЕТТСКОЙ ПРИНЦЕССОЙ, ДОЧЕРЬЮ ХАТТУСИЛИСА III

Через 13 лет после заключения мирного договора с хеттами, в 34-й год своего царствования (год второго празднования юбилея «тридцатилетия» — хеб-седа), Рамсес II вступил в брак со старшей дочерью Хаттусилиса III. Последний, сопровождая свою дочь, с большой свитой и богатыми дарами лично прибыл в Египет вместе с царем страны Кеди для участия в свадебных торжествах [207, с. 13 и сл.]. Позднее, как сообщают стелы из Коптоса и Абидоса, Рамсес II взял в жены и другую дочь Хаттусилиса III [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 282—283]²⁷. Надписи о бракосочетании Рамсеса II со старшей дочерью Хаттусилиса III были высечены во многих местах в Египте и Нубии. Помимо большого текста в Абу-Симбеле аналогичные тексты, сообщающие о первом браке Рамсеса II с хеттской принцессой, имеются на стелах в Карнаке, в Амаре, в Акше, в Элефантине [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 234—256; 357, с. 181—238], а также на разрушенной стеле из святилища Мут в Карнаке [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 256—257; 372, с. 34—45].

Браку Рамсеса II со старшей дочерью Хаттусилиса III предшествовали длительные переговоры и оживленная переписка между царствующими домами Египта и страны хеттов.

Так, в найденном в архиве Богазкёя письме, адресованном хеттской царице Пудухепе, жене Хаттусилиса III, Рамсес II информировал ее: «Смотри, великий царь, царь Хатти, мой брат, написал мне, говоря: „Пусть придут люди, чтобы возлить хорошее, прекрасное масло на голову моей дочери, и пусть она будет доставлена в дом великого царя, царя Египта“» [209, с. 262—275; 502, с. 187, примеч. 41].

Как сообщал Рамсес II в другом письме Пудухепе, он удовлетворил просьбу Хаттусилиса III побеспокоиться о том, чтобы его дочь была благополучно доставлена в Египет: «Что касается твоего послания мне: „Смотри, невеста... которую я дам, я дал ее и ее приданое больше, чем приданое (дочери) царя (страны) Зулапи... Я даю моей дочери рабов, скот, овец и ло-

шадей, и в этом году я отправляю мою дочь, которая доставит рабов, скот, овец и лошадей в страну Эйэ, и пусть мой брат пошлет человека, чтобы он побеспокоился о них в стране Эйэ“, — так мой брат написал мне, и я отвечу ему следующее: „В отношении этих рабов, и этих стад лошадей, и этих стад скота, и этих стад овец... я написал Сети, правителю города Рамсес, города, который (находится) в стране Упи, чтобы (он) побеспокоился о них, и он будет тем, кто отвечает за них, до тех пор пока невеста не прибудет в Египет“. И далее я написал правителю Птах... в городе Рамсес, городе, который (находится) в Канаане, побеспокоиться об этих рабах, и этих стадах телят, и этих стадах овец. Он будет тем, кто отвечает за них, пока невеста не прибудет в Египет... и из уважения к твоему посланию: „Что касается охраны невесты, дай продовольствие их людям“, хорошо, я прикажу, чтобы оно было дано [212, с. 29—63; 502, с. 187, примеч. 41].

О том, как старшая дочь Хаттусилиса III с богатым приданным прибыла в Египет, рассказывается в египетских текстах, и наиболее обстоятельно в том из них, который сохранился на «брачной стеле» Рамсеса II.

«Брачная стела» Рамсеса II, высеченная на отвесной скале из песчаника на южной стороне большого храма в Абу-Симбеле [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 234—252; 357, с. 181—238], воспроизводит текст документа, разосланного в различные храмы Египта для его увековечения на их стенах. Надпись эта не избежала повреждений. Резчику, высекавшему в Абу-Симбеле текст «брачной стелы», не хватило места для ее полного воспроизведения. Он высек только 41 строку, несмотря на то что постепенно уменьшал размеры иероглифов. В конце концов ему пришлось дойти до края скалы и остановиться, не завершив повествования. Как пишет Я. Черны, «надпись долго, может быть целые столетия, подвергалась влиянию непогоды, пока ее совершенно не засыпало песком, но к этому времени мельчайшие частицы песка, приносимые преобладающими здесь северными ветрами, уже значительно сгладили поверхность камня.

Поэтому неудивительно, что немецкий ученый Р. Лепсиус, первый взявшийся за изучение стелы в 1843—1844 гг., списал, да и то с большими пробелами, только 18 строк, так как нижняя часть стелы, вероятно, погребена под песками. Лишь в конце прошлого века французский египтолог Э. Буриан скопировал, хотя и несовершенно, всю надпись. Много в оригинале сильно попорчено выветриванием, и некоторые слова, даже целые строки часто так неразборчивы, особенно при дневном свете, что исследователь может добиться успеха лишь в том случае, если он располагает достаточным временем и ярким электрическим освещением для работы ночью» [91, с. 31].

Первые 25 строк текста «брачной стелы» содержат длинное вступление с обычными славословиями и похвалами Рамсесу II. Далее сообщается следующее: «Тогда снарядил он (Рамсес II)

свое колесничное войско, чтобы нанесло оно удар по стране Хета. Поразил он ее, будучи один, на глазах у воинов своих. Создал он себе имя навеки во дворце своем. Запомнили они мощь руки его. Кто уцелел от руки его, тех сделал он ничтожными. Мощь его среди них как пылающий факел... И когда прошло много лет и страна их погибала и ослабевала год от года из-за мощи великого живого бога, владыки двух земель, властителя девяти луков, царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, которому дана жизнь, написал великий правитель страны Хета, умиротворяя величество его, увеличивая мощь его, превознося победу его, говоря: „Отврати гнев свой, отведи кару свою, дай нам вдохнуть дыхание жизни. Ведь ты сын Сутеха! Присудил он тебе страну Хета. Дары наши, все, что ты пожелаешь, принесем мы их в твой почтенный дворец. Вот мы под ногами твоими, о победоносный царь! Случилось с нами все, как определил ты, о царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь!“ И писал великий правитель страны Хета письма, умиротворяя величество его год за годом, но ни разу не прислушался он к ним. А когда увидели они страну свою в этом скверном состоянии из-за великой мощи владыки двух земель, царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сына Ра, Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь, сказал великий правитель страны Хета воинам своим и сановникам своим, говоря: „Смотрите! Наша страна бедствует, а владыка наш Сутех гневается на нас. Небо не дарует нам дождь. Все страны, объединившись, сражаются против нас. Соберем же все достояние наше, и пусть дочь (моя) старшая будет во главе его. Принесем мы дары благому богу, царю Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сыну Ра, Рамсесу Мериамуну, которому дана жизнь, чтобы дал он нам мир и мы могли бы жить“. И приказал он, чтобы доставили дочь его старшую и перед ней дары прекрасные, состоящие из золота, серебра и металлов многочисленных, рабов, лошадей — нет числа им, быков, овец, коз — нет конца вещам, которые они принесли.

Пришел некто, чтобы обрадовать сердце величества его, говоря: „Вот, повелел великий правитель страны Хета, чтобы доставили дочь его старшую с дарами многочисленными, состоящими из множества вещей, которые покрывают ту, которая во главе их, правительницу страны Хета, вместе с сановниками великими страны Хета, несущими их. Прошли они через множество гор и трудных перевалов. Достигли они границ величества твоего. Пусть отправятся воины и сановники встретить их! О царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун!“ И величество его обрадовался, и дворец был доволен, когда услышал он об этом чудесном событии, неизвестном (ранее) в Египте. Тотчас послал он воинов и сановников встречать их... Потом стал величество его совещаться со своим сердцем, говоря: „Каково будет тем, кого послал я

следовать в качестве послов в Сирию в эти дни дождя и снега, случающиеся в (период) перет (зимы)?“ Потом принес он жертву великую отцу своему Сутеху. Обратился он к нему, говоря: „Небо в руках твоих, земля под ногами. Все, что ты приказываешь, свершается. Не сотвори дождь холодный и снег до тех пор, пока не достигнут меня те чудеса, которые ты предназначил мне!“ ...И услышал отец его Сутех все, что он сказал. И было небо спокойным, и дни (периода) шему (лета) случались в (период) перет (зимы), так что воины и сановники путешествовали приятно, члены их были в довольстве, а сердца — в радости...

Когда дочь этого великого правителя страны Хета проследовала в Египет, колесничное войско, сановники величества его смешались в свите ее с колесничным войском страны Хета. Были они все как египетские воины... Ели они и пили они, имея одно сердце, как братья, и ни один не ссорился со своим соседом. Мир и братство были между ними по замыслу самого бога. И великие правители всех стран, через которые они проходили, были в смущении и отвернулись, удивленные, когда увидели они людей страны Хета, соединившихся с воинами царя Египта» [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 243—252, стк. 26—41]. На этом текст абу-симбельской стелы обрывается, но другие варианты этого текста — из Карнака и Амары — сообщают о том, что Рамсес II был поражен красотой хеттской царевны, которая получила египетское имя Маатнефрура как царствующая жена фараона. Рамсес II поместил ее в своем дворце и виделся с нею каждый день. После заключения брака с дочерью Хаттусилиса III Рамсес II стал считать хеттов как бы подданными Египта, который отныне благоденствовал в мире и без страха. На «брачной стеле» из большого храма в Абу-Симбеле сохранились рельефное изображение прибытия царевны в резиденцию Рамсеса II (в центре композиции) и изображение следующего за своей дочерью Хаттусилиса III [468, с. 114, № 339]. Само собой разумеется, что прибытие в столицу Египта, в город Пер-Рамсес, Хаттусилиса III вместе с царем страны Кеди для присутствия на торжественной церемонии бракосочетания хеттской царевны с фараоном было истолковано придворными Рамсеса II как еще одна его блестящая победа.

Брак Рамсеса II с хеттской царевной произвел большое впечатление на современников и оставил о себе память в веках. От позднего эллинистического времени известна запись сказки о болезни царевны Бентреш из страны Бахтан (скорее всего Бактрии) [200, с. 47—50], для исцеления которой (изгнания злых духов) по просьбе ее отца из Египта была отправлена статуя бога Хонсу, якобы обладающая волшебной силой врачевания. Поскольку царевна Бентреш названа старшей сестрой жены Рамсеса II Нефруры, можно считать, что в этом сказочном повествовании отразились предания о браке Рамсеса II с дочерью Хаттусилиса III²⁸.

В царствование Рамсеса II вся Нубия до четвертого порога находилась в абсолютном подчинении Египта. Египетская администрация полностью контролировала обстановку в Нубии, доставляя в царскую казну различные материальные ценности, и прежде всего золото. Как свидетельствует надпись на стеле из Кубана от 3-го года правления Рамсеса II, последний преуспел там, где потерпел неудачу его отец Сети I, выкопав колодец и достав воду на трудном пути к золотым рудникам в Вади-Аллаки [137, т. II, § 282—295; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356 и сл.; 490, с. 30; 543]. О военных экспедициях Рамсеса II в Нубию достоверных сведений нет, и можно думать, что подобные экспедиции вообще не имели места по причине прочности египетской власти в Нубии. К такому выводу пришел, в частности, Т. Сэве-Сёдерберг, оценивая достоверность трех циклов изображений и текстов, сообщающих о военных действиях Рамсеса II в Нубии, начертанных на стенах храмов в Абу-Симбеле, в Бейт эль-Вали и в Дерре [495, с. 170]. В большом абу-симбельском храме имеется много сцен и текстов, повествующих о военных действиях Рамсеса II в Нубии. Однако эти события не локализируются и не датируются и часто прерываются упоминаниями о событиях в азиатских странах. О событиях в Нубии военные сцены и тексты из Абу-Симбела сообщают трафаретные подробности: победоносное возвращение из похода, привод пленных, подношение побежденными даров и т. п. [137, т. III § 444, 450; 475, с. 39; 577, с. 180, 181, 184a]. Полагаться на эти абу-симбельские сообщения, по мнению Т. Сэве-Сёдерберга, не приходится.

Не большого доверия заслуживают и аналогичные сцены и надписи в нубийских храмах в Бейт эль-Вали и в Дерре. В храме Бейт эль-Вали представлены захват военной добычи и сцена битвы. (Последняя есть и в храме в Дерре [577, с. 165—185a].) В военной композиции изображены фараон Рамсес II на колеснице, хватающий бегущих кушитов, рядом нубийское поселение под пальмами, сидящая перед хижинкой плачущая вдова, пастух со своим стадом и раненый, доставляемый с поля битвы [495, с. 171]. Предполагать, однако, реальный поход Рамсеса II в Нубию на основании вышеописанных трафаретных сцен, по мнению Т. Сэве-Сёдерберга, не следует²⁹. Не свидетельствует о таком походе и текст стелы из Асуана, датируемый 2-м годом, 3-м месяцем периода шему, 26-м днем царствования Рамсеса II, сообщающий о военных действиях в Нубии и на севере Египта (столкновение с шерденами). Все материалы о военной активности Рамсеса II в Нубии малодостоверны и скорее всего повторяют привычные мотивы египетского традиционного отношения к этой стране [495, с. 172].

Как известно, Нубия управлялась египетским наместником, носящим титул «царский сын Куша», опиравшимся на египет-

скую военную и гражданскую администрацию, в которую, главным образом в конце правления фараонов Рамессидов, проникали и местные элементы³⁰. В Нубии египтяне осуществляли не косвенное (как в Азии), а прямое управление, основой которого были военная сила (концентрировавшаяся в многочисленных крепостях) и гражданское чиновничество. Все вышесказанное было характерно и для царствования Рамсеса II.

Известно несколько «царских сыновей Куша» — современников Рамсеса II. Так, многочисленные памятники упоминают «царского сына Куша» Сетау, который носил, кроме того, титулы «начальник двойного дома серебра и золота», «великий начальник дома Амуна» [495, с. 176; 475, № 14; 294, с. 51]. В Абу-Симбеле две стелы говорят как о современнике Рамсеса II о «царском сыне Куша» Пасере (II) [495, с. 176; 475, № 13]. «Царским сыном Куша» при Рамсесе II был некий Хеви, отмеченный в четырех текстах из Сихейла, а также в надписи, оставленной на пути из Асуана в Коносо [23, с. 154; 287, № 25, 26, 27 а—в, 28, 29], и на берлинской стеле, исследовавшейся Г. А. Рейснером и А. Готье [495, с. 176].

Ушебти двух «царских сыновей Куша», управлявших Нубией во времена Рамсеса II, были обнаружены в Анибе (где, однако, они не похоронены) [495, с. 177; 475, № 15, 16]. А. Готье упоминает пять «царских сыновей Куша» времени Рамсеса II: Иуни, Аменемопета, Сетау, Мессуа, Пасера* [258, с. 113]. Г. А. Белова в своей специальной статье называет шесть «царских сыновей Куша», управлявших Нубией во времена Рамсеса II, носивших имена Аменемопет, Иуни, Хеканахт, Пасер (II), Хеви, Сетау [23, с. 169, 170, 172]. Большинство из этих «царских сыновей Куша», в особенности Сетау [294, с. 51 и сл.], помимо своего основного титула имели множество званий (военных, гражданских, почетных) [23, с. 172], отражавших господствующее положение наместников фараона в покоренной Нубии³¹. Последняя была прочно присоединена к Египту задолго до воцарения Рамсеса II, которому скорее всего не пришлось совершать в нее военные походы, несмотря на наличие трафаретных надписей и изображений, казалось бы свидетельствующих об обратном³². О прочности египетской власти в Нубии в этот период свидетельствует осуществлявшееся Рамсесом II в Нубии исключительно интенсивное храмовое строительство.

РАМСЕС II И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

В памяти народов античного мира Рамсес II остался как великий фараон и полководец-завоеватель. Так, Иосиф Флавий, используя труд Манефона, писал о Рамсесе II (Σέδωϛ³³ ὁ καὶ Ραμέσσης), что он совершил победоносный поход на восток против мидийцев (Против Апиона I, 15). Об азиатском походе Рамсеса II повествовал и Гекатей Абдерский, рассказывавший

о выступлении царя Осимандия (Ὀσίμανδίας) (т. е. Рамсеса II, но названного в соответствии с греческой транскрипцией тронного имени последнего — Wsr-m; ʿ.t-Rc) против восставших бактрийцев (Диодор I, 47, 6). О том же, как сообщал Тацит (Анналы II, 60), поведал родственнику римских императоров Германику один старый фиванский жрец, вспоминая о великом завоевателе, покорившем различные народы Африки и Азии, в том числе и бактрийцев.

В позднем иероглифическом тексте эллинистического времени, сообщающем о болезни царевны Бентреш из страны Бахтан, излеченной присланной к ней из Египта чудодейственной статуей фиванского бога Хонсу, также речь идет, по-видимому, о Рамсесе II [541, с. 47]. Долгое время исследователи считали, что упоминаемый впервые у Геродота (II, 102—110) легендарный египетский фараон Сесострис, якобы совершивший походы в Европу, Азию, Ливию, Нубию, был Рамсесом II, чье краткое прозвище «Сеси» легло в основу грецизированного имени «Сесострис» [393, с. 595]³⁴. Подобную идентификацию имени «Сесострис» опроверг К. Зете, который доказал, что в древнеегипетском имени «Сесострис» обобщены имена трех фараонов Среднего царства — Сенусертов, и в особенности Сенусерта I, но оно не является прозвищем Рамсеса II — Сеси [517]. Подобный вывод стал в настоящее время общепризнанным [386, с. 244, 247, 255; 471, т. II, с. 226; 551, с. 11]³⁵. Нам кажется, однако, что фараоны Сенусерты меньше похожи на легендарного Сесостриса, чем Рамсес II, и потому возможно предположение: если фонетически имя «Сесострис» и не восходит к прозвищу Рамсеса II — Сеси, то в историческом плане именно Рамсес II повлиял на формирование предания о великом завоевателе Сесострисе³⁶.

ПЕР-РАМСЕС — РЕЗИДЕНЦИЯ РАМСЕСА II

Столицей Египта в царствование Рамсеса II стал город Пер-Рамсес Мериамун-Великий-Победами, строительство которого началось в дельте Нила, возможно, еще при Сети I на месте древней резиденции гиксосских правителей Авариса.

Пер-Рамсес (т. е. Дом Рамсеса) превратился в местопребывание административных учреждений и двора всех фараонов XIX и XX династии — фараонов Рамессидов³⁷.

Относительно локализации Авариса до сих пор существуют различные мнения, причем аргументы, привлекаемые для обоснования той или иной точки зрения, столь серьезны, что А. Гардинер должен был отметить это специально [242, с. 258]. По общему заключению, древний Аварис, столица гиксосов, находился там же, где впоследствии был построен Пер-Рамсес. (Исключение составляет мнение Р. Вайлля, не дающего, впрочем, собственной локализации Авариса [561, с. 10—25].) Основным до-

казательством идентичности Авариса и Пер-Рамсеса считается поклонение Сетху (Сутеху) в Аварисе и в Пер-Рамсесе, как об этом свидетельствует хотя бы современная Рамсесу II стела 400-летия эры Сетха (Сутеха). Имеется, кроме того, сходство в описании географических особенностей окрестностей обоих городов. Археологических свидетельств, определяющих местоположение Авариса, наберется, впрочем, не так уж много, и поэтому для локализации столицы гиксосов первостепенное значение имеет локализация столицы Рамессидов — города Пер-Рамсес. Последняя проблема имеет большую историю. Пер-Рамсес пытались обнаружить в различных пунктах Дельты: в Телль эр-Ретабе [454, с. 28, табл. XXXV], в Пелузии [241, с. 127, 179, 242], в Танисе, в местности Катаана-Кантир и в местности Чель³⁸ [431, с. 22]. В настоящее время внимание исследователей привлекают два пункта восточной Дельты — город Танис и территория в местности Катаана-Кантир, расположенной примерно в 25 км к юго-западу от Таниса, на стыке бубастидского и пелузийского рукавов Нила [546, с. 133, 138, фиг. 21—22]. Основными приверженцами отождествления Пер-Рамсеса с Танисом выступили такие исследователи, как П. Монтэ, А. Гардинер, Г. Кеес, Ю. фон Бекерат [116; 118; 238, т. 2, с. 171—175; 254, с. 122—188; 339, с. 145—182; 413; 414; 420, с. 1—28]. В пользу локализации Пер-Рамсеса в местности Катаана-Кантир высказались М. Хамза, В. Хейс, Л. Хабаши, Е. П. Апхилл, Дж. Вэн Сетерс [289, с. 444—562; 297, с. 31—68; 300; 301, т. 2, с. 329; 544, с. 299—316; 546].

Обоснованная многими исследователями, в том числе такими крупнейшими авторитетами, как П. Монтэ и А. Гардинер, топографическая идентификация Пер-Рамсеса (Авариса) с Танисом до сих пор пользуется широким признанием. Во многих египтологических работах и в настоящее время повторяется тезис о локальной совместимости Пер-Рамсеса (Авариса) с Танисом (см., например, [35, с. 7]). Именно поэтому мы считаем необходимым противопоставить подобной распространенной точке зрения очень убедительное опровержение, содержащееся в работе Дж. Вэн Сетерса.

Дж. Вэн Сетерс собрал и глубоко проанализировал все факты, показывающие несостоятельность традиционного вывода о местонахождении столицы Рамсеса II. Аргументация Дж. Вэн Сетерса нам представляется безупречной и исчерпывающей, и поэтому мы позволим себе изложить ее, чтобы каждый мог убедиться в ее неотразимости.

При отождествлении Пер-Рамсеса с Танисом, как указывает Дж. Вэн Сетерс, обращалось внимание на возможность отнесения тех или иных обнаруженных в Танисе архитектурных памятников ко времени Рамессидов.

Дискуссия по этому вопросу началась с анализа датировки больших, окружающих Танис стен. В своем раннем сообщении по поводу этих стен Ж. Фугерусс говорил о том, что внутреннее

ограждение Таниса было возведено в годы царствования фараонов XXI династии [233, с. 19—48], как это засвидетельствовано картушем с именем «Псусеннес» на кирпичах. Это ограждение, согласно указанию Ж. Фугерусса, использовало линию внешней стены в ее северной и западной сторонах. Внешнюю стену, исходя из подобного вывода, должны были соорудить до правления XXI династии, и, следовательно, эту стену нужно относить ко времени Рамессидов [546, с. 128].

Более поздние археологические обследования внешней стены, проведенные П. Монтэ, показали, однако, что заключение Ж. Фугерусса было ошибочным [414, с. 13—27]. Как свидетельствует установленный П. Монтэ план внешней стены, эта стена являлась частью небольшого ограждения, а монументальный проход на западной стороне внешней стены ясно датирует все сооружение временем Шешонка III [414, с. 14 и сл.]. Несмотря на столь важное доказательство, П. Монтэ продолжал защищать идею, что Рамессиды возвели внешнюю стену и проход, которые позднее были включены в постройки Шешонка III. Подкрепляя свой вывод, П. Монтэ обратил внимание на использование Шешонком III при сооружении прохода материалов из прохода, созданного при Рамсесе II. Нужно, однако, учитывать, что эти материалы к тому моменту, когда они были открыты П. Монтэ, уже долгое время не находились в своем первоначальном местоположении (*in situ*), и потому использование их для более ранней датировки внешней стены является весьма сомнительным делом [546, с. 129].

П. Монтэ указал также в подтверждение своей точки зрения на открытие помещенных в фундамент внешней стены останков двух человеческих жертвоприношений — скелетов ребенка и взрослого в специальных глиняных сосудах. Вначале П. Монтэ датировал эти находки гиксосским периодом [420, с. 19; 254, с. 124; 116, с. 33]³⁹, но позднее отнес их ко времени Рамессидов. Тот факт, однако, что подобные сосуды со скелетами были найдены и возле прохода, сооруженного при Шешонке III, позволяет предполагать отнесение к его времени и двух других сакральных погребений. Обращаясь к различным храмовым сооружениям Таниса, П. Монтэ датировал их периодом Рамессидов, хотя ясных археологических указаний на этот счет, как отметил Дж. Вэн Сетерс, у него не имелось. Это, в сущности, признал и сам П. Монтэ [414, с. 50; 546, с. 129]. Как предположил последний, древние храмы Таниса были сначала полностью разрушены, а затем якобы восстановлены на прежнем месте. Такое предположение маловероятно. Известно, что при строительстве новой столицы египетские фараоны, в особенности Рамсес II, использовали памятники и материалы, доставленные из других мест и относящиеся к более раннему историческому периоду.

Однако в тех случаях, когда царь продолжал поклоняться какому-либо божеству на том же самом месте, обычным было

не полное разрушение первоначального сооружения (с последующим его восстановлением), а практика расширения уже существующей постройки. Именно подобная практика была характерна и для храмов Фив. Возможность полного восстановления сначала разрушенных храмов Таниса не была достаточно осмыслена П. Монтэ. Но своеобразный, отмеченный выше археологический феномен Таниса легко объяснить предположением, что столица Египта с воцарением фараонов XXI династии была переведена в Танис из другого места.

Между тем в Танисе были обнаружены наиболее впечатляющие сооружения времени Рамессидов, такие, как стела 400-летия эры Сетха (Сутеха), как статуи царей и богов, обелиски, части зданий, колонны [414, с. 52—93]. В надписях на этих памятниках имеются упоминания всех основных божеств Пер-Рамсеса, известных из литературных источников [420, с. 86 и сл.]. На колоннах, например, имеются посвящения Птаху Рамсеса и Ра Рамсеса. По мнению А. Гардинера, любой подобный архитектурный объект мог быть обнаружен только в городе, в котором почитали упоминаемое божество, т. е. в Пер-Рамсесе [254, с. 123 и сл.]. Бесспорным, однако, является факт, подчеркиваемый Дж. Вэн Сетерсом, что колонны не были найдены в Танисе *in situ*⁴⁰. Исследователи, проводившие раскопки в Танисе, пытались установить какую-нибудь архитектурную общность между колоннами и другими остатками строений, но без успеха [414, с. 33, 45; 546, с. 131].

Важным обстоятельством является полное отсутствие в Танисе какого-либо археологического пласта, предшествующего XXI династии. В то время как обнаруженные в Танисе крупные памятники Рамессидов выглядят очень впечатляюще, в Танисе не были найдены малогабаритные предметы, которые можно было бы датировать временем Рамессидов или еще более ранним периодом⁴¹. Что касается обнаруженных в Танисе блоков строений и статуй с надписями более ранних фараонов, то они могли быть доставлены в Танис правителями XXI династии с целью застроить и украсить свою новую столицу [301, т. 2].

Другим местом для локализации Авариса и Пер-Рамсеса может быть, как мы уже указывали, местность Катаана-Кантир [94, с. 316—324; 95, с. 207—226; 261, с. 127 и сл.; 281, с. 56 и сл., табл. XIX; 289, с. 444—562; 297, с. 31—68; 300; 546, с. 132, примеч. 21]. В настоящее время большая часть этой местности используется для земледелия, но в ней встречается несколько холмов в окрестностях Езбет Рушди эс-Сагира и Телль эд-Дабаа⁴², в которых были обнаружены весьма многозначашие археологические материалы, несмотря на то что эта местность протяженностью 3 км с севера на юг и 1,5 км с востока на запад обследовалась очень слабо. Древнейшее поселение здесь было основано во времена Среднего царства Аменхетом I в качестве крепости и центра торговли с Сирией и Палестиной. (Известно, что Аменхет I обращал большое вни-

мание на защиту границ восточной Дельты [466, с. 24 и сл.].) Немного к северу от Катаана-Кантира был обнаружен дверной проем из красного гранита, свидетельствующий о том, что их строитель Сенусерт III реставрировал большое здание, возведенное Аменемхетом I [289, с. 448 и сл.]. Статуя Аменемхета I и стол для жертвоприношений времени Сенусерта III были найдены возле Телль эд-Дабаа [289, с. 452 и сл.].

В Езбет Рушди эс-Сагира С. Адам откопал около поселения Шахата храм Среднего царства, несколько домов и дворец этого же периода. Вместе с ними С. Адам обнаружил стелы и надписи чиновников XII династии [95, с. 207—226]. В этом же районе были найдены статуи последних правителей XII династии, царицы Собекнофру, а также царя XIII династии Ааму-Сахор-неджихериотефа [289, с. 458 и сл.]. Равным образом здесь обнаружили два пирамидиона, из которых один принадлежал Эи (Ау), фараону XIII династии, а это заставило предположить, что некоторые правители конца Среднего царства были захоронены в обследованном пункте [289, с. 471 и сл.]. Все это определенно указывало на большое политическое значение местности Катаана-Кантир в эпоху Среднего царства и в особенности во II Переходный период.

В то же время в регионе, где производились раскопки, было обнаружено сравнительно мало предметов, которые можно было бы датировать временем гиксосов. И все же С. Адам в Езбет Рушди эс-Сагира засвидетельствовал существование поселения от периода Среднего царства и до установления гиксосского господства [95, с. 207—226]⁴³. Для раннего слоя этого поселения была характерна глиняная посуда, типичная для Среднего царства, в то время как к более поздней стадии относятся сосуды и скарабей, найденные в местности Телль эль-Яхуди и по стилю датируемые II Переходным периодом. На одном из скарабеев, обнаруженных в Езбет Рушди эс-Сагира, упоминается гиксосский правитель Хиан. В Телль эд-Дабаа нашли фрагмент стелы гиксосской царевны Тани [526, с. 233]. Как справедливо отмечает Дж. Вэн Сетерс, эти, казалось бы, незначительные находки имеют большую археологическую значимость, чем статуи из Таниса, поскольку они указывают на наличие в Телль эль-Яхуди и в Телль эд-Дабаа гиксосских поселений, восходящих к периоду Среднего царства [546, с. 134]. Все это, впрочем, еще не говорит о том, что здесь была столица гиксосов Аварис. Более доказательны обнаруженные в Катаана-Кантире и восходящие ко времени Рамессидов многочисленные черепки глазурованных плиток и глиняные формы, с помощью которых эти плитки были изготовлены [297, с. 46—62; 300].

Изображения на черепках плиток характерны для тронного зала дворца, и В. Хейсу удалось реконструировать некоторые его элементы, такие, как помост для царского трона, окно для аудиенций и украшенные орнаментом проходы. Не может быть никакого сомнения в том, что прекрасный дворец Рамсеса II

находился в Катаана-Кантире. Работавший в этой же местности Л. Хабаши полностью реконструировал 24 дверных проема дворца эпохи Рамессидов [289, с. 490]. Он нашел в Катаана-Кантире также колодец, облицованный блоками с начертанным на них именем Рамсеса II. Все эти архитектурные элементы были обнаружены в Катаана-Кантире *in situ*. В то же время в данной местности полностью отсутствуют остатки каких-либо построек более поздних периодов, чем местность Катаана-Кантир коренным образом отличается от Таниса. Найденные в Катаана-Кантире статуи и стелы также представляют значительный интерес. С. Адам в 1954 г. откопал здесь основание огромной статуи Рамсеса II с небольшим фрагментом ноги [94, с. 316—324]. Недалеко находились и другие небольшие части статуи, которую полностью все же реконструировать не удалось. Тем не менее, основываясь на обычных масштабах статуй Рамсеса II, С. Адам предположил, что и найденная им статуя должна была достигать высоты около 10 м, т. е. отнес ее ко второй по величине и уступающей лишь колоссу Рамсеса II в Рамессеуме в Фивах. Л. Хабаши обследовал происходящие из Катаана-Кантира стелы — как непосредственно откопанные там, так и приобретенные у торговцев древностями [289, с. 501—559]⁴⁴. Большинство этих стел невелики и принадлежат жрецам, гражданским и военным чиновникам. Все это позволяет сделать вывод, что здесь находились центры бюрократического управления, хранилища, мастерские, военные посты и храмы, в том числе храмы основных божеств Пер-Рамсеса: Амуна, Птаха, Ра, Маат, Собека, Сетха и самого обожествленного Рамсеса II. Особый интерес представляет происходящая из Катаана-Кантира стела военного должностного лица по имени Усермаатрапахт [289, с. 507, табл. XXI]. Как явствует из текста стелы, Усермаатрапахту за службу в Азии был дан участок земли к западу от Пер-Рамсеса. Верхняя часть стелы изображает царя, повергающего азиатов перед богом Сетхом. Образ этого божества, его украшения и одежда тождественны тому богу Сетху, о котором идет речь на стеле 400-летия эры Сетха.

Совершенно очевидно, что Сетху поклонялись в Катаана-Кантире, и потому две данные стелы, упоминаящие Сетха, фактически тесно связаны друг с другом, хотя первая стела происходит из Катаана-Кантира, а вторая была обнаружена в Танисе [причем стела не находилась в своем первоначальном местоположении (*in situ*)]. В дальнейшем, продолжая раскопки в Катаана-Кантире, М. Хамза нашел пять глиняных черепков (остраконов), на которых сообщалось о винограднике к западу от Пер-Рамсеса, принадлежавшем тому же Усермаатрапахту [297, с. 43—45].

Основываясь на свидетельствах археологии, Дж. Вэн Сетерс пришел к выводу, что в местности Катаана-Кантир в период Рамессидов существовали дворцы, храмы Пер-Рамсеса и военные посты. В противоположность памятникам Таниса ни один

из обнаруженных археологических памятников не мог быть доставлен в Катаана-Кантир при фараонах XXI династии, поскольку нет доказательств существования там поселения в эпохи более поздние, чем время Рамессидов. Кроме того, в Катаана-Кантире был обнаружен тот археологический комплекс малых объектов, относящихся к периоду Рамессидов, который полностью отсутствует в Танисе. Одновременно в Катаана-Кантире была найдена целая серия предметов с именами царей обеих династий Рамессидов (XIX и XX), которая сразу же обрывалась с прекращением царствования фараонов, носивших имя «Рамсес» [300, с. 7; 289, с. 558 и сл.]. Неестественно предполагать, чтобы два пункта в северо-восточной Дельте одновременно имели одинаковое значение и были связаны с почитанием одних и тех же божеств. Подобную логическую трудность пытался преодолеть Г. Кеес, согласно высказыванию которого царское владение простиралось от Таниса до Катаана-Кантира, причем большую часть времени фараоны проводили именно в последнем [331, с. 201]. Этот компромисс, по мнению Дж. Вэн Сетерса, не вытекает из археологического обследования Таниса и Катаана-Кантира. Если основываться исключительно на данных археологии, тогда для локализации Пер-Рамсеса местность Катаана-Кантир имеет явное преимущество по сравнению с Танисом. Все найденное в Танисе от времени Рамессидов может легко быть объяснено как доставленное из Катаана-Кантира в начале воцарения фараонов XXI династии. Кроме того, все находки из Катаана-Кантира, восходящие к периоду Рамессидов, не могут быть расшифрованы иначе, как указывающие на местоположение столицы Рамессидов — города Пер-Рамсес.

Свое заключение, что именно местность Катаана-Кантир охватывает район расположения Авариса и Пер-Рамсеса, Дж. Вэн Сетерс убедительно подтверждает ссылками на литературные источники, характеризующие столицу Рамессидов⁴⁵. Как указывает Дж. Вэн Сетерс, имеются два типа литературных текстов, посвященных Пер-Рамсесу: в одном типе описываются в общем плане окрестности Пер-Рамсеса, в другом он локализуется в соотношении с определенными географическими пунктами — городами, реками, номами и т. п.

Имеющиеся источники охватывают период от гиксосов и правления Рамессидов до греко-римского и византийского времени.

Некоторые тексты описывают план Авариса и Пер-Рамсеса и их окрестностей. Согласно Манефону в изложении Иосифа Флавия, Аварис в стратегическом отношении был очень хорошо расположенным и укрепленным военным пунктом. В районе столицы гиксосов проводились военные маневры. Согласно стеле Камоса, вокруг Авариса росли фруктовые сады и виноградники, а у города была прекрасная гавань для стоянки морских кораблей [296, с. 205 и сл.]. Большинство описаний Пер-Рамсеса подобны той характеристике, которую давал Аварису Ка-

мос. В папирусе Анастаси III (1,11—3,1) некий писец Пибеса сообщает о Пер-Рамсесе следующее: «В резиденции прекрасно жить; ее поля полны всяческим превосходным добром; она каждый день снабжается обильной провизией; ее заводы полны рыбой, а ее пруды — птицей; ее луга зелены от травы и растительности высотой в полтора локтя... ее зернохранилища наполнены пшеницей и полбой, они (зернохранилища.— И. С.) поднимаются почти до небес... гранаты, яблоки и оливки, фиги из фруктовых садов, сладкое вино из Кенкем, превосходный мед, красная рыба wd из озера резиденции... Воды Гора... производят соль и натрон. Ее (резиденции.— И. С.) корабли уплывают вдаль и возвращаются в гавань» [248, с. 21—22].

В том же папирусе Анастаси III, в так называемом панегирике Мернептаха, о Пер-Рамсесе сказано, что это место, где выстраиваются колесницы, сплавиваются отряды воинов, находят приют корабли, а дворцы города прекрасны балконами, ослепляют залами из ляпис-лазури и бирюзы.

В Библии о земле Гесем (Гошен), или о земле Раамсес, где поселились израильтяне по соседству с городом Пер-Рамсес, говорится как о самой лучшей в Египте. А папирус Анастаси IV (6,4—6,10) подчеркивает большую величину Пер-Рамсеса, отмечая, что «его западная часть есть дом Амуна, его южная часть есть дом Сутеха, Аштарта находится на его востоке, а Буто — в его северной части» [248, с. 40—41; см. также папирус Анастаси II (1,1—2,2); 248, с. 12]. Дж. Вэн Сетерс задает резонный вопрос: разве все приведенные выше описания столицы Рамессидов подходят для Таниса? Основываясь на собственных впечатлениях, полученных во время путешествия по Египту, а также на указаниях работы Г. Кееса [331, с. 196 и сл.], он пишет о том, что район Таниса и пространство к югу от него длиной 14 км, вплоть до Телль эль-Фараауна или Телль Небешеха, является пустынной местностью с немногочисленными участками земли, занятыми растительностью, представляющей результат современных усилий. Здесь очень мало деревьев. Поверхность земли очень низка и потому часто заливадается морскими водами, вследствие чего пропитка почвы солями делает ее непригодной для земледелия. Этот район не мог иметь в древности большого сельскохозяйственного значения, как сказано об окрестностях Пер-Рамсеса в папирусе Анастаси III [546, с. 139—140].

Основное значение Таниса заключалось в том, что он был стратегической морской базой на танисском рукаве Нила, через которую осуществлялась морская торговля с Азией. Однако подобная роль Таниса определилась позднее и не была характерна ни для времени гиксосов, ни для периода Рамессидов, когда, по словам Г. Кееса, «египетские порты лежали выше по течению рукавов Нила из-за мелей в устьях и незащищенности плоской береговой линии... Ни одно из пригодных к разгрузке мест в окрестностях лагун (Таниса) не могло быть достигну-

то со стороны суши иначе, как с трудностями» [331, с. 196 и сл.], по причине частых затоплений. Соответственно с военной точки зрения «окружающая Танис равнина не предоставляла удобных пространств земли для удивительных, влекомых лошадьми боевых колесниц» [331, с. 196 и сл.]. Танис не имел прямой связи с пограничной крепостью Силе и был плохо пригоден для отправки по суше военных отрядов в Азию. Все это превращало Танис в географический пункт, совершенно неподходящий для локализации Авариса и Пер-Рамсеса, даже если допустить преувеличения в описании достоинств последних источниками. Помимо всего прочего ни один исследователь все еще не объяснил, каким образом Танис мог бы считаться «наиболее подходящим местом» для столицы гиксосов или Рамессидов [546, с. 140].

Совсем иначе обстоит дело с местностью Катаана-Кантир. Вплоть до настоящего времени это наиболее плодородный сельскохозяйственный район Египта. В древности здесь имелась обширная территория, пригодная для размещения войска, к тому же способная обеспечить его обильным провиантом при подготовке военных походов. Подтверждает сказанное содержание одной хорбетской стелы, происходящей, по мнению Л. Хабаша [289, с. 514 и сл.], из Катаана-Кантира. Данная стела перечисляет имена важных военных чиновников, официальных лиц, связанных с хранилищами. От Катаана-Кантира в древности шел прямой путь в пограничную крепость Силе; Катаана-Кантир был расположен на восточном рукаве Нила, который связывал его с Верхним Египтом и со всеми значительными в эпоху Среднего царства и во II Переходный период пунктами восточной Дельты. Все это подтверждается надписями, обнаруженными в районе Катаана-Кантира, которые называют это место «ртом двух путей», т. е. путей в крепость Силе и на Синай [95, с. 216; 333, с. 3].

В Катаана-Кантире, как уже нами отмечалось, находились дворцы фараонов Рамессидов, о чем свидетельствуют найденные здесь черепки прекрасных глазурованных плиток, когда-то облицовывавших эти дворцы. Ничего подобного до сих пор не найдено в Танисе, почему Г. Кеес и мог высказать предположение, что правители XIX и XX династии большую часть времени проводили в Катаана-Кантире. Г. Кеес был вынужден допустить, что писцы, рассказавшие о достоинствах Пер-Рамсеса, имели при этом в виду местность Катаана-Кантир [331, с. 201]. Разъяснение такого рода является, однако, излишним, если исключить Танис при локализации Пер-Рамсеса и определять его расположение исключительно местностью Катаана-Кантир. Район Пер-Рамсеса, называемый в Библии «земля Раамсес», был очень обширным и, как указывает текст папируса Анастаси IV (6,1—6,10) [248, с. 40—41], имел на своих границах владения культов Амуна, Сетха (Сутеха), Аштарти и Буто. На юге Пер-Рамсес граничил собственно с Аварисом (в настоящее вре-

мя это местность Телль эд-Дабаа). На севере Пер-Рамсес соприкасался с Imt — священным местом Буту (сейчас Телль Небешех). Владения Амуна на западе Пер-Рамсеса охватывали земли по левому берегу восточного рукава Нила. На востоке Пер-Рамсеса находились владения культов Аштарты и других богов семитов, в том числе Баал-Цафона [303, с. 482 и сл.]. Для окрестностей Катаана-Кантира сообщения папируса Анастаси IV о границах Пер-Рамсеса кажутся вполне реальными, в то время как для окрестностей Таниса они не находят никакого подтверждения.

Сильный аргумент против локализации Пер-Рамсеса в Танисе содержится в глоссарии В. С. Голенищева, затрагивающем период XXI династии [241, с. 198; 254, с. 126]⁴⁶. В этом глоссарии названия обоих городов зафиксированы не рядом, а разделены другими географическими наименованиями между ними. А. Гардинер не дал этому свидетельству какого-либо объяснения, в то время как Ю. фон Бекерат предположил, что Пер-Рамсес глоссария В. С. Голенищева был каким-то другим городом (т. е. не столицей Рамессидов), расположенным в западной Дельте [116, с. 30 и сл.]. Хотя такое предположение формально допустимо, оно в данном случае вряд ли соответствует истине.

Согласно библейским сообщениям, земля Гошен, также именуемая как земля Раамсес, находилась около Пер-Рамсеса. Между тем греческая традиция идентифицирует землю Гесем (грецизированное соответствие наименованию «земля Гошен») с XX, или Арабским, номом, который располагался далеко от Таниса [241, с. 261], и, следовательно, Пер-Рамсес и Танис не тождественны друг другу. Центром арабского нома в древности был город Факуса (совр. Факус), расположенный примерно в 4 или 5 км к юго-западу от местности Катаана-Кантир. Наименование «Гошен» («Гесем») присутствует в названии города Факуса. Еще Э. Навилль [431, с. 28 и сл.] обратил внимание на то, что в данном случае произошло фонетическое преобразование египетского термина *gsmt* или *gsm*, обозначавшего древнее поселение⁴⁷. При выпадении в слове *gsm* звука *m* и прибавлении артикля *r*; и возникло название города Факуса. Библейские данные, таким образом, подтверждают локализацию Пер-Рамсеса в местности Катаана-Кантир.

Настоятельница монастыря, аббатиса Этерия, путешествовавшая по библейским землям в 533—540 гг. н. э., так описывает увиденное ею в районе Факусы: «От города Арабия 4 мили до (города) Рамсеса. Мы, для того чтобы прибыть в Арабию — место нашей остановки, должны были пройти через середину Рамсеса, каковой город Рамсеса в настоящее время представляет из себя поля, в которых нет ни единого поселения. Действительно, заметно, что он (город Рамсеса) был огромен в окружности и имел много строений, остатки которых, какими бы разрушенными они ни были, кажутся бесконечными и по

настоящий день» [241, с. 263; см. также 431, с. 27 и сл.]. Несомненно, что аббатиса Этерия посетила местность Катаана-Кантир. В ее время остатки зданий древнего Пер-Рамсеса были здесь еще хорошо видны, и, таким образом, позднее свидетельство Этерии лишний раз подтверждает справедливость локализации Пер-Рамсеса, предложенной такими авторами, как М. Хамза, В. Хейс, Л. Хабаши, Дж. Вэн Сетерс.

А. Гардинер пытался опровергнуть выводы М. Хамзы, В. Хейса, Л. Хабаши, но выдвигаемые им возражения были малоубедительны [238, с. 173]. Так, А. Гардинер указывал на то, что поселение городского типа существовало в Катаана-Кантире задолго до Рамсеса II, факт почитания богов Амуна, Ра, Птаха, Сетха (Сутеха) в местности Катаана-Кантир не имеет достаточного обоснования, а обнаруженные там ярлыки и пробки от кувшинов с вином, содержащие записи географического характера, возможно, происходят из другого района Дельты. По справедливому заключению Е. П. Апхилла, все эти соображения А. Гардинера не в состоянии поколебать доводы, приводимые критиками его концепции [544, с. 314—316]. Полагаем, что в настоящее время этот вопрос можно считать решенным, и потому следует локализовать столицу Рамсеса II — город Пер-Рамсес Мериамун-Великий Победами — не в Танисе, а в местности Катаана-Кантир.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВО ВРЕМЕНА РАМСЕСА II

В царствование Рамсеса II в долине Нила было возведено столько крупномасштабных построек, что перечислить их полностью нет никакой возможности. Следы строительной деятельности Рамсеса II сохранились по всей долине Нила. В плане строительства Рамсес II совершенно затмил своих предшественников, многие памятники которых он присвоил, начертав на них свое имя или разобрал в качестве исходного материала для собственных сооружений.

Все работы времени Рамсеса II в области архитектуры и скульптуры поражают и по сей день приезжающих в Египет туристов своими грандиозными размерами, величественностью и монументальностью.

Не претендуя на исчерпывающий характер описания монументального строительства в Египте и Нубии во времена Рамсеса II, попытаемся дать краткую сводку соответствующих сведений, исследуя долину Нила с севера на юг⁴⁸.

Множество архитектурных объектов, относящихся ко времени Рамсеса II, было обнаружено в дельте Нила, в Танисе: это величественный колосс фараона, достигавший высоты 28 м, обелиски, стелы (в том числе стела, упоминающая 400-летнюю эру Сетха), сооружения из гранита и кварцита, руины храмов

[457; 459, с. 693—708]. В Дельте сооружения Рамсеса II известны в Телль Небешехе, Телль Мокдаме, Телль эль-Яхуди, Телль эль-Маскуте, Катаана-Кантире, Ком эль-Хисне, Ком-Зимране и во многих других пунктах⁴⁹.

В Мемфисе при Рамсесе II перестроили храм Птаха и поставили там две колоссальные статуи фараона, из которых одна осталась на своем первоначальном месте, а другая теперь украшает площадь Каира перед главным вокзалом.

В Иллахуне Рамсес II повелел разобрать храм Сенусерта II, чтобы использовать полученный материал для своих построек.

В Гераклеополе при Рамсесе II перестроили местный храм. Строительные работы производились также в Гелиополе, Гермополе, Коптосе, Эдфу. В Абидосе реконструировали и завершили величественный заупокойный храм Сети I [148; 234; 585]⁵⁰, в котором поклонялись Осирису, Исиде, Гору, Птаху, Амуну и самому Сети I⁵¹.

Посвященный Осирису заупокойный храм, построенный в Абидосе при Рамсесе II, был великолепным памятником монументального строительства, хотя и меньшего масштаба, чем храм Сети I [155]⁵².

В Абидосском храме Рамсеса II изображено много военных сцен. Здесь же помещен отрывок так называемого «литературного» отчета о битве при Кадеше. На стенах внутри храма были представлены списки жертвоприношений, список царствовавших фараонов, астрономические и религиозные тексты, в том числе молебен солнцу. В храме было множество помещений и ниш, посвященных различным богам. Большой интерес представляют посвятельная надпись Рамсеса II, содержащая его обращение к Сети I, пространное славословие фараона, сведения о его соправлении с Сети I, сообщение о сооружении колодца в земле Акита (в Нубии) [137, т. III, § 251—281; 257; 344, т. II, вып. 6, 1971, с. 323—336; 388, т. I, табл. 6; 463, т. II, 3; 506, с. 26—27]⁵³.

Прекрасны творения зодчих Рамсеса II в грандиозных храмовых ансамблях Карнака, Луксора, Рамессеума, Абу-Симбела. Все эти шедевры древнеегипетской архитектуры уже неоднократно подробно описывались и исследовались во многих общих и специальных работах, посвященных проблемам искусства и храмового строительства в древнем Египте. Сказать что-либо новое об этих изумительных памятниках творческого гения египетского народа трудно, и потому, коль скоро их специальный искусствоведческий анализ не входит в нашу задачу, мы позволим себе для общей характеристики наиболее величественных храмов, возведенных в Египте в царствование Рамсеса II, дабы не повторяться и не пересказывать своими словами то, что уже давно хорошо сказано, воспользоваться теми их ис-

черпывающими, яркими описаниями, которые уже имеются в египтологической литературе.

Величественны постройку Рамсеса II в Фивах, в частности в карнакском храмовом комплексе. Как писала М. Э. Матье, «главным объектом работ в Карнаке при первых трех царях новой (XIX.—И. С.) династии был начатый Хоремхебом гигантский гипостиль. Во время короткого правления Рамсеса I успели лишь выполнить часть рельефов на внутренней стороне нового (II) пилона, сооружение же колоннад (кроме уже стоявшей центральной) и декорировка зала продолжались в течение царствования Сети I и закончились лишь при Рамсесе II⁵⁴.

В зале было всего 134 колонны. Колонны центрального нефа с капителями в виде расцветших папирусов достигали высоты (без абак) 19,26 м. Колонны боковых проходов, имевшие контуры связок нераспустившихся папирусов, но с гладкими капителями и стволами, были ниже — 14,74 м высотой (без абак). Для устройства перекрытия среднего прохода на колоннах обоих соседних рядов были надстроены небольшие стенки с окнами, и зал получил, таким образом, верхнее освещение.

Чтобы лучше представить себе облик гипостиля Карнака, необходимо учесть: его стены и колонны покрывали цветные рельефы общей площадью 24 282 кв. м. Местами сверкало золото, тонкими листами которого были обиты части колонн и рельефов. Тематика рельефов на стенах была посвящена прославлению военных побед фараона. Умело расположенные огромные композиции содержали разнообразные массовые сцены походов, битв, лагерных стоянок» [51, с. 429]. По словам Дж. Брэстеда, «тот, кто стоит впервые в тени его (гипостиля.—И. С.) подавляющих своей величиной колоннад, этого леса могучих стволов, грандиознейших из когда-либо созданных человеческими руками, увенчанных выступающими капителями нефа, из которых на каждом могут стоять одновременно сто человек; кто созерцает огромные пролеты его крыльев, покрытых сверху архитравами, весящими каждый сотню тонн, и знает, что в его стенах поместился бы весь собор Notre Dame, и притом далеко не вплотную; кто охватит взглядом колоссальный портал, над которым некогда находилась в качестве притолоки глыба более 40 футов (12 м.—И. С.) длиной и около 150 тонн весом,—такой наблюдатель... исполнитя глубокого уважения к эпохе, создавшей этот величайший из когда-либо воздвигнутых людьми зал с колоннами» [25, т. II, с. 132].

При Рамсесе II в Карнаке помимо гипостиля была возведена окружающая храм стена⁵⁵, а также различные строения. Были поставлены культовые статуи в Карнакском храме Птаха и множество различных скульптур. В Карнаке при Рамсесе II были высечены текст «литературного» отчета о битве при Кадеше («поэма» Пентаура) и текст мирного договора с хеттами⁵⁶.

В Луксоре к прекрасному, симметрическому храму времени Аменхотепа III был подстроен новый перистильный двор с колоннами. Двор этот сооружался по оси, отклоняющейся от центральной линии плана первоначального храма с таким расчетом, чтобы соединить центральный вход в Луксор с карнакским храмовым комплексом аллеей сфинксов [473, с. 110—119]. На стенах больших пилонов Луксорского храма имеются сцены из войны с хеттами и запись «литературного» отчета о битве при Кадеше [356]. За пилонами в Луксоре при Рамсесе II было сооружено небольшое святилище из материалов построек времени Тутмоса III. Перед пилонами стояли два обелиска, один из которых сейчас находится в Париже. Четыре стоящих и два сидящих колосса Рамсеса II с прекрасными скульптурными фигурами царицы Нефертари украшают Луксор. Несколько стоящих колоссов Рамсеса II расположены также между колоннами перистильного двора Луксора, а к самому большому из этих колоссов примыкает статуя Нефертари. Прекрасные фотографии многочисленных памятников Луксора, возведенных или присвоенных Рамсесом II, содержатся в работе К. Михаловского [58, № 5, 8, 14, 19, 22, 24, 27, 28, 30, 32, 35, 36, 38, 40, 42, 60, 63, 66, 73, 76, 78], в вводной статье которой дается краткий очерк истории строительства Луксорского храма. К. Михаловский указывает, что «расцвет архитектуры Луксора в ее нынешней форме относится прежде всего ко времени Аменхотепа II» [58, с. 6], когда в Луксоре работал знаменитый зодчий Аменхотеп, сын Хапу.

Как пишет К. Михаловский, «наиболее значительные изменения произвел в Луксоре Рамсес II. Решив пристроить еще один двор с северной стороны, он не мог осуществить это обычным путем, т. е. при помощи продолжения главной оси храма, поскольку последнему препятствовало местоположение находящихся перед храмом помещений для людей, выстроенных ранее Тутмосом III, где ежегодно останавливалась торжественная процессия во время празднеств Нового года. Именно поэтому двор Рамсеса II имеет ось, повернутую на восток, что является исключением в культовой архитектуре древнего Египта. Рамсес II кроме сооружения... обелисков и своих колоссальных статуй, установленных перед пилоном, узурпировал статуи Аменхотепа III, превращая их в собственные...

Направляясь с южной стороны через аллею сфинксов к главному входу в храм, мы замечаем с левой стороны стройный гранитный обелиск, высота которого достигает более 25 метров. От второго, стоявшего с левой стороны, сохранилась только база. Был он, впрочем, на 2,5 метра ниже первого. Эти обелиски, высеченные из черного гранита, увенчанные золотыми верхушками, были установлены перед храмом по приказу Рамсеса II. В 1831 г. Мухаммед-Али подарил их Франции. Французы решили, однако, принять только один, западный обелиск, более низкий, но зато лучше сохранившийся. 25 августа 1836 года

инженер Леба установил его на площади Согласия в Париже [363; 418], где он воспринимается ныне как неразрывная часть городского ансамбля.

Перед самым пилоном по приказу Рамсеса II было установлено шесть его колоссальных статуй. Две фигуры из черного гранита, стоящие по обеим сторонам входа, изображали фараона сидящим, остальные четыре, выполненные из красного гранита,— стоящим. Ныне сохранился только один из этих четырех колоссов, и то в весьма плохом состоянии. Сохранилась также и связанная с этим монументом скульптура, изображающая дочь Рамсеса Меритамен. Около же сидящих статуй фараона, высота которых вместе с цоколями достигала 15,6 метра, у трона, были помещены небольшие фигуры одной из его супруг — знаменитой царицы Нефертари... Пилон Рамсеса имеет нерегулярную кладку и выстроен частично из блоков более ранних построек. Его ширина достигает 65 метров. На фасаде пилона изображены сцены знаменитого похода фараона против объединенных армий сирийцев и хеттов, предпринятого в пятом году его царствования... Кроме эпизодов битвы при Кадеше на стенах пилона находится изображение фараона, приказывающего наказать палками шпионов, а также сцена военного совета... Двор Рамсеса... имеющий форму параллелограмма размерами 30×57 метров, окружен двойными портиками с колоннами, увенчанными капителями, в виде закрытых папирусов... У входа во двор установлены две статуи из черного гранита, изображающие сидящего на троне фараона и стоящую справа от него царицу; фигура последней значительно меньше по размерам. Все эти памятники были узурпированы Рамсесом II, который приказал поместить на них собственные картуши; даже супруга Аменхотепа III, царица Тии, изображенная в образе богини Хатор, была переименована в Нефертари, жену Рамсеса II... Проходя через небольшие ворота, построенные при Филиппе Арридее в широком проходе пилона, мы переступаем порог знаменитой колоннады Аменхотепа III... длина которой достигает 52 метров, а ширина между окружающими ее стенами — 20 метров... Внутри колоннады, по обеим сторонам от входа, находятся статуи, установленные Рамсесом II. Две из них, выполненные из белого известняка, изображают царя с царицей, третья — только фараона...

Внешние стены храма были также покрыты рельефами, большинство из которых не сохранилось. Из оставшихся обращают внимание два ряда рельефов на западной стене двора Рамсеса II, изображающих батальные сцены. В нижнем ряду мы видим взятие войсками Рамсеса II города Тунипа... а в верхнем — покорение другой хеттской местности — Дапура... дав свободу воображению, глядя на нынешние руины, легко представить себе богатство и блеск этого огромного комплекса, длина которого после сооружения двора Рамсесом II достигала более четверти километра (260 метров). Во всякое время дня

Луксорский храм чарует посетителя красотой своих колоннад и рельефов, а в лунные ночи впечатление еще более усиливается благодаря таинственности неожиданных эффектов светотени» [58, с. 11, 14—17, 19—20] (см. также [134; 186; 187; 262; 385, с. 21, 33; 458; 463, т. II, с. 98—110])⁵⁷.

Очень подробное и яркое описание дворца и заупокойного храма Рамсеса II — Рамессеума — в западной части Фив дала М. Э. Матье в своей большой работе, посвященной искусству древнего Египта: «Храм Рамсеса II, созданный зодчим Пенра и известный под названием Рамессеума (древнее название „Дом миллионов лет Рамсеса-Мериамона во владении Амона“), намного превосходил по масштабам и монументальности оформления святилище Сети I. К сожалению, и здесь нам не известны ни фасад всего ансамбля, ни способ соединения его с Нилом, так как территория перед храмом в настоящее время занята полями. Если исходить из того, что Рамсес III явно стремился построить свой заупокойный храм... по образцу Рамессеума, можно предположить, что и перед последним возвышались грандиозные ворота с башнями и находился бассейн, откуда шел канал к Нилу...

В настоящее время входом на территорию заупокойного ансамбля Рамсеса II, обнесенную кирпичной стеной, служит гигантский пилон из песчаника. За пилоном находится первый двор. Удачное разрешение декорировки этого двора было достаточно сложным делом, так как требуемое в египетской архитектуре соблюдение симметрии здесь было затруднено тем, что левая, южная стена двора являлась одновременно и фасадом расположенного здесь, как и в храме Эйе, дворца... Пенра блестяще разрешил стоявшую перед ним задачу, оформив фасад дворца в виде портика с двойной колоннадой, а противоположную, северную стену дворца — одним рядом колонн, перед которыми, однако, стояли осирические колоссы царя. Западная стена дворца не имела колонн, она была ограничена следующим, сравнительно невысоким пилоном, к проходу которого вела лестница, так как второй двор был расположен выше первого. С каждой стороны лестницы стояла гигантская гранитная статуя Рамсеса, около 20 метров в высоту. Сохранившийся колосс является величайшей монолитной скульптурой и весит около 1000 тонн. Поверхность пилона была покрыта раскрашенными рельефами, содержащими две огромные композиции: битву с хеттами при Кадеше и праздник Мина, во время которого фараон торжественно срезал золотым серпом первый сноп, открывая этим жатву во всей стране... Из портика во дворец вели два входа, расположенные по обе стороны „окна явлений“. Через небольшие вестибюли посетители попадали в приемный зал с 16 колоннами, занимавший центральную часть здания. В каждой из боковых стен зала кроме двери из вестибюля была еще дверь, которая вела в личные комнаты царя... В глубине зала, прямо против „окна явлений“ был проход в четырехколонный

тронный зал. Позади здания дворца был расположен в особой постройке гарем с четырьмя отдельными комплексами, по пяти комнат в каждом.

Второй двор Рамессеума был оформлен иначе, чем первый, так как он служил подходом к зданию заупокойного царского храма. Здесь портики шли вдоль всех четырех стен, но оформление их было решено различно: боковые портики (северный и южный) имели по два ряда колонн в форме связок папируса, с гладкими стволами и капителями; с востока, вдоль пилона, был возведен один ряд колонн с осирическими колоссами перед ними; вдоль западной же стороны двора, перед входом в храм, возвышался двойной ряд колонн и осирические колоссы... Гипостиль, расположенный во всю ширину здания, занимал площадь в 1200 кв. м и имел 48 колонн, разделявших его на 9 нефов. Как и в Карнаке, центральный неф был самым широким и высоким; обрамлявшие его колонны с капителями в виде раскрытых папирусов также возвышались над колоннами боковых проходов, имевшими вид связок нераспустившихся папирусов с гладкими капителями и стволами; так же было устроено и верхнее освещение храма... (см. [275]). В Рамессеуме... гипостиль предшествовал трем группам дальнейших помещений, и поэтому нефы, подводившие к центру каждой из боковых частей храма, были несколько шире остальных, хотя и уступали центральному... За гипостилем находилась культовая часть храма из пяти самостоятельных подразделений... Основное лежало на центральной оси здания и состояло из трех последовательно расположенных восьмиколонных залов, средние проходы которых служили, таким образом, продолжением центрального нефа большого гипостиля. Далее находилась главная молельня храма, посвященная, вероятно, Амону и царю, потолок которой поддерживался четырьмя четырехгранными столпами. Назначение остальных комплексов не вполне установлено, но, по некоторым данным, можно предположить, что два южных были предназначены для культов Сети I и бога Осириса, а один из северных, с открытым двором, — для солярного культа. Возможно, что за святилищем Осириса были устроены сокровищницы храма.

Все помещения были богато декорированы. Потолки, как всегда, изображали небесный свод: на потолке центрального нефа гипостиля были изображены священные коршуны с распростертыми крыльями, а на синем фоне перекрытий боковых нефов сияли желтые звезды. Особенно интересен был потолок первого колонного зала центрального культового помещения, покрытый символическими изображениями созвездий.

На стенах и колоннах были размещены то большие композиции походов и побед Рамсеса, то ритуальные сцены или фигуры фараонов и богов.

Помимо зданий храма и дворца на территории Рамессеума стояло много других построек...

Огромное место на территории Рамессеума занимали кладовые. Бесконечными рядами тянутся здесь сложенные из кирпича длинные сводчатые помещения, сгруппированные в особые, тщательно охранявшиеся комплексы, которые почти вплотную окружали храм с севера, запада и юга. Они имели различное назначение и соответственно различное оформление. Наиболее важным был, по-видимому, комплекс, занимавший северо-западный угол Рамессеума. Перед ним был устроен портик с 28 колоннами, в западном конце которого находилось каменное возвышение с навесом. Из портика были двери в 12 кладовых, а посередине — вход в длинный узкий зал с 34 колоннами, расположенными в два ряда. Возможно, здесь размещалось управление кладовыми» [51, с. 434—437].

Как уже отмечалось, на поверхности большого пилона в Рамессеуме изображены сцены битвы при Кадеше (сама битва и военный лагерь Рамсеса II). То же сражение представлено и в левой части переднего перистильного двора. В других сценах в различных залах фигурируют фараон, сидящий перед деревом «персея», изображения богов и культовых лодок. Огромный, из красного гранита сидящий колосс Рамсеса II в Рамессеуме весом 1000 т очень впечатляющ — он на 100 или 200 т тяжелее танисского колосса⁵⁸.

Рамессеум представлял собой дворец и заупокойный храм Рамсеса II, расположенный на левом, западном берегу Нила, в западной части Фив. В этой же части Фив, в Долине царей, в скале, была высечена гробница Рамсеса II, в которой первоначально покоилась мумия фараона (гробница № 7). Гробница Рамсеса II — грандиозное сооружение, которое уходит в глубь скалы до 122 м. Коридор 46 м длиной ведет к двум комнатам; через 18 м начинается большой зал и еще четыре помещения. Гробница Рамсеса II по длине равна гробнице Сети I, а по площади превосходит последнюю.

Мумию Рамсеса II вместе с мумиями многих других фараонов эпохи Нового царства в 1881 г. нашли Г. Масперо и Э. Бругш [398, с. 294] в пещерном тайнике в скалах Дейр эль-Бахри. Посмертное «существование» Рамсеса II оказалось не простым. Сначала его мумию, чтобы спасти от грабителей, в правление Херихора в Фивах перенесли в гробницу Сети I. Позднее, при Пайноджеме I, ее перепеленали и поместили в новый саркофаг. Вскоре мумия Рамсеса II оказалась спрятанной сначала в гробнице фараона Аменхотепа I, затем около 960 г. до н. э. в тайнике Дейр эль-Бахри в гробнице царицы Инхепи [26, с. 63]. Мумия Рамсеса II, ныне находящаяся в Каирском музее, хорошо сохранилась и дает возможность увидеть облик высокого, величественного старика⁵⁹, у которого обнаруживаются черты сходства с тем изысканно красивым юношей, который запечатлен в прекрасной базальтовой статуэтке из Туринского музея (№ 1380) [51, с. 451, рис. 27; 151, табл. 56; 361, табл. 103; 497, табл. 357]. (Раскопанная гробница первой,

главной жены Рамсеса II, царицы Нефертари-Меренмут, находится в западной части Фив, в Долине цариц, и отличается «замечательно выполненными росписями» [51, с. 443].)

Как писала М. Э. Матье, «наиболее замечательными являются два пещерных храма в Абу-Симбеле, превзошедшие все другие... Один из них, большой, посвящен культам Амона, Ра-Гора-Ахути, Птаха и самого Рамсеса II, однако оформление храма было обусловлено одной идеей: всеми возможными средствами превознести могущество Рамсеса II. Начиная от мастабов святилища и кончая тематикой его декорировки, все было пронизано этой идеей. Лучшим ее воплощением является фасад храма. Он представляет собою как бы переднюю стену огромного пилона, перед которым возвышаются четыре гигантские статуи Рамсеса II. Высеченные из скалы и достигающие 20 метров в высоту, эти исполины, превосходящие даже колоссы Мемнона, издаലെка видны всем плывущим по Нилу. Поразительно сохранение портретных черт на колоссах такого масштаба. В выборе места для храма сказалось столь свойственное египетским зодчим умение поставить памятник с учетом окружающей местности: когда храм, расположенный на западном берегу Нила⁶⁰, освещается первыми лучами солнца, гигантские скульптуры внезапно окрашиваются темно-красным цветом и кажутся особенно рельефными на фоне отбрасываемых ими иссиня-темных теней. Колоссы производили незабываемое впечатление всеподавляющей мощи фараона. Образ Рамсеса II вообще господствует в храме: над входом высечено скульптурное изображение его имени, в первом помещении потолок поддерживают пилястры со стоящими перед ними гигантскими статуями царя, в культовой молельне наряду со скульптурами Амона, Птаха и Ра-Гора-Ахути имеется статуя самого Рамсеса.

Прославлению военных побед фараона посвящены рельефы гипостыля. На восточной стене, по обе стороны от входа, помещены традиционные изображения — Рамсес II убивает перед богами группы пленных, направо от входа — ливийцев, налево — нубийцев. Правая, северная стена занята грандиозными скульптурными картинами, повествующими о борьбе Рамсеса с хеттами, в том числе здесь показана и знаменитая битва при Кадеше. На левой, южной стене развернуты эпизоды войн с ливийцами и нубийцами. На последней, западной стене видны итоги победоносных походов Рамсеса: царь приводит пленных к богам, направо от прохода в следующие помещения — хеттов, налево — нубийцев, в соответствии с тем, какие войска изображены на примыкающих северной и южной стенах⁶¹.

Рельефы Абу-Симбела замечательны по высокому художественному уровню. Наряду с неизбежными традиционными схемами, занимающими здесь сравнительно немного места, мы видим ряд интересных композиционных решений. Некоторые из них скопированы с фиванских храмов Рамсеса II, другие появляются впервые...

Второй, меньший пещерный храм Абу-Симбела расположен к северу от большого. Его фасад также украшен скульптурами, однако здесь они высечены в глубоких нишах. По каждую сторону от входа мы видим по две статуи фараона, между которыми находится статуя царицы Нефертири-Меренмут. Этот храм гораздо проще и скромнее и состоит только из гипостилья и молельни с тремя нишами. Колонны имеют хаторические капители в соответствии с тем, что весь памятник был посвящен богине Хатор. В средней нише стояла статуя священной коровы, перед которой был изображен фараон, как бы находящийся под защитой богини» [51, с. 468—469] (см. также [33; 160; 162, с. 303—333; 179; 180; 181; 184; 185, с. 2—5, 18—19, 21, 50—51, 54—55; 196; 256; 274; 384; 463, т. VII, с. 95—117]).

К статуям Рамсеса II, обрамляющим вход в большой, южный храм Абу-Симбела, примыкают фигуры членов семьи фараона: к одной статуе примыкают скульптурные изображения матери Рамсеса II, царицы Туи, и жены, царицы Нефертари-Меренмут, к другой статуе примыкают скульптуры дочерей — Бент-Анат и Небеттауи.

Северный, малый храм Абу-Симбела, посвященный богине Хатор, помимо двух статуй самого Рамсеса II, обрамляющих вход в храм, и изображения царицы Нефертари-Меренмут имеет фигуры его детей — Аменхерхопшефа, Парахерунамифа, Мерира, Меритамены, Хенттауи и др. В гипостильном зале северного, малого храма стоят восемь столбов с посвященными богине Хатор систрами на их вершинах. Сцен исторического характера здесь нет, но зато в гипостильном зале есть много текстов религиозных, посвященных почитанию богов и богинь — Хатор, Сетха, Гора, Ануке, Амүна, Птаха, Хершефи, Горахте и Мут [197; 199].

Храмы Абу-Симбела в настоящее время красуются во всем своем блеске на новом месте — на плоскогорье, находящемся на 60 м выше прежнего уровня расположения храмов. Заблаговременное перенесение храмов Абу-Симбела в связи со строительством Асуанской плотины и предстоящим затоплением окружающей местности было титанической работой, в которой (в рамках ЮНЕСКО) участвовало много стран. Это был гигантский труд, сравнимый с тем, который много тысяч лет тому назад оказалось нужно затратить при сооружении храмов. Скальное «тело» храмов специальными машинами распилили на огромные каменные блоки, которые затем перенумеровали и сложили в строгой последовательности на новой строительной площадке [198]. В связи с планировавшимися большими работами в Абу-Симбеле и в других районах Верхнего Египта и Нубии, обусловленными сооружением Асуанской плотины, в 1960 г. организацией ЮНЕСКО был подготовлен и отпечатан специальный 5-й выпуск журнала «Курьер», в котором оказались собранными статьи многих крупных египтологов, посвященные проблеме спасения памятников древнего Египта и Нубии.

В этих статьях, богато иллюстрированных черно-белыми и цветными фотографическими воспроизведениями прекрасных творений древнеегипетских архитекторов, скульпторов и художников, содержится богатый фактический материал, характеризующий строительную деятельность Рамсеса II. Снимки позволяют представить фантастическую красоту и величественность абу-симбельских творений. Можно увидеть, как в малом храме Абу-Симбела Исида и Хатор благословляют царицу Нефертари, как Рамсес II перед началом Кадешского сражения восседает на троне в своем военном лагере, как он на колеснице атакует врагов, как первые лучи солнца будят колоссов Рамсеса II. Фотоснимки, собранные в специальном выпуске журнала «Курьер», показывают впечатляющий фасад большого, южного храма Абу-Симбела, гигантскую ступню колосса Рамсеса II, царицу Нефертари, помещенную между статуями супруга, Нефертари в образе богини Хатор с сестром в руках, дочь Рамсеса II Бент-Анат, играющую на сестре, и многое другое [«Курьер» (ЮНЕСКО), № 5, февраль (специальный выпуск), 1960].

Храмы Абу-Симбела, бесспорно, наиболее величественны и прекрасны из всех воздвигнутых Рамсесом II в Нубии. Заслуживают, однако, внимания другие храмы времени Рамсеса II, множество которых имеется в стране Куш.

Храм в Вади эс-Себуа [190, с. 23—49; 260] располагал алле-ей сфинксов, «которая ведет к Нилу от храма, воздвигнутого великим фараоном Рамсесом II в честь бога Амона» [32, с. 24]. Храм в Герф-Хусейне, имеющий большой зал и шесть комнат, посвящен «Рамсесом II богу Птаху [463, т. VII, с. 33—37; 542]. Сам храм находится в пещере, вырубленной в скале на берегу Нила. Некогда к нему вела лестница, окаймленная скульптурными изображениями баранов» [32, с. 30]. Остатки храма сохранились в Акше (Судане) [549], около 40 км к югу от Абу-Симбела. Этот храм был посвящен богу солнца. На рельефе изображен коленопреклоненный Рамсес II во время церемонии посвящения храма. В Нубии имеются храмы Рамсеса II также в Гебель эль-Сильсиле, Бейт эль-Вали [463, т. II, с. 21—27; 476; 479], Калабше [259] (храм высечен в скале). Уже упомянутый храм в Вади эс-Себуа подобен храму в Герф-Хусейне, а храм в Дерре [128; 463, т. II, с. 84] по своему плану имеет сходство с храмами в Абу-Симбеле. Скальное святилище было возведено при Рамсесе II в Фарасе. В Амаре [224] также сохранились остатки храма времени Рамсеса II⁶², и даже далеко на юге, у города Напата, в правление Рамсеса II был воздвигнут храм Амуна.

Таковы в кратком изложении основные памятники монументального строительства Рамсеса II в долине Нила. Дать их полный перечень крайне трудно, так как за свое многолетнее царствование Рамсес II буквально наводнил Египет величественными сооружениями⁶³. Следует, однако, помнить, что в своем строительном рвении Рамсес II не останавливался перед раз-

рушением уже сделанного его предшественниками, а также перед присвоением себе чужих творений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЕГИПТА В ЦАРСТВОВАНИЕ РАМСЕСА II

Не подлежит сомнению, что социальная и экономическая система Египта в правление Рамсеса II продолжала оставаться такой же, какой она сложилась задолго до его воцарения и какой она сохранялась на протяжении веков и после смерти последнего. Какие-либо оригинальные социальные или экономические сдвиги при Рамсесе II не происходили. Годы жизни и царствования этого фараона характеризуются расцветом и полным господством в долине Нила государственного (царско-храмового) хозяйства в том виде, в каком оно функционировало в эпоху многих фараонов Рамессидов.

Нам уже приходилось подробно исследовать систему налоговой эксплуатации такого хозяйства в области основного, зернового производства, и потому мы сейчас можем лишь сослаться на наши опубликованные работы [76, с. 3—21; 77], не возвращаясь к этой проблеме вновь⁶⁴.

Все известное нам о времени царствования Рамсеса II подтверждает мнение, что это был период экономического процветания Египта. Без наличия больших продовольственных запасов в государственных закромах невозможны были бы ни длительные военные походы Рамсеса II в Азию, ни гигантское монументальное строительство в долине Нила⁶⁵. Согласно выводам Я. Черны, экономическая основа Египта в эпоху Рамессидов была стабильной [176, с. 920], что прежде всего справедливо, конечно, для времени царствования Рамсеса II. При этом фараоне медь как средство платежа ценилась в сто раз меньше, чем серебро⁶⁶, и лишь значительно позднее, при Рамсесе VII, наблюдалось повышение ценности меди [176, с. 906], приведшее к вздорожанию зерна. (Медь доставлялась в Египет из-за рубежа, и поэтому, по мнению Я. Черны, резкое изменение международной обстановки при Рамсесе III могло привести к уменьшению количества меди в долине Нила [176, с. 921].) В целом, по словам Я. Черны, «экономика периода Рамессидов, охватывавшего две сотни лет, со вступления (на престол) Сети I до конца царствования Рамсеса XI, была удивительно устойчивой, поскольку базировалась на сельскохозяйственных ресурсах страны, и (это) имело (свое) выражение в содержании, выплачиваемом зерном царским работникам в Фивах. Подобные ресурсы хорошо обеспечивались многочисленным и трудолюбивым классом земледельцев и организовывались квалифицированной корпорацией чиновников, которые наблюдали за обслуживанием ирригационной системы, налоговым поступлением зерна (в казну.— И. С.) и перераспределением

зерна в форме платежей и выплат» [176, с. 920] ⁶⁷. Приведенный нами сейчас вывод Я. Черны нуждается в некотором уточнении. Он обоснован при условии, если иметь в виду государственное (царско-храмовое) хозяйство, которое действительно сохраняло структурную целостность на всем протяжении эпохи Рамессидов. Известно, однако, что после царствования Рамсеса II экономическая обеспеченность Египта в силу ряда обстоятельств (прежде всего по причине несбалансированности доходных и расходных статей государственного хозяйства) не всегда находилась на должной высоте (в частности, это выражалось в задержках с выплатой натурального содержания работникам фиванского некрополя) ⁶⁸. Однако в правление Рамсеса II государственное (царско-храмовое) хозяйство функционировало, по всем данным, безупречно, и это делало экономическое состояние Египта весьма благополучным ⁶⁹.

Бесспорно, целесообразно было бы поставить вопрос о том, в какой степени социально-экономическое состояние Египта в царствование Рамсеса II стимулировало его активную внешнюю политику в Азии и, наоборот, в какой мере его походы в Азию влияли на развитие социально-экономических отношений в Египте. Как нам думается, сводить все к экономической обусловленности упорной борьбы Рамсеса II за восстановление в Азии египетской гегемонии не следует. Здесь могли оказывать свое воздействие и престижные мотивы. Все же некоторые наши соображения по вопросу о взаимосвязи экономики и политики в царствование Рамсеса II мы позволим себе изложить, используя тот наш вывод, который мы уже делали: «Не подлежит сомнению, что успехи агрессивной внешней политики Египта в эпоху Нового царства, в частности в Передней Азии, способствовали оживлению рабовладельческих отношений в долине Нила».

Нужно, однако, помнить слова К. Маркса о том, что «„в лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда“ [3, с. 724]. Иными словами, внутренние социально-экономические условия в стране, куда попадает военнопленный — раб, должны быть еще пригодными для эксплуатации этого раба именно рабовладельческими методами. В древнем Египте вследствие специфики его экономики главный производящий и эксплуатируемый класс на протяжении всей его истории, в том числе и в эпоху Нового царства, состоял не из рабов, но из местного земледельческого населения. Этот факт не смогли изменить и завоевательные войны фараонов XVIII династии, несмотря на частые случаи массового угона военнопленных в Египет» [78, с. 57].

Не смогли изменить этот факт и войны Рамсеса II. Поступавшие в Египет рабы включались в систему государственного хозяйства. Они распределялись между храмами и частными ли-

цами. Их труд использовался на строительных работах, в ремесленном производстве, в садоводстве, в домашнем хозяйстве. Однако во всех случаях рабы были всего лишь дополнительной рабочей силой. Иногда пленных селили компактными массами в особых местах, где они, будучи юридически рабами, по своему экономическому положению приближались к местному подневольному населению. Так поступал и Рамсес II. Согласно его надписи в Абу-Симбеле, он «сажал на землю кочевников-шасу, селил на высотах ливийцев, заполнял крепости, которые он построил, пленными своего меча» [137, т. III, § 457]. Несмотря на то что в эпоху Рамессидов в распоряжении частных лиц рабов было сравнительно много, цена на раба могла быть достаточно высокой. Так, от времени Рамсеса II сохранился протокол судебного разбирательства по делу о покупке рабыни. Документ этот свидетельствует о том, что цена рабыни была высокой, достигая 373,4 г серебра [250, табл. XIII—XVI].

«Само собой разумеется, что захват военнопленных совершался египетскими армиями всегда, когда это было возможно, однако этот захват никогда не был единственной и главной целью внешнеполитических акций. В Египте всегда было достаточно своего тяглогового эксплуатируемого населения, и потому потребность в дополнительной чужеземной рабочей силе была невелика... Египет нуждался прежде всего в сырье (дерево, металлы, скот) и лишь в некоторой степени в рабах» [78, с. 57—58]. Желанной добычей всегда были красивые наложницы, предметы роскоши, дорогие вина, яства, благовония, изделия ювелирного мастерства, оружие, т. е. все то, что интересовало привилегированные слои египетского общества и не имело производительного использования.

РАМСЕС II И ЖРЕЧЕСТВО ⁷⁰

Для времени Рамсеса II, как, впрочем, и для большинства эпох истории древнего Египта, характерно полное подчинение жречества фараону. Это и естественно. Как мы уже имели возможность отметить [77; 81], жрецы древнего Египта были всего лишь особого рода государственными чиновниками, специализировавшимися на обслуживании культов богов, и как чиновники они находились в абсолютной зависимости от всей системы государственной власти, возглавлявшейся фараоном. По идее только фараон — сын богов и богинь Египта — мог быть представителем своих божественных «родителей» на земле. Жрецы считались лишь заместителями фараона, подменявшими своего верховного суверена в повседневных делах религиозного культа того или иного божества (см. [215; 338; 494]). Неудивительна поэтому теоретическая (а иногда и практическая) возможность сочетания у фараонов должности светского и жреческого характера. Все отмеченное выше особенно характерно

для царствования Рамсеса II, когда прославление, возвеличение и обожествление фараоновской власти и личности фараона достигло высочайшей степени, а жречество всех культов, как то и следовало по идеологической интерпретации основы государства древнего Египта, оказалось в полной зависимости от своего патрона — божественного правителя страны, земного бога, в сущности, единственного полноправного жреца, законного выразителя интересов всех богов и богинь Египта — подлинных «родителей» фараона.

В свете всего сказанного не приходится, конечно, удивляться и тому обстоятельству, что в Карнаке сохранились тексты, рассказывающие о том случае, когда Рамсес II выступал в Фивах не только в функции фараона, но и в функции «первого жреца» Амуна. Как отметил К. Зете, в гипостильном зале Карнака можно обнаружить интересную рельефную сцену, изображающую Рамсеса II в качестве лица, сопровождавшего религиозную процессию, состоявшую из пяти или шести людей в масках духов Буто и Гиераконполя, переносящих священную ладью Амуна. Титул Рамсеса II при этом выглядит следующим образом: «„Первый жрец“ Амуна, царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь». По заключению К. Зете, в данном случае Рамсес II в 1-й год своего царствования ввиду отсутствия в Фивах «первого жреца» Амуна взял на себя исполнение функций последнего в руководстве фиванским праздником «опет», когда статуя Амуна торжественно перевозилась из Карнака в Луксор.

Подобное руководство теоретически, да и практически, было вполне допустимо, учитывая господствующую в древнем Египте теорию божественного происхождения фараоновской власти и личности самого фараона. Впрочем, постоянное осуществление обязанностей «первого жреца» Амуна в Фивах было, конечно, обременительно для молодого египетского властелина, почему в этот же 1-й год своего царствования, возвращаясь из Фив на север страны, в Дельту, Рамсес II сделал специальную остановку в тинитском номе, объявив о назначении в осуществление воли Амуна на должность «первого жреца» Амуна в Фивах некоего Небуненефа [368, с. 117, примеч. 4, 5; 513, с. 30—35; 518, с. 54].

Несколько иную трактовку карнакских изображений Рамсеса II, участвующего в переноске священной ладьи Амуна в качестве царя и «первого жреца» Амуна, дал К. Зееле. По мнению последнего, Рамсес II принял участие в религиозной церемонии, связанной с переноской ладьи Амуна, не в праздник «опет», а в праздник «долины» и не в 1-й год своего самостоятельного царствования, как полагал К. Зете, а несколько ранее, как соправитель своего еще здравствующего отца Сети I. Сформулированный выше вывод К. Зееле подтверждался и развивался им на основе анализа изображений и соответствующих

текстов, имеющих на южной стене большого гипостильного зала в Карнаке [506, с. 66—77].

Как бы, однако, ни относиться к спору К. Зееле с К. Зете, несомненно, что в 1-й год своего самостоятельного царствования Рамсес II назначил «первым жрецом» Амуна в Фивах Небуненефа. Весьма показательно, как Рамсес II осуществил выбор нового «первого жреца» Амуна. Все выглядело таким образом, будто бы данный выбор был сделан самим Амуном, который во время специального религиозного обряда как оракул ответил на поставленный ему соответствующий запрос и назвал Небуненефа в качестве «первого жреца» Амуна в Фивах. Интересно, однако, отметить, что Амун предпочел Небуненефа (а фактически, конечно, сам Рамсес II) среди лиц самого различного положения при дворе фараона.

В гробнице Небуненефа, высеченной в скалах Дра-абул Негга, в западной части Фив (№ 157), недалеко от современного поселения Курна, сохранились изображение Рамсеса II, стоящего на балконе своего дворца, имени Рамсеса II и царицы Нефертари-Меренмут и интереснейшая надпись, повествующая о том, каким образом Небуненеф оказался в высокой должности фиванского «первого жреца» Амуна. В надписи из гробницы Небуненефа, в частности, говорится следующее:

«(1) 1-й год, 3-й месяц периода ахет. В то время как его величество плыл против течения (на север) из южного города (Фив), совершив то, за что хвалит отец его Амун-Ра, владыка тронов двух земель, великий бык, начальник девятки богов, (а также) великая Мут, владычица Ишеру, (а также) (2) Хонсу в Фивах, Неферхотеп, (а также) девятка богов в его (Амуна) прекрасный праздник в Ипет (в Луксоре). Прибыли оттуда, (находясь) в похвале. Приобрели хвалу касательно жизни, благополучия, здоровья для царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, живущего вечно. (3) Пристали к земле, к Таур (тинитскому ному). Был доставлен „первый жрец“ Амуна Небуненеф правогласный к его величеству. Он же (Небуненеф) был в качестве „первого жреца“ Онуриса, в качестве „первого жреца“ Хатор, владычицы Дендер, (в качестве) (4) начальника жрецов всех богов. Юг его (жреческой территориальной компетенции простирался) до (местности) Херхерамун (возле Фив.—И. С.). Север его (жреческой территориальной компетенции простирался) до (местности) Чеку. (5) Сказал ему его величество: Ты (теперь) в качестве „первого жреца“ Амуна. Сокровища его, двойной амбар его под властью печати твоей. (6) Ты (теперь) в качестве верховных уст храма его. Все (служители?) его под руководством твоим. Что касается дома Хатор, владычицы (7) Дендер, он будет под руководством твоего сына, так же как должности твоих отцов и место, которое было за тобой. (8) Да живу я, любимым Ра, хвалимым отцом моим Амуном. Назвал я ему (Амуну) всех придворных, (9) начальников воинов (?). Ему были также названы жрецы богов

и начальники дома его, в то время как они находились перед лицом его. (10) Не удовлетворился он ни одним из них. Когда же назвал я ему имя твое, сделалось ему приятно (?) (11), так как желал он тебя. Я знаю твое совершенство. Возьми же то, за что похвалит тебя Ка (12) его (Амуна) и похвалят тебя Ка мон.

Да продлит он (Амун) тебя (пребывающим) во главе дома его. Даст он тебе старость внутри дома его. Даст пристать (13) он тебе на землях города его. Даст он (тебе) передний канат и задний канат (судна). Он сам пожелал тебя. Нет другого (среди) (14) названных ему. Даст он тебе Запад. Что же касается отца моего Амуна, великого бога, то нет подобного ему, исследующего сердца (15), выведывающего души, понимающего то, что заключено в глубине сердца. Не в состоянии (ни один) бог совершить то, что сделал он. Не упорствуют (в противодействии) замыслам его. Опираются на то, что исходит из уст его. Он владыка девятки богов. Он тебя выбрал (16) ради твоего совершенства. Он тебя выделил ради твоего превосходства... (22) ... Тогда дал ему его величество два золотых кольца, его жезл из золота ^{ḥm}. Провозгласил он (его) „первым жрецом“ Амуна, (начальником) двух домов — серебра и золота, начальником двойного амбара, начальником работников, начальником всех отрядов ремесленников в Фивах. Отправили царское посольство (23) (сообщить всему Египту, что передали ему (Небуненефу)) дом Амуна, все вещи его и всех подданных (^{šmdt}) его... (ради тебя), о начальник (дома) Амуна, который будет существовать до бесконечности» [137, т. III, § 255—257; 158, т. I, с. 538, 851; 368, с. 119—122; 382, т. III, с. 239; 513, с. 30—35].

Итак, Небуненеф был назначен «первым жрецом» Амуна в Фивах теоретически с помощью решения божественного оракула Амуна, а фактически, конечно, по желанию Рамсеса II, который считал возможным предлагать на столь высокую жреческую должность любого из своих придворных. О Небуненефе известно, что, став «первым жрецом» Амуна в Фивах, он перенес свои прежние жреческие должности, в частности должность «первого жреца» Хатор, владычицы Дендер, своему сыну Сематауи. Жена Небуненефа по имени Тахат стала «старшей над наложницами Амуна», что было естественно для супруги «первого жреца» Амуна в Фивах [368, с. 123, 248, § 17].

Не подлежит сомнению абсолютное подчинение Небуненефа воле Рамсеса II, который, отправляясь в свою северную резиденцию, оставил руководителем фиванского жречества всем обязанного ему человека. Ничего необычного в этом, конечно, не было. В данном случае фараон сохранял за собой полный контроль над храмами Фив, подобный тому, который он, несомненно, осуществлял, например, и над храмами Мемфиса, назначив несколько позднее верховным жрецом («сем») мемфисского Птаха своего любимого сына Хаемуаса (см. [273]), а после

смерти последнего в 55-м году своего царствования — другого царевича, будущего фараона Мернептаха.

Между тем в Фивах в царствование Рамсеса II обязанности «первого жреца» Амуна после Небуненефа исполняли последовательно шесть человек: Уненефер, Минмес, Пасер, Аменхотеп, Бакенхонсу (II) и Рама Раи [368, с. 129—136, 139—141, 144—145, 250—259, § 19—23]. Наиболее крупными фигурами среди них были Бакенхонсу (II) и Рама-Раи.

Об Уненефере, который не был связан родственными узами со своим предшественником Небуненефом, известно на основании одного памятника, хранящегося в Неаполе, только то, что один его сын, Гори, был «руководителем работ» и «первым жрецом» Онуриса, а другой сын, Амунемипет, выполнял функции «начальника стражников» и «руководителя работ, касающихся памятников его величества». Жена Уненефера Исис была «старшей над наложницами Амуна». Племянник Уненефера Пасер занимал высокий пост «царского сына Куша» (правителя Нубии). Сам Уненефер носил только титул «первого жреца» Амуна [368, с. 124, 249—250, § 18].

После Уненефера должность «первого жреца» Амуна занимал Минмес. Согласно данным статуи Минмеса из Луксора, он, как и его предшественник, носил только титул «первого жреца» Амуна. Отец Минмеса Пахемнечер был связан с культом Птаха в Фивах и потому носил звание «старшего над руководителями Птаха (в Фивах)». Мать Минмеса именовалась «старшей над наложницами Онуриса». Очень высокий светский пост занимал брат Минмеса Рахотеп, который был «великим судьей» «начальником города». (Фив?), визирем, «руководителем праздников своего господина» (т. е. Рамсеса II), «царским посланцем в страну хета». Несомненно, что Рахотеп принимал участие в подготовке мирного договора между властелином Египта и Хаттусилисом III в 21-й год царствования Рамсеса II и с этой целью совершил дипломатический вояж в хеттокое царство. Жена Рахотепа имела титул «старшей над наложницами Хершефи» [368, с. 124, 250—251, § 19]. Коль скоро Рахотеп имел непосредственное отношение к установлению дружеских и союзных отношений Египта со страной хеттов в начале 30-х годов правления Рамсеса II, можно думать, что именно на этот период падает и деятельность Минмеса.

«Первый жрец» Амуна Пасер (которого не следует смешивать с визирем Пасером — сыном Небнечеру [368, с. 125, 136—138]) известен по одной статуе из серого гранита, извлеченной из тайника (хранилища статуй) в Карнаке. Согласно тексту надписи на статуе, помимо титула «первый жрец» Амуна Пасер был также «руководителем жрецов всех богов», а это практически в его время означало, что он возглавлял жречество только города Фивы [368, с. 125—126, 252, § 20].

О «первом жреце» Амуна Аменхотепе известно очень мало, а именно только то, что сказано в надписи его сына Амунеми-

пета, который был «начальником конюшни из великой конюшни резиденции (Рамсеса II)». Никаких других званий, помимо звания «первого жреца» Амуна, Аменхотеп, по-видимому, не имел [368, с. 126, 252—253, § 21].

Более крупными деятелями, чем названные выше Унефер, Минмес, Пасер и Аменхотеп, в царствование Рамсеса II были два «первых жреца» Амуна в Фивах — Бакенхонсу (II) и Рама-Раи.

О Бакенхонсу (II) сообщают обширные надписи на двух его статуях, хранящихся в Мюнхене и Каире. Из этих надписей становится известно о многих должностях Бакенхонсу и о его жреческой карьере. Если суммировать содержание надписей на обеих статуях, можно будет установить, что он был сыном «второго жреца» Амуна в Карнаке. В детские годы Бакенхонсу учился в писцовой школе при храме Мут, где отличился как «юноша отличный». Этот период жизни Бакенхонсу продолжался четыре года и, возможно, завершился тогда, когда Бакенхонсу исполнилось девять лет. В течение двенадцати лет Бакенхонсу был «руководителем конюшни» Сети I. Жреческая карьера Бакенхонсу началась тогда, когда ему шел уже двадцать первый год. До двадцати пяти лет Бакенхонсу занимал низкую должность простого жреца-«уаба». С двадцати пяти до тридцати семи лет Бакенхонсу носил жреческий титул «божественный отец». Затем последовательно Бакенхонсу занимал должности «третьего жреца» Амуна (с тридцати семи до пятидесяти двух лет), «второго жреца» Амуна (с пятидесяти двух до шестидесяти четырех лет) и, наконец, «первого жреца» Амуна (с шестидесяти четырех лет до девяносто одного года). В общей сложности Бакенхонсу выполнял жреческие обязанности в Фивах в течение семидесяти лет. В 46-й год царствования Рамсеса II Бакенхонсу еще был «первым жрецом» Амуна и в качестве такового возглавлял судебную коллегия, состоящую из девяти жрецов, разбиравшую одну тяжбу. Бакенхонсу к концу своей жизни имел титулы (помимо «первого жреца» Амуна): «руководитель жрецов всех богов», «руководитель жрецов всех богов Фив» (данный титул уточнял смысл предшествующего титула «руководитель жрецов всех богов»), «начальник мистерий на небе, на земле, в потустороннем мире», «Ур-мау („великий среди видящих“) Ра в Фивах», «жрец-„сем“», «старший над руководителями Птаха (в Фивах)», «великий руководитель работ в доме Амуна», «великий руководитель работ в Фивах», «руководитель работ моего господина», «руководитель работ в Фивах во всех прекрасных сооружениях», «руководитель любого ремесла (при создании) всех памятников, которые сделал он (Рамсес II) для отца Амуна».

Как мы видим, Бакенхонсу (II) помимо жреческих обязанностей занимался организацией строительных работ в Фивах, и можно думать, что именно деятельность последнего рода способствовала и жреческой карьере Бакенхонсу.

По-видимому, многими грандиозными сооружениями, воздвигнутыми при Рамсесе II, непосредственно руководил Бакенхонсу (II). Умер он в конце царствования Рамсеса II (или при Мернептахе), уже будучи по старости смещенным с должности «первого жреца» Амуна в Фивах. Гробница Бакенхонсу (№ 35) известна в скалах Дра-абул Негга, в западной части Фив. Она имеет форму буквы «Т» и состоит из галереи, зала и различных помещений. Гробница украшена статуями и надписями, перечисляющими титулы покойного. Здесь же изображены сцены почитания Осириса, Птаха-Сокариса, Анубиса. Одна сцена представляет Бакенхонсу и его жену на коленях перед божеством. Как и все жены «первых жрецов» Амуна в Фивах, жена Бакенхонсу носила титул «старшей над наложницами Амуна» [368, с. 126—136, 253—255, § 22].

В последние годы жизни Рамсеса II «первым жрецом» Амуна стал человек, носивший двойное имя Рама-Раи. Его основная деятельность в Фивах — жреческая, хозяйственная, строительная — протекала уже после смерти Рамсеса II, при его преемниках, почти до самого конца правления фараонов XIX династии. Во многом Рама-Раи напоминал своего предшественника Бакенхонсу (II). Существовало даже высказанное Дж. Брэстедом предположение о родственных связях Рама-Раи с Бакенхонсу (II), основанное на том факте, что сын Рама-Раи, носивший титул «второго жреца» Амуна, также именовался Бакенхонсу. Однако справедливым подобное предположение считать невозможно. О происхождении Рама-Раи ничего не известно, и, как подчеркивает Г. Лефевр, утверждать, что «высший понтификат был наследственным со времен великого жреца Бакенхонсу в царствование Рамсеса II,— это (означает) понапрасну громоздить гипотезу без фундамента» [368, с. 144]. Из одной надписи Рама-Раи следует, что он с детских лет был связан с фиванским жречеством, начав свою служебную деятельность с низкой должности жреца-«уаба», и только после того, как он стал известен Рамсесу II за свои благие деяния в Фивах, благодаря поддержке фараона [368, с. 145] он начал успешно делать карьеру [368, с. 139—153, 256—259, § 23].

Так складывались взаимоотношения Рамсеса II с «первыми жрецами» Амуна в Фивах. Последние все без исключения были назначенными фараоном преданными слугами своего земного владыки. Аналогично относились к власти фараона и жрецы других культов, полностью контролировавшихся Рамсесом II.

РАМСЕС II И КУЛЬТЫ ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ

В царствование Рамсеса II особого почитания достигли культы египетских богов Сетха (Сутеха)⁷¹, Птаха [41, с. 74], Ра, Амуна. Это были как бы основные государственные культы, чей расцвет обуславливался мощной поддержкой со стороны царской власти. [Не случайно, конечно, отряды египетского войска

при Рамсесе II носили имена Сетха (Сутеха), Птаха, Ра, Амуна.] Трудно говорить о противопоставлении при Рамсесе II одного из этих культов другому. Всех вышеперечисленных богов Рамсес II в равной степени считал своими «родителями» и покровителями, и потому он мог в одинаковой мере восхвалять в своих религиозных текстах и Сетха (Сутеха), и Птаха, и Ра, и Амуна. Если в надписях, прошедших фиванскую редакцию, воспевающих деяния Рамсеса II, совершенные им в сражении при Кадеше, единственным помощником фараона объявлялся его божественный отец Амун, то в пространном «Благословении Птаха-Танена», начертанном в Абу-Симбеле (а также в Карнаке, в Амаре, в Акше), Рамсес II принимает благословение от Птаха-Танена как от своего великого покровителя, даровавшего фараону все его победы над врагами [181; 344, т. II, вып. 5, 1971, с. 258—281; 493, с. 16, 40—41, 47, 91, 176, 189, 209, фиг. 21]. (Текст «Благословения Птаха-Танена» был повторен в Мединет-Абу Рамсесом III). Видеть здесь противопоставление Птаха-Танена Амуну вряд ли оправданно. Скорее в упомянутом выше «Благословении» сказывается обычный для древнего Египта политеизм, допускавший мирное сосуществование многих богов, одинаково могущественных и одинаково покровительствующих своему любимому «сыну» — фараону.

Противоположного мнения придерживалась М. Э. Матье, утверждавшая, что Рамсес II по политическим причинам выдвигал культ Птаха-Танена, противопоставляя его фиванскому культу Амуна-Ра [51, с. 475, 476, 563].

По поводу «Благословения Птаха-Танена» М. Э. Матье писала, что «текст этот, высеченный на стенах храма в Абу-Симбеле [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 258—281], содержит диалог между Птахом и Рамсесом II. Бог обращается к фараону с длинной речью, в которой называет себя его отцом по плоти, обещает благоденствие и долголетие, такое же мудрое сердце, каким обладает он сам. Птах обещает обеспечивать царствование Рамсеса обильными нильскими разливами, а следовательно, богатыми урожаями; горы и земные недра будут доставлять фараону необходимые материалы для его памятников. Характерно, что Птах говорит об украшении и расширении новой столицы — Пер-Рамсеса, прямо указывая, что это нужно для „укрепления границ Египта“. Далее Птах объявляет, что это именно он даровал Рамсесу все его победы, заставив подчиниться хеттов, и что даже хеттская царица, которая стала женой Рамсеса II, приехала в Египет по воле бога. После речи Птаха следует ответ Рамсеса, в котором царь благодарит бога, подчеркивая, что он — его сын, и говорит о том, какие храмы он основал Птаху. При этом очень важно, что в речи Рамсеса звучат определенные совпадения с основным философским мемфисским сочинением — так называемым „Мемфисским трактатом“ [515], в котором содержится учение о создании мира Птахом.

Политический характер текста „Благословения Птаха-Танена“ ясно виден как из утверждения бога, что он является отцом Рамсеса по плоти, так и по тому положению подателя жизни Египту и особенно подателя военных удач фараона, в котором он показан в тексте. Последняя роль, как известно, Птаху совершенно несвойственна, и появление его в образе воинственного божества объясняется желанием Рамсеса противопоставить его фиванскому Амуну-Ра. Все назначение текста и заключается в этом. Недаром и на рельефе, возглавляющем текст, изображена типично фиванская композиция: сцена привода и убийства пленных перед богом, в которой, однако, место Амона занимает Птах-Танен» [51, с. 475—476]⁷².

Мы привели предложенный М. Э. Матье пересказ и оценку текста «Благословения Птаха-Танена», поскольку, по мнению М. Э. Матье, в данном тексте содержится свидетельство о политических устремлениях Рамсеса II, якобы желавшего умалить значение фиванского культа Амуна-Ра, чтобы тем самым ослабить влияние фиванского жречества. Думаем, однако, что противопоставление Птаха-Танена Амуну-Ра в данном случае видеть необязательно. Рамсес II равно чтил и мемфисского Птаха-Танена, и фиванского Амуна-Ра, а воинственные атрибуты последнего могли быть перенесенными на образ Птаха-Танена, коль скоро речь шла о военных деяниях фараона.

Для религиозной жизни времени Рамсеса II характерным было не выдвижение какого-либо из основных культов страны на передний план в ущерб остальным, а скорее стремление совместить эти культы друг с другом⁷³. Показательным в этом смысле является пропагандируемый фиванским жречеством гимн Амуну, восходящий еще к эпохе XVIII династии, но зафиксированный на папирусе (Лейденский папирус I, 350), текст которого был записан в 52-й год царствования Рамсеса II [245, с. 12—42]. (Эта дата упоминается в записях на стороне verso, в то время как гимн Амуну занимает сторону recto и часть стороны verso.) Прославляя Амуна и Фивы как резиденцию Амуна (гл. 7, 10, 90 и др.), гимн Лейденского папируса I, 350 в гл. 300 содержит следующие знаменательные слова:

«(IV, 21)... Глава трехсотая. Имеется всего три бога: Амур, Ра, Птах; нет другого (подобного им). Скрытое (imn) имя его как (IV, 22) Амур. Ему принадлежит Ра как лицо. Тело его — Птах. Города их на земле установлены навеки: Фивы, Гелиополь, Мемфис — вплоть до бесконечности. Посылается божественное послание с неба — слы (IV, 23) шат в Гелиополе. Повторяется в Мемфисе для красивого лицом (т. е. Птаха.— И. С.), фиксируется на письме в записях Тота (и посылается) в город Амуна вместе с их содержанием (IV, 24) — отвечают на замыслы в Фивах. „Выходи, говорится богом, это принадлежит девятке богов“. Все выходящее из рта его (принадлежит) Амуну. Утверждены боги ради него (Амуна) согласно с приказаниями. (IV, 25) Божественное послание послано —

оно убьет или оживит. Жизнь (и) смерть из-за них для всех людей... Амун и Ра... всего три» [245, с. 35, табл. XVI].

При ощущаемом предпочтении, оказываемом Амуну (что естественно для текста, составленного, несомненно, в Фивах), в Лейденском гимне делается попытка совмещения и объединения Амуна с двумя другими влиятельными древними божествами — с Ра и Птахом. Слияние Амуна с Ра в единый образ бога Амуна-Ра, как известно, произошло еще задолго до начала эпохи Нового царства. Однако сопоставление и отождествление друг с другом фиванского Амуна (Амуна-Ра) и мемфисского Птаха свидетельствует уже о новом в истории развития в древнем Египте религиозных представлений. Лейденский гимн Амуну, бесспорно, демонстрирует шаг в сторону становления в Египте монотеистической концепции в области религиозного сознания [399, с. 17—25].

АЗИАТСКИЕ БОЖЕСТВА И АЗИАТЫ-СЕМИТЫ В ЕГИПТЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ РАМСЕСА II И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

В царствование Рамсеса II «в религии заметно азиатское (отчасти ливийское) влияние, выразившееся главным образом во включении в пантеон иноземных богов, особенно Ваала, Астарты, Решепа, Кадеш. Они считались главным образом божествами войны. Ваал был сопоставлен с Сетхом, Астарта включена в мемфисский цикл, ее областью считалось море» [83, т. I, с. 338]. В одном из описаний столицы Рамсеса II Пер-Рамсеса сказано, что «его западная часть есть дом Амуна, его южная часть есть дом Сутеха, Аштарты находится на его востоке, а Буто — в его северной части» (Анастаси IV (6,1—6,10)) [248, с. 40—41]. По словам Дж. Брэстеда, «иноземные боги Сирии, принесенные множеством азиатских рабов, появляются среди тех, к которым обращался народ: Ваал, Кадеш, Астарта, Решеп, Анат и Сутех [25, т. II, с. 142].

Культы некоторых исконных египетских божеств в царствование Рамсеса II испытывали столь сильное влияние со стороны культов азиатских божеств, что как бы сливались с ними. Этот процесс хорошо заметен в иконографии Сетха (Сутеха), изображенного на стеле 400-летия эры Сетха, где он представлен в типично азиатском одеянии. На голове у него высокий конический колпак с выступающими со стороны лба рогами газели. С макушки колпака вдоль всей спины, почти до пола, свисает длинная лента. На него надеты браслеты, пестрые банты, короткий кинжал с кисточками. Все это типично для иконографии Баала (Ваала), с которым явно был отождествлен Сетх [96, с. 224; 419, с. 191—215]. Как свидетельствует одна стела из Рас-Шамры, Сетх отождествлялся с Баал-Цафоном [546, с. 175, примеч. 12]. В египетском тексте мирного договора, который заключил Рамсес II с Хаттусилисом III, имя бога Сетха среди

богов — гарантов договора всюду замещает аккадскую идеограмму, обозначающую хеттско-хурритского бога грозы [584, с. 144—156]. В египетском медицинском папирусе «Херст» рассказывается о победе Сетха над сирийским богом морской стихии Йамом [254, с. 98]. В папирусе Честер-Битти I супругами Сетха помимо египетской Нефтиды объявляются сирийские богини Анат и Аштарта (Астарты) [546, с. 175, примеч. 18]. Богиню Анат иногда называли «молочной коровой Сетха», а самого Сетха — «быком Речену» (т. е. Сирии); этот эпитет применялся и по отношению к Рамсесу II как образу Сетха [303, с. 494; 413, с. 140 и сл.].⁷⁴

Что касается культа Сетха (Сутеха) в Пер-Рамсесе, то, несмотря на азиатское одеяние и головной убор, в которых Сетх представлен на стеле 400-летия, в данном случае почиталось исконно египетское божество, лишь приобретшее некоторые азиатские черты. Вот что пишет по поводу культа Сетха (Сутеха) М. А. Коростовцев: «Сутех не является „импортированным“ в египетский пантеон чужеземным богом, он коренной египетский бог, облюбованный гиксосоми⁷⁵... Бог Сетх (Сутех), как и другие египетские божества, был многогранен, важнейший его аспект — бог грозы. Это сближало Сутеха с семитским Баалом, также богом грозы. Отождествление богов отразилось в иконографии: гиксосский Сутех изображался в головном уборе Баала. Женой Сутеха была сирийская богиня Анат, храм которой находился в Танисе. Таким образом, гиксосский Сутех в своей основе был египетским божеством, приобретшим чужеземный колорит...

Этот бог известен как древнее верхнеегипетское божество. Местами его культа в Верхнем Египте были Ком-Омбо, одиннадцатый верхнеегипетский ном Шасхотеп... в Среднем Египте — местность Су, поблизости от Гераклеополя, оазисы Ливийской пустыни, Харга и Дахлис и другие районы... В Нижнем Египте культ Сетха существовал в северо-восточной части Дельты со времен II династии.

После изгнания гиксосов культ Сетха продолжал процветать в Пи-Рамсесе, резиденции Рамсеса II... В сознании египтян Сетх, несомненно, был великим божеством Египта. Во времена того же Рамсеса II, как показали раскопки П. Монте, главными богами в Танисе были Амон, Ра, Пта и Сетх (Сутех), причем в текстах они названы богами Рамсеса II» [41, с. 113—114; см. также 238, т. 2, с. 67; 242, с. 165; 254, с. 124; 276, с. 255 и сл.; 332, с. 23, примеч. 4; 412, с. 406—411; 584, с. 144—156].

Помимо Сетха (Сутеха) с азиатскими божествами отождествлялись и другие боги Египта. Так, в эпоху Рамессидов бог Ра иногда отождествлялся с азиатским богом Элемом. В одной версии «Спора Гора с Сетхом» Ра назван «Быком, пребывающим в Гелиополе», который имеет в качестве своих дочерей сирийских богинь Анат и Ашарту [546, с. 178, примеч. 27, 28]. Богиня Анат называлась матерью Рамсеса II⁷⁶. Она имела свой

храм в Пер-Рамсесе [413, табл. XIII]. Аштарта отождествлялась с богиней Сехмет [472, с. 412—414].

Азиатское религиозное влияние, весьма сильное в эпоху Нового царства и в особенности при фараонах XIX—XX династий, коснулось непосредственно семьи Рамсеса II. Известно, что одна из старших дочерей фараона носила сирийское имя Бент-Анат [т. е. «дочь (богини) Анат»]. В правление Рамсеса II и при его преемниках Египет был буквально наводнен семитами — выходцами из Передней Азии. «Финикийцы, сирийцы, палестинцы появляются в Египте во все большем количестве. Один из сыновей Рамсеса II был женат на дочери сирийского шкипера, которую звали Бент-Анат. Одним из приближенных фараона Мернепта (сына Рамсеса II.—И. С.) был семит Бен-Оцен. На суде над покушавшимися на жизнь Рамсеса III председательствовал некто Махар-Баал, явный семит» [41, с. 270]. Из сказанного выше видно, что положение азиатов-семитов в Египте иногда было весьма привилегированным. Многие выходцы из Передней Азии достигали при Рамсесе II и его преемниках очень высокого положения при дворе и даже роднились с царствующим домом⁷⁷.

ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ РАМСЕСА II

В соответствии с древней религиозной доктриной, фараоны считались существами божественной природы, «детьми» великих богов мироздания, и потому являлись объектами религиозного почитания [41, с. 151—155]. Особенно последовательно подобная доктрина соблюдалась в отношении Рамсеса II, прижизненное и посмертное обожествление и культовое обслуживание которого осуществлялись по всему Египту и за его пределами. Культ Рамсеса II как бога функционировал в Египте в Пер-Рамсесе, Гелиополе, Абидосе, Рамессеуме, Карнаке, Луксоре и в ряде других мест. По свидетельству стелы из Хорбета, Рамсес II почитался в качестве бога обитателями находившейся там военной колонии [480, с. 57—67]. Рамсес II сооружал в свою честь храмы, в которых ему поклонялись как богу, воздвигал гигантские статуи, которые становились объектами его культа [286]. Особого развития обожествление Рамсеса II достигло в Нубии. Там Рамсесу II при его жизни и после смерти поклонялись в храмах Абу-Симбела, Герф-Хусейна, Вади эс-Себуа, Бейт эль-Вали, Амары, Акши. В некоторых храмах (в Абу-Симбеле, Бейт эль-Вали, Акше) имелись изображения Рамсеса II, совершающего поклонения самому себе как богу [56, с. 309—321; 286, с. 1—16; 495, с. 205]. Б. А. Тураев писал: «Рамсес II выступает богом с такими притязаниями, как редко кто из его предшественников. Его не стесняет несравнимость божества» [83, т. I, с. 333]. Несомненно, Рамсес II довел до логического завершения те принципы обожествления фараона и его вла-

сти, которые с древнейших времен были характерны для мировоззрения жителей долины Нила. Очень древнее представление о фараоне-божестве, «сыне» божественных «родителей», носило явно политический оттенок, и потому, пропагандируясь, оно пережило тысячелетия фараоновского периода древнеегипетской истории, показав свою жизненность и во времена Птолемеев и римских цезарей⁷⁸.

ЮБИЛЕИ «ТРИДЦАТИЛЕТИЯ» РАМСЕСА II⁷⁹

Рамсес II на протяжении своих более чем 66 лет царствования отпраздновал 14 юбилеев «тридцатилетия» (хеб-сед), что превосходит количество подобных юбилеев, отмеченных каким-либо другим фараоном [288, с. 64]. Во всех этих празднованиях участвовало много высокопоставленных должностных лиц, но только в девяти случаях известны их имена. Любимый сын Рамсеса II, царевич Хаемуас, и визирь Ха вместе руководили первыми пятью юбилеями, а визирь Ха — еще и шестым юбилеем. Хаемуас, однако, оставил больше надписей о юбилейных торжествах своего отца, чем визирь Ха. В пещерном храме Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле Хаемуас зафиксировал три надписи, в районе Асуана — две и в Эль-Кабе — одну. Так, в нише на фасаде пещерного храма Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле Хаемуас повелел изобразить себя и начертать надпись, сообщающую о данном ему приказе отца провозгласить в 30-й год царствования Рамсеса II первый юбилей «тридцатилетия» [463, т. V, с. 209, № 4]. По сторонам от двери, открывающей ход из галереи в святилище того же пещерного храма, Хаемуас повелел поставить две стелы, тексты которых указывают на 30, 34, 37, 40-й годы как на даты первых четырех юбилеев Рамсеса II [463, т. II, с. 212, № 42, 43]⁸⁰. В районе Асуана, в восточной части о-ва Бига, Хаемуас оставил стелу, упоминающую первые три юбилея — в 30, 34 и 37-й годы царствования Рамсеса II [463, т. II, с. 256, № 5в]. Л. Хабаши обнаружил в Асуане текст надписи и рельефную сцену, которые указывают на провозглашение пятого юбилея в 42-й год правления Рамсеса II [288, с. 64, примеч. 4; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 393—394]. На фасаде храма Аменхотепа III в Эль-Кабе царевич Хаемуас изображен перед своим отцом с сопроводительным текстом, утверждающим, что он прибыл в это место в 41-й год для провозглашения пятого юбилея Рамсеса II⁸¹.

Визирь Ха оставил в пещерном храме Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле две стелы и надпись в одну горизонтальную строку, посвященные шестому юбилею. Согласно сообщению текста стелы, помещенной к северу от прохода, ведущего в святилище, первые четыре юбилея Рамсеса II отмечались в 30, 34, 37 и 40-й годы его царствования [463, т. V, с. 212, № 47]. Над статуей визиря к югу от того же прохода высечена длинная надпись,

указывающая на то, что в 1-й день 2-го месяца зимнего сезона 42-го года правления Рамсеса II визирь Ха получил приказ провозгласить пятый юбилей [288, с. 64, примеч. 8; 463, т. V, с. 212, № 48].

На второй стеле, высеченной к северу от первой, говорится о получении визирем Ха в 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 45-го года правления Рамсеса II приказ объявить о шестом юбилее [344, т. II, вып. 7, 1976, с. 394—395; 463, т. V, с. 212, № 49].

Ничего не известно о седьмом и восьмом юбилеях Рамсеса II, за исключением упоминания о последнем из них на одном берлинском скарабее [288, с. 65, примеч. 10]. Наиболее вероятно, по мнению Л. Хабаша, что эти юбилеи отмечались в 49-й и 52-й годы царствования Рамсеса II [288, с. 65; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 395—396]. О девятом юбилее Рамсеса II сообщает текст, высеченный в проходе пилона храма в Арманте [288, с. 65, примеч. 11; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 396]. Здесь же говорится о том, что в 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 54-го года своего царствования Рамсес II приказал руководителю Рамессеума по имени Иупа провозгласить девятый юбилей, а в 17-й день 1-го месяца зимнего сезона 57-го и 60-го годов своего царствования Рамсес II отдал аналогичный приказ визирю Нофферонпету относительно десятого и одиннадцатого юбилеев соответственно [288, с. 65, примеч. 12, 13; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 397]. В 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 61, 63 и 65-го годов царствования Рамсеса II подобные приказы были отданы в отношении проведения двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого юбилеев, однако лица, которые за них были ответственны, неизвестны [288, с. 68, примеч. 14; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 398].

Имеются данные, свидетельствующие, что в организации юбилейных торжеств участвовали люди, выполнявшие функции помощников тех, кому поручалось руководить этими юбилеями. Так, к северу от входа в пещерный храм Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле сохранились изображения «слушающегося зова» Иуа и писца Ибпай, которые прибыли вместе с царевичем Хаемуасом для провозглашения четвертого юбилея Рамсеса II [288, с. 65, фиг. 1]. В пещерном храме в Гебель эль-Сильсиле имеются и другие аналогичные тексты, один из которых упоминает некоего Рамеса — «слушающегося зова» царевича Хаемуаса, который прибыл для провозглашения юбилея [288, с. 66, фиг. 2] Рамсеса II. В другой надписи там же речь идет о «писце свитков» Хаемуаса по имени Сунеро [288, с. 66—67, примеч. 3], выполнявшем аналогичное задание. Под стелой визиря Ха в Гебель эль-Сильсиле, посвященной шестому юбилею Рамсеса II, изображены три человека в молитвенной позе с поднятыми руками. Первый из них назван писцом Хатиаи, второй — братом писца по имени Неферхотеп, третий — писцом Паи [288, с. 66, примеч. 18, с. 67, фиг. 3]. Под другой стелой визиря Ха

в Гебель эль-Сильсиле упоминается писец Ахбакенамун. Безусловно, все эти лица помогали визирю Ха в организации и проведении юбилеев. Тот факт, что пещерный храм в Гебель эль-Сильсиле был выбран для фиксации упоминаний о первых юбилеях Рамсеса II, говорит о религиозном и стратегическом значении местности, в которой находился данный храм, местности, пограничной с Нубией.

Скальная надпись на о-ве Сихейл не только упоминает один из юбилеев Рамсеса II, но называет и управителя Элефантины [288, с. 66, примеч. 21; 463, т. V, с. 251, № 137], который был вовлечен в проведение этого юбилея. Аналогичная ответственность за проведение царских юбилеев возлагалась, по-видимому, на всех руководителей египетских городских центров и номов. Все четырнадцать юбилеев «тридцатилетия» Рамсеса II праздновались в 30, 34, 37, 40, 42, 45, 49, 52, 55, 58, 61, 62, 64 и 66-й годы его царствования, т. е. во вторую половину его правления, уже после завершения военных действий египтян в Азии и после заключения мирного договора с Хаттусилисом III.

По случаю юбилейных торжеств (в особенности связанных с первым юбилеем) в Египте от имени фараона возводились здания, обелиски или статуи, посвященные богам — покровителям фараона. Так, между первым и вторым пилонами своего храма в Абидосе Рамсес II приказал соорудить часовню в память о своем первом юбилее и высечь соответствующую надпись. Аналогичная надпись была обнаружена на осирических колоннах на западной стороне второго двора Рамессеума [288, с. 69—70]. В ряде случаев Рамсес II повелевал изображать себя в связи с юбилейными торжествами рядом с тем или иным божеством. Об этом свидетельствуют, например, каменные блоки, обнаруженные в 1947 г., содержащие фрагменты сцен, показывающих Рамсеса II рядом с богами-покровителями: Собеком, Гором, Гебом, Харендотом, Нейт, Маат, Нефтидой, Исидой, Хатор, Амуном-Ра, Шепси [288, с. 70, фиг. 4, 5].

В Бруклинском музее хранится блок из известняка, на котором Рамсес II представлен вместе с богиней Анат Рамсеса Мериамуна [288, с. 71, примеч. 42]. Все вышеперечисленные юбилейные изображения Рамсеса II рядом с божествами, высеченные на каменных блоках, происходят из Саккара и, вероятно, являются частями разрушенной гробницы царевича Хаемуаса, на которой были зафиксированы сцены, относящиеся к одному из первых юбилеев Рамсеса II, в проведении которых Хаемуас, как известно, принимал активное участие [288, с. 71, примеч. 43]⁸².

СЕМЬЯ РАМСЕСА II

Рамсес II был сыном Сети I и царицы Туи [292]. Семья его была огромна. Помимо бесчисленных наложниц гарема известны четыре его законные супруги [258, с. 75—80], по край-

ней мере 79 сыновей [453, с. 82]⁸³ и 63 дочери [258, с. 102—113]⁸⁴, а по некоторым подсчетам, 111 сыновей и 67 дочерей [385, с. 9].

Первой законной женой молодого Рамсеса II была Нефертари-Меренмут [258, с. 75—77]⁸⁵, считавшаяся царицей, как свидетельствует надпись в гробнице «первого жреца» Амуна Небуненефа, уже в 1-й год самостоятельного правления Рамсеса II. Нефертари-Меренмут стала женой Рамсеса II еще в период его соправления с Сети I. К сожалению, неизвестно, сколь долгой была ее жизнь. Совершенно очевидно, что Нефертари-Меренмут была еще жива в период строительства абу-симбельского храмового комплекса, малый храм которого был посвящен ей и в котором имеется много ее скульптурных изображений. В Абу-Симбеле она отождествлена с богинями Хатор, Мут, Ануке и названа наследственной правительницей севера и юга Египта. Нефертари-Меренмут представлена рядом с колоссами Рамсеса II в Абу-Симбеле и в Луксоре. Известна ее статуя из гранита, в настоящее время находящаяся в Ватикане, и сидящая фигура из черного гранита, хранящаяся в Турине. Ее гробница была открыта в 1904 г. в Долине цариц, в западной части Фив. Довольно многочисленны скарабеи с ее именем. Царица Нефертари-Меренмут была матерью старшего сына Рамсеса II, царевича Аменхерунемефа (Аменхерхопшефа), возглавляющего все списки сыновей Рамсеса II.

Второй законной женой Рамсеса II — возможно, одновременно с Нефертари-Меренмут — была Истнофрет [258, с. 77—78], родившая нескольких сыновей, в том числе столь прославленных, как четвертый сын, царевич Хаемуас⁸⁶, и тринадцатый сын, царевич Мернептах, унаследовавший впоследствии престол. Царица Истнофрет была матерью и старшей дочери Рамсеса II — царевны Бент-Анат. Истнофрет изображена со своими детьми на многих монументальных сооружениях. Вместе со своими сыновьями она представлена в скульптурной группе, ныне хранящейся в Париже.

Третьей законной женой Рамсеса II стала дочь хеттского царя Хаттусилиса III, вступившая в брак с египетским фараоном на 34-м году его правления. Она получила египетское имя Маатнефрура («Видящая красоту Ра»). Маатнефрура изображена вместе со своим отцом Хаттусилисом III на стеле, высеченной на южной стороне внутреннего зала большого храма в Абу-Симбеле, и представлена рядом с Рамсесом II на одном из его колоссов в Танисе [258, с. 79—80].

Четвертой законной женой Рамсеса II стала другая дочь Хаттусилиса III [348, с. 14—18]. Законной царицей была также некая «дочь царя» Хентмира, которая не имела сыновей и, по-видимому, прожила недолго [273, с. 2, 8].

Известно, что в гареме Рамсеса II была также дочь царя Вавилона и дочь правителя страны Зулапи (Северная Сирия) [502, с. 187, примеч. 41, 42].

Старшим сыном Рамсеса II был царевич Аменхерхопшеф (или Аменхерунемеф), упоминаемый в стандартных храмовых списках из Рамессеума, Луксора и Дерра, а также на туринской статуе. В храме в Бейт эль-Вали он назван Аменхерунемефом. По-видимому, в данном случае по каким-то причинам было произведено изменение имени царевича, поскольку Аменхерхопшеф и Аменхерунемеф явно одно и то же лицо, поскольку они нигде не перечислены и не изображены вместе.

Сын царицы Истнофрет — царевич Рамсесу изображен вместе со своей матерью и братом Хаемуасом в небольшой скульптурной группе, ныне хранящейся в Париже, а также на стенах в Асуане и в Гебель эль-Сильсиле. Его можно обнаружить и в абу-симбельском храме. Ему же как умершему посвящена статуя, изготовленная по заказу сына его брата Хаемуаса. Принадлежащая Рамсесу фигурка ушебти была помещена в Серапеуме в 26-й год правления Рамсеса II. (О старших сыновьях Рамсеса II см. [273; 529, с. 275].)

Царевич Парахерунамиф известен по нескольким спискам, в частности по записям в абу-симбельском храме. Имется и скарабей с его именем.

Сын Рамсеса II и царицы Истнофрет — царевич Хаемуас долгое время был наиболее влиятельным при дворе своего отца. Он исполнял обязанности верховного жреца («сем») Птаха в Мемфисе и был признан наследником престола в 30-й год правления Рамсеса II [273]. О Хаемуасе сообщают многие надписи. Он фигурирует в трех списках детей Рамсеса II. В юности он принимал участие в войнах в Сирии, о чем свидетельствуют изображения и тексты в Рамессеуме и в Карнаке. Как верховный жрец Птаха в Мемфисе, Хаемуас засвидетельствован фигурками ушебти, изготовленными в связи с церемонией захоронения священных быков Аписов в 16, 26, 30-й и в еще один неизвестный год правления Рамсеса II. С 30-го по 40-й (или 42-й) год царствования Рамсеса II Хаемуас руководил, несомненно, четырьмя (а возможно, пятью) юбилеями «тридцатилетия» своего отца [288, с. 64, примеч. 4]. В должности верховного жреца Птаха Хаемуасу в 55-й год правления Рамсеса II наследовал его брат Мернептах. Известны ушебти из гробницы Хаемуаса, а также различные предметы (нагрудные украшения, амулеты), найденные в Серапеуме в погребениях быков Аписов. В Британском музее хранится прекрасная статуя Хаемуаса [273, с. 99—137].

Хаемуас надолго оставил по себе память в египетском народе, который много веков спустя, как свидетельствуют о том Геродот и поздние демотические записи эллинистического и римского времени, в своих сказках изображал Хаемуаса (Сатни-Хаемуаса, или Сетона) как могущественного чародея и мага — отца еще более великого волшебника — Са-Осириса, успешно боровшегося с эфиопскими колдунами и, в частности, поведавшего своему отцу Сатни-Хаемуасу притчу о праведном

страдалице, притчу, удивительно похожую на евангельский рассказ о нищем Лазаре [41, с. 38—39; 82, с. 267; 88, с. 159—231; 273, с. 70—71; 282].

Сын Рамсеса II Ментухерхопшеф принимал участие в военных походах в Азию. Его скарабей хранится в Берлине. Он же присвоил статую в Бубастисе. Ментухерхопшеф был начальником над лошадьми и колесницами.

Царевич Небенхару участвовал в осаде города Дапур.

Царевич Мериамун упомянут в Рамессеуме и в Луксоре и изображен при осаде Дапура.

Царевич Аменемуа представлен в храме в Дерре под именем Сетимуа. Он участвовал в осаде Дапура.

Царевич Сети, сын царицы Нефертари-Меренмут, в 53-й год царствования Рамсеса II еще был жив. Он изображен при осаде Дапура и в военных сценах в Карнаке.

Известны имена царевичей Сетеленра, Рамери, Херхерумефа и многих других.

Царевич Мернептах, сын царицы Истнофрет, в 55-й год правления Рамсеса II наследовал Хаемуасу в должности верховного жреца Птаха в Мемфисе. В этот же год он был объявлен наследником престола. После смерти Рамсеса II он стал фараоном [161, с. 335—372; 324].

Старшая дочь Рамсеса II и царицы Истнофрет по имени Бент-Анат возглавляла луксорский список его дочерей. Ее статуи помещались на Синае, в Танисе, в Карнаке, в Абу-Симбеле. Ее гробница находится в Долине цариц, в западной части Фив. Встречаются записи, в которых Бент-Анат предстает не только как «дочь царя», но и как «великая жена царя», из чего, может быть, следует, что Рамсес II вступил в брак со своей собственной дочерью.

Дочь Рамсеса II Меритамен в луксорском списке стоит четвертой, а в абу-симбельском — пятой. Она, как и Бент-Анат, была погребена в Долине цариц и также носила титул «великая жена царя», что, возможно, указывает на ее брак с отцом. Ее изображение сохранилось в Абу-Симбеле, а статуя была найдена в Танисе.

Дочь Рамсеса II Небеттауи изображена рядом с его колоссом в Абу-Симбеле. Ее гробница находится в Долине цариц. Она также носила титул «жена царя» и, вероятно, состояла в браке со своим отцом. Позднее она стала женой кого-то другого, поскольку ее дочь Истмах не считалась дочерью царя.

Таковы данные о некоторых детях Рамсеса II⁸⁷, который, по словам Дж. Брэстеда, «оставил после себя настолько многочисленное семейство, что последнее образовало особый благородный рамессидский класс, который еще спустя четыреста лет носил среди других титулов имя Рамсеса, не как отческое, а как обозначение класса или ранга... Рамсес очень гордился своим огромным семейством и часто приказывал скульпторам изображать своих сыновей и дочерей в длинных рядах на стенах

храмов. Старшие сыновья сопровождали его в походах, и, согласно Диодору, каждый отряд его армии находился под командой одного из них. Его любимцем был Хаемуас... Но вниманием его пользовались все, и его любимейшие жены и дочери появляются весьма часто на его памятниках» [25, т. II, с. 143].

РАМСЕС II В БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В библейских книгах Бытие и Исход упоминается земля и город Раамсес (т. е. Рамсес) применительно к двум историческим периодам — периоду поселения в Египте израильских племен (время Иосифа)⁸⁸ и периоду притеснения потомков Израиля в стране фараонов (время Моисея)⁸⁹. В Библии сказано об этом так:

«Поселил Иосиф отца своего и братьев своих и дал им владение в земле Египетской, в лучшей части земли, в земле Раамсес, как повелел фараон» (Бытие XLVII, 11) [24].

«Восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится противу нас, и выйдет из земли (нашей). И поставили над ним начальников работ, чтобы изнурили его тяжкими работами. И он (т. е. израильский народ.—И. С.) построил фараону Питом и Раамсес — города для запасов» (Исход I, 8—11) [24].

[Далее следует пространное описание того, каким образом Моисею удалось добиться от фараона согласия на уход израильтян из Египта.]

«И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Суккот — до шестисот тысяч мужчин, кроме детей» (Исход XII, 37).

Построенный израильтянами, согласно утверждению Библии, город Раамсес мог быть только Пер-Рамсесом [165, с. 75—98; 544, с. 291—292], основанной Рамсесом II в дельте Нила новой столицей Египта, и, следовательно, именно этот фараон подразумевается в соответствующей записи книги Исход как притеснитель израильтян.

Название местности, в которой обосновались израильтяне при Иосифе, как земля Раамсес в Библии относится ко времени на несколько веков более раннему, чем начало царствования Рамсеса II, и потому ошибочно, поскольку до Рамсеса II, до построения Пер-Рамсеса, не могла существовать, естественно, и земля Раамсес. В данном случае в Библии более позднее обозначение территории, соседствующей с Пер-Рамсесом, переносится в прошлое. Библейский фараон — притеснитель израильтян отождествляется, как мы видим, довольно просто: это тот правитель, при котором был построен Пер-Рамсес, т. е. это Рамсес II. О фараоне, при котором после длительной борьбы

с ним Моисея израильтяне покинули Египет, Библия также дает достаточно определенное указание: это преемник фараона, при котором был построен Пер-Рамсес, т. е. это Мернептах, сын и наследник Рамсеса II.

Вот как об этом сказано в книге Исход: «Спустя долгое время умер царь Египетский. И стенали сыны Израилевы от работы и вопияли, и вопль их от работы восшел к богу» (II, 23) [24]. Если считать, что тяжелые работы были наложены на израильтян при Рамсесе II, то тогда именно его смерть подразумевается в приведенном выше отрывке из книги Исход, и, следовательно, деятельность Моисея должна была происходить при преемнике Рамсеса II — при Мернептахе. Следует отметить, что в русском тексте книги Исход еще раз упоминается смерть фараона [(«Спустя много времени умер царь Египетский») (IV, 18)]. На этом основании можно, казалось бы, сделать вывод, что фараоном, с которым вел борьбу Моисей и при котором израильтяне ушли из Египта, был не Мернептах, а кто-то царствовавший после него. Необходимо, однако, иметь в виду, что в русском тексте Библии в книге Исход вторая фраза, сообщающая о смерти фараона, заключена в скобки. Этой фразы нет в древнееврейском масоретском оригинале Библии (Исход IV, 18) [69]⁹⁰, и потому скорее всего в книге Исход под фараоном, при котором израильтяне покинули Египет, подразумевается правитель, царствовавший после смерти Рамсеса II, т. е. Мернептах. Подобный вывод кажется очевидным, если полагаться только на текст Библии. Между тем справедливость библейского указания была поставлена под сомнение еще в конце прошлого века, когда в 1896 г. была открыта так называемая «стела Израиля» [456, табл. 13, 14].

Данная стела, обнаруженная в заупокойном храме Мернептах, представляет собой заднюю сторону плиты с текстом времени Аменхотепа III. Издал и перевел «стелу Израиля» В. Шпигельберг [533, с. 1—25; 137, т. III, с. 256—264, § 602—617]. В тексте стелы идет речь о победах, одержанных Мернептахом в 5-й год своего царствования над ливийцами и «народами моря». В конце стелы говорится следующее: «Ни один не поднимает голову свою среди „деяти луков“. Опустошена Техену. Хета стала смирной. Захвачен Канаан всяческим злом. Уведен Ашкелон. Схвачен Гезер. Иеноам сделан несуществующим. Израиль опустошен, нет семени его⁹¹. Хару (Сирия) стала вдовой для Египта. Все страны вместе находятся в состоянии спокойствия. Каждый бродяга наказывается царем Верхнего и Нижнего Египта Баенра Мериамуном, сыном Ра, Мернептахом Хетепхермаатом, которому дана жизнь, как солнцу, каждый день» [533, с. 9—10, 14, табл. I, стк. 26—28].

Свое название «стела Израиля» получила потому, что в ней (единственный раз в египетском тексте) встречается термин «Израиль» (*jsr'lg*) как обозначение народа, проживавшего в Палестине в 5-й год царствования Мернептах. Между тем, если

учитывать зафиксированную на «стеле Израиля» датировку, станет невозможным отождествление фараона «исхода» израильтян с Мернептахом, поскольку в Библии сказано, что израильтяне попали в Палестину через много лет после того, как покинули Египет (Иисус Навин XXIV, 7), и, следовательно, они никак не могли бы оказаться в Палестине, если бы этот правитель был фараоном «исхода». Перед исследователями, привыкшими доверять каждому слову Библии, возникла сложная задача: «стела Израиля» не позволяла видеть в Мернептахе фараона «исхода», в то же время, согласно прямому свидетельству книги Исход, при преемнике фараона, построившего Пер-Рамсес (т. е. при преемнике Рамсеса II), израильтяне ушли из Египта. Выход из создавшегося положения некоторые авторы увидели в предположении, что не все израильтяне побывали в Египте, часть израильских племен постоянно оставалась в Палестине и именно о них сообщает «стела Израиля» [390, с. 39; 453, с. 114; 531]. Большинство историков, занимавшихся проблемой пребывания израильтян в Египте, отказавшись от отождествления Мернептах с фараоном «исхода», стали отодвигать этот «исход» к более отдаленному прошлому [280; 326] или вообще отрицать факт пребывания израильских племен в Египте [263, с. 52].

Оставалась еще возможность отнести пребывание израильтян в Египте и «исход» из него к более позднему времени, чем годы царствования Рамсеса II и Мернептах. По такому пути в начале нашего столетия пошли Б. Д. Эрдманнс [217, с. 67] и В. В. Струве [71; 72; 74]. Именно В. В. Струве пытался доказать, что израильские племена пришли в Египет при Мернептахе, а ушли из Египта в конце царствования Рамсеса III, которого, по мнению В. В. Струве, библейские авторы спутали с Рамсесом II, почему последний и подразумевается в книге Исход как фараон — строитель Пер-Рамсеса и притеснитель израильтян.

Анализируя содержание «стелы Израиля», В. В. Струве принял точку зрения Э. Навилля [429, с. 195], что в данном тексте не идет речь о походе Мернептах в Азию. По мнению В. В. Струве, «стела Израиля» сообщает о разорении страны хеттов, Финикии, Сирии, Палестины не египетскими войсками, а ордами «народов моря». Пострадал от набегов «народов моря» и Израиль, и именно это обстоятельство, как полагал В. В. Струве, побудило израильские племена переселиться в Египет, о чем, по мнению В. В. Струве, имеется прямое указание в египетском папирусе Анастаси VI [4, 13 (53—61)]: «Другое послание для (54) моего [господина]: мы закончили с разрешением племенам шасу из Эдома (55) пройти крепость Мернептах Хетепхермаата, да будет он жив, невредим, здоров, которая (находится в области) Чеку (Тkw), (56) (по направлению) к прудам Питома (Pr-Tm) Мернептах Хетепхермаата (57), который (находится в области) Чеку, чтобы сохранить жизнь им»

ти сохранить жизнь их стадам благодаря великой (мощи) фараона, да будет он жив, невредим, здрав — (58) благого солнца для каждой страны» [248]⁹².

В аргументации В. В. Струве центральное место занимает утверждение, что израильтяне пришли в долину Нила под угрозой голода вследствие разорения той местности, в которой они находились, не войсками Мернептаха (в этом вопросе В. В. Струве был, по-видимому, прав), а «народами моря», вторгшимися в Сирию и Палестину с севера. В прямую зависимость с этим вторжением В. В. Струве поставил и сообщение о переселении в Египет племен шасу из Эдома.

Между тем нельзя утверждать, что запись в папирусе Анастаси VI, в которой сообщается о приходе племен шасу из Эдома в Египет, следует датировать временем Мернептаха. Как, например, полагает Р. А. Каминс, эта запись могла быть сделана в царствование Сети II [149, с. 297]. Отпадает, таким образом, обязательная связь между приходом племен шасу в Египет, в район городов Чеку (Суккот) и Питом, и вторжением «народов моря».

Становится сомнительным один из основных аргументов концепции В. В. Струве [71, с. 32—40].

Пришедшие из местности Эдом племена шасу могли бы быть израильтянами. Однако, исходя из аргументации В. В. Струве, они с таким же основанием могут пониматься и как эдомитяне, еще не принявшие в качестве своего племенного наименования название местности Эдом, в которой обитали и из которой частично или полностью переселились в Египет. В данном случае вопрос об этнической принадлежности шасу из Эдома остается открытым (о шасу см. [266]). Единственное, что, по-видимому, можно предполагать, так это древнюю связь Израиля с Эдомом (местностью и племенным понятием), вследствие чего в Эдоме как территории на юге Палестины и существовал культ Яхве, воспеваемый в песне Деборы. Израильтяне и эдомитяне были племенными группами, первоначально совместно кочевавшими в одном регионе, и потому предания обоих народов, как справедливо указывал В. В. Струве, могли повлиять на формирование библейского рассказа о пребывании израильтян в Египте.

Однако превращать содержание соответствующих строк папируса Анастаси VI в исторический документ, свидетельствующий о приходе израильтян в долину Нила, все же, нам кажется, нельзя, несмотря на то что с формальной стороны нет препятствий увидеть в шасу из страны Эдом какую-то небольшую группу израильтян, отколовшуюся от основной массы израильских племен, уже давно прочно обосновавшихся в Палестине в соответствии с данными «стелы Израиля». Эта небольшая группа могла бы прийти в дельту Нила из Эдома и при Сети II. Нужно, однако, иметь в виду, что то, на чем настаивал В. В. Струве, — это лишь теоретически допускаемая возмож-

ность, а не бесспорная истина, якобы точно зафиксированная в папирусе Анастаси VI.

Предлагаемая В. В. Струве интерпретация рассмотренного им текста не является единственно допустимой, и потому нельзя, опираясь на этот текст, утверждать, что библейское предание о пребывании израильтян в Египте стало документально доказанным фактом⁹³. Древнейшие истоки библейской традиции о приходе израильских племен в Египет следует искать не во времена Мернептаха или Сети II, а в значительно более отдаленный исторический период, о чем в Библии имеется довольно точное свидетельство. В книге Исход по данному поводу можно прочесть: «Времени же, которые сыны Израилевы обитали в Египте, было четыреста тридцать лет. И было в конце четырехсот тридцати лет в этот самый день вышли все сонмы Господа из земли Египетской» (XII, 40, 41) [69].

Срок в 430 лет, которым в Библии определяется время пребывания израильтян в Египте, несомненно, заставляет вспомнить о 400-летию эры Сетха (Сутеха), которое отмечалось при Хоремхебе. Как мы уже имели возможность указать, эра Сетха (Сутеха) начала свой отсчет в правление фараона Нехси, царствовавшего в Аварисе незадолго до начала владычества гиксосов, когда большие массы семитов обосновались в дельте Нила, а их правители подчинили своей власти весь Египет. В Библии, таким образом, содержится, по существу, скрытый намек на тождество израильтян с гиксосами, намек, хотя и ошибочный, но не лишенный известного основания, поскольку в гиксосский период в Египте проживало действительно значительное количество семитов [263; 377; 454]. Не случайно современник Птолемея II Филадельфа — египетский историк Манефон [38, с. 132—133; 73, т. III, IV], по-видимому, знакомый с библейским преданием о пребывании израильтян в Египте, сопоставил их с гиксосами и дал свою интерпретацию библейского повествования, изложенную позднее Иосифом Флавием.

Вот что писал Иосиф Флавий в гл. 14 первой книги «Против Апиона», приводя выдержку из труда Манефона:

«Был у нас царь по имени Тимеос. В его царствование Бог, неизвестно почему, прогневался, и из восточных стран внезапно напали на нашу землю люди бесславного происхождения, полные отваги, и завладели ею легко, без боя и насильно. Они покорили всех бывших в ней князей, затем беспощадно сожгли города и разрушили храмы богов. С жителями они поступили самым жестоким образом, убивая одних, а других вместе с женами и детьми обращая в рабство. После всего этого они избрали царя из своей среды, имя которого было Салатис. Последний основал свою резиденцию в Мемфисе, обложил данью верхнюю и нижнюю землю и поставил гарнизоны в более подходящих пунктах. Но в особенности он укрепил восточные окраины в ожидании, что ассирийцы, когда-либо собравшись с силами, сделают нападение на его царство, желая завладеть

им. Найдя в Сетроитском номе, на востоке от Бубастидского рукава Нила, весьма удобно расположенный город, который, согласно древнему религиозному сказанию, назывался Аварис, он обстроил его, укрепил его весьма сильными стенами и поместил в нем многочисленный гарнизон, состоявший из двухсот сорока тысяч тяжеловооруженных. Туда он отправлялся летом как для раздачи продовольствия и жалованья, так и для того, чтобы с целью внушения страха соседним народам заставлять воинственно заниматься военными упражнениями. Он умер, процарствовав девятнадцать лет. Ему наследовал другой, по имени Беон, который царствовал сорок четыре года. После него Апахнан царствовал тридцать шесть лет и семь месяцев. После него царствовали: Апофис — шестьдесят один год и Ианнас — пятьдесят лет и один месяц. Последним из всех этих царей был Ассис, который царствовал сорок девять лет и два месяца. Вот эти шесть были первыми царями среди них, и они постоянно и со все большей силой стремились к тому, чтобы искоренить род египетский. Весь их народ назывался Гиксос, что значит „цари-пастухи“. Ибо „Гик“ означает на священном языке „царя“, а „сос“ в народной речи — „пастуха“, или „пастухов“; из этих же двух частей образовалось слово Гиксос⁹⁴. Некоторые полагают, что это были арабы...

Вышеупомянутые цари из так называемых пастухов и их преемники владели Египтом в продолжение пятисот одиннадцати лет. После этого цари фивские и верхнеегипетские поднялись против пастухов, и вспыхнула сильная и продолжительная война. В царствование Мисфрагмуфоса (Тутмоса III.— *И. С.*) пастухи были побеждены и вытеснены из всего Египта, и они заперлись в одном месте, которое в окружности своей заключало десять тысяч арур. Место это называлось Аварис. Его со всех сторон, говорит Манефон, пастухи окружили большой и крепкой стеной, для того чтобы иметь все свое состояние и добычу в безопасности. Но Фуммос (Тутмос IV.— *И. С.*), сын Мисфрагмуфоса, расположившись перед стеной во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек, осаждал их, стараясь силой подчинить их себе. Но, отчаявшись в успехе осады, он заключил с ними договор, в силу которого они должны были оставить Египет и могли все в полной безопасности направиться, куда им угодно было. И тогда они на основании состоявшегося соглашения со своими домочадцами и своим состоянием оставили Египет в количестве не менее двухсот сорока тысяч человек и пошли в Сирийскую пустыню. Но из страха перед могуществом ассирийцев, которые тогда владычествовали в Азии, они в ныне называемой Иудее построили город, который мог бы вместить столько тысяч людей, и наименовали его Иерусалимом» [84, с. 17—21; см. также 90, с. 58—59].

В гл. 26 первой книги «Против Апиона» Иосиф Флавий передает еще одну версию повествования Манефона о гиксосах, версию более враждебную по отношению к евреям:

«Итак, сообщив, что предки наши вышли из Египта за столько лет раньше (Рамсеса), и вставив затем царя Аменофиса (Аменхотепа III.— *И. С.*), он (Манефон.— *И. С.*) заявляет, что этот последний пожелал, подобно Гору, одному из своих предшественников на престоле, лицезреть богов и сообщил о своем желании сыну Пааписа, тезке своему Аменофису, который вследствие своих знаний и дару предвидения будущего считал себя божественного происхождения. Тезка его ответил, что он (лишь в том случае) сможет лицезреть богов, если очистит всю страну от прокаженных и прочих нечистых людей. Сообразно с этим царь велел собрать со всего Египта всех калек, и число их дошло до 80 000. Затем он приказал заключить их в каменоломни, находящиеся к востоку от течения Нила, где работали и остальные выделенные из общества египтяне. Среди последних, говорит он, находились и некоторые ученые жрецы, пораженные проказою. Но в то же время Аменофис, этот мудрый прорицатель, перепугался, боясь за себя и за царя гнева богов, как бы не освободились насильно отведенные в каменоломни; и вот он стал поговаривать, что кое-кто, пожалуй, заступится за прокаженных с оружием в руках и овладеет Египтом на тринадцать лет. Не решившись, однако, высказать это самому царю, он оставил об этом последнему письмо и покончил жизнь самоубийством. Фараон был в полном отчаянии. Затем он (Манефон.— *И. С.*) пишет буквально следующее: „Когда же истек несчастным срок в каменоломнях, то царь по настоятельной просьбе дать им убежище и кров предоставил им покинутый тиксосами город Аварис, который, по преданию, издревле посвящен был Тифону (т. е. богу Сетху.— *И. С.*). Заняв этот город и пользуясь всею (прилегающею к нему) областью в качестве убежища, они выбрали начальником своим некоего жреца из Гелиополиса, Осарсифа, поклявшись беспрекословно повиноваться ему. Первым же изданным им постановлением был закон не поклоняться богам и не воздерживаться ни от каких издавна в Египте почитавшихся священными животных, но убивать и употреблять в пищу всех, равно как не сближаться ни с кем из населения, кроме принесших клятву единомышленников. Издав такой и много других противных египетским обычаям постановлений, он приказал народу восстановить стены города и готовиться к войне с фараоном Аменофисом. Сам же он, собрав как прочих жрецов, так и прокаженных, отрядил посольство к изгнанным Тутмосисом пастухам в город по имени Иерусалим и, сообщив о положении своем и прочих подвергшихся позорному насилию сотоварищей, просил предпринять общее единодушное нашествие на Египет. При этом он советовал направиться сперва к Аварису, первоначальной родине их общих предков, и обещал в достаточной мере припасти для войска провиант, чтобы затем уже, когда понадобится, сражаться вместе и без труда подчинить себе (всю) страну. Крайне обрадовавшись этому обстоятельству, те единодушно выступили в

поход в количестве до 200 000 человек и скоро прибыли в Аварис. Узнав в подробности об этом нашествии, Аменофис, фараон египетский, немало смутился, так как вспомнил об Аменофисе, сыне Пааписа. Созвав тотчас египетское войско и посовествовавшись с его начальниками, он приказал прислать к себе наиболее чтимых в капищах священных животных и повелел жрецам, каждому в отдельности, охранять в самых безопасных местах изображения божеств. Пятилетнего же сына своего Сетоса, называвшегося также, по отцу Рамсесу, Рамессом, он отправил к своему другу. Сам же он приготовился защищаться с прочими египтянами в числе до 300 000 отборных воинов. Сойдясь с врагами, он, однако, не вступил с ними в битву, так как ему пришла в голову мысль, что он собирается воевать с богами. Повернув поэтому быстро назад и прибыв в Мемфис, он захватил Аписа и всех прочих доставленных туда по его повелению священных животных и немедленно отправился со свитой и всем войском египетским в Эфиопию, ввиду того что царь эфиопский был по добровольному признанию его вассалом. Последний принял фараона и всю его свиту, поскольку страна его обладала в достаточной мере городами, селениями и нужными для всех этих преследуемых судьбой пришельцев провиантом на по крайней мере тринадцатилетнее изгнание, и выставил на границе Египта эфиопский сторожевой лагерь для охраны людей царя Аменофиса. Так обстояло дело в Эфиопии. Гиксосы же, соединившись с прокаженными египтянами, поступали столь жестоко с (покоренным ими) населением, что видевшим их тогдашние зверства первое их владычество казалось золотым: они не только жгли города и деревни, грабя и оскверняя храмы, не только не щадили изображений богов, но и делали из святилищ постоянно кухни, в которых зажаривали особенно высоко почитавшихся животных, а соответствующих жрецов и прорицателей заставляли разыгрывать при этом роль жертвоприносителей и резников, чтобы затем, обобрав догола, выгонять их. При этом рассказывается, что происходивший из Гелиополиса жрец Осарсиф, так названный по гелиополитанскому божеству Осирису, основав новое свое государство и дав ему законы, изменил, пристав к этим людям, свое имя на название Моисея, которым и стал с тех пор именоваться“.

Вот это и многое другое, что я краткости ради обхожу молчанием, сообщают египтяне об иудеях. Далее Манефон рассказывает, что после этого Аменофис с большим войском и в сопровождении сына своего Рамсеса, под начальством которого также была особая рать, выступил из пределов Эфиопии. Сойдясь с гиксосами и прокаженными, они оба победили их и, умертвив множество, преследовали остальных до границы Сирии. Это и тому подобное сообщает Манефон» [84, с. 57—60]⁹⁵.

Анализируя две приведенные выше версии Манефона (в пересказе Иосифа Флавия) о гиксосах, В. В. Струве пришел к выводу, что «факт пребывания Израиля не отрицался туземцами

(египтянами.— И. С.), но рассматривался соответствующим действительности» [74, с. 6]. Подобное заключение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Обе версии Манефона восходят, как нам представляется, не столько к данным египетской исторической традиции, сколько к библейскому преданию, с которым в Александрии мог ознакомиться Манефон. Писавший на греческом языке египетский историк пытался найти в прошлом своего народа материалы, подкреплявшие библейскую традицию, и это привело его к ошибочному отождествлению евреев с гиксосами, а египетских царей, которые вели с ними борьбу,— с великими фараонами Нового царства: Тутмосом III, Тутмосом IV, Аменхотепом III и Рамсесом II. Подобное отождествление было, конечно, далеко от истины. Не следует, однако, забывать, что те семитские племена, которые получили название гиксосов, слились после изгнания из Египта с ханаанским населением Палестины, и их воспоминания о пребывании в долине Нила через много веков могли лечь в основу сказаний смешавшихся с ханаанеями израильтян (о гиксосах см. [41а; 41б; 102; 116, с. 68; 118; 219; 240а, с. 95—110; 249, с. 85—89; 284, с. 36—56; 291, с. 195—202; 293; 296, с. 198—208; 358 и др.]).

Израильтянам легко было воспринять исторические легенды ханааней, отражавшие воспоминания о пребывании в Египте большого числа семитов в гиксосский период. Приход семитов-кочевников из Палестины в Египет был явлением заурядным. Семиты приходили в Египет и до гиксосов, и после них. Как сказано в тексте венского фрагмента надписи из гробницы Хоремхеба, «немногие из азиатов, которые не знали, как им прожить, пришли, (6) [про]ся (убежища во владениях) фараона, согласно обычаю ваших предков с изначала» [137, т. III, с. 6—7, § 10—12].

По свидетельству стелы Рамсеса II из Бейт-Шеана, в 9-й год его царствования какие-то азиаты из Палестины пришли в Египет, в район Пер-Рамсеса, выразить покорность фараону: «Они все, склонившись ниц, пришли к нему, к его дому жизни и благополучия — Пер-Рамсесу Мериямуну-Великому-Победами» [469, с. 255в].

Допустимое, хотя и недоказуемое из-за отсутствия точных документальных данных проникновение некоторых израильских племен в дельту Нила при ближайших предшественниках или преемниках Рамсеса II или в его собственное царствование как заурядный в истории Египта эпизод не только не должно было привлечь особого внимания египтян, но и самими израильтянами не могло восприниматься как событие того исключительного значения в жизни израильского народа, каким оно представлено в Библии. Если приход израильтян в Египет действительно имел место, то он должен был бы выглядеть так, как описывается в папирусе Анастаси VI [4, 13 (53—61)] приход каких-то кочевников-шасу из страны Эдом, осуществленный в царствование Сети II — внука Рамсеса II.

В Библии «исход» израильтян из Египта представлен грандиозным, полным драматизма событием. Однако подобное его изображение, несомненно, явилось результатом поздней, тенденциозной обработки составителями Библии многих сказаний, как собственно израильских, так и тех, которые существовали у древних обитателей Палестины — ханаанеян.

При анализе библейского повествования о деятельности в Египте легендарного Иосифа можно обнаружить определенное соответствие сообщаемых Библией фактов с тем, что известно о социальной организации Египта в эпоху Рамессидов. В то же время в том, как в книге Бытие изображена хозяйственная деятельность Иосифа, чувствуется непонимание авторами Библии специфики социально-экономических отношений, существовавших в рамессидовском Египте.

Хозяйственные и законодательные мероприятия Иосифа в книге Бытие описываются следующим образом: «И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. Только земли жрецов не купил (он), ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон, посему и не продали земли своей. И сказал Иосиф народу: вот я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена и засевайте землю, когда будет жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим... И поставил Иосиф в закон земли Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая землю жрецов, которая не принадлежала фараону» (XLVII, 20—26) [24].

Указание вышеприведенных строк Библии на $\frac{1}{5}$ часть урожая как на взимаемый с земледельцев налог в пользу фараона может быть согласовано с данными хозяйственных документов эпохи Рамессидов. Соответствует реальности и утверждение, что «досталась земля фараону», поскольку в рамессидовском Египте действительно существовал огромный государственный земельный фонд, распорядителем которого был фараон [76, с. 4—21; 77]. В Библии явно была сделана попытка объяснить возникновение в Египте государственной земельной собственности. Однако сама эта попытка показывает, что своеобразие земельных отношений в Египте для автора или авторов приведенного раздела Библии оказалось тайной за семью печатями. Фараон в древнем Египте никогда и ни у кого не покупал ни клочка земли. Указание на покупку земли Иосифом для фараона соответствует тем представлениям, которые были естественны для людей, знакомых с укладом экономической жизни в Израильском и Иудейском царствах (и в Вавилонии), но совершенно не понимавших особенностей, характерных для Египта. Не имело места в Египте эпохи Рамессидов и выделение

земли жрецов как не принадлежавшей фараону. Подобное выделение если и наблюдалось, то только в очень позднее время, через много столетий после царствования фараонов Рамессидов. Все это говорит о поздней записи соответствующего текста Библии. О том же свидетельствует и такая фраза: «И поставил Иосиф в закон земли Египетской, даже до сего дня». Не приходится сомневаться в том, что тот, кто написал «даже до сего дня», сделал это значительно позднее времени, к которому относится весь приведенный нами раздел Библии.

О поздней окончательной редакции книги Бытие говорит и то, как в ней сообщается о египетском имени Иосифа и его жены, египтянки: «И нарек фараон Иосифу имя: Цафнат-панеах, и дал ему в жены Асенету, дочь Потифера» (XLI, 45) [24]. Имя «Цафнат-панеах» расшифровывается как древнеегипетское $\text{dd p; nfr lw.f(r) 'nh}$ («говорит бог: он будет жить»), а имя «Асенета» («Аснат») является теофорным, с включением, согласно К. Зете, наименования саисской богини Нейт («принадлежащая Нейт») [218, с. 204—206; 510, I, § 223, 1; 550, с. 148, 203], что все вместе указывает на позднее время записи соответствующих строк Библии⁹⁶.

Теперь подведем итог нашему исследованию вопроса о пребывании израильтян в Египте в связи с упоминанием в Библии Рамсеса II как фараона — притеснителя израильтян. Мы полагаем, что в основе записанного в довольно позднее время (в VIII—VII вв. до н. э.) библейского рассказа о приходе сынов Израиля в Египет и «исходе» из него лежат многочисленные предания ханаанского населения Палестины, неоднократно проникавшего в страну фараонов. Наиболее мощный пласт этих преданий восходит, по-видимому, к гиксосскому периоду истории древнего Египта, и думается, что именно на исторический факт изгнания гиксосских царей из Египта опирается в значительной степени и библейское повествование об «исходе».

В то же время мы считаем, что нельзя полностью отрицать и недоказуемую пока возможность сочетания ханаанских преданий с преданиями собственно израильскими, восходившими к тому периоду, когда при первых фараонах XIX династии какие-то племенные группы из израильского племенного союза проникли в дельту Нила, обосновавшись в ее восточной части, неподалеку от Суккота (Чеку), в земле Гошен (Гесен), или земле Раамсес, по соседству с новой резиденцией фараонов Рамессидов — городом Пер-Рамсес (библейским городом Раамсес). В царствование Рамсеса II эти племенные группы израильтян могли благополучно покинуть пределы Египта⁹⁷ и, воссоединившись с основными массами формировавшегося на севере Синая (в районе оазиса Кадеш-Барнеа) израильского племенного союза, впоследствии проникнуть в Палестину, где уже в 5-й год правления Мернептаха племена израильтян заняли достаточно заметное место, в связи с чем они и были специально упомянуты на «стеле Израиля»⁹⁸.

ИСТОЧНИКИ О ХЕРИХОРЕ

В 1904 г. В. Врещинский опубликовал специальную работу о верховных фиванских жрецах, в которой были подобраны источники, связанные с деятельностью Херихора [578]. В 1914 г. в третьем томе своего фундаментального труда А. Готье суммировал различные тексты, упоминающие жреца-«царя» Херихора и членов его семьи [258, с. 220—240]. В 1929 г. в большом исследовании, посвященном истории верховных жрецов Амуна, Г. Лефевр дал краткий перечень и характеристику всех известных ему документальных свидетельств о Херихоре [368]. Соответствующую сводку данных о Херихоре включили в свой библиографический справочник Б. Портер и Р. Мосс [464, т. I, ч. II, 1964].

Каковы же те исторические памятники, которые рассказывают нам о Херихоре и его времени, о Херихоре, которого Б. Прус в романе «Фараон» изобразил могущественным соперником последнего Рамессиды².

I. Большой комплекс иероглифических текстов и изображений, начертанных на стенах гипостильного зала, переднего двора, пилона, а также проходов из гипостильного зала в святилище и в передний двор храма Хонсу, входящего в карнакский храмовой ансамбль [137, т. IV, § 609—626; 142, т. I, с. 39, табл. XXI, т. II, табл. LVIII, № 5; 158, т. II, с. 222—237; 258, т. III § III—IV, XII—XVII; 381, ч. III, с. 222 и сл., с. 243, а, б, с. 244, а, б, с. 245, б, с, с. 279, а, б, с. 248, а, б, с, d, e, f, с. 300, № 75; 396, с. 548—678; 397, с. 76—77; 482, т. III, табл. CCIV]. (Храм Хонсу Херихор облюбовал для фиксации надписей и изображений аналогично тому, как восточную стену между VII и VIII пилонами Карнака и примыкающую к ней молельню времени Тутмоса III избрал для сходных целей «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотеп³.)

II. Обстоятельный текст на цоколе и на развернутом свитке папируса в руке сидячей статуи Херихора-визиря из серого гранита, найденной в 1904 г. в тайнике Карнака [375, т. II, с. 59, № 42190, табл. LII]. (Текст специально исследован Г. Лефевром [285, § VIII; 367, с. 63—68].)

III. Надпись на сфинксе из храма Мут в Карнаке [258, § VII; 396, с. 661].

IV. Стела Лейденского музея (Leiden V, 65), на которой имеется изображение Херихора и его жены Неджефт [130, т. VI, с. 13, табл. XXVIII; 258, § IX, с. 234, примеч. 1; 347, с. 41, 165; 396, с. 678].

V. Надпись на большой неизвестного происхождения фаянсовой вазе из Каирского музея [124, с. 61, примеч. 3795; 258, с. 236, табл. XVIII; 347, с. 21, примеч. 91]⁴.

VI. Краткие записи с упоминанием Херихора (визиря), начертанные на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении [137, т. IV, 288, § 593, 594; 185, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII, № 61019, 61020; 258, § I—II; 396, с. 553, 557, фиг. 15, с. 724, 726, табл. Ха, XI, XIa, XIb].

VII. Текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ», в котором Херихор назван дважды (стк. 1, 15; 2, 26) и еще два раза подразумевается как обладатель титула «первый жрец» Амуна (стк. 1, 52; 2, 61) [40].

VIII. Остракон Каирского музея № 25744 [174].

IX. Иератический папирус с текстом «Книги мертвых», происходящий из тайника в Дейр эль-Бахри и принадлежащий жене Херихора Неджефт, ныне хранящийся в Луврском [185, с. 40—50; 347, с. 40—43, § 37—38; 396, с. 648, 650, 677; 432, с. 29—32; 578, с. 22], Мюнхенском [347, с. 42, § 38, № 175; 396, с. 512, примеч. 1] и Британском музеях [523, с. 14—15, № 10541]⁵.

X. Два гроба с мумией жены Херихора Неджефт, найденные в Дейр эль-Бахри [185, № 61024; 347, с. 43, примеч. 181; 396, с. 569, 570, 592, табл. XIXa; 527, № 61087]. (Место захоронения самого Херихора неизвестно. Его гробница и мумия не обнаружены.)

XI. Три письма времени Пианха, в которых упоминается жена Херихора Неджефт (Pap. Berlin, № 10487, 10488, 10489) [171, № 21, 34, 35; 220; 347, с. 40—42, § 37, 38; 563, с. 53, 69].

XII. Четыре письма времени Пианха, в которых фигурирует некая Херера [Pap. Turin, 1973; Pap. Brit. Mus., № 10100; Pap. Turin (unnumbered); Pap. Turin, 2069; 171, № 2, 30, 38, 39; 563, с. 20, 65—66, 74—75, № 12, 30, 38, 39], скорее всего жена Пианха, ранее ошибочно отождествляемая с Херерой — матерью Неджефт (т. е. с тещей Херихора) [120, с. 311; 168, с. 33; 242, с. 303; 335, с. 8; 347, с. 43, примеч. 187—188, с. 44, примеч. 189, 190, 191; 564, с. 173, примеч. 145].

XIII. Стела от 7-го года эры «Повторения рождений», в которой сын Херихора Пианх (предполагаемую Эд. Ф. Венте вероятность отсутствия сыновних связей Пианха с Херихором [566, с. 36—38] мы рассмотрим ниже) фигурирует в качестве «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [116, с. 111; 168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 35—36; 317, т. II, гл. XIII, с. 102, примеч. 5; 318, с. 439; 335, с. 14—15; 347, с. 17—23, примеч. 75—

76, 81—87, § 16—19; 437, с. 157—162; 564, с. 175; 576, с. 306—307; 580, с. 99, 109—110, 112, примеч. 64].

Таковы те источники, которые могут быть использованы при воссоздании основных этапов жизненного пути Херихора и при характеристике того фиванского «государства бога» Амуна, которое он возглавил. К сожалению, большинство этих источников не датировано, что, конечно, весьма затрудняет их интерпретацию. Определенная датировка по годам эры «Повторения рождений» содержится лишь в некоторых документах: в стк. 1 из текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» (иератический папирус ГМИИ им. А. С. Пушкина, № 120) («Год 5-й, месяц 4-й периода шему, день 16-й») ⁶; в записях, начертанных на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении («Год 6-й, месяц 2-й периода ахет, день 7-й» и «Год 6-й, месяц 3-й периода перет, день 15-й») [137, т. IV, с. 288, § 593, 594; 185, № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 258, с. 220, 233, примеч. 1; 347, с. 248, примеч. 31; 367, с. 64; 396, с. 553, 557, 724, 726, табл. XIA, XII; 563, с. 3, примеч. 13]; в стк. 10 оракула, зафиксированного на стеле, изданной Ч. Ф. Нимсом («Год 7-й «Повторения рождений», месяц 3-й периода шему») [437, с. 157—162]; в одном из писем времени господства в Фивах Пианха (что позволяет датировать и несколько других писем этой же серии) («Год 10-й, месяц 1-й периода шему, день 25-й»), *Pap. Brit. Mus.*, № 10326 [171, № 9; 563, с. 37, № 9, см. также с. 12]. [В некоторых текстах, в которых при датировке точное указание года эры «Повторения рождений» отсутствует, сохраняется упоминание о Рамсесе XI, что свидетельствует о составлении этих текстов во время правления именно этого последнего фараона Рамессиды. Особо отметим, что среди документов, относящихся к деятельности Херихора, нет ни одного, датированного по годам царствования Херихора-фараона или царствования (в Танисе) Несубанебджеда (Смендеса).]

Среди всех вышеперечисленных источников лишь надписи, начертанные в Карнакском храме Хонсу, содержат почти полный набор известных нам титулов Херихора, в том числе и тех, которые аттестуют его как фараона. О Херихоре-фараоне речь идет в надписях, зафиксированных в переднем дворе храма Хонсу, в проходах из гипостильного зала храма Хонсу в святилище и в передний двор, а также на фасаде пилона, обрамляющего передний двор. Кроме того, царский сан Херихора подтверждается еще, как мы полагаем, в одной строке записи в большом гипостильном зале Карнака («сын Амуна») и в тексте на фаянсовой вазе из Каирского музея. Херихор характеризуется как фараон также и в уже упоминавшихся частях заупокойного папируса его жены Неджефт, содержащих изложение «Книги мертвых». В данном случае Херихор предстает в качестве «первого жреца» Амуна и фараона, а Неджефт — как жена «первого жреца» Амуна и «царская мать» [112, с. 60; 124, № 3795, с. 61; 137, т. IV, с. 305—307, § 619—637; 158, т. II,

с. 221—223, 226—227, 229—231; 258, с. 234—237, § X—XVIII, 347, с. 20—21, примеч. 90—92, § 17, с. 40—44, примеч. 173—180, 189, § 37—39, с. 251, примеч. 40—42, § 210; 381, ч. III, с. 243, а, б, с. 244, а, б, с. 245, б, с, с. 246, а, б, с, с. 248, а, с. 300, примеч. 75; 382, т. III, 1900, с. 56—65; 396, с. 653, 677].

В большинстве текстов, упоминающих Херихора или членов его семьи (и это нужно подчеркнуть), в отношении к ним царская титулатура или соответствующие эпитеты не употребляются. Так, в надписях, покрывающих стены гипостильного зала Карнакского храма Хонсу, а также в записи на стеле, установленной в этом храме и посвященной оракулу Хонсу и Амуна, Херихор фигурирует не в качестве фараона, а как верховный правитель, начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, великий начальник работ в доме Хонсу, начальник работ по сооружению памятников всех его величества, главы Верхнего и Нижнего Египта [137, т. IV, с. 299—302, § 609—612, с. 303—304, § 615—618; 142, с. 39, табл. XXI; 158, т. II, с. 233, 236—237; 258, § III—IV; 381, ч. III, с. 222, f, с. 247, e, d, с. 248, b, d, e, f; и др.].

В надписи на цоколе и на развернутом свитке папируса в руках сидячей карнакской статуи Херихора из серого гранита последний выступает как обладатель следующих почетных званий, эпитетов и титулов: верховный правитель, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, начальник города (Фив), визирь, царский сын Куша, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, успокаивающий обе земли для господина своего Амуна... Начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, визирь, открытый правде, слушающий людей юга, начальник земель юга, делающий полезное в доме Амуна, для которого работает вся земля полностью [368, с. 63—68, стк. 5—9].

В краткой записи на сфинксе из Карнакского храма Мут Херихор назван «первым жрецом» Амуна-Ра [396, с. 661].

На стеле из Лейденского музея (Leiden V, 65) с изображениями Херихора и его жены Неджемт Херихор характеризуется как «„первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска», а Неджемт — как «владычица дома, старшая гарема Амуна-Ра, царя богов» [130, т. VI, табл. XXVIII; 258, § VII, IX; 347, с. 41, примеч. 165; 396, с. 678]. (В тексте на уже упоминавшейся фаянсовой вазе, где Херихор титулован как фараон, в царских картушах помимо собственного имени содержится лишь жреческое звание Херихора — «владыка двух земель, „первый жрец“ Амуна, владыка диадем Херихор» [124, с. 61, № 3795; 258, § XVII].)

В краткой записи на гробе Сети I, сделанной при его перезахоронении в 6-й год эры «Повторения рождений» (т. е. в 24-й год правления Рамсеса XI), Херихор назван «„первым жрецом“ Амуна-Ра, царя богов, визирем и начальником [города] (Фив)».

В сходной записи на гробе Рамсеса II Херихор фигурирует в качестве «„первого жреца“ Амуна-Ра, царя богов» и одного из «серов» (т. е. чиновных должностных лиц) и аналогично с записью на гробе Сети I — как визирь и начальник города (Фив), поскольку лакуна перед обозначением жреца позволяет в данном случае предполагать первоначальную фиксацию здесь именно этих титулов⁷ [137, т. IV, с. 288, § 593—594; 185, № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 396, с. 553, 557, фиг. 15, с. 724, 726, табл. Ха, XIa, XIb, XII]. Как визирь Херихор отмечен еще лишь в надписи на статуе Каирского музея № 42190. Ни в одном из многочисленных текстов, покрывающих стены, колонны, архитравы гипостильного зала храма Хонсу, Херихор визирем не назван, и лишь в записи на помещенной в храме Хонсу стеле, сообщающей об оракуле Хонсу и Амуна, он характеризуется не только в качестве «„первого жреца“ Амуна-Ра, царя богов, царского сына Куша и начальника двойной житницы», но, возможно, и в качестве визиря, поскольку аттестуется как начальник города Фив, в котором Хонсу и Амун утвердили его господство.

В тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» Херихор упомянут по имени дважды (в стк. 1, 15; 2, 25) и еще два раза подразумевается как обладатель титула «первого жреца» Амуна (в стк. 1, 52; 2, 61). Другими званьями (кроме звания «господина» (nb) Ун-Амуна) Херихор в данном историко-литературном памятнике не наделен [40, с. 27 [120], 30 [127], 28 [124], 32 [131]].

На остраконе Каирского музея № 25744 (обрывок письма) Херихор упоминается со своими обычными, нецарскими титулами [168, с. 251, примеч. 42].

В папирусе с текстом «Книги мертвых» из Дейр эль-Бахри, принадлежащем жене Херихора Неджемт, Херихор представлен в качестве «первого жреца» Амуна и фараона с царскими картушами [в частях папируса, хранящихся в Лувре и в Британском музее (Par. Brit. Mus., № 10541)] в то же время Неджемт называется «царской матерью» и один раз перед своим картушем обозначена странным званием «царского кравчего» (Wb pśw), что, впрочем, по мнению К. А. Китчена, является случайным искажением титула «жена царя» (hmt-nśw) [347, с. 42, § 38, примеч. 173—180]. В одной из частей принадлежавшей ей записи «Книги мертвых» Неджемт аттестуется как «царская мать господина двух земель, божественная мать Хонсу-ребенка, старшая гарема Амуна-Ра, царя богов, глава почтенных женщин, госпожа двух земель» [432, с. 29]⁸. В дополнении (или в копии?) к основному тексту «Книги мертвых» Неджемт (Par. Brit. Mus., № 10541), также хранящемся в Британском музее (Par. Brit. Mus., № 10490), о его владелице сказано, что она «царская мать Неджемт» (в картуше.— И. С.), дочь «царской матери Хереры» (без картуша.— И. С.) [146, табл. I, 5]. В этом же папирусе Неджемт называется «царской матерью, родившей

могучего быка» (mšt k; nḥt) [347, с. 44, § 39; 564, с. 174, примеч. 149]⁹.

В надписях на двух гробах найденных в знаменитом тайнике в Дейр эль-Бахри [185, с. 41—50, № 61024], содержащих мумию Неджефт [347, с. 43, примеч. 181, § 38; 396, с. 569, табл. 19; 527, № 61087], а также в надписях на пеленах мумии имя «Неджефт» заklючено в картуши, и она предстает здесь с теми же титулами, что и в тексте своей «Книги мертвых», т. е., в частности, как «глава почтенных женщин, царская мать, старшая глава гарема (ḥr (jt) wrt ḥnrt) божественная (или царская) мать Хонсу» [347, с. 43, примеч. 40—42, § 39].

В двух письмах из трех времени Пианха, упоминающих Неджефт (Pap. Berlin, № 10487, 10488), последняя не наделяется какими-либо титулами или званиями, и лишь в третьем письме (Pap. Berlin, № 10489) она аттестуется как «старшая гарема Амуна-Ра, царя богов, почтенная госпожа» [171, № 21, 34, 35; 347, с. 40—42, § 37—38; 563, с. 53, 69, № 21, 34, 35].

В двух письмах из четырех, также относящихся к периоду, когда «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, был Пианх (Pap. Turin, 1973; Pap. Brit. Mus., № 10100), речь идет о некоей Херере без каких-либо сопроводительных титулов. Зато в двух других письмах Херера названа «старшей гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов» — Wrt ḥnrt (šmꜥj) n-(t)'Imn-Rꜥ nšw pꜥrw, т. е. званием, обычным для жены, сестры или дочери верховного фиванского жреца [171, № 2, 30, 38, 39; 168, с. 32; 563, № 2, 30, 38, 39, с. 20, 65, 66, 74, 75; 564, с. 157, примеч. 16]¹⁰.

В надписи на стеле, рассказывающей о решении оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» (т. е. от 25-го года правления Рамсеса XI), сам Херихор не фигурирует, но здесь упоминаются (помимо Амуна-Ра, царя богов) жрец «уаб», писец склада дома Амуна-Ра по имени Несиаmun, «второй жрец» Амуна Несиаmunра, преемник Херихора в должности верховного фиванского жреца Пианх, наделенный титулами «носителя опахала с правой стороны царя, царского сына Куша, „первого жреца“ Амуна-Ра, царя богов, начальника войска, правителя» [437, с. 157—162].

Весьма важным фактом, сообщаемым данной надписью, является указание на то, что в 7-й год эры «Повторения рождения» (или в 25-й год правления Рамсеса XI) верховным фиванским жрецом был уже не Херихор, а Пианх¹¹.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ХЕРИХОРА

Итак, мы завершили перечисление и краткую характеристику основных источников, которые содержат сведения о Херихоре и его близких. Теперь можно перейти непосредственно к анализу этих документов.

Прежде всего остановимся на рассмотрении вопроса о том, какой вывод позволяют сделать имеющиеся материалы о происхождении Херихора.

Нужно признать, что проблема происхождения Херихора является одной из наиболее темных и трудноразрешимых. Родословная Херихора и поныне остается загадочной. Среди исследователей все еще нет согласия ни в отношении генетических связей Херихора, ни в отношении того, как и когда завершился его жизненный путь. Ни мумия, ни место погребения Херихора до сих пор не обнаружены, и в этом смысле ему повезло меньше, чем его жене Неджемет, чья мумия и два гроба были найдены в знаменитом тайнике в Дейр эль-Бахри.

Следует отметить, что именно сведения о Неджемет позволяли в прошлом и позволяют и в настоящее время строить определенные гипотезы о происхождении Херихора. Согласно утверждению Г. Масперо, Неджемет, будучи царевной, помогла своему мужу Херихору (сыну «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа) (?) достичь исключительного положения в Фивах [395, с. 563]. Фл. Питри, поддержанный позднее А. Готье, выдвигал предположение, что со стороны своей матери (?) (все той же Неджемет) Херихор якобы был потомком Рамсеса VI [453, с. 176, 196, 205; 258, с. 236]. Как справедливо несколько позже указывал Г. Лефевр, коль скоро заходит речь о непосредственном преемнике «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа Херихоре, приходится признать, что «не известны ни его отец, ни его мать», которых «он нигде не называет на своих официальных памятниках» [368].

Впоследствии большинство исследователей, отмечая отсутствие каких-либо сведений о родителях Херихора, согласились с мнением А. Гардинера, что Херихор стал «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, как зять верховного фиванского жреца Аменхотепа¹², поскольку жена Херихора Неджемет, согласно тексту ее «Книги мертвых», хранящемуся в Британском музее (Par. Brit. Mus., № 10490), была дочерью Хереры, а последняя якобы являлась женой Аменхотепа, так как отождествляемая с ней Херера, упоминаемая в двух письмах времени Пианха (Par. Tugin Unnumbered. Par. Tugin 2069), носила титул, обычный для жены «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [«старшая гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов»], каковым до Херихора мог быть только Аменхотеп [168, с. 33; 242, с. 303; 306, с. 303, 335, с. 8].

Мнение А. Гардинера до самых последних лет было как бы общепринятым. В соответствии с давней традицией оно позволяло утверждать сохранение определенных связей семейного характера у многих верховных фиванских жрецов, занимавших эту высокую должность как в эпоху Рамессидов, так и в более позднее время, что, в свою очередь, служило дополнительным аргументом для тех исследователей, которые были склонны отстаивать тезис о многолетнем могуществе фиванских верховных

жрецов — грозных соперников фараонов. Как писал, например, Э. Горнунг в своей рецензии на фундаментальную работу Г. Кееса о Херихоре и о последовавших за ним «первых жрецах» Амуна-Ра, царя богов, «потомки Херихора с материнской стороны были преемниками фиванской семьи верховных жрецов Усермаатранахта (Рамсесунахта), которые, начиная от правления Рамсеса III, вплоть до вторжения Панехси, распоряжались высшей фиванской жреческой должностью и которые еще раньше породнились с еще более древней фиванской семьей Бакенхонсу (Чанофр). Не считая семейных связей с танисцами и Бубастидами... возникла, таким образом, генеалогическая цепь фиванских жрецов Амуна (и прежде всего верховных жрецов), которые правили от начала XII и включая VIII столетие до рождения Христа» [318, с. 438—439].

Вывод Э. Горнунга, приведенный нами, отражает точку зрения, до недавнего времени очень распространенную. В определенной степени эта точка зрения подтверждалась предположением А. Гардинера о наличии семейных связей между Аменхотепом и Херихором. Между тем, как на это первым обратил внимание Эд. Ф. Венте, для отождествления Хереры — матери Неджефт, упоминаемой в папирусе Британского музея № 10490, с Херерой, фигурирующей в письмах времени Пианха (Pap. Turin, 1973; Pap. Brit. Mus., № 10100; Pap. Turin (unnumbered); Pap. Turin, 2069) [171, № 2, 30, 38, 39; 563, № 2, 30, 38, 39, с. 20, 65—66, 74—75], нет серьезных оснований, а потому сомнительно, чтобы Хереру — мать Неджефт (тещу Херихора) можно было наделять тем титулом, обычным для жены верховного фиванского жреца [«старшая гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов»], которым обладала какая-то другая Херера — современница Пианха. Коль скоро, однако, ничто не подтверждает предположения, что Херера — мать Неджефт и теща Херихора носила этот же титул, нет данных и для аттестации ее как супруги Аменхотепа, а следовательно, и Херихора — как зятя последнего (т. е. в качестве супруга дочери Аменхотепа и Хереры — Неджефт).

Трудность отождествления и совмещения друг с другом Херер, упоминаемых в папирусе Британского музея № 10490 и в письмах времени Пианха, проистекает, по замечанию Эд. Ф. Венте, оттого, что в 10-й год эры «Повторения рождений», когда были написаны письма, Херера — мать Неджефт и теща Херихора должна была бы быть очень старой и потому она вряд ли имела бы возможность предпринять вместе с преемником Херихора Пианхом, возглавлявшим военную экспедицию, утомительное для ее преклонного возраста путешествие в Элефантину, откуда эти письма были отправлены [564, с. 173, примеч. 145; ср. 563, с. 14, 20, № 2 — Pap. Turin, 1973, стк. 7 recto: «Я оставил его в Элефантине вместе с Херерой, чтобы...»]. Заключение, к которому первым пришел Эд. Ф. Венте, впоследствии поддержали М. Л. Биэбрайе [120] и К. А. Китчен, кото-

рый, ссылаясь, в частности, на М. Л. Бизбрайе, писал по этому поводу следующее: «Можно было бы ожидать, что Пианха сопровождала бы в Элефантину скорее его жена, чем его престарелая бабушка, вероятно, разумнее утверждать существование Хереры А, матери Неджепт (и, возможно, Херихора) (? — И. С.), и Хереры В, неизвестного происхождения, жены Пианха. Статус старшей гарема Амуна-Ра, царя богов, должен главным образом приписываться только В и более не утверждаться для А — матери Неджепт, чей собственный статус (за исключением эпитета „царская мать“) остается неизвестным до настоящего времени» [347, с. 45, примеч. 196, 197].

Коснемся теперь проблемы, затронутой Эд.Ф.Венте в статье, опубликованной в 1975 г., — проблемы происхождения Пианха, преемника Херихора на посту фиванского верховного жреца.

Дело в том, что, лично проверяя изображение процессии детей Херихора, возглавленной его женой Неджепт, высеченное на внутренней стороне западной стены переднего двора храма Хонсу в Карнаке [258, с. 236—240, табл. XVIII—XX; 381, ч. III, с. 247, а, b]¹³, Эд. Ф. Венте пришел к выводу, согласно которому сыном Херихора, следующим непосредственно за Неджепт, был не Пианх, а некто, от имени которого осталось только слово 'nh или 'nhf (без предшествующего р j, как полагали Р. Лепсиус и другие авторы, повторявшие его восстановление лакуны перед сохранившимся в тексте сочетанием 'nh). Поскольку Эд. Ф. Венте не обнаружил перед начертанием 'nh никакого пространственного пропуска, предложенное Р. Лепсиусом восстановление имени сына Херихора, следующего за Неджепт, как Р; j'nh (Пианх) он посчитал невозможным и потому предположил, что здесь мог бы быть изображен скорее всего другой сын Херихора — Анхенмут, фигурирующий, в частности, в сцене переноски барки богини Мут, представленной на части северной стены портика храма Хонсу. Как готов был признать сам Эд. Ф. Венте, предлагаемое им отождествление фигуры мужчины, первым изображенного в процессии следующим за Неджепт с Анхенмутом, еще не исключает полностью возможности того, что и Пианх был сыном Херихора. Однако отсутствие, по словам Эд. Ф. Венте, каких-либо данных на этот счет позволяет предпочтительнее видеть в Пианхе не находящегося в родстве с Херихором начальника войска, впоследствии, как и Херихор, ставшего фиванским верховным жрецом.

Подобное заключение кажется Эд. Ф. Венте тем более вероятным, поскольку оно, по его мнению, хорошо согласуется с фактом нежелания сына Пианха Пиноджема I указывать в своей титулатуре на родственную связь с Херихором, а это, в свою очередь, означает, что Неджепт, не будучи ни матерью Пианха, ни бабушкой присвоившего царский титул Пиноджема I, могла получить звание «царской матери, родившей могучего быка», якобы только в качестве родоначальницы линии танисских фараонов [566, с. 36—37] [т. е. как мать Несубанебджеда

(Смендеса), становящегося, таким образом, сыном (?) Херихора] [564, с. 174].

Пересказанное нами рассуждение Эд. Ф. Венте, изложенное им в маленькой заметке, помещенной в сборнике статей, опубликованном в 1975 г. (сам же сборник подбирался и составлялся за несколько лет до 1975 г.), нельзя не признать весьма интересным и интригующим. Тем не менее согласиться с выводом Эд. Ф. Венте нам все-таки трудно. Конечно, неправомочно спорить с Эд. Ф. Венте, имеющим возможность лично, на месте осмотреть текст записей, начертанных на западной стене переднего двора храма Хонсу, еще не получивших нового воспроизведения в современной научной публикации, относительно того, какое имя сопровождает изображение сына Херихора, представленного в процессии следующим непосредственно за своей матерью Неджепт. Может быть, это действительно был не Пианх, а Анхенмут. Вряд ли, однако, справедливо утверждение Эд. Ф. Венте: «В отсутствие более позитивного свидетельства кажется наиболее разумным прийти к выводу, что Пайанх (Пианх.— И. С.) не был сыном Херихора» [566, с. 37].

Подобное свидетельство, как нам представляется, все же имеется, и содержится оно в том письме, в котором Пианх с сыновней любовью и нежностью обращается к Неджепт (Pap. Berlin, № 10489). Затрагивая в этом письме, как и в других письмах к Неджепт (Pap. Berlin, № 10487, 10488), весьма щекотливый вопрос о тайной казни каких-то двух маджаев, Пианх пишет следующее: «Я каждый день прошу каждого бога и каждую богиню, мимо которых я продвигаюсь, повелеть, чтобы ты жила, повелеть, чтобы ты была здорова, и позволить (мне) увидеть (тебя), когда я возвращусь, и наполнить (мой) взгляд видением (тебя)» [171, № 35; 563, № 35, с. 69] (Pap. Berlin, № 10489). Так мог писать, как нам кажется, скорее всего сын к матери, и потому сыновняя связь Пианха с Неджепт и Херихором, по нашему мнению, остается неопровергнутой, несмотря на допустимость определенных коррективов в интерпретации изображения того сына Херихора, который представлен на внутренней стороне западной стены переднего двора храма Хонсу непосредственно следующим в процессии за Неджепт.

Излишне категоричный вывод Эд. Ф. Венте, о котором было сказано выше, кажется нам тем менее вероятным, что с его помощью американский исследователь пытался подкрепить тезис, на наш взгляд почти фантастический, будто бы Неджепт (а следовательно, и Херихор) была родоначальницей таниских фараонов.

Как мы уже указывали, родители Херихора неизвестны; ни на одном из оставленных им памятников они не упоминаются, и потому можно думать, что они были низкого общественного положения, шокировавшего того, кто претендовал на царский престол. Лишь в конце 60-х годов было высказано предположение (его автором является Эд. Ф. Венте), будто бы матерью Хери-

хора была Херера (первая Херера, Херера-бабушка) — родительница его жены и, следовательно, сестры Неджефт [564, с. 173—174]. Насколько такого рода предположение основательно, мы попытаемся теперь определить.

Как мы уже отмечали, в иератическом папирусе Британского музея № 10490, содержащем часть текста «Книги мертвых», принадлежавшей Неджефт [145; 146, табл. 1—10], о ее матери Херере сказано, что она была «царской матерью». Если уж муж Неджефт и, стало быть, зять этой Хереры Херихор претендовал на царский престол, давно было признано весьма вероятным, что подобный титул Херера получила как теща Херихора. С формальной стороны между тем вроде бы ничто не мешает в данном случае допустить и непосредственную, кровную связь Хереры с Херихором, как и предположил Эд. Ф. Венте, поддержанный несколько позднее К. А. Китченом [347, с. 44]. Нам думается, однако, что делать такой существенный вывод (Херихор — сын Хереры и брат своей жены Неджефт) на основании титула Хереры, упоминаемого в столь специфическом памятнике, как «Книга мертвых», все же весьма рискованно. Ведь с таким же успехом можно было бы здесь говорить и о том, что Херера являлась тещей или даже матерью Несубанебджеда (Смендеса), становящегося, таким образом, родным братом Херихора, поскольку именно Несубанебджед стал подлинным фараоном — основателем XXI династии после смерти Рамсеса XI. Возможность прихода к различным выводам, в одинаковой степени опирающимся на одно и то же свидетельство папируса Британского музея № 10490, заставляет относиться к этим выводам с большой осторожностью. Вряд ли, например, заслуживает доверия предположение К. А. Китчена, согласно которому, рассуждая теоретически, титул Хереры «царская мать» мог бы указывать на то, что Херера была или свояченицей (сестрой жены), или даже родной сестрой Несубанебджеда (Смендеса) [347, с. 44, примеч. 191]. Но тогда, в свою очередь, дочь Хереры Неджефт должна была бы быть племянницей Несубанебджеда (или его жены), а Херихор — ее мужем.

В конце концов с формальной стороны ничто не помешало бы с таким же успехом допустить, что «царской матерью» Херера называлась и как родительница Рамсеса XI, а это позволило бы развивать увлекательную (но фантастическую) гипотезу, согласно которой Херихор был мужем сестры или даже родным братом последнего Рамесса. Увлекая Эд. Ф. Венте перспектива установления родственных связей Херихора на основании интерпретации титула его тещи Хереры настораживает в такой же степени, в какой и его попытка доказательства кровнородственных связей Херихора с Несубанебджедом на основании толкования аналогичного титула дочери Хереры Неджефт (жены Херихора).

Поскольку в том же папирусе Британского музея № 10490, а также в папирусе Британского музея № 10541 [523, с. 14—15,

№ 10541] Недже́мт названа «царской матерью» и к тому же «родившей могучего быка» (т. е. фараона), Эд. Ф. Венте, продолжая свой метод интерпретации, уже примененный им по отношению к титулу Хереры, смог прийти к заключению, что Недже́мт родила Несубанебдже́да и тем самым сделала своего мужа Херихора и, стало быть, отца Несубанебдже́да родоначальником новой, XXI танисской династии фараонов [347, с. 44; 564, с. 174, примеч. 151]. Конечно, и в данном случае вывод Эд. Ф. Венте следует признать чрезмерно смелым. Хотя Эд. Ф. Венте и пытается это оспаривать, мы полагаем, что Недже́мт в соответствии с традицией могла бы быть названа в тексте ее «Книги мертвых» «царской матерью» как бабушка Пиноджема I. Говорить о том, что в год смерти Недже́мт ее внук Пиноджем еще не претендовал на царский титул, вряд ли стоит¹⁴, поскольку, как допускал сам Эд. Ф. Венте, Пиноджем не присваивал царского титула, называя себя только «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, в течение лишь одного года (или примерно такого времени), прошедшего до вскоре наступившей смерти Рамсеса XI [564, с. 175]. Определить же абсолютно точно момент кончины Недже́мт (до того, как ее внук Пиноджем принял царскую титулатуру, или после), естественно, невозможно. Отметим в данной связи, что предположение Эд. Ф. Венте, будто бы Несубанебдже́д был сыном Недже́мт и Херихора, вряд ли кажется более убедительным на фоне отмечаемой К. А. Китченом теоретической допустимости считать Несубанебдже́да (на тех же основаниях) дядей или Херихора, или его жены Недже́мт [347, с. 44, примеч. 191].

Итак, «возможности» для интерпретации титулов Недже́мт как «царской матери», «родившей могучего быка» (фараона), имеют столь многообразный и взаимоисключающий характер, что они не могут не вызывать скептическое, отрицательное отношение. Такое же отношение вызывает и попытка Эд. Ф. Венте на основе анализа аналогичного титула Хереры («царская мать») доказать сыновнюю связь с ней Херихора.

Как нам думается, помимо вполне логичной, традиционной интерпретации титула Хереры и Недже́мт — «царская мать», опирающейся на мнение, что в данном случае Херера воспринималась как теща Херихора, а Недже́мт — как бабушка Пиноджема I, нельзя не принимать во внимание и специфику того исторического памятника (папирусов, содержащих текст принадлежавшей Недже́мт «Книги мертвых»), в котором титул «царская мать» применен по отношению к Недже́мт и к ее матери Херере. Ведь это был текст заупокойного назначения, не предназначавшийся к употреблению при жизни его владелицы, и потому в этом тексте можно было написать, к вящей славе его хозяйки, те титулы и звания, которые в документах иной, более жизненной целенаправленности использовать было бы неуместно¹⁵. Учитывая веру древних египтян в магию слов, неудивительно, что в составленной для Недже́мт «Книге мертвых»

и Херера и Неджефт величаются с максимальной торжественностью как матери царей, поскольку таким путем для них создавались наилучшие условия приема в загробном мире у Осириса.

Известно, насколько смело использовалась царская титулатура по отношению к Херихору и к его жене Неджефт в надписях, начертанных в переднем дворе Карнакского храма Хонсу, в то время как в других текстах, более официального характера, эта титулатура нигде не применялась. С еще большей смелостью можно было величать «царскими матерями» Хереру и Неджефт в папирусах, «использование» которых предполагалось только на том свете. Здесь можно было называть Неджефт (а заодно и ее мать Хереру) всеми теми почетными званиями, которые приличествовали настоящим царицам и, следовательно, царским матерям (или тещам). Здесь Неджефт можно было величать не только «царской матерью владыки двух земель», но и «божественной матерью Хонсу-ребенка» или «царской матерью Хонсу» [347, с. 43, примеч. 184; 432, с. 29]. В последнем случае ясно обнаруживается, что при составлении для Неджефт «Книги мертвых» имелось в виду не столько отметить факт рождения Неджефт какого-либо конкретного фараона, сколько подчеркнуть ее царственное достоинство, обычное для настоящей царицы, отождествляемой с богиней Мут — «царской матерью» бога Хонсу.

Вывод о невозможности опираться на титулы Хереры и Неджефт, зафиксированные в «Книге мертвых» Неджефт, для реконструкции родственных взаимосвязей Хереры и Неджефт с Херихором и другими деятелями их времени нам представляется совершенно очевидным. Данный вывод несколько не опровергает факт, что в тексте принадлежавшей Неджефт «Книги мертвых» о ней говорится как о «родившей могучего быка».

Поскольку Неджефт в этом тексте называлась «царской матерью владыки двух земель», «божественной (или „царской“) матерью Хонсу-ребенка» (т. е. отождествлялась с богиней Мут), ничто не препятствовало аттестовать ее в данном случае и как «родившую могучего быка» (фараона). Все это были почетные звания той, которую и ее муж Херихор, и ее внук Пиноджем I стремились представить (как и самих себя) женщиной истинно царственного положения и достоинства. В тексте, предназначенном для чтения на том свете, на эти звания можно было не скупиться. Однако современным исследователям Эд. Ф. Венте (и К. А. Китчену) апеллировать к этим званиям для доказательства хотя и увлекательного, но фантастического тезиса, будто бы Херихор был сыном Хереры, братом своей жены Неджефт и отцом Несубанебджеда (Смендеса), явно не стоило. Если обратиться к содержанию текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», то легко заметить, что и Херихор и Несубанебджд упоминаются здесь не как родственники, не как отец и сын, а в качестве совершенно равноправных и независимых друг от дру-

га правителей юга и севера Египта [40, стк. 1, 4; 1, 5; 1, 52; 1, 53; 2, 35, с. 26, 28, 30, 119, 124, 128].

Даже учитывая сугубо фиванскую редакцию «Путешествия», стремившуюся подчеркнуть исключительность Амуна как единственного, подлинного владыки Египта, подобное полное отсутствие в этом историко-литературном памятнике даже намека на сыновнюю близость Несубанебджеда к Херихору в свете предположения Эд. Ф. Венте (поддержанного К. А. Китченом) понять трудно. Это понять тем более затруднительно, что о такого рода кровной близости Несубанебджеда и Херихора ничего не сообщают и другие источники, как они ничего не говорят и о кровной близости Херихора с Херерой и Неджемт. Поскольку, как мы уже отмечали ранее, нет данных, позволяющих считать Хереру (мать Неджемт) супругой «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотепа, а следовательно, и Херихора — его зятем, придется признать справедливость давнего вывода, что Херихор оказался на первом плане в качестве лица совершенно неизвестного происхождения, чьи родственные связи (за исключением связей с женой, тещей и детьми) установить невозможно¹⁶.

Не приходится сомневаться лишь в том, что в течение всей своей долгой жизни, вплоть до достижения 90 лет, Херихор был очень прочно связан с войском, с военной службой и к фиванскому жречеству, по-видимому, не имел никакого отношения.

ХЕРИХОР НА ПУТИ К ПРЕСТОЛУ ФАРАОНОВ

Херихор пришел к власти в Фивах после бурных событий, устранивших «первого жреца» Амуна Аменхотепа, достигшего большого влияния еще в царствование Рамсеса IX [75; 79].

Вторжение с юга в Египет при Рамсесе XI войска «царского сына Куша» Панехси привело к изменению политической ситуации в Фивах. Правителем древней столицы Египта стал Панехси. Обстановка в Фивах тогда была очень неспокойной. Фиванцы страдали от притеснений кушитского воинства Панехси. Именно в это время на политической сцене и появляется Херихор, с именем которого связывается восстановление в Фивах законности и порядка после изгнания Панехси из Египта [80]¹⁷.

Мнение Г. Лефевра [368, с. 206], что Херихор пришел к власти верховного фиванского жреца не как жрец, а как опирающийся на войско военачальник, впервые фундированно было обосновано Г. Кеесом [334, с. 1—20; 335, с. 1, 2, 17, 18]. В настоящее время это мнение является, по существу, общепринятым и не вызывает особых разногласий. Перед тем как стать после очень многих лет прожитой жизни «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, Херихор, по всей вероятности, действительно мог похвастаться лишь военными заслугами. Вот почему его звание «начальника войска» вместе с другими титулами

аналогичного характера наряду с титулом «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, фигурируют, пожалуй, с наибольшим постоянством почти во всех оставленных им пространных надписях и кратких текстах, характеризующих его служебную деятельность вплоть до того момента, когда он решился назвать себя фараоном. Эти же военные титулы оказались «любимыми» и для его потомков¹⁸. Это бесспорный факт, который невозможно отрицать, даже если и трудно согласиться с Г. Кеесом, что форма правления, установленная в Фивах Херихором, была «военной диктатурой» (*Militärdiktatur*), знаменовавшей собой (вопреки взглядам Эд. Мейера [407, с. 495—496]) победу войска над жречеством¹⁹.

Отмечая почти полную общепринятость основного вывода Г. Кееса о военной предыстории жреца Херихора, нужно признать, что с самого начала этот вывод связывается с весьма спорным утверждением, будто бы Херихор был одним из военачальников в войске «царского сына Куша» Панехси, к окружению которого он якобы принадлежал, подобно тому как будущий основатель XIX династии Рамсес I входил в окружение военачальника и впоследствии фараона Хоремхеба [334, с. 10]. В настоящее время сформулированный выше тезис принимается почти всеми исследователями как очевидная истина [116, с. 96; 230, с. 26; 306, с. 204; 307, с. 176—177]. В большинстве работ, так или иначе затрагивающих проблему характера власти Херихора, последний изображается «человеком Панехси», его ставленником, в сущности предавшим своего покровителя в благоприятный для себя момент и занявшим освободившееся место фактического владыки Фив и всего Верхнего Египта. На первый взгляд такая трактовка, возможно, кажется вполне логичной. Однако, по нашему мнению, в ее основе не лежит ничего, кроме сомнительных предположений, которые невозможно подкрепить фактами.

Как уже давно установлено, отношение к Панехси в Фивах при Херихоре и его сыне Пианхе было открыто враждебным. Хотя Ю. фон Бекерат и пытался изобразить дело таким образом, будто бы мнение о враждебности фиванцев к Панехси, нашедшей свое отражение в документах времени Херихора, несколько преувеличено [116, с. 101], большинство исследователей, начиная с Г. Кееса, справедливо считают, что при Херихоре, ставшем политическим соперником и противником Панехси, на поверхность вышли чувства вражды и ненависти к тому, кто стоял во главе кушитского войска [168, с. 31; примеч. 4; 230, с. 26; 306, с. 204; 307, с. 175—176, примеч. 7; 334, с. 1—20; 335, с. 8, 12; 565, с. 85].

Вполне естественно, что, используя эти чувства, Херихор желал изобразить себя восстановителем старого, доброго порядка, существовавшего в Фивах до вторжения воинства Панехси. К этому Херихор явно стремился, пропагандируя новую эру «Повторения рождений» (эру *wḥm mšwt*) и проявляя заботу о

сохранении старого фиванского административного аппарата [335, с. 12].

Никаких документальных данных, свидетельствующих о первоначальной близости Херихора к Панехси, не имеется, и потому мы вправе сделать вывод, что именно как враг Панехси старый, опытный военачальник Херихор был использован Рамсесом XI (или тем, кто стоял за его спиной — возможно, Несубанебждем) для изгнания Панехси из Египта [80].

Г. Кеес высказал, на наш взгляд, весьма правдоподобное предположение, явно противоречащее его же собственному основному тезису, будто бы Херихор был близок к Панехси, а именно что для победы над Панехси Херихор мог воспользоваться (с согласия Несубанебджеда?) войском, расквартированным в крепостях Среднего Египта [335, с. 9]. Трудно, конечно, сказать со всей определенностью, действовал ли Херихор с самого начала против Панехси в союзе с Несубанебждем или нет, но дальнейший их довольно дружеский (во всяком случае, внешне) альянс делает такое допущение весьма вероятным. Во всяком случае, как нам представляется, К. А. Китчен имел основание заявлять, что «он (т. е. Херихор.— И. С.) мог, вероятно, быть по профессии воином, призванным царем для замещения иррегулярного и *ad hoc* режима Панехси» [347, с. 250].

Не будучи ставленником Панехси, Херихор, по нашему мнению, пришел к власти не благодаря первоначальной поддержке честолюбивого «царского сына Куша», а в результате решительной и успешной борьбы с ним. Вопреки гипотезе Ю. фон Бекерата, развившего идеи Г. Кееса, а также вопреки мнению солидаризировавшихся с Ю. фон Бекератом Эд. Ф. Венте и К. А. Китчена, нет оснований объявлять Пенехси «спасителем» верховного фиванского жреца Аменхотепа от мятежа черни, «спасителем», якобы восстановившим власть Аменхотепа в Фивах. Традиционная точка зрения, разделяемая большинством исследователей, о гибели «первого жреца» Амуна Аменхотепа (или по крайней мере о его окончательном исчезновении с политической арены) как прямом следствии агрессии Панехси гораздо лучше согласуется с имеющимися документальными свидетельствами и потому, мы полагаем, может быть принята как соответствующая действительности [80]. Поскольку между правлениями в Фивах Аменхотепа и Херихора источники никакого другого «первого жреца» Амуна не называют²⁰, приходится полагать, что Херихор стал верховным фиванским жрецом сразу же после гибели или устранения его непосредственного предшественника — «первого жреца» Амуна Аменхотепа²¹.

Произойти это могло лишь после изгнания Панехси из Фив, т. е. после 17-го года правления Рамсеса XI, скорее всего в 18-й или 19-й год²². Последнее означает, в свою очередь, что в течение того времени, пока в Фивах правил Панехси (т. е. по крайней мере с 12-го и по 17-й год царствования Рамсеса XI), должность фиванского верховного жреца оставалась свободной.

Став верховным фиванским жрецом, Херихор в 19-й год царствования Рамсеса XI, как мы уже указывали, объявил начало особой эры «Повторения рождений» (эры «Возрождения») ²³. Эра эта, провозглашенная от имени фараона ²⁴, должна была знаменовать собой возрождение в Фивах и во всей стране законности и порядка. Введение новой эры давало Херихору возможность, укрепляя свое фактическое господство в Фивах, маскировать честолюбивые замыслы видимостью верности Рамсесу XI, власть которого в древней столице Египта он, изгнав Панехси, формально восстановил.

* * *

Фактическое владычество Херихора в Фивах и в Верхнем, а также в Среднем Египте (от Нубии на юге до Эль-Хибэ на севере) начиналось с такого этапа, когда верховный фиванский жрец, постепенно оттеснявший на второй план представителя царской власти в Фивах — начальника города и визиря Небматранахта ²⁵, был вынужден скрывать свои честолюбивые планы. Трудно сказать, были ли эти планы изначальными, или они оформлялись постепенно, по мере развития событий. Однако несомненно, что какое-то время Херихор стремился изобразить себя верным слугой фараона. Эволюция политических устремлений Херихора получила отражение прежде всего в многочисленных надписях храма Хонсу в Карнаке, и потому к анализу этих надписей мы теперь перейдем.

Остановимся сначала на описании самого храма Хонсу.

Храм младшего члена фиванской триады богов — Амуна, Мут, Хонсу — храм Хонсу-ребенка, сына Амуна и Мут, расположен у юго-западного края карнакского храмового комплекса, там, где еще в эпоху Среднего царства находилось место почитания Хонсу, рядом с построенным при Птолемах маленьким храмиком в честь Осириса [57, с. 5—6, 12].

Как указала М. Э. Матье, этот храм в своей основе был создан при Рамсесе III на месте более древнего сооружения, воздвигнутого во времена Аменхотепа III, в период храмового строительства в Луксоре. Как писала М. Э. Матье, «от ворот Луксора к Карнаку вела аллея сфинксов, аналогичная подобным аллеям, соединявшим храмы Карнака между собой. Эта аллея вскоре разделялась на две; правая аллея сворачивала к храму Мут, а левая доходила до храма Хонсу, где, очевидно, при Аменхотепе III уже было святилище, на месте которого позднее был построен храм Рамсеса III. Таким образом, Луксор оказывается включенным в комплекс святилищ Карнака, представлявших собой отныне единый гигантский архитектурный ансамбль» [49, с. 48]. По мнению М. Э. Матье, в пользу ее датировки начала сооружения в Карнаке храма Хонсу говорит то, что «иначе трудно объяснить и приводившую сюда аллею сфинксов Аменхотепа III, и находку статуй XVIII династии» [49, с. 77, примеч. 54].

Высказанные М. Э. Матье соображения о времени начала строительства храма Хонсу значительно позже были поддержаны польским египтологом-искусствоведом К. Михаловским, который в своем издании фотографий карнакских храмов писал по этому поводу следующее: «О строительной деятельности времен Аменхотепа III свидетельствует также знаменитый храм Хонсу. Ранее считалось, что его строительство было начато при Рамсесе III и что его преемники украсили постройку рельефами и произвели некоторые изменения. В 1947 г. советский египтолог М. Матье выдвинула гипотезу, что общая планировка этого сооружения относится именно ко времени Аменхотепа III. Не говоря уже о том, что в этом храме была найдена статуя тезки фараона — Аменхотепа, сына Хапу, бывшего его главным архитектором, и что в его стенах сохранились более ранние блоки, как, например, стела времени Аменхотепа II, приведенную выше гипотезу подтверждает еще один весьма важный аргумент. Нам известно, что аллея сфинксов, ведущая из храма Аменхотепа III в Луксоре, проходила именно в направлении входа в рассматриваемый нами храм, и только этим можно объяснить ее возникновение. К тому же нам известно из надписей, что в эпоху Среднего царства место культа бога Хонсу находилось именно к югу от храма Амона. Трудно, впрочем, представить себе, чтобы до Рамсеса III бог Хонсу, один из главных богов фиванской триады, сын Амона и Мут, не имел собственного храма в Карнаке» [57, с. 12].

Как мы видим, по мнению К. Михаловского, полностью солидаризировавшегося с М. Э. Матье, начали строить храм Хонсу, несомненно, еще при Аменхотепе III (если не ранее). Однако только при Рамсесе III этот храм, как справедливо подчеркивает К. Михаловский, «приобрел свой законченный вид» [57, с. 20], т. е. в него включили культовые и подсобные помещения, а также гипостильный зал²⁶. Позднее гипостильный зал украшали многие фараоны, носившие имя «Рамсес». В частности, во времена Рамсеса XI и Херихора завершилась внутренняя отделка восьмиколонного гипостильного зала и был сооружен большой открытый передний двор, обрамленный с трех сторон колоннадой, образованной из 28 колонн, расположенных в две линии. (Двор этот был закончен уже тогда, когда всю ответственность за строительство в храме Хонсу нес всецело один Херихор, осмелившийся поэтому именно здесь, в надписях, высеченных в переднем дворе, провозгласить себя настоящим фараоном, обладающим полным набором традиционных для фараона титулов.) При Херихоре непосредственно у входа в открытый передний двор были возведены и пилоны. Значительно позднее, уже при Птолемеи III Эвергете I, перед пилонами и аллеей сфинксов Аменхотепа III появился портик с воротами (пропилон) [57, с. 14—15, 21]. В эллинистическую эпоху, когда полностью завершилось строительство храма Хонсу, он производил величественное впечатление.

Начинался храм Хонсу с красивого пропилона [57, фототаблицы № 80—81], покрытого многочисленными рельефными изображениями и надписями. Далее шла аллея, фланкируемая 22 сфинксами Аменхотепа III, по 11 сфинксов с каждой стороны [57, фототаблицы № 79, 81]. Аллея сфинксов приводила к двум мощным пилонным башням, каждая из которых достигала 18 м высоты и 10 м ширины при общей протяженности в длину по фасаду 32 м. Внутри пилонов не было никаких помещений, кроме узкой лестницы, которая вела на перекрытие центрального входа и оттуда на вершину башни [395, с. 564]. За пилонными башнями и центральным входом начинался построенный Херихором, не имеющий крыши передний двор, квадратный в плане, обрамленный с трех сторон крытым периптерным портиком, состоящим из расположенных в два ряда 28 колонн и имеющим по правую и левую стороны по два небольших выхода и еще два прохода по задней (северной) стороне. Все колонны переднего двора одинаковой формы и высоты, с лотосообразными капителями опираются на круглые каменные базы и поддерживают (каждая из них) сначала небольшую квадратную каменную плиту, а все вместе — длинный архитрав [57, с. 14—15, фототаблица № 83; 395, с. 564]. Стены переднего двора, его прохода, а также поверхность колонн и архитрава щедро покрыты рельефными изображениями и иероглифическими надписями, в том числе и теми, которые содержат заключенные в царские картуши имя и жреческое звание Херихора с полным набором обычной для фараона титулатуры.

Из переднего двора центральный проход, расположенный в его задней (северной) стороне, ведет в перекрытый гипостильный зал, возведенный еще при Рамсесе III, но украшавшийся рельефами с надписями при последующих Рамессадах, в частности и во времена царствования Рамсеса XI и фактического господства в Фивах Херихора.

Крыша центральной части гипостильного зала (его центрального нефа) поддерживалась четырьмя колоннами семиметровой высоты с капителями в виде колокола или бутона папируса, тогда как перекрытие более низких боковых сторон зала покоилось на четырех колоннах с лотосообразной капителью (по две колонны с каждой стороны) высотой 5,5 м [158, т. II, с. 233; 395, с. 564]. Подобно колоннам переднего двора, колонны гипостильного зала также опираются на круглые каменные базы и несут на себе длинный архитрав. Как и в переднем дворе, стены гипостильного зала, проходов, а также поверхность колонн и архитрава обильно изукрашены иероглифическими текстами и изображенными в рельефе сценами. С каждой из боковых сторон гипостильного зала имелось по одному небольшому выходу, и еще два прохода в его задней (северной) стороне вели из гипостильного зала в культовые помещения — в зал, в котором на каменном пьедестале стояла священная ладья Хонсу, и оттуда — в святая святых храма — в его молельню [57,

с. 14—15, фототаблицы № 82—85]. (В зале для ладьи возвышались опиравшиеся на круглые базы протодорические колонны времени Рамсеса III с канулированной поверхностью [57, с. 14—15, фототаблицы № 84, 87].) И зал для священной ладьи Хонсу, и молельня, где находилась его статуя, были окружены многочисленными подсобными помещениями, в которых хранилось все необходимое для совершения обряда в честь юного божества, сына Амуна и Мут²⁷.

Таково краткое описание храма Хонсу. В итоге многовекового строительства этот храм, очень ясного и простого архитектурного замысла, бесспорно, стал интереснейшим компонентом карнакского храмового комплекса, и притом таким компонентом, в котором, по мнению К. Михаловского, мы «имеем дело с классическим каноном культовой архитектуры Нового царства», с его «наилучшим образцом» [57, с. 12].

В чем конкретно проявлялся этот канон, К. Михаловский определяет очень обстоятельно: «Храм, состоящий из двора, гипостилья и святилища (т. е. зала для ладьи вместе с молельней), может считаться в известной степени отражением дворца владыки либо дома вельможи. Кроме того, наблюдается прямая связь между структурой храма и соотношением социальных сил в Египте... Трудовой народ допускается только во двор храма, где под солнцем, так как колоннады по стенам могли вместить лишь немногих, он принимал участие в церемонии, совершавшейся внутри здания²⁸. Более ревностные верующие через высокие и широкие двери, ведущие в гипостильный зал, могли иногда увидеть статую божества, которую вносили туда жрецы во время церемонии. Доступом в гипостильный зал, так же как в приемный покой дворца, пользовались только избранные: высокие должностные лица, военачальники, писцы... Порог зала для ладьи могли переступить, кроме жрецов, только высшие государственные чиновники. Вблизи статуи божества, кроме фараона, который, падая на колени, отдавал низкий поклон божеству, могли находиться, по-видимому, только верховные жрецы, вероятно визири, а также жрецы, участвовавшие в ритуале. Таким в общих чертах был облик канона египетского храма» [57, с. 13, 15]. Бесспорно, что этому канону храм Хонсу полностью отвечал, являясь его «наилучшим образцом».

Перейдем теперь к рассмотрению надписей и изображений храма Хонсу (а также других памятников), демонстрирующих эволюцию политических устремлений Херихора. Остановим внимание сначала на надписях и изображениях гипостильного зала этого храма.

Как наглядно показывают надписи и изображения гипостильного зала храма Хонсу, они были составлены в тот период, когда, несмотря на свое фактическое господство в Фивах, Херихор еще не решался нарушить традиционное, верноподданническое отношение к фараону и потому прикрывал свое самовластие видимостью преданности Рамсесу XI. Именно поэтому все

надписи гипостильного зала имеют двойственный, противоречивый характер. По словам Дж. Брэстеда, в гипостильном зале «официальные посвящения на архитравах находятся в строгом согласии с условной формой, ставшей обычной начиная с эпохи Древнего царства... но вдоль оснований стен мы читаем слова, ни разу до тех пор не встречающиеся в фараоническом храме» [25, т. II, с. 202]. «Мы видим посвящения Рамсеса XII (т. е. Рамсеса XI.—И. С.) на архитравах гипостилья (§ 601—603). Однако посвящения, расположенные вдоль основания стены, так же как и сцены в том же зале, указывают на доминирующую позицию, занимаемую Херихором, и на подчиненную роль, которую играл царь» [137, т. IV, с. 299, § 608].

В самом деле, если на архитравах реконструкция гипостильного зала храма Хонсу всецело приписывается Рамсесу XI [158, т. II, с. 234—235], то в надписи, начертанной, например, у основания внутренней стороны восточной (правой) стены, идущей от прохода в передний двор к проходу в священные апартаменты храма, об этом говорится уже несколько иначе: «„Первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, правитель, Херихор правогласный. Сделал он в качестве памятника своего для Хонсу в Фивах, Неферхотепа, соорудив для него храм заново в подобие горизонту неба, расширив храм его в качестве работы вечной, увеличив памятник его более, чем прежде. Удвоил он ежедневные приношения. Удвоил он то, что [бы]ло прежде. Девятка богов Фив соединена с радостью: Великий дом в празднестве. (Что касается) дома Хонсу, (то) повторено для него почтенное в виде памятников великих, прекрасных... Владыка двух земель Менмаатра Сетепенпта, владыка диадем Рамсес Хаемуас Мериамун Хеканечериун (Рамсес XI.—И. С.), которому дана жизнь. Вот желание его величества относительно увеличения дома отца его Хонсу в Фивах, Неферхотепа, с целью покрытия жертвенника его свершениями полезными для двойника его, которое произвел для него (т. е. для Хонсу.—И. С.) сын Ра, Рамсес Хаемуас Мериамун Хеканечериун, любимый Хонсу» [397, с. 76]. В двух надписях, параллельных вышеприведенной, начертанных у основания противоположной, западной (левой) стены гипостильного зала, сказано примерно то же самое, только на этот раз в качестве строителя храма Хонсу назван уже один только Херихор [137, т. IV, с. 299—300, § 608—610; 396, с. 652; 397, с. 77]. В других надписях и сценах гипостильного зала можно заметить аналогичное вытеснение Рамсеса XI честолюбивым «первым жрецом» Амуна-Ра.

Так, по правую (восточную) и левую (западную) стороны от двери, ведущей из гипостильного зала в святилище, находятся два рельефа, изображающие, по словам Дж. Брэстеда, «каждую процессию бога, перед которым на том месте, где в продолжение нескольких тысячелетий неизменно стоял фараон, теперь изображен верховный жрец Херихор, совершающий воскурения.

Но зато весьма странно: шаблонные благословения, по обыкновению начертанные над головою бога и, как предполагалось, обращаемые им к царю, все еще призываются на Рамсеса XII (т. е. Рамсеса XI.—И. С.)» [25, т. II, с. 202]. В обеих сценах действительно в сходной ситуации фигурируют Рамсес XI и Херихор. В той сцене, которая располагается справа (к востоку) от двери, показано прибытие в храм Хонсу процессии жрецов, несущих священные барки Амуна, Мут, Хонсу. Повернувшись лицом к барке Амуна, Херихор совершает перед ней воскурение, подменяя собой Рамсеса XI. В сопроводительной надписи можно прочесть: «Прибытие это Амуна-Ра, царя богов, владыки двух земель, в храм Хонсу в Фивах, Неферхотепа, чтобы увидеть красоту сына своего» [137, т. IV, с. 300, § 611; 158, т. II, с. 230—231; 397, с. 75]. В тексте, начертанном над Херихором, сообщается, что в данном случае имеет место «совершенные воскурения перед богом этим, [Амуном-Ра], царем богов, (производимое) семером... (владыки) двух земель для господина богов „первым жрецом“ [Амуна-Ра], царя богов, Херихором правогласным» [137, т. IV, с. 301, § 611; 396, с. 651; 397, с. 76]. Однако в надписи, передающей слова Амуна, благодарность бога в соответствии с традицией адресована не Херихору, а Рамсесу XI. «Изречение Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящегося перед Карнаком: „Сын мой, владыка двух земель, Менмаатра Сетепенпах! Увидел я памятник этот прекрасный, чистый, отличный, который сделал ты для меня. Награда за это в виде жизни, благополучия, здравия великого, подобно Ра, вечно“» [137, т. IV, с. 301, § 611; 396, с. 651; 397, с. 76].

В сцене, представленной на стене гипостильного зала слева (к западу от двери, ведущей к святилищу), ритуальные барки Амуна, Мут, Хонсу изображены уже находящимися на своих подставках в храмовом дворе. Стоящий перед баркой Амуна Херихор совершает воскурение и возлияния. Сопроводительная надпись гласит: «Совершение воскурения и возлияния для Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящихся перед Карнаком, владыки неба и земли, царя богов всех... (производимое) „верховным правителем“ (gr' t h; tj-'), начальником обеих земель, семером, великим во всей земле, „первым жрецом“ Амуна-Ра, царя богов, великим начальником войска Верхнего и Нижнего Египта, правителем, Херихором правогласным» [137, т. IV, с. 301, § 612; 396, с. 651; 397, с. 76].

Ответ Амуна на подобное деяние Херихора аналогичен уже приведенному нами выше: он сводится к благодарению Рамсеса XI. «Изречения Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящихся перед Карнаком: „Сын мой из чрева [моего], любимый Менмаатра Сетепенпах! Сердце мое радостно ликует...“» [137, т. IV, с. 302, § 612—613; 396, с. 651; 397, с. 76].

Как видим, ответ Амуна адресован только законному фараону, который в гипостильном зале всегда изображается единст-

венным, кого боги удостоивают своими восхвалениями и благодарственными обещаниями даже в тех сценах, в которых Херихор представлен в качестве самостоятельно действующего лица. Однако в рамках этой традиции, признающей приоритет фараона, соблюдаемой еще в гипостильном зале храма Хонсу, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и одновременно великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта Херихор уже объявляет о таких своих притязаниях, которые этой традиции противоречат. Так, он осмелился изобразить себя в гипостильном зале в ряде случаев подменяющим царствующего фараона или выступающим вместе с ним в таких ситуациях, в которых полагалось фигурировать одному только фараону. Можно не сомневаться в том, что именно Херихор был фактическим руководителем всех реставрационных работ, осуществлявшихся в гипостильном зале, и лишь он один возглавлял те обрядовые действия, которые были в этом зале изображены. Однако фиксировать подобное свое активное участие в делах, за которые отвечал лишь фараон, в соответствующих сценах и надписях, начертанных на стенах гипостильного зала храма Хонсу, со стороны Херихора было вызовом традиции, несмотря на то что в этом зале он еще не решался полностью игнорировать Рамсеса XI, признавая исключительные права последнего на внимание богов²⁹.

В надписях и изображениях гипостильного зала храма Хонсу Херихор предстает перед нами прежде всего в двух своих основных функциях — как верховный фиванский жрец и как военачальник. Обладая такими почетными титулами, как верховный правитель, начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, Херихор подчеркивает в текстах гипостильного зала главным образом свои должностные звания «„первого жреца“ Амуна-Ра, царя богов, и великого начальника войска Верхнего и Нижнего Египта». (Кроме того, Херихор аттестуется здесь в качестве «главы Верхнего и Нижнего Египта и начальника работ по сооружению всех памятников его величества» [258, § 111].) Ни царским сыном Куша, ни начальником южных стран, ни начальником двойной житницы, ни визирем Херихор в надписях гипостильного зала еще не назван. Первые три из этих четырех титулов, определявших экономическую и административную власть в Фивах, как и почетное придворное звание носителя опахала по правую сторону от царя, Херихор, по мнению Я. Черны, мог получить, захватив должности изгнанного им из Фив Панехси [168, с. 33]. Когда это случилось и когда Херихор решился прибавить к своим основным званиям — жреческому и военному — еще и звание царского сына Куша (с сопутствующими ему титулами), точно определить, конечно, невозможно. Бесспорно одно: для этого (в качестве предпосылки) требовалось открытое столкновение с Панехси, и, с нашей точки зрения, коль скоро Херихор, как мы считаем, никогда не был связан с Панехси какими-либо узами, это могло быть сделано

немедленно после вытеснения из Фив столь одиозного предводителя кушитского войска³⁰.

По каким-то причинам, однако, это сразу, по-видимому, не произошло, поскольку в гипостильном зале храма Хонсу, внутреннее оформление которого могло завершиться только по истечении определенного времени, Херихор, как мы уже отметили, не имел ни звания царского сына Куша, ни звания начальника двойной житницы. Как обладатель подобных должностей, Херихор фигурирует лишь в записях знаменитого оракула Хонсу и Амуна, начертанных в нижней части восточной (правой) половины северной (задней) стены переднего двора храма Хонсу, рядом с проходом, ведущим в гипостильный зал [137, т. IV, § 615, стк. 2; 142, табл. XXI, стк. 2; 381, ч. III с. 248, b; 382, т. III, 1900, с. 64], и потому можно думать, что присвоение Херихором вышеназванных должностей Панехси произошло где-то в самом конце работ по реставрации гипостильного зала и, следовательно, через какой-то срок после изгнания Панехси из Фив и провозглашения в 19-й год правления Рамсеса XI эры «Повторения рождений». Связывать сам факт обращения к оракулу Хонсу и Амуна с утверждением Херихора в должности Панехси, вопреки Г. Фехту [230, с. 25—26], по нашему мнению, не следует. В тексте оракула Херихор уже предстает перед нами как царский сын Куша и начальник двойной житницы, и о божественном санкционировании его в этих должностях в оракуле речь не идет. К моменту осуществления записи решения оракула Херихор уже имел должности Панехси (о чем и сказано уже во второй строке оракула), и потому присвоение Херихором титулов Панехси (в частности, титула царского сына Куша) должно было произойти несколько ранее фиксации ответа оракула — по-видимому, на последнем этапе реставрационного оформления гипостильного зала.

По-видимому, следует согласиться с мнением Я. Черны, что после захвата должностей Панехси Херихору оставалось еще «взять контроль над гражданской администрацией Египта путем присвоения титула начальника города и сопутствующего ему (титула) визиря. Это вряд ли могло случиться прежде, чем визирь Небмаатранахт умер, был переведен на должность визиря в Дельту или был иным способом отстранен от своих обязанностей в Верхнем Египте» [168, с. 34]. Поскольку Небмаатранахт, как визирь, руководивший судебными разбирательствами по делу о грабежах в царском некрополе, имел резиденцию в Фивах еще в 1-й и 2-й годы эры «Повторения рождений» (т. е. в 19-й и 20-й годы правления Рамсеса XI) [116, с. 90], захватить его должности Херихор мог лишь несколько позднее. Ни один из текстов гипостильного зала храма Хонсу не свидетельствует, что Херихор имел звание визиря, поэтому, следовательно, он стал визирем (как и царским сыном Куша) уже скорее всего после завершения реставрационных работ в этом зале.

Как мы отмечали выше, Херихор, несомненно, уже в 6-й год эры «Повторения рождений» был верхнеегипетским визирем, о чем свидетельствуют пометки, оставленные на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении [137, т. IV, с. 288, § 593—594; 185, № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 258, § I—II; 396, с. 553, 557, фиг. 15]³¹. В то же время в Карнакском храме Хонсу в качестве визира Херихор нигде не аттестуется — ни в надписях гипостильного зала, ни в записи оракула Хонсу и Амуна. В последнем случае можно лишь предполагать, что, коль скоро Херихор фигурирует в тексте оракула как начальник города (Фив), он был в это время и визирем. В Карнаке, однако, как мы уже отмечали, была найдена сидячая статуя Херихора из серого гранита, на цоколе и на поверхности воспроизведенного в камне папируса на коленях Херихора начертана пространная надпись, явственно характеризующая Херихора как визира [367, с. 63—68].

Эта статуя была добыта из того самого знаменитого карнакского тайника, из которого в 1903—1904 гг. Ж. Легрен извлек около 20 тыс. различных памятников и обломков. Как утверждает Г. Лефевр, до Херихора, во времена XVIII династии, лишь Хапусенб (приближенный Хатшепсут), Птахимос (современник Аменхотепа III) и еще некий Панафер (живший при каком-то фараоне XVIII династии) были одновременно и визирями Верхнего Египта, и верховными фиванскими жрецами. Позднее, вплоть до Херихора, по мнению Г. Лефевра, ни один фиванский верховный жрец не носил звания главы верхнеегипетской администрации [367, с. 63, примеч. 3, 4]. Следует подчеркнуть, что в самом факте сочетания высших жреческих и светских административных должностей в руках Херихора не приходится, конечно, видеть что-либо необычное. В принципе такое сочетание было вполне естественно, поскольку, как мы уже имели возможность отметить, в древнем Египте не существовало резкого противопоставления друг другу так называемых светских и духовных обязанностей, и потому в определенных обстоятельствах, зависящих от соотношения сил в борьбе различных группировок единой государственной администрации, могло происходить сосредоточение в руках одного и того же лица функций руководства как светским, так и духовным ведомством. Если должность верхнеегипетского визира, как полагает Г. Лефевр, по крайней мере четыре раза совмещалась с должностью главы фиванского культа Амуна-Ра, царя богов, то и некоторые визиры Нижнего Египта бывали одновременно руководителями мемфисского, гелиопольского или танисского жречества. Сосредоточивались в одних руках и иные светские и жреческие должности³².

Специфичным для Херихора — фиванского верховного жреца и верхнеегипетского визира было лишь то, что он действо-

вал в исключительно благоприятной для себя политической обстановке, практически независимо от Рамсеса XI, сидевшего на царском престоле в далекой северной столице. (Полное игнорирование Рамсеса XI наглядно проявилось в тексте на упомянутой выше статуе Херихора.) Специфичным и необычным (с точки зрения древнеегипетской административной практики эпохи Нового царства) было также то, что Херихор (еще до посвящения на царский титул) имел не только должности фиванского верховного жреца и верхнеегипетского визира, но и многие другие звания с весьма значительными должностными прерогативами, такие, как великий начальник войска³³, глава Верхнего и Нижнего Египта, царский сын Куша, начальник двойной житницы, начальник города (Фив) (и некоторые другие), что все вместе, конечно, делало Херихора почти неограниченным правителем Фив и всего Верхнего Египта.

Что касается должности верхнеегипетского визира, то в отношении ее следует подчеркнуть следующее: будучи, казалось бы, по самой своей природе, признаком подданства, признаком зависимости от фараона — верховного суверена страны, она (эта должность) предстает в тексте на статуе Херихора как свидетельство подчинения последнего не Рамсесу XI, а исключительно самому Аму-ну-Ра, царю богов.

Как и аналогичные статуи «первых жрецов» Амуна Рамсесунахта и Аменхотепа, статуя Херихора изображает своего хозяина сидящим на корточках в типичной позе писца с развернутым свитком папируса на коленях. На цоколе и на свитке имеется надпись:

«(1) Дана по милости владыки богов, существующего вечно, с момента сотворения двух земель.

(2) Дал он (мне) длительное пребывание внутри храма его

(3) как полезному для Ка его. И вот статуя моя установлена

(4) перед лицом его. Приветствует он ее при появлении своем

(5) [ради] Ка верховного правителя, «первого жреца»

(6) Амуна-Ра, царя богов, начальника города, визира,

(7) царского сына Куша, начальника войска

(8) великого Верхнего и Нижнего Египта, успокаивающего обе земли

(9) для господина своего Амуна, Херихора право-гласного»³⁴.

(1) «Великий правитель, начальник двух земель, „семер“, великий во всей земле, визирь, открытый правде, слушающий речи людей юга, начальник южных стран, делающий полезное в доме Амуна, для которого работает вся земля полностью, „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов, Херихор право-гласный. Что касается любого из людей, который уберет эту статую с ее места (даже) по прошествии многих лет, будет он во (власти)

мощи Амуна, Мут, Хонсу. Не будет существовать имя его в земле этой Египта. Умрет он от голода и жажды»³⁵.

Обратим внимание, что в вышеприведенных записях царствующий фараон Рамсес XI нигде не упомянут. Как справедливо отмечает в данной связи Г. Лефевр, «привилегия иметь статую предоставлена Херихору не в соответствии с обычной формулой, а „по милости Амуна“ (А, 1); и если Херихор „успокаивает обе земли“ (А, 8), то это для своего господина Амуна, но не для царя» [367, с. 68]. Рамсес XI игнорируется, таким образом, полностью, хотя сам факт обладания званием визиря и показывает, что Херихор ко времени создания его статуи еще не решался присвоить себе царский титул³⁶.

Став верхнеегипетским визирем, Херихор, по сути дела, исчерпал все легальные возможности для максимального укрепления своей власти в Фивах в рамках официально декларируемой преданности Рамсесу XI, царствовавшему в далеком Пер-Рамсесе. Теперь перед Херихором возникла проблема выбора дальнейшего пути, и вряд ли можно сомневаться в том, что в тот момент его самым сокровенным желанием было захватить престол фараонов. Однако по причинам, о которых нам сейчас довольно трудно судить и о которых до открытия новых документальных материалов мы едва ли сможем сказать что-либо определенное, последний решительный шаг к трону Херихор сделал очень своеобразно: маску верности Рамсесу XI он сбросил как бы полулегально, главным образом лишь в текстах, начертанных в его любимом храме Хонсу [168, с. 34—35; 347, с. 16, § 14, с. 20—21, § 17]³⁷.

Только здесь в надписях и в рельефных сценах, покрывающих стены, колонны и архитравы переднего двора храма Хонсу (а также косяки прохода из гипостильного зала в святилище и фасад пилона), Херихор, как мы уже в свое время указывали, отважился на присвоение полного царского титула, со всеми традиционными царскими именами и эпитетами. Другие упоминания о Херихоре в качестве царя крайне редки³⁸, и потому имеются все основания считать, что в глазах современников верховного фиванского жреца, в том числе и фиванцев, законным фараоном вплоть до, по-видимому, вскоре последовавшей кончины Херихора оставался фактически безвластный в Фивах, но все еще признаваемый верховным сувереном страны Рамсес XI. К последнему выводу можно прийти, в частности, учитывая и данные уже упоминавшейся нами фиванской надписи об оракуле Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений», в которой царствующим фараоном назван Рамсес XI, а верховным фиванским жрецом — сын Херихора ПIANХ [437, стк. 1—2, 10—11]. Содержащее оракула, в котором «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, в 7-й год эры «Повторения рождений», т. е. в 25-й год царствования еще здравствующего Рамсеса XI, провозглашается не Херихор, а ПIANХ, породило острую дискуссию,

которую мы подробно проанализируем ниже. Однако к настоящему времени в египтологической литературе преобладание получила, на наш взгляд, совершенно справедливая констатация, что в 7-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, в 25-й год царствования Рамсеса XI Херихор уже умер и потому должность фиванского жреца перешла к Пианху [168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 204—205; 347, с. 17—23, § 15—20; 563, с. 3—4, примеч. 13]³⁹.

Херихор был, бесспорно, весьма своеобразным «фараоном», «фараоном» полулегальным, призрачным, провозглашенным таковым по всей форме главным образом лишь в переднем дворе храма Хонсу. Именно это обстоятельство не учитывала старая, многолетняя египтологическая традиция, которая, ссылаясь на факт хорошо прослеживаемого качественного скачка в титулатуре Херихора, засвидетельствованного в его надписях, утверждала, например, что при переходе из гипостильного зала в передний двор храма Хонсу современный посетитель как бы становится наблюдателем знаменательного «предельного момента» «как в процессе сооружения храма Хонсу, так и в истории государства» [25, т. II, с. 204], момента, когда «Херихор осмелился лишить власти Рамсеса, который тогда правил, и поставить себя царем на его место» [394, кн. II, гл. VI, с. 272]⁴⁰.

В действительности, как теперь можно считать уже установленным, Херихор не только не лишил власти Рамсеса XI, но и сам умер до окончания царствования последнего. (К более подробному обоснованию данного тезиса мы еще вернемся в связи с разбором надписи об оракуле Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений».)

В процессе все большего возрастания честолюбивых замыслов Херихора, приведшем его в итоге к присвоению титулатуры фараонов, прослеживается несколько этапов. Если в надписях гипостильного зала храма Хонсу Херихор предстает перед нами главным образом как «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и военачальник — великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, конкурирующий с царствующим Рамсесом XI, но все же формально признающим его верховную власть, если в надписях переднего храма Хонсу Херихор уже аттестуется как настоящий фараон, не имеющий соперников, то в надписях и сценах, покрывающих поверхность косяков прохода из гипостильного зала в святилище храма Хонсу, фиванский верховный жрец показан как бы на промежуточной стадии своего пути к высшей власти. Как пишет Я. Черны, «косяки двери, ведущей из гипостилия в святилище, показывают, возможно, переходную стадию от Херихора гипостилия к Херихору переднего двора. В каждой из шести сцен титулы и имя Херихора заключены в два картуша. „Первый жрец Амуна“ — в первом, „Сын Амуна Херихор“ — во втором. За исключением эпитетов „Благой бог и Сын Ра“, никакой другой царский титул не предпослан картушам в каком-либо из шести случаев. В переднем дворе, однако,

все сделано Херихором только от своего имени. Здесь он носит полную царскую титулатуру, состоящую из пяти традиционных имен» [168, с. 34].

Обратимся теперь для характеристики заключительного этапа в эволюции честолюбивых замыслов Херихора к анализу текстов и изображений переднего двора храма Хонсу [158, т. II, с. 221—231].

В переднем дворе храма Хонсу Херихор предстает перед нами как настоящий фараон, с полным набором царских имен, хотя призрачный характер его царствования обнаруживается и здесь. Так, в двух надписях, занимающих по три строки, начертанных на архитравах над двумя боковыми колоннадами, Херихор, как фараон, наделен всеми традиционными именами, в том числе двумя, заключенными в картуш: «Сын Амуна Херихор» и «Первый жрец Амуна». Однако согласно буквальному значению второго имени в качестве главного аргумента, оправдывающего захват царского престола и присвоение царской титулатуры, сам Херихор смог предъявить лишь факт наличия у него звания верховного фиванского жреца. В стк. 1 надписи, начертанной на архитраве над западной (левой) колоннадой, вместе с «Горовым» именем титулатура Херихора выглядит следующим образом: «Живой Гор, могучий бык, сын Амуна... царь Верхнего и Нижнего Египта, правитель Египта, владыка двух земель, „Первый жрец Амуна“» [137, т. IV, с. 305, § 622; 158, т. II, с. 222; 258, § XII]. В стк. 2 этой же надписи содержится так называемое царственное имя «Небти» Херихора, звучащее так: «Жизнь двух богинь, удовлетворяющий богов, сооружающий дом их, создающий радость для Ка их, сын Ра, любимый владыками храмов, владыка диадем „Сын Амуна Херихор“» [137, т. IV, с. 305—306, § 623; 158, т. II, с. 222; 258, § XII]. В стк. 3 той же надписи, начертанной на архитраве над западной (левой) колоннадой переднего двора храма Хонсу, имеется царское имя Херихора — «Золотой Гор» в таких сочетаниях титулов и славословий: «Живой золотой Гор, творящий полезное в Карнаке для своего отца Амуна, создающий прекрасное, царь Верхнего и Нижнего Египта, любимец великой божественной эннеады, владыка двух земель „Первый жрец Амуна“, царь любимый, подобно Ра, делающий праздничным Карнак, защищающий его для богов. Владыки Фив в радости, сердца их удовлетворены, когда видят они дом Хонсу в Фивах, Неферхотепа, подобным горизонту в небе. Люди — восхваляют они красоту... возлюбленного царя Верхнего и Нижнего Египта... владыки двух земель „Первого жреца Амуна“ любимца Хонсу (в) Фивах» [137, т. IV, с. 306, § 624; 158, т. II, с. 223; 258, § XII].

В трехстрочной надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой переднего двора храма Хонсу, содержатся те же традиционные царские имена и титулы Херихора, которые были включены в рассмотренную нами выше надпись на архитраве над западной (левой) колоннадой. Од-

нако в деталях эти имена и титулы все же различаются. Это свидетельствует о том, что при составлении данных надписей не придерживались строгого единообразия в оформлении титулатуры Херихора, используя довольно свободно традиционный набор имен и славословий [258, § XIII—XIV].

Так, в стк. 1 надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой, «Горово» имя Херихора предстает в следующем обрамлении эпитетов и восхвалений: «Живой Гор, могучий бык, сын Амуна, великий полезным в Карнаке, царь Верхнего и Нижнего Египта, правитель, подобный Ра, владыка двух земель „Первый жрец Амуна“. Сделал он в качестве памятника своего для царственного отца своего Амуна-Ра, царя богов. Сделал (он) для него широкий двор (по имени „двор“) „Первого жреца Амуна“, „Сына Амуна Херихора“, великого любовью в доме Хонсу“ заново, из прекрасного, прочного белого камня» [137, т. IV, § 625; 158, т. II, с. 223; 258, § XIV; 381, ч. III, с. 144, а; 382, т. III, 1900, с. 61]. В стк. 2, 3 той же надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой, имя «Небти» и имя «Золотой Гор» оформлены также несколько отлично от подобных же царских имен в строках надписи на архитраве над западной (левой) колоннадой: «Жизнь двух богинь, очищающий бенбен, наполняющий его памятниками, сын Ра, любимец духов Гелиополя, владыка диадем, „Сын Амуна Херихор“, „Живой золотой Гор“, творящий... мощью (?), удовлетворяющий богов, владык... царь Верхнего и Нижнего Египта, делающий праздничными Фивы, владыка, делающий вещи, „Первый жрец Амуна“» [258, § XIV].

Как можно заметить, царские имена и эпитеты Херихора соответствовали традиционным требованиям, хотя и составлялись они, по-видимому, в некоторой спешке, что и привело к их несущественному варьированию в надписях, высеченных на архитравах над западной (левой) и восточной (правой) колоннадами переднего двора храма Хонсу. Необычный характер имеют только два имени, заключенные в царский картуш, и в особенности то из них — «Первый жрец» Амуна, — которое по своему буквальному значению является лишь титулом фиванского верховного жреца. Призрачность, нереальность царствования Херихора отразилась в этом царском имени с достаточной определенностью.

В переднем дворе храма Хонсу заключенные в картуш имена Херихора — «Сын Амуна Херихор» и «Первый жрец Амуна» — встречаются многократно. Так, у восточной (правой) колоннады располагается рельефная сцена, изображающая пилон храма Хонсу с четырьмя флагштоками с каждой стороны портала. Надпись, помещенная в рельефной сцене под архитравами пилона и за флагштоками, содержит имена и титулы Херихора, соответствуя тому тексту, который был высечен на реальном пилоне [381, ч. III, с. 248, i, h] (над надписью изображен коршун, парящий над центральными воротами пилона): «Живой

Гор, могучий бык, сын Амуна-Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка двух земель, „Первый жрец Амуна“, сын Ра из тела его, „Сын Амуна Херихор“. Сделал он в качестве памятника своего для отца Амуна-Ра, царя богов. Восстановил он блеск Фив вновь (ради того), чье имя скрыто... упрочил он дом Хонсу в Фивах Неферхотепа на века» [137, т. IV, с. 306, § 626; 158, т. II, с. 226; 381, т. III, с. 243, b и др.].

На восточной (правой) стороне переднего двора храма Хонсу, в юго-восточном углу колоннады, над проходом в стене, имеется интереснейшая сцена, изображающая в четырех регистрах коронацию Херихора. Последний показан в царском одеянии без признака жреческого достоинства — шкуры пантеры, совершающим жертвоприношения. Далее Херихор представляется Амуну-Ра и Мут. Он сидит между двумя богинями (Нехбет и Уаджит), обобщенно именуемыми как некое единое божество «Небти», в то время как Гор, сын Исида, надевает ему на голову белую корону Верхнего Египта. В другой аналогичной сцене Нехбет и Уаджит возлагают на Херихора красную корону Нижнего Египта. В сопроводительных надписях зафиксированы выдержанные в традиционном стиле приветствия Гора, Нехбет и Уаджит: «Речь Гора, сына Исида, к сыну своему, „Сыну Амуна Херихору“: „Укрепил я для тебя белую корону на голове твоей, подобно отцу твоему Ра. Распространил я страх (перед) тобой по всем чужеземным странам. Вожди их повергнуты мощью твоей. Связал я для тебя страну каждую полностью. Воссиял ты на троне Гора“. Речь „Небти“, владыки (sic!) южной земли, возлюбленного (sic!) Ра, начальника двух земель, к сыну его, „Сыну Амуна Херихору“: „Укрепил я (sic!) для тебя красную корону на голове твоей. Взял ты регалии отца своего Ра. Превознес я (sic!) достоинства твои во всех странах. Ужас (перед тобой) проник в сердца их“» [158, т. II, с. 227].

Несколько ниже, в третьем большом регистре, Херихор изображен, как и в большинстве храмовых рельефов, с бритой головой, совершающим воскурения и возлияния перед тремя членами фиванской триады богов — Амуну-Ра, Мут, Хонсу [158, т. II, с. 227, № 12]. Портрет Херихора воспроизведен и на поверхности пятой колонны второго ряда восточной (правой) колоннады переднего двора храма Хонсу [158, т. II, с. 227; 258, § XVI; 381, ч. III, с. 300, примеч. 75; 382, т. III, 1900, с. 61].

Все колонны переднего двора, расположенные как у восточной (правой), так и у западной (левой) стены, покрыты аналогичными изображениями богов, а также надписями, содержащими имена и титулы Херихора — царя, объявленного любимцем Амуна-Ра, Мут, Хонсу [158, т. II, с. 228].

На западной (левой) стене переднего двора храма Хонсу Херихор выступает как приносящий жертвенные дары фиванской божественной триаде — Амуну-Ра, Мут, Хонсу, а также Монту и Хатор. В другой сцене Херихор показан представляемым Амуну-Ра членами его божественной семьи — Мут и Хон-

су. В северо-западном углу западной (левой) стены помещена длинная цепочка фигур, изображающих детей Херихора (19 или 20 сыновей и как минимум 5 дочерей). Все они характеризуются как «сыновья (дочери) царя из тела его». Возглавляет всю цепочку сын Херихора, непосредственно следующий за своей матерью, «(наследной царевной), великой почетом госпожой двух земель, госпожой очарований, сладкой любовью, старшей гарема Амуна-Ра, царя богов, великой женой царя, любимой им Неджемет правогласной» [158, т. II, с. 229; 258, с. 236, § XVIII; 381, ч. III, с. 247, а].

Относительно имени того, кто был представлен шествующим впереди других детей Херихора, до недавнего времени не возникало никаких споров: считалось (и большинством исследователей считается и до сих пор), что здесь изображен сын и наследник Херихора Пианх, носивший в те годы звания начальника лошадей владыки двух земель, великого начальника дома Амуна, жреца Мут, Хонсу. Лишь в опубликованной в 1975 г. маленькой заметке Эд. Ф. Венте было высказано предположение, что в данном случае имелся в виду другой сын Херихора — Анхегенмут [566, с. 37]. (Соображения Эд. Ф. Венте нами уже были рассмотрены выше.)

Все члены семьи Херихора показаны как участники религиозной процессии во время праздника «опет». Здесь же изображены переносимые жрецами ритуальные барки Амуна, Мут, Хонсу. Согласно двум сопроводительным надписям, барка Амуна была сооружена специально к празднику «опет». Поскольку из повествования о путешествии Ун-Амуна в Финикию известно, что посланец Херихора отправился за древесиной для священной барки Амуна Усерхата скорее всего в 5-й год эры «Повторения рождений»⁴¹, тогда как по мнению Ч. Ф. Нимса, специально исследовавшего надписи Херихора в переднем дворе храма Хонсу, внутреннее оформление этого двора могло завершиться в течение одного года [563, с. 3—4, примеч. 13], приходится прийти к заключению, что надписи и изображения переднего двора храма Хонсу, характеризующие Херихора как фараона, были выполнены, во-первых, после 5-го года эры «Повторения рождений» и, во-вторых, по-видимому, где-то в 6-й или в 7-й год этой эры.

В глубине переднего двора храма Хонсу, на стене к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал, два верхних рельефных регистра демонстрируют прославление фиванской триады богов. В нижнем регистре той же стены большую часть ее занимает сцена, на которой представлена группа жрецов, несущих на своих плечах большую священную барку Хонсу. Херихор фигурирует в данной сцене как бы выходящим из прохода в гипостильный зал навстречу священной барке Хонсу, перед которой совершает воскурение [158, т. II, с. 229—230]. В надписи, высеченной над изображением барки, бог Хонсу обращается к Херихору со следующими словами приветствия: «Сын

Ра, „Сын Амуна Херихор“ благой бог, „Первый жрец Амуна“ ⁴², любимый Хонсу Неферхотепом в Карнаке! Дал (я) тебе весьма многочисленные юбилеи, подобно отцу твоему Ра. Дал (я) тебе страну каждую полностью. „Девять луков“ повергнуты мощью твоей». Речь Хонсу Неферхотепа в Фивах: „Сын мой любимый, владыка двух земель, „Сын Амуна Херихор“! О, сколь прекрасен памятник этот чудесный, чистый, отличный, который ты сделал для меня! Сердце мое удовлетворено, видя их (sic!). Даю я тебе награду за них (sic!) в виде жизни, прочности, процветания, царствования над двумя землями в покое, подобно Ра“» [137, т. IV, с. 304, § 619; 158, т. II, с. 231; 396, с. 653].

Таковы главные сцены и надписи переднего двора храма Хонсу, демонстрирующие, с одной стороны, как бы полное осуществление всех честолюбивых устремлений Херихора ⁴³, но, с другой стороны, по ряду признаков — по некоторому разнообразию в царских именах, эпитетах и славословиях, и прежде всего по характеру тронного имени, в котором Херихор предстает, в сущности, лишь как «Первый жрец Амуна» — показывающие, что мечты Херихора о престоле фараонов так и не сбылись. «Царство» Херихора было призрачной иллюзией. За пределами храма Хонсу (а также вне текстов и предметов заупокойного назначения, принадлежащих, в частности, его жене Неджефт) Херихор как фараон нигде не аттестуется. Последнее и неудивительно, коль скоро жизненный путь Херихора завершился в годы правления законного фараона Рамсеса XI, ни свергнуть которого с трона, ни пережить которого Херихору так и не удалось.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ ХЕРИХОРА

Как мы уже указывали, основное свидетельство о том, что Херихор умер раньше окончания царствования Рамсеса XI, содержится в тексте, фиксирующем решение оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений». На анализе этого текста необходимо поэтому остановиться специально.

Стела, на которой было записано решение оракула Амуна, состоявшегося во время праздника «опет» в 7-й год эры «Повторения рождений», известна сравнительно давно. На нее еще в 1923 г. ссылались Я. Черны и Т. Е. Пит. В 1948 г. текст оракула воспроизвел и прокомментировал Ч. Ф. Нимс [437, с. 157—162]. Вот этот текст:

- «(1) Носитель опахала с правой стороны царя, царский сын Куша, „первый жрец“
- (2) Амуна-Ра, царя богов, начальник войска, правитель Пианх правогласный,
- (3) „второй жрец“ Амуна Несиамурна,
- (4) жрец-„уаб“, писец хранилища дома Амуна Несиамурна ⁴⁴;
- (5) Амур-Ра, владыка тронов двух земель, находящийся перед Карнаком,

- (6) владыка неба, царь богов, находящийся во главе
- (7) великой эннеады богов,
- (8) изначальный владыка двух земель,
- (9) создающий все сущее.
- (10) Год 7-й эры „Повторения рождений“, месяц третий периода шему⁴⁵, день 28-й при
- (11) величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Менматра Сетепенптаха, Рамсеса Хеканечериун (Рамсеса XI.— *И. С.*).
- (12) [День] явления величества бога этого почтенного Амуна-Ра, царя богов,
- (13) [в]⁴⁶ утреннее время в празднование его прекрасное „опет величества его“.
- (14) Великий бог был укреплен⁴⁷ на переносной платформе⁴⁸. Затем
- (15) сказал ему (т. е. Амуну-Ра.— *И. С.*) начальник войска Пианх правогласный, заявив:
- (16) „О мой прекрасный господин! Сделай утверждение по поводу слов относительно тво[его]
- (17) [достояния (?)“]⁴⁹. Великий бог дважды энергично наклонил голову⁵⁰. Затем
- (18) [был зачитан (?) список должностных лиц]⁵¹ весь его дома перед ним. [Он]
- (19) [отклонил (?)]⁵² контролеров⁵³ божественных жертвоприношений.
- (20) [Снова сказал] он (т. е. Пианх.— *И. С.*), заявив: „О мой прекрасный господин! Были ли
- (21) отклонены⁵⁴ контролеры божественных жертвоприношений?“ Затем
- (22) великий бог дважды энергично наклонил голову, в то время как они были повторены пе-
- (23) [ред] ним полностью. Он сделал утверждение относительно Несиамуна правогласного,
- (24) [сына] Ашахет правогласного, бывшего в качестве писца хранилища дома Амуна.
- (25) Затем повторил он (т. е. Пианх.— *И. С.*), сказав: „Назначили ли его в писцы хранилища дома
- (26) [Амуна] на место отцов его?“ Затем . великий бог [дважды] энергично наклонил голову
- (27) ...дважды».

Как видно, в тексте оракула зафиксирован протокол запроса к Амуну по поводу утверждения в доходной должности писца хранилища дома Амуна некоего жреца «уаба» Несиамуна, сына Ашахет, также бывшего писцом хранилища дома Амуна. Должность эта была наследственной в роду Несиамуна, так как принадлежала «отцам его». Сам Несиамун еще до решения оракула уже назван в стк. 4 (а также в 24-й) надписи писцом хранилища дома Амуна, и потому в данном случае, по-видимому, речь шла фактически о продлении полномочий Несиамуна.

Это продление (или утверждение) было произведено тем традиционным способом, к которому прибегали обычно в такого рода ситуациях: перед статуей божества, покоящейся на переносной платформе, был зачитан список контролеров (grdw) — претендентов на искомую должность. Все они были отклонены Амуном (естественно, теми, кто нес его статую), и лишь кандидатура Несиамуна получила божественное одобрение. В итоге Несиаmun оказался утвержденным в должности своих предков. Все это произошло в присутствии «второго жреца» Амуна Несиамуна и «первого жреца» Амуна, начальника войска, предводителя Пианха в 7-й год эры «Повторения рождений». Коль скоро в этот год царствующим фараоном, согласно стк. 11 текста оракула, назван Рамсес XI (это был его 25-й год правления), а фиванским верховным жрецом Пианх, остается только сделать естественный вывод: Херихор к этому времени уже умер, что и позволило Пианху занять в Фивах должность своего отца. Подобное заключение напрашивается само собой, и потому к нему пришло, как мы уже отмечали, пожалуй, большинство исследователей, в том числе А. Гардинер, Я. Черны, В. Хелк, Эд. Ф. Венте, К. А. Китчен [168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 204—205; 347, с. 17—23, § 15—20; 563, с. 3—4, примеч. 13]. Нашлись, однако, и противники предложенной выше интерпретации текста оракула, выдвинувшие свои контраргументы. Среди них оказался Ч. Ф. Нимс, поддержанный впоследствии Е. Юнгом, Г. Кеесом, Е. Горнунгом [317, с. 102; 318, с. 439; 335, с. 14—15; 437, с. 161; 580, с. 112, примеч. 64].

Доводы, которыми оперировали сторонники старого, традиционного восприятия хронологической взаимосвязи Херихора и Рамсеса XI, были тщательно проанализированы и отвергнуты Я. Черны, Эд. Ф. Венте, К. А. Китченом. Поскольку, однако, вопрос этот имеет большое принципиальное значение, стоит более подробно рассказать о ходе развернувшейся дискуссии.

При обследовании стелы, на которой было записано решение оракула Амуна, можно заметить, что весь помещенный на ней текст состоит из двух частей. Сначала, в верхнем регистре стелы, там, где были высечены изображения Пианха, Несиамуна и Несиамуна, в стк. 1 и 9, с соответствующими эпитетами перечисляются действующие лица: 1) «первый жрец» Амуна, начальник войска, правитель (h;tj-^c) Пианх (стк. 1, 2); 2) «второй жрец» Амуна Несиамуна (стк. 3); 3) жрец-«уаб», писец хранилища дома Амуна, Несиаmun (стк. 4) и, наконец, 4) великий бог Амун-Ра (стк. 5, 9). Затем, начиная со стк. 10, излагается сам ход обращения к божественному суду Амуна. Поскольку в этой второй, основной части текста упоминаемый в стк. 15, 20, 25 Пианх (в отличие от стк. 1, 2) нигде не назван «первым жрецом» Амуна и лишь имеет (в стк. 15) титул начальника войска (mr mš'), как будто бы появляется возможность противопоставить Пианху стк. 15 Пианха стк. 1 и 2. В итоге становится правомочным объявить текст стк. 1 и 2 записан-

ным позднее времени провозглашения решения оракула, т. е. тогда, когда уже якобы после смерти Рамсеса XI и Херихора Пианх смог занять в Фивах пост верховного жреца Амуна-Ра.

Как писал Ч. Ф. Нимс, «возможным преодолением этой трудности (т. е. трудности согласования данных оракула с традиционной исторической схемой.—И. С.) является (признание) того, что надпись является анахроничной, т. е., если оракул был произнесен в указанную дату, он был записан лишь позднее, по прошествии нескольких лет, и титулы, принадлежащие Пианху, были теми титулами, которые он носил во время записи, но не во время (свершения) оракула» [437, с. 161].

По мнению Г. Кееса, участие в процессе божественного суда «второго жреца» Амуна-Ра Несиамуна также якобы свидетельствует о том, что Херихор в момент объявления решения Амуна еще был жив, поскольку в противном случае, став действительно «первым жрецом» Амуна-Ра вместо своего отца, Пианх не нуждался бы в посредничестве «второго жреца» Амуна-Ра Несиамуна [335, с. 14]. Логика рассуждения Г. Кееса здесь не совсем понятна. Допустим, что Херихор поручил рассмотрение столь незначительного дела, как вопрос о продлении полномочий какого-то ничтожного писца хранилища дома Амуна, «второму жрецу» Амуна-Ра Несиамуна, почему же тогда нельзя с таким же успехом предположить, что подобное поручение передал Несиамуна и сын Херихора Пианх? Присутствие «второго жреца» Амуна-Ра в момент объявления божественного суда, как видим, отнюдь не указывает со всей бесспорностью на более позднюю приписку тех первых строк стелы, в которых Пианх фигурирует как фиванский верховный жрец. Ссылка Г. Кееса на то, что изображенный на стеле Пианх не представлен в жреческой одежде, также не является абсолютно доказательной, поскольку, как известно, и Херихор не всегда изображался в подобном одеянии. [Например, в сцене коронации, помещенной на восточной (правой) стороне переднего двора храма Хонсу, в юго-восточном углу колоннады, над проходом в стене, Херихор показан без признаков жреческого достоинства] [158, т. II, с. 227]. Известно, что Пианх, как и Херихор, имел наряду со жреческими и многие светские титулы (прежде всего он располагал званием начальника войска), и потому он мог быть представлен на стеле, зафиксировавшей решение оракула Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений», без специфических жреческих атрибутов. Во многих письмах, составленных тогда, когда Пианх, без всякого сомнения, уже был «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, он аттестуется только как светское лицо — начальник войска (*mr mš'*) [563, № 19, 21, 22, 30, 34, 35, с. 52—54, 65, 68—69], и потому вполне можно допустить, что и в своих изображениях Пианх отнюдь не стремился всегда подчеркивать свои жреческие функции. Светский облик Пианха, изображенного на стеле с записью оракула Амуна, не может, таким образом, обосновать утверждение Г. Кееса, будто бы «во-

прос о дате смерти Херихора должен... оставаться открытым» [335, с. 15].

Большое внимание и Ч. Ф. Нимс и Г. Кеес уделили тому обстоятельству, что в стк. 15 текста, зафиксированного на стеле, Пианх назван лишь начальником войска. С их точки зрения, это якобы доказывает, что в момент объявления решения Амуна Пианх еще не был верховным фиванским жрецом [335, с. 14; 437, с. 161]. Однако данный аргумент не имеет какой-либо силы, поскольку и во многих письмах, относящихся к тому времени, когда Пианх уже, бесспорно, занимал должность фиванского верховного жреца (в 10-й год эры «Повторения рождений»), он носил только звание начальника войска⁵⁵. Как справедливо писал Я. Черны, критически проанализировавший аргументы Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса, «имеется солидное основание для допущения, что Херихор не только умер до Рамсеса XI, но что он никогда не лишал власти этого фараона. Он управлял Верхним Египтом с Фивами в качестве своей резиденции как царь, чьи титулы он присвоил в надписях храма Хонсу, однако постоянно под верховенством Рамсеса XI, который, какими бы слабыми ни могли быть его сила и влияние, не перестал быть фараоном» [168, с. 35]. «Эта модификация прежнего взгляда порождена рельефом и надписью в Карнаке, датированной годом 7-м эры „Повторения рождений“... Пункт, достойный рассмотрения, касается возможности, что изображение Пианха в углу сцены было вторичным и добавленным позднее, когда Пианх также стал верховным жрецом. Не имеется, однако, ничего в стиле или исполнении рельефа для поддержки подобного предположения» [168, с. 36—37].

Не менее убедительно высказался против взглядов Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса и их сторонников и Эд. Ф. Венте, одним из первых отметивший, в частности, что наименование Пианха начальником войска в центральной части текста стелы «не имеет большого веса, поскольку в... позднерамессидовских письмах Пайанх (Пианх.— И. С.) часто прозывался просто „генералом“ в то время, когда он определенно был верховным жрецом Амуна» [563, с. 13, примеч. 13]. Касаясь вопроса о ценности еще не изданного остракона Каирского музея № 25745, в котором «Пайанху дана длинная серия административных и военных титулов, но не титул „верховного жреца Амуна“», Эд. Ф. Венте замечает: «Если этот текст имеет какое-либо значение, он, возможно, указывает на то, что Херихор в качестве царя не передал первым делом верховное жреческое достоинство своему сыну, но он смог удержать свою жреческую должность, уступив Пайанху другие функции» [563, с. 13, примеч. 13].

Как показывает последнее заключение Эд. Ф. Венте, поскольку, провозгласив себя фараоном, Херихор не уступил свою должность верховного фиванского жреца Пианху, трудно допустить, чтобы на стеле с записью решения оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» Пианх был назван «пер-

вым жрецом» Амуна-Ра еще при жизни Херихора, якобы передавшего сыну свою жреческую должность. (Интересно отметить, что, коль скоро в надписи на остраконе № 25745 Пианх назван визирем, данный остракон, как справедливо указывает Эд. Ф. Венте, мог относиться, во всяком случае, к более позднему времени, чем 6-й год эры «Повторения рождений», когда визирем был Херихор.) Если на стеле с записью решения оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» Пианх фигурирует в качестве фиванского верховного жреца, то это, мы полагаем, свидетельствует только о том, что Херихора в это время уже не было в живых, почему к Пианху и перешла та верховная фиванская жреческая должность, о которой еще ничего не сказано в тексте остракона № 25745. Общий вывод, который делает Эд. Ф. Венте после рассмотрения различных возможных доводов в поддержку взглядов Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса, гласит: «Нет более неотразимого аргумента для принятия анахронистической интерпретации текста оракула от 7-го года *Whm mswt*, чем спорное предположение, что Херихор стал царем после смерти Рамсеса XI» [563, с. 3—4, примеч. 1—3], а следовательно, по мнению Эд. Ф. Венте, лишь привычка к определенной исторической схеме вызывает у исследователей стремление как-то согласовать с этой схемой противоречащие ей новые факты. Интересно в данной связи отметить, что, по словам Эд. Ф. Венте, сам Ч. Ф. Нимс его информировал: «Он, как общепринято, склоняется принять гардинеровскую датировку смерти Херихора» [563, с. 3—4, примеч. 13], т. е. ту датировку, возможность которой он первоначально при комментировании текста оракула не допускал⁵⁶.

Наиболее полный и обстоятельный критический разбор всех доводов противников нового датирования смерти Херихора на основании свидетельства оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» сделан в обобщающей работе К. А. Китчена. Последний суммирует все уже высказанные соображения и приводит ряд дополнительных аргументов, позволяющих, по сути дела, окончательно решить данный вопрос.

По утверждению К. А. Китчена, «нет основания, например, для предположения, что верхний правый угол (имеется в виду угол стелы с изображением Пианха.— *И. С.*) был специально оставлен чистым в 7-м году для удобного заполнения (его) позднее».

Другими словами, или вся запись полностью датируется 7-м годом — простейший и наиболее естественный взгляд, или подобным же образом весь текст был записан по одному поводу некоторое время спустя с передачей даты оракула, но не записей» [347, с. 17—22, § 15—18]. Согласно указанию Г. Кееса, присутствие «второго жреца» Амуна при обращении к суду божественного оракула делает невозможным якобы наличие в этот момент у Пианха (в 7-й год эры «Повторения рождений») должности «первого жреца» Амуна. Но, как справедливо на это

замечает К. А. Китчен, «второй жрец» Амуна Несиаmunра мог быть лишь посредником Пианха, передающим запрос от его имени к богу или утверждающим ответ последнего, поскольку «трудно ожидать, что как проситель в этом деле Пианх (даже в качестве верховного жреца) был бы и сам посредником или ответчиком» [347, с. 19—20]. Ссылаясь на изданный Р. А. Паркером Бруклинский папирус 47218, в котором описывается оракул Амуна в 14-й год правления Псамметика I [444], К. А. Китчен обращает внимание на то, что и в этом случае в момент обращения к божественному суду перед божеством находились «четвертый жрец» Амуна Монтуемхет, выполнявший функции жреца-посредника (*hm-ntr-whm*), и «первый жрец» Амуна Хорхеби, и потому, заключает К. А. Китчен, «вопреки Кеесу... присутствие Пианха в качестве верховного жреца не могло исключить присутствие... второго жреца Несиаmunра или, возможно, его деятельность в качестве *hm-ntr-whm*» [347, с. 20 примеч. 88].

Если считать, что Херихор присвоил царский титул лишь после смерти Рамсеса XI, то, согласно указанию К. А. Китчена, неизбежен вывод: поскольку эра «Повторения рождений», по свидетельству некоторых позднеамессидских писем, продолжалась не менее десяти лет [347, с. 20, примеч. 89], а на все работы по оформлению переднего двора храма Хонсу, в котором Херихор фигурирует в качестве фараона, должно было уйти около года, получилась бы абсурдная ситуация: оракул, в котором принимал участие Пианх, должен был бы в этом случае состояться по крайней мере на четыре года позднее того времени, когда он произошел в действительности, т. е. не в 7-й, а скорее в 11-й год эры «Повторения рождений». «Это,— как пишет К. А. Китчен,— было бы, конечно, произвольным и невероятным заключением» [347, с. 20], свидетельствующим о несостоятельности той предпосылки, исходя из которой было сделано подобное заключение. Между тем стремление объявить запись стк. 1 и 2 текста оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений», в которых Пианх назван «первым жрецом» Амуна, анахроничной, внесенной позднее, обусловливается исключительно приверженностью к старой, традиционной исторической схеме. Сомнение в достоверности данных оракула, показывающих со всей очевидностью, что Херихор умер раньше Рамсеса XI, раньше того времени, когда было совершено обращение к суду Амуна, желание эти данные как-то нейтрализовать — все это следствие предвзятой трактовки событий в конце эпохи Нового царства. Как справедливо утверждает К. А. Китчен, «это сомнение является в основе пережитком конца последнего столетия, когда полагали, что Херихор действительно вытеснил Рамсеса XI в целях обоснования линии „жрецов-царей“, и не уделяли должного внимания фиктивной в основе природе „царства“ Херихора. Это „царство“ полностью замыкалось в храмовых стенах в пределах Карнака и в заупокойном снаряжении Херихора и его семьи. Это царство пол-

ностью игнорировалось во всех повседневных и административных документах любой датировки» [347, примеч. 10] ⁵⁷.

«Таким образом,— пишет далее К. А. Китчен, подводя итог своей аргументации,— нет вообще свидетельства ни о том, что „царство“ Херихора было когда-либо признано при его жизни за пределами замкнутых дворов Карнака, ни о том даже, что какой-либо преемник ссылался на происхождение от „царя“ Херихора. Это особенно контрастирует с полной царской титулатурой Пиноджема I (внука Херихора.— И. С.) (с собственным преноменом), который был признан не только в Фивах, но также в Абидосе, Коптосе и в самом Танисе и долго вспоминался в титулах и генеалогиях своих потомков — Масахарты, Джедхонсефанха и Пиноджема II. Причина присвоения Херихором царских титулов неизвестна. Возможно, это произошло вследствие того, что он был специальным представителем царской власти в Нубии и Верхнем Египте (обширная область), или, может быть, из-за желания обеспечить себе лидерство перед или совместно со Смендесом, когда умрет Рамсес XI. Эта амбиция была затем пресечена его собственной более ранней смертью.

А priori нет веского довода против (вывода), что Херихор пробыл „царем“ и умер до Рамсеса XI» [347, с. 21] ⁵⁸. Так называемое «царствование» Херихора было не политической реальностью, а лишь фикцией, которой тешил себя честолюбец, достигший, впрочем, вполне царственного могущества в Фивах и во всем Верхнем (и даже Среднем) Египте.

ХЕРИХОР И РЕШЕНИЕ ОРАКУЛА ХОНСУ И АМУНА

Уже давно в истории постепенного возвышения Херихора выделяют событие, зафиксированное на плите-стеле, входящей в состав северной стены переднего двора храма Хонсу в Карнаке и помещенной в нижней части этой стены, к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал (о местоположении этой плиты см. [137, т. IV, с. 303; 368, с. 212; 382, т. III, 1900, с. 64]). Мы имеем в виду знаменитую запись решения оракула Хонсу и Амуна, решения, которое, как полагают исследователи, сыграло исключительно большую роль в судьбе как Херихора, так и Египта. Высказанные по поводу этого оракула суждения весьма разнообразны. По мнению представителей старой египтологической школы, например Эд. Мейера, Дж. Брэстеда, Б. А. Тураева, речь в оракуле шла о божественном санкционировании захвата Херихором престола фараонов [25, т. II, с. 203; 83, т. II, с. 20; 116, с. 95; 137, т. IV, с. 303—304]. Согласно выводу Г. Кееса, в решении оракула утверждалась провозглашенная Херихором новая эра «Повторения рождений» и прикрывалось авторитетом божественного согласия фактическое владычество Херихора в Фивах [334, с. 1—20; 335, с. 6, 11, 12]. Как доказывал Ю. фон Бекерат, полемизируя с Г. Кеесом, не

Херихор, а Рамсес XI был инициатором введения новой эры, что же касается содержания оракула, то в нем задним числом легализировалось возведение Херихора — военачальника, не связанного со жреческими группировками Фив, человека, лично близкого к последнему Рамессиду, — на престол «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [116, с. 91—96]. По мнению Г. Фехта, главной целью обращения к суду Хонсу и Амуна было освящение божественным авторитетом захвата Херихором должности «царского сына Куша» [230, с. 26—28]. По словам Я. Черны, «заманчиво видеть в оракуле Амуна-Ра... настоящее торжественное начало господства Херихора над Верхним Египтом и введение эры „Повторения рождений“» [168, с. 38]. С точки зрения В. Хелка, в оракуле Хонсу и Амуна провозглашалось возобновление господства жрецов в Фивах после неудачной попытки Рамсеса XI восстановить здесь господствующее положение царской власти [306, с. 217].

Как мы видим, существующие оценки оракула Хонсу и Амуна действительно весьма разнообразны, хотя и сходятся в большинстве случаев в одном — в привязке (в той или иной форме) этого оракула к введенной в 19-й год правления Рамсеса XI новой эре «Повторения рождений».

Обратимся, однако, к самому оракулу и посмотрим, о чем в нем идет речь.

Как это ни печально, приходится констатировать, что зафиксированный на новоегипетском языке (в отличие от других надписей храма Хонсу) текст оракула Хонсу и Амуна находится в настоящее время в исключительно плохом состоянии. Ч. Ф. Нимс писал: «Надпись столь фрагментарна и поверхность (стелы. — И. С.) находится в столь скверном состоянии, что спорно, будет ли извлечен из нее какой-либо поддающийся оценке смысл» [437, с. 162, примеч. 16].

Между тем о самом оракуле Хонсу и Амуна известно уже давно, и воспроизведения его текста появились с самого начала эпиграфического обследования Египта. Так, текст оракула был помещен, к сожалению в трудно читаемой форме, еще в изданиях Ж. Ф. Шампольона [158, т. II, с. 231—232] и Р. Лепсиуса [381, ч. III, с. 248, b; 382, т. III, 1900, с. 64]. Воспроизводился текст оракула и в изданиях Г. Бругша [142, табл. XXI] и Г. Масперо [396, с. 653, 671, 672], а его перевод (с издания Г. Бругша) был осуществлен в самом начале XX в. Дж. Брэггедом [137, т. IV, с. 303—304, § 615—618].

Трудность изучения текста оракула Хонсу и Амуна объясняется объективным, неустраняемым фактором: от всех 28 горизонтальных (идущих справа налево) иероглифических строк, фиксирующих на новоегипетском языке сам ход и результат обращения Херихора к Хонсу и Амуну, остались в основном лишь сравнительно небольшие концовки, в ряде случаев не дающие бесспорной смысловой ясности. И все же понять основное содержание текста оракула, как и установить его целевую на-

правленность, возможно. Именно это мы и попытаемся теперь сделать, дав свой, новый перевод надписи с ее воспроизведения в издании Г. Бругша [142, табл. XXI].

Текст оракула Хонсу и Амуна, зафиксированный на плите-стеле, входящей в состав северной стены переднего двора храма Хонсу и помещенной в нижней части этой стены, к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал. (Копия, перенесенная с записи на папирусе, выполненной на разговорном новоегипетском языке.)

«[(1) ...] Амун Сетепенра¹, любимый Амуном-Ра, царем богов, которому дана жизнь вечная.

[(2) ...] „первый жрец“ Амуна-Ра², царя богов, царский сын Куша, начальник двойной житницы.

[(3) ...] Тогда повторил ему³ „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов:

[(4)(В)...] — твоим городе⁴?“ Тогда этот бог двинулся назад⁵.

[(5), (В)ре]зиденции⁶ — твоим городе?“ Тогда этот бог двинулся...⁷.

[(6) ...⁸]

[(7)]

[(8), (?)...] достоинство для меня, жизнь, благополучие, здравие, добро многочисленное в резиденции — твоим городе?

[(9) ...⁹] Дашь ли ты год, когда будешь ты давать их мне¹⁰?“ Тогда этот...

[(10),] Что касается года великого¹¹ — этого промежутка времени¹², который [ты] дал мне^{13...14} (?) в резиден-

[(11) ции], что касается года, который ты дал мне¹⁵, повелел ли ты¹⁶ дать их (?)¹⁷ мне¹⁸ в дополнение вновь?“

[(12) ... Хери]хор правогласный. Вышел город в качестве посланца к нему, чтобы пересказать эту речь¹⁹ Хон[су]

«[(13) Амуну-Ра], царю богов, когда обратил он лицо свое на север, к Карнаку²⁰. И вот приблизился он к...

[(14) ...] Амун-Ра, царь богов, этот отец, дважды энергично

[(15) ...] [...] И он сказал: „Да достигнешь [ты] двадцатилетия²¹, как [того, что дает] тебе²² Амун-Ра, царь богов,

[(16) (за благодеяния) (?)], которые сделал ты²³ для Мут (и) Хонсу — их²⁴ правогласного ребенка прежде“.

[(17) ...] И повторил ему „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов, Херихор правогласный, сказав: „Мой прекрасный господин!

[(18) ...] чудеса на камень?“ Этот бог дважды энергично наклонил голову²⁵. И повторил ему

[(19) ... (Херихор, сказав:) ...Хонсу] Неферхотеп твоё заявление: „да вырежут они²⁶ стелу“.

[(20),] Хонсу в Фивах, Неферхотеп, которое сделал

- он“? ²⁷ Этот бог дважды энергично наклонил голову ²⁵.
 [(21) ...] И сказал Амун-Ра, царь богов: [„...“] придет к тебе
 вечность, будут миллионы (лет) здесь в качестве [...] ²⁶
 [(22) ...] придут юноши ради рассказа об этих чудесах,
 [(23) (придут к)] тебе юноши и дети, после того как сде-
 лают [они] ²⁸.
 [(24) ... (до) конца“ ²⁹. „Будет речь относительно [...] при-
 хода?“
 [(25) ... ³⁰ ...] „сказал [ли] ты ³¹ мне, что дал ты мне ³² (про-
 межуток времени) ³³ в двадцать лет?“
 [(26) ...] [Амун-Ра, царь богов, дважды] энергично (накло-
 нил голову]
 [(27) ... (Тогда)] повелел Херихор [...]
 [(28) ...] копия [...]».

КОММЕНТАРИЙ

¹ Рамсес XI.

² Херихор.

³ whm(n).f. Имеется в виду Хонсу.

⁴ p.j.k dmj.

⁵ p.j. n h.j. f (Wb. II, 206; III, 8—9). Дж. Брэстед ошибочно понимал это выражение как эквивалент положительной, одобряющей реакции и потому перевел данное словосочетание как “podded with his head” [137, т. IV, с. 303, § 615, стк. 4]. Однако мы полагаем, что здесь имеется в виду отрицательный ответ божества, передаваемый движением назад статуи божества или носилок, на которых она находилась [43, с. 82; 169, с. 44—45].

⁶ В начале стк. 5 виден знак m и детерминатив города. По аналогии со стк. 8 здесь, бесспорно, восстановление (m hnw) «в резиденции» (т.е. в Фивах) (см. Wb. III, 369, b; hnw=einer Stadt).

⁷ Лакуна не позволяет определить характер ответа божества со всей определенностью, но, вероятно, здесь также имеется в виду отрицательный ответ божества, передаваемый движением назад статуи божества или носилок, на которых она находилась.

⁸ Здесь прослеживаются лишь несколько знаков.

⁹ Здесь прослеживаются лишь несколько знаков.

¹⁰ idi.k rnpt iw.k (r) di.w n.i. Сложноподчиненное обстоятельственное предложение, в котором второе придаточное предложение [iw.k (r) di.w n.i] выраженное грамматической формой Futurum III, относится к числу так называемых псевдорелятивных конструкций (см. [351, с. 363—364, § 407]). В первом, главном предложении (idi.k rnpt) при образовании сказуемого использована форма эмфатического isdm.f, и потому здесь передается вопросительный оттенок мысли, обращенный к будущему времени (см. [351, с. 278, § 315, с. 248, § 282]. Дж. Брэстед переводил данную строку как “which thou givest and then shalt give them to me” [137, т. IV, с. 303, § 615], понимая первое предложение как релятивное. Однако такое толкование вряд ли возможно, коль скоро в этом предложении виден прямой объект — rnpt (idi.k.rnpt).

¹¹ n.rnpt^c;

¹² p.j. h.j.

¹³ idi.[k]n.i. Придаточное предложение в релятивной форме isdm, выражающей мысль, обращенную к прошлому (см. [351, с. 289, § 321]).

¹⁴ Испорченное место.

¹⁵ idi (?) k n i. Придаточное предложение в релятивной форме isdm.

¹⁶ wd ir.k. (cp. с wd ir.t Wb I, 394, “zu tun befehlen”).

¹⁷ w.(sic!).

¹⁸ В предложении *wḏ ḏr.k ḏl w n.i*, по-видимому, используется форма эмфатического *sdm.f*, в которой стоит словосочетание *wḏ ḏr.k*. В этом словосочетании значение основного, смыслового глагола *wḏ* воспринимается слитно со значением вспомогательного глагола *ḏr*, последний же может быть сокращенным вариантом эмфатической формы *ḏr* (см. [351, с. 274, § 310]), потерявшей первичное протетическое *i*, вследствие чего выражение *wḏ ḏr.k* допустимо воспринимать как соответствие эмфатической конструкции *[i] ḏr.k wḏ*. Коль скоро, однако, в данном случае обнаруживается эмфатическая форма, предложение *wḏ ḏr.k ḏl w n.i* (или *[i] ḏr.k wḏ ḏl w n.i*) можно трактовать как вопросительное (см. [351, с. 278, § 315]). (Если предположить, что слово *wḏ* появилось в иероглифическом оригинале по ошибке резчика вместо протетического *i*, то тогда предложение *ḏr.k ḏl w n.i* следовало бы переводить как «дали ты их мне...?» с аналогичным общим вопросительным значением.) Дж. Брэстед переводил стк. 11 как “within the year which then givest me, which thou spendest to give me besides the...” [137, т. IV, с. 313, § 615], предполагая здесь наличие двух следующих друг за другом релятивных предложений. Для второго из этих предложений — “which thou spendest” (?), — однако, трудно найти соответствие в иероглифическом тексте, в котором по изданию Г. Бругша прослеживается скорее всего все же написание *wḏ ḏr.k*.

¹⁹ *p; dd*.

²⁰ *lw.f (hr) dlt ḏr.f m ḥd [iw.f (hr) dlt=Præsens II]*.

²¹ *lspr [k n] 20 rnpt* (*lspr.k*=эмфатическая форма *lsdm.f* с оптативным значением).

²² *m [di] n.k*.

²³ *ḏr.k*. Форма релятивного *isdm.f*.

²⁴ *n; (sic)*. По-видимому, здесь перед именем Хонсу стоит *n*; вместо *p*;, так как подразумевается, что Хонсу — ребенок Мут и Амуна-Ра.

²⁵ *hn r wr spj* (Wb. II, 492, 494). Как полагал Я. Черны, данное выражение можно переводить иначе: «Дважды энергично двинулся вперед», поскольку при положительном ответе оракула переносные носилки со статуей божества двигались вперед, а при отрицательном — назад [169, с. 44—45]. Критику точки зрения Я. Черны см. [43, с. 81].

²⁶ *ḏr š'j.w*. Форма эмфатического *ḏr sdm.f* с оптативным значением (см. Wb. IV, 415, 417).

²⁷ *lr.f=ḏr.f* Форма релятивного *isdm.f*.

²⁸ *lw ḏr [w]*. Форма *lw sdm.f*.

²⁹ *r;·* (см. Wb. II, 294; Ende).

³⁰ Здесь, по-видимому, где-то кончается речь Амуна-Ра и начинается речь Херихора.

³¹ *[i] dd.k* Форма эмфатического *isdm.f*.

³² *[i] ḏl.k n.i*. Форма релятивного *isdm.f*.

³³ Здесь виден только детерминатив слова ‘ḏr’.

Нами дан полный перевод текста оракула Хонсу и Амуна в соответствии с его воспроизведением в издании Г. Бругша. К какому же выводу можно прийти при анализе этого документа?

Прежде всего мы видим, что в оракуле ни слова не сказано о божественном санкционировании захвата Херихором престола фараонов. Напротив, уже в стк. 1 текста упоминается Рамсес XI, по времени царствования которого (к сожалению, точное определение года не сохранилось) датировался оракул. Нельзя не отметить, что, коль скоро в самом начале записи оракула царствующим фараоном объявляется Рамсес XI, для

Херихора было бы верхом цинизма здесь же хвастаться божественным одобрением его честолюбивых замыслов, направленных против интересов того самого фараона, царствованием которого устанавливалось время обращения к суду Хонсу и Амуна. Естественно, в тексте оракула о легализации «крамольных замыслов» Херихора абсолютно нигде речь не идет⁵⁹.

Не соответствует действительному содержанию приведенного нами текста оракула и его трактовка Г. Кеесом, который пытался увидеть в оракуле Хонсу и Амуна указание на введение Херихором особой эры «Повторения рождений» и свидетельство об освящении власти Херихора в Фивах. Если второй тезис и можно еще как-то подтвердить теми строками оракула, в которых говорится о власти Херихора «в резиденции», в городе Хонсу и Амуна (стк. 5, 8, 10, 15), то о введении новой эры в оракуле определено ничего не сказано. Последнее неудивительно, поскольку эра «Повторения рождений» была провозглашена как бы от имени Рамсеса XI в 19-й год царствования этого фараона, сразу же после изгнания из Фив Панехси и восстановления в древней южной столице законности и порядка⁶⁰. Текст оракула должен был записан, несомненно, в более позднее время, когда оформление гипостильного зала уже в основном закончилось и на очередь стали работы в переднем дворе храма Хонсу. (Именно поэтому в тексте оракула Херихор наделен званием «царского сына Куша», отсутствующим в надписях гипостилья.) Явно не относясь к 19-му году правления Рамсеса XI, оракул не мог фиксировать и введение новой эры «Повторения рождений».

Невозможно согласиться и с точкой зрения Ю. фон Бекерата, будто бы в оракуле речь идет о легализации задним числом прав Херихора на престол «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов. Ни о каком утверждении Херихора в должности фиванского верховного жреца ни в одной из строк текста оракула нельзя найти даже намек. Напротив, в оракуле Херихор совершенно определено именуется «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов (стк. 2, 17), причем в таковом качестве он изображается без каких-либо оговорок или условий, которые могли бы позволить предположить наличие у Херихора желания добиться от богов высочайшего санкционирования. В гипостильном зале храма Хонсу Херихор также постоянно фигурирует в качестве фиванского верховного жреца в таком контексте, который не допускает каких-либо сомнений относительно полного и всеобщего признания его прав на подобную должность. Поскольку событие, о котором идет речь в оракуле Хонсу и Амуна, произошло после завершения основных работ по внутреннему оформлению гипостильного зала храма Хонсу (об этом свидетельствуют и включение плиты с текстом оракула в северную стену переднего двора храма Хонсу, и наличие у Херихора в то время, когда изготавливался текст оракула, звания «царского сына Куша», не упоминаемого в надписях гипостильного

зала), было бы весьма странным для Херихора стремиться задним числом утвердить божественным авторитетом (а следовательно, в определенной степени и поставить под сомнение) те свои права на верховную жреческую должность, о которой он уже успел громогласно и совершенно недвусмысленно объявить в гипостильном зале храма Хонсу еще до обращения к суду божественного оракула. «Первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, Херихор был и до вынесения Хонсу и Амуном их высочайшего решения, и ровно ничего не подтверждает гипотезу Ю. фон Бекерата, будто бы в тексте оракула Херихор и Рамсес XI (?) пытались придать законную силу подобной фактической ситуации.

Не более оправданна и точка зрения Г. Фехта, что обращение к оракулу Хонсу и Амуна было якобы обусловлено желанием Херихора оправдать свой захват должности наместника Нубии (должности «царского сына Куша»). Как и для выше-рассмотренных толкований основного смысла оракула, для мнения Г. Фехта нельзя найти в анализируемом памятнике текстуального подтверждения. Почему в качестве «царского сына Куша» Херихор не фигурирует в гипостильном зале храма Хонсу (т. е. по времени вскоре после изгнания Панехси из Фив и введения эры «Повторения рождений» в 19-й год царствования Рамсеса XI), сказать со всей определенностью, конечно, невозможно, но, во всяком случае, путь к должности наместника Нубии был открыт перед Херихором уже тогда, когда он, вытеснив из Фив Панехси, оказался в положении его наследника. Переход к Херихору функций и званий Панехси был, в сущности, процессом естественным и неизбежным. Для этого не требовалось какого-то особого божественного санкционирования и потому, конечно, не случайно, что в тексте оракула Хонсу и Амуна ни о чем подобном речь не идет.

Не представляется возможным и согласиться с предположениями Я. Черны, будто бы в оракуле Хонсу и Амуна было зафиксировано «торжественное начало господина над Верхним Египтом и введение эры „Повторения рождений“, а также отражен захват Херихором административных должностей начальника города (Фив) и верхнеегипетского визиря» [168, с. 34]. Ни о том, ни о другом, ни о третьем в сохранившемся тексте оракула не сказано ни слова, и делать на этот счет какие-либо определенные заявления нам кажется все же рискованным, несмотря даже на то что в ряде строк оракула (стк. 6, 8, 10) Херихор действительно что-то просит и на что-то получает божественное одобрение применительно к городу Фивы («резиденции», «твоему городу»).

Трудно признать справедливым и мнение В. Хелка, что в оракуле Хонсу и Амуна провозглашалось восстановление в Фивах господства жрецов после провала попытки Рамсеса XI вернуть себе в древней столице Египта господствующее положение. Подобная гипотеза не подтверждается ни одной строкой текста

оракула, и потому она выглядит скорее навеянной общей концепцией ее автора (в значительной мере априорного характера), чем опирающейся на конкретные данные рассматриваемого документа.

Что же, однако, в действительности имелось в виду, когда в какой-то год царствования Рамсеса XI (уже после завершения основных работ по внутреннему оформлению гипостильного зала храма Хонсу) Херихор обратился с вполне конкретной просьбой к Хонсу и Амуну, просьбой, получившей полное божественное одобрение и утверждение? Как нам представляется, несмотря на исключительную фрагментарность текста оракула, он дает на поставленный вопрос совершенно недвусмысленный ответ: Херихор просил Хонсу и Амуна прежде всего гарантировать ему определенное время жизни. [Как мы помним, если Хонсу обещал Херихору в ответ на его просьбу даровать ему один «год великий» (grpt c;), то Амун щедро увеличил этот небольшой жизненный срок до 20 лет.]

Предоставление Амуну Херихору в тексте оракула дополнительного двадцатилетнего периода жизни может свидетельствовать только о том, что к моменту изречения божественной воли Херихору уже было 90 лет и потому до достижения идеального (с точки зрения древних египтян) возраста в 110 лет ему не хватало 20 лет⁶¹.

Сложнее понять смысл просьбы Херихора даровать ему один год жизни, аттестуемый как «год великий» (стк. 10, 11). Вряд ли следует допускать, что этот год требовался Херихору для совершения государственного переворота — захвата царского престола. (Предположение, соблазнительное для сторонников старой трактовки событий, завершивших эпоху Нового царства.) Если бы Херихор действительно собирался в течение одного года стать фараоном, то, конечно, не для того, чтобы удовлетворить лишь свою давнюю мечту и после этого со спокойной совестью умереть. Как бы ни был слаб Херихор, девяностолетний старец, уж коль скоро он был достаточно честолюбив, чтобы пожелать возложить на свою голову царскую корону, вряд ли он оказался бы к тому же и столь скромным, чтобы не вымолить у Хонсу (для которого как бога все возможно) и какого-то приличного срока для своего царствования. Не больше смысла было бы для Херихора просить у Хонсу всего лишь год (даже «год великий») и для самоутверждения в должностях верховного жреца, «царского сына Куша» или верхнеегипетского визиря. Для подобных целей «сверхскромность» Херихора не мотивировалась бы даже в том случае, если бы он уже лежал на смертном одре. Именно потому, по нашему мнению, в обращенной к Хонсу просьбе Херихора предоставить ему один дополнительный год достоинства, жизни, благополучия, здоровья, добра многочисленного в Фивах («в резиденции — твоём городе») (стк. 8, 11) мог заключаться совершенно иной смысл: Херихор просил один год (по-видимому, находясь в весьма болезнен-

ном и даже угрожающем для жизни состоянии) для свершения того, что могло бы пережить его и оставить память о нем и после его смерти.

Полагаем, что в данном случае Херихор имел в виду окончание строительства храма Хонсу, и прежде всего его переднего двора, к сооружению (или внутренней отделке) которого как раз и собирался приступить верховный фиванский жрец, закончив работы в гипостильном зале. В пользу нашей трактовки основного смысла оракула Хонсу и Амуна свидетельствует, как нам кажется, не только содержание текста оракула, но и следующее соображение; по-видимому, не случайно каменная плита с текстом оракула оказалась помещенной в нижней части северной стены переднего двора храма Хонсу, в том месте, где эта стена вплотную примыкает с востока (справа) к проходу в гипостильный зал (в данном случае речь шла не только о постановке плиты-стелы с текстом оракула на достаточно хорошо просматриваемом участке переднего двора храма Хонсу, но и о помещении ее в таком пункте переднего двора, с которого, возможно, начиналось его сооружение или внутреннее оформление после окончания отделочных работ в гипостильном зале). Сделанный нами сейчас вывод тем более естествен, что просьба Херихора о предоставлении ему дополнительного одного года жизни удивительным образом получает осмысление в расчетах современных исследователей, определяющих время, которое требовалось для завершения работ в переднем дворе храма Хонсу. Ссылаясь на мнение Ч. Ф. Нимса, одного из членов научной экспедиции Восточного института в Чикаго, ряд лет обследовавшей храм Хонсу, Эд. Ф. Венте полагает, что на внутреннюю декорацию переднего двора этого храма мог быть затрачен один год [563, с. 4, примеч. 13], а это, как мы видим, полностью совпадает с просьбой Херихора дать ему один «год великий» дополнительной жизни⁶². С такой довольно скромной просьбой Херихор обратился к Хонсу, конечно, не случайно. Подобная просьба была, естественно, наиболее близка и понятна именно Хонсу, поскольку этот бог, младший член фиванской божественной триады, был наиболее заинтересован в завершении строительства собственного храма.

Задумаемся теперь над тем, как определить, когда было осуществлено обращение Херихора к Хонсу и Амуну. К сожалению, как мы видим, не сохранилась та часть стк. 1 текста оракула, в которой фиксировалась датировка по годам царствования Рамсеса XI. Установить по этой причине, когда Хонсу и Амун обещали Херихору «год великий» и даже еще целое двадцатилетие, весьма затруднительно. Формальные данные, содержащиеся в тексте оракула, позволяют соотносить его со временем и более ранним, чем 2-й год эры «Повторения рождений», и со временем или предшествующим, или совпадающим с 6-м годом новой эры. [В тексте оракула Херихор не назван визирем, хотя занятие им подобной должности не исключается

здесь полностью, коль скоро он аттестуется в качестве начальника города (Фив).] Известно, однако, что во 2-й год эры «Повторения рождений» должность верхнеегипетского визиря занимал еще Небмаатранахт [116, с. 90; 168, с. 34], тогда как в 6-й год верхнеегипетским визирем уже, бесспорно, был Херихор.

Для датировки оракула Хонсу и Амуна решающее значение может иметь сопоставление его с историко-литературным текстом, содержащим изложение «Путешествия Ун-Амуна в Библ» [40]. В самом тексте «Путешествия» Херихор характеризуется в общих чертах: для Ун-Амуна он «мой владыка» [40, стк. 1, 15; 2, 26, с. 27, 30, 120, 127] и «первый жрец Амуна» [40, стк. 1, 52; 2, 61, с. 28, 32, 124, 131]. Казалось бы, то обстоятельство, что Ун-Амун не называет Херихора фараоном, заставляет относить начало его трудного пути к берегам Финикии, во всяком случае, ко времени более раннему, чем период строительства и оформления переднего двора храма Хонсу, в надписях которого Херихор наделен полной царской титулатурой. Но ведь текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» — это только копия, переписанная с официального отчета и подвергшаяся литературной обработке, почему от этого текста нельзя требовать абсолютной точности в использовании должностных наименований [40, с. 16—17]. Напомним к тому же, что «царствование» Херихора было лишь фикцией, тешившей самолюбие фактического властелина Фив. О таком «царствовании» Ун-Амун не мог и не должен был упоминать в своем отчете. С формальной стороны текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» не создает, таким образом, каких-либо препятствий для соотнесения его с любым этапом строительства любой части храма Хонсу. Естественно, его невозможно непосредственно связывать, опираясь лишь на должностные характеристики Херихора, и с тем временем, когда на плите, помещенной в переднем дворе храма Хонсу, был записан ответ оракула. И все же именно текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» является тем документом, который может быть использован для более или менее точной датировки оракула Хонсу и Амуна.

Дело в том, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» содержатся точные хронологические показатели. Так, в стк. 1,1 говорится о том, что Ун-Амун отправился из Фив в «год 5-й, месяц 4-й лета (период шему.— *И. С.*), день 16-й» [40, с. 26, 119], а согласно стк. 1, 8, Ун-Амун отплыл в великое море Сирии в том же 5-м году, в «месяц 1-й лета (период шему.— *И. С.*), день 1-й», пробыв в Танисе до «месяца 4-го лета» [40, с. 26, 119]. Безусловно, в отношении месяцев и дней имеющиеся в тексте «Путешествия» указания противоречат друг другу. (Попытку их согласования предпринял Г. Лефевр [40, с. 36—38; 370, с. 207; 371, с. 97—99].) Однако в отношении точности записи года начала опасных странствований Ун-Амуна («год 5-й») никаких сомнений нет, необходимо лишь установить, к ка-

кой системе датировки этот год следует относить. Между тем именно в данном вопросе между исследователями возникли существенные разногласия.

По мнению Дж. Брэстеда и А. Эрмана, 5-й год, упомянутый в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ», — это 5-й год царствования последнего фараона Рамессиды [137, т. IV, § 557], а согласно точке зрения Эд. Мейера, 5-й год — это год правления Несубанебджеда (Смендеса) [407, с. 497]. Как впоследствии убедительно показал Г. Кеес, под 5-м годом в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» подразумевается 5-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, 23-й год царствования Рамсеса XI [334, с. 3—4]. Немного позднее предложенная Г. Кеесом интерпретация 5-го года из текста «Путешествия» подвергалась критическому разбору в специальном исследовании Ю. фон Бекерата [116, с. 99—100]. Последний, обратив внимание на факт явно неуважительного отношения Ун-Амуна к Рамсесу XI, не упоминаемому в датировке, а также на то обстоятельство, что в тексте «Путешествия» Рамсес XI [или Рамсес IX (?)] пренебрежительно прозывается просто Хаемуасом (без использования картуша) и к тому же человеком (стк. 2, 51—2, 53), а в качестве резиденции фараона указывается не Пер-Рамсес, а Танис, пришел к выводу, согласно которому под 5-м годом текста «Путешествия» нельзя понимать ни 5-й год царствования Рамсеса XI, ни 5-й год эры «Повторения рождений» (23-й год царствования Рамсеса XI), но нужно вслед за Эд. Мейером видеть в этой дате 5-й год правления Несубанебджеда (Смендеса). Тот факт, что в тексте «Путешествия» Несубанебджд не назван фараоном, а его имя не включено в картуш, Ю. фон Бекерат объяснил фиванским происхождением этого текста, отразившего в себе фиванскую концепцию, согласно которой (на это указывал и Г. Кеес) единственным истинным фараоном мог считаться только Амур [116, с. 99—100].

Критические высказывания Ю. фон Бекерата, направленные против вывода Г. Кееса, нельзя, однако, считать обоснованными. Сам Ю. фон Бекерат, солидаризируясь в этом отношении с Г. Кеесом, признал, что текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» пронизан идеями фиванской концепции, объявлявшей создателем и владыкой всего сущего великого бога Амуна-Ра, царя богов (концепция амунократии) [40, с. 34—35, 54; 116, с. 99—100; 334, с. 14]⁶³. Но если, по мнению Ю. фон Бекерата, эта концепция определила отказ Ун-Амуна называть Несубанебджеда фараоном (с включением его имени в текст «Путешествия» в картуш), то на таком же основании она могла обусловить и неуважительное отношение Ун-Амуна к Рамсесу XI, которого он пренебрежительно именовал Хаемуасом (без картуша при его имени в тексте «Путешествия»)⁶⁴ и человеком. Утверждая, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» город Пер-Рамсес якобы переименован в Танис в связи с окончанием династии Рамессидов и воцарением Несубанебджеда,

Ю. фон Бекерат допустил простительную ошибку, повторив вывод А. Гардинера и П. Монтэ, согласно которому Пер-Рамсес и Танис — это два обозначения одного и того же города [254, с. 122—128; 413, с. 59]. Между тем, как мы уже отмечали, в настоящее время установлено, что Пер-Рамсес (древний Аварис) и Танис были совершенно различными и обособленными друг от друга городскими центрами [546, с. 127—151], почему фиксирование в тексте «Путешествия» Таниса (но не Пер-Рамсеса) отнюдь не свидетельствует об окончании правления (ко времени составления этого текста) династии Рамессидов и воцарении Несубанебджеда. Таким образом, заключение Г. Кееса, что упоминаемый в тексте «Путешествия» 5-й год — это 5-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, 23-й год царствования Рамсеса XI, остается непоколебленным⁶⁵.

Итак, позволительно утверждать, что Ун-Амун, «старейшина врат», отправился в Библ за строительным лесом для священной барки Амуна в 5-й год эры «Повторения рождений» (в 23-й год царствования Рамсеса XI). Эта дата в настоящее время прочно установлена, и потому, ориентируясь на нее, можно попытаться определить и дату оракула Хонсу и Амуна.

Как уже отмечалось, на западной (левой) и северной стенах переднего двора храма Хонсу сохранилось изображение процессии членов семьи Херихора (его жены и детей), а также жрецов, принимавших участие в празднестве «опет». Здесь же показаны переносимые жрецами ритуальные священные барки богов фиванской триады, и в том числе та самая барка Амуна, на сооружение которой Ун-Амун должен был привезти древесины из Библа. (Согласно указанию Эд. Ф. Венте, ссылающегося на Ч. Ф. Нимса, в одной из сопроводительных надписей прямо говорится, что Херихор сделал для Амуна новую священную барку к празднику «опет» [563, с. 4, примеч. 13].) Поскольку, по мнению Ч. Ф. Нимса, на внутреннее оформление переднего двора храма Хонсу мог потребоваться один год (или, как считает К. А. Китчен, два года [347, с. 252, примеч. 45]), согласно же расчетам Г. Лефевра, путешествие, которое совершил Ун-Амун в Библ, должно было продлиться, во всяком случае, больше одного года [40, с. 38, 59; 370, с. 219; 371, с. 97—99], весьма реальна перспектива сопоставления друг с другом трех событий: 1) начала путешествия Ун-Амуна в 5-й год эры «Повторения рождений»; 2) завершения строительства переднего двора храма Хонсу (на что потребовались один или два года) и 3) окончания сооружения священной барки Амуна из древесины, доставленной благополучно вернувшимся в Египет Ун-Амуном.

Как нам представляется, все эти события с самого начала были взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку в их основе лежала одна общая побудительная причина: к какому-то конкретному сроку, возможно к празднику «опет», намеченному на определенный год, завершить и внутреннее оформление пе-

реднего двора храма Хонсу, и создание новой ритуальной барки Амуна, на которой культовая статуя последнего могла бы находиться во время торжественного праздничного выхода, приуроченного к окончанию работ в переднем дворе. Есть основания считать, что Херихору удалось осуществить свой замысел: и передний двор храма Хонсу, и новая барка Амуна были сооружены примерно к одному и тому же времени. Но если это так, то тогда и оракул Хонсу и Амуна, основным назначением которого, как мы уже указывали, было гарантировать Херихору время жизни, достаточное для завершения его строительных планов в храме Хонсу, должен был быть намечен и осуществлен где-то в близком временном соседстве с началом работ в переднем дворе храма Хонсу и отправлением Ун-Амуна в Библ за древесиной в 5-й год эры «Повторения рождений» (в 23-й год царствования Рамсеса XI). Учитывая все сложные перипетии путешествия Ун-Амуна, продолжавшегося явно больше одного года [а скорее около двух лет, коль скоро нам неизвестно, сколько месяцев он провел в Алашии (на Кипре), куда забросил его ветер, после того как он покинул финикийский берег], можно думать, что Ун-Амун был отправлен Херихором за древесиной в Библ заблаговременно, по-видимому, еще до начала работ в переднем дворе храма Хонсу, и потому запрос к оракулу Хонсу и Амуна в целях божественного гарантирования благополучного завершения этих работ мог быть сделан, вероятнее всего, где-то вскоре после отплытия Ун-Амуна, в период между 5-м и 6-м годами эры «Повторения рождений» (т. е. между 23-м и 24-м годами царствования Рамсеса XI).

ДОКТРИНА АМУНОКРАТИИ И ХЕРИХОР

Как известно, ярко выраженная «проамуновская» тенденциозность характерна для «Путешествия Ун-Амуна в Библ» — историко-литературного произведения, в котором нашла свое отражение фиванская жреческая религиозно-политическая доктрина, объявлявшая Амуна верховным творцом всего сущего (как в Египте, так и за его пределами) и единственным подлинным владыкой страны (доктрина амунократии). В тексте «Путешествия» доктрина амунократии обнаруживается во многих строках, которые мы сейчас для наглядности приведем: «(1, 3)... В день моего прибытия в Танис, в (1, 4) [местопребывания Несубанеб]деда и Тент-Амун, я дал им указы Амона-Рэ, царя богов, и они (1, 5) приказали, чтобы они были оглашены перед ними. Они сказали: „Сделаю, сделаю, как сказал Амон-Рэ, царь богов, наш владыка“... (1, 14)... (Воистину, что касается этого серебра, оно принадлежит Амону-Рэ, (1, 15) царю богов, владыке обеих земель ...“(2, 19) „Вот гремит Амун в небе, после того как он предоставил Сутеху его время. Ведь Амун (2, 20) создал страны все, он создал их

после того, как он создал страну Египет, откуда ты пришел, раньше всего ...“(2, 23)... нет никакого судна на реке, которое (2, 24) не принадлежало бы Амуну. Ему принадлежит море, ему принадлежит Ливан, о котором ты говоришь: „Мой он“. (Ведь) он служит (2, 25) (лишь) берегом для (ладьи) Усер-Хат-Амун, владычицы [всякого] судна. [Вои]стину так сказал он, именно Амон-Рэ, царь богов, говоря Хери (2, 26) хору, владыке моему: „Пошли меня“. Он приказал, чтобы я отправился с этим великим богом. Ведь смотри (2, 27) ты заставил этого великого бога провести эти 29 дней на причале в твоей гавани — ты не знал, что он здесь? Разве не (тот) он, которым (2, 28) был (раньше)? (А) ты стоишь (здесь); чтобы торговать[ся] из-за Ливана с Амуну, его владыкой!...“(2, 30)... ведь Амон-Рэ, царь богов, (именно) он (2, 31) владыка жизни-здравия; ведь он (также) владыка твоих отцов: они провели время своей жизни, принося жертвы (2, 32) Амуну, ты также раб Амуну. Если ты скажешь Амуну: „Сделаю, сделаю“ — и выполнишь его (2, 33) поручение, ты будешь жить, ты будешь невредим, ты будешь здоров и ты будешь хорош для всей твоей страны и (для) твоих людей. Не пожелай себе (2, 34) чего-либо, принадлежащее Амуну-Рэ, (царю) богов: воистину лев любит свое достоинство. Пусть доставят мне писца, чтобы пос(2, 35)лал я его к Несубанебдеду и Тент-Амун, повелителям (?), которых дал Амун северу своей страны, (2, 36), и они прикажут доставить все...» [40, с. 26, 27, 29, 30, 54, 55].

Совершенно очевидно, что в концепции амунократии, явственно ощущаемой в вышеприведенных строках, четко прослеживаются монотеистические, универалистские, космополитические идеи, издавна присущие фиванскому богословию, воспринявшему тенденции гелиопольского, солнечного монотеизма [85, I, с. 5, 12—13, 28—47, II, с. 44, 62] и превратившему Амуну-Ра, царя богов, «отца» и покровителя воинственных фараонов эпохи Нового царства, истинного вдохновителя их побед за рубежами Египта, в грозного владыку вселенной [85, I, с. 4—5, 15—18, 48—71, II, с. 3—4, 10, 22].

Во множестве религиозных текстов воспеваются всемогущество, универсализм, вездесущность, первичность, исключительность и непостижимость Амуну [85, I, с. 33—39, 52—54, 57—58, 59—60 и др.; II, с. 14—17, 19, 30—32, 35—36 и др.], и, пожалуй, в особенности эти его свойства и качества ярко живописуются в восходящем в своей основе ко времени XVIII династии знаменитом гимне Амуну, записанном при Рамсесе II на папирусе, ныне известном как Лейденский папирус I, 350 [245]. Синкретические, универалистские, монотеистические характеристики Амуну, типичные для фиванских богословских построений эпохи Нового царства прослеживаются здесь очень четко.

Так, в гл. 6 гимна Амун изображается божеством, чья мощь распространяется на все страны, дары которому поступают со всех концов земли.

В гл. 80 подчеркиваются исключительность, непостижимость, единичность и сокровенность Амуна-творца, появившегося ранее всех других богов.

В гл. 90 говорится о царствовании Амуна над миром, который он создал.

В гл. 100 Амун преподносится как бог изначальный и первичный, сотворивший сам себя еще до появления других богов.

В гл. 200 Амун объявляется тождественным Ра творцом всех богов, в том числе и самого Ра.

В гл. 300 дается очень интересная характеристика своеобразной божественной триады, возникшей из слияния образов трех наиболее авторитетных богов Египта — Амуна, Ра, Птаха, триады, основным членом которой провозглашается все же только Амун.

В гл. 400 подробно и реалистично описывается оплодотворяющая способность Амуна. Те же качества Амуна изображаются и в гл. 600.

Формулировки, содержащиеся в Лейденском гимне, как и в других гимнах Амуну, были плодом определенной богословской, жреческой политики, направленной на возвеличение и прославление «своего» центрального фиванского божества, занявшего первенствующее положение в эпоху Нового царства. Чем-либо уникальным подобная политика не отличалась. Она была выдержана в русле монотеистической тенденции, к которой давно прибегало жречество, пожалуй, всех более или менее заметных культов древнего Египта при обработке своих религиозных доктрин в целях обоснования претензий на первенствующую позицию «своего» бога. К подлинному монотеизму это не приводило: множество богов наделялось качествами изначальности, преимущественного всемогущества и универсализма. Фиванский Амун-Ра в принципе в этом смысле был сходен с другими божествами. Нам важно сейчас подчеркнуть следующее: если все религиозные доктрины, подобные, в частности, и той, которая отразилась в Лейденском гимне Амуну, укрепляли в конце концов престиж фараона, «сына» соответствующего бога (или богини), то специфическая форма фиванской доктрины амункратии, в которую последняя откristаллизовалась на заключительном этапе эпохи Нового царства, при Рамсесе XI, в политических целях явно была приспособлена для прямо противоположной задачи — для максимального умаления авторитета земного владыки Египта.

«Материал» для подобного умаления значимости царской власти и весомости божественных качеств ее носителя содержался в фиванской богословской концепции, в сущности, изначально, коль скоро фараон, как «сын» Амуна-Ра, естественно, был подчинен своему «отцу». Во множестве гимнов и славословий Амуну издавна подчеркивалось, что лишь он один возводил своего «сына», фараона, на царский престол и лишь он один определял его победы над всеми супостатами. В жреческих фи-

ванских построениях фараон довольно часто изображался исполнителем воли своего «отца» Амуна, что «сыном» последнего воспринималось как должное. (Умаление «божественности» земного владыки Египта началось еще в эпоху Древнего царства в связи с низведением фараона до положения «сына» гелиопольского бога Ра.) Но как бы ни превозносились преимущества Амуна-Ра по сравнению с его «сыном», фараоном, это в принципе не означало, что авторитет власти и божественности последнего отвергались или ставились под сомнение. Фараон в качестве «сына» Амуна (и других богов и богинь Египта) признавался божеством несколько более низкого (подчиненного) ранга⁶⁶, но все-таки божеством, самым близким к божественной природе своих «родителей», покровительством, помощью и дружеской поддержкой которых он постоянно пользовался. Фараон, хотя и жил жизнью человека, считался частицей божественного мира, к которому он принадлежал «по плоти» своей, его представителем в обществе людей, над которыми он стоял на недостижимой высоте как «бог» и посредник между своими божественными «родителями» и смертными обитателями земли. «Фиванская религия, отстаивая догмат о божественном происхождении фараона, придала ему несколько иное, чем прежде, значение. Представляя собой переходную ступень от человека к богу, фараон является посредником между народом и Амоном... Амон дарует фараону победу над врагом, но, совершая свои завоевания, фараон, в свою очередь, упрочивает могущество бога. Таким образом, отношение между ними основано на отеческом попечении, с одной стороны, и сыновней признательности — с другой» [85, I, с. 17]. Безусловно, по сравнению с Амуном-Ра, царем богов, «фараон мог в эту эпоху почитаться богом лишь в очень условном смысле» [85, I, с. 16]. Но нужно учитывать, что в этом плане фараон мало чем отличался и от других богов мироздания, коль скоро; согласно фиванской религиозной концепции, «все боги теперь вынуждены были склониться перед величием Амона-Ра; наравне с людьми они почитают в нем своего творца и промыслителя» [85, I, с. 16].

В эпоху Нового царства в богословских фиванских доктринах отношения между фараоном и Амуном трактуются в исключительно интимном плане. «Унаследованный от космического культа догмат о богосыновстве фараона получает теперь конкретный смысл постольку, поскольку вся милость и покровительство Амона сосредоточены в эту эпоху преимущественно на фараоне, воплощающем в себе судьбу своего народа. В битве Амон сражался рядом с фараоном, направляя его стрелы и сея ужас среди врагов его, а в мирное время все помыслы фараона поглощены заботой о возвеличении культа Амона» [85, I, с. 63]. Именно эти отношения были отражены в знаменитом призыве Рамсеса II о помощи, обращенном им к своему «отцу» Амуну в критический момент Кадешской битвы, призыве, пока-

зывающем, насколько интимной представлялась в это время близость фараона к его могущественному небесному «родителю».

Все отмеченное нами свидетельствует о том, что действительно присущее фиванской религиозной догме стремление максимально возвеличить Амуна-Ра отнюдь не приводило одновременно ни к отрицанию значимости власти фараона, ни к отрицанию божественности его природы. Последний наш тезис, правда, противоречит взглядам Ж. Позенера [465], однако согласиться с аргументацией и выводами французского исследователя мы не можем⁶⁷.

В краткой рецензии на работу Ж. Позенера, опубликованной еще в 1962 г., Г. Кеес высказал критические соображения, совпадающие с нашими суждениями на затронутую тему. Так, по мнению Г. Кееса, Ж. Позенер, базируясь главным образом на своих литературных изысканиях, «в новейшем очерке стремился опровергнуть или по крайней мере умалить утверждаемую египетской догмой божественность фараона как „великого бога“» [336, с. 476]. Между тем; указывает Г. Кеес, французский исследователь отталкивается от абстрактного образа абсолютно-го, совершенного божества, не свойственного религиозным представлениям древних египтян. Если в сказке о двух братьях, по словам Ж. Позенера, полностью игнорируется «божественность всемогущего фараона», то, подчеркивает Г. Кеес, «то же самое характерно и для царя богов (т. е. Ра.—И. С.), поскольку он (бог Ра.—И. С.) на практике не выступает без помогающей магической силы (таким образом, соответствуя земной модели): персонифицированное „знание“ (sj;) стоит в (текстах) пирамид как знаток божественных книг „справа от Ра“, подобно какому-либо земному тайному советнику, (магу) царей; и все создавший Атум признает: „Мое имя было зачаровано“ и т. п. Таким образом, никто из обоих не был, согласно определению П[озенера], строго говоря, „совершенным божеством“!» [336, с. 477]. Как отмечает Г. Кеес, «литературная критика П[озенера], которая признает за фараоном лишь косвенную божественную силу („его божественность не является оригинальной“, с. 22), сомнительна. По крайней мере для древнейшего Египта животные были все же оригинальными божествами... когда же земной царь призывает защиту богов (с. 27 и сл.), то это находит полную параллель в истории богов, являясь проявлением магического сознания: Ра и враждебная змея, Гор как нуждающийся в защите ребенок, Осирис и „обильный колдовством“ Сетх и т. п. Историк религии вспоминает также о богах греческих земель как о свидетельстве того, что все эти древние религии не признавали последовательное совершенство богов. Для них всех следовало бы, таким образом, применить вывод П[озенера]: „Как далеко от гордого суверена, который обращается к божеству как равный к равному“ (с. 32)» [336, с. 474]. Соглашаясь с тем, что «П[озенер] высту-

пает с достаточным основанием против теоретизирования историков религии (Франкфорта, Якобсона и др.), на которых в первую очередь нацелил свое сочинение П[озенер]» [336, с. 474]. Г. Кеес справедливо замечает: «Но требования, которые он (Ж. Позенер.— *И. С.*) предъявляет к настоящему богу как к „божеству всеобъемлющему“ (с. 37 и сл.), не соответствуют реальному представлению египтян, которые определенной незавершенности как существующему (факту) подчинили мир, включая своих богов и своего царя» [336, с. 474]. Приговор Ж. Позенера, вынесенный им для царя: «Его роль, пассивная и косвенная, радикальным образом отличается от роли божества (с. 37)», по мнению Г. Кееса, «мог бы быть применен с соответствующими изменениями и по отношению ко всем богам в сотворенном богами мире» [336, с. 478]. «Двойственность в божественном фараоне П[озенер] увидел, таким образом, правильно, однако отличие (фараона.— *И. С.*) от египетских богов, вытекающее из идеалистического требования, предъявляемого к божеству, является преувеличенным» [336, с. 478].

По-видимому, не без влияния идей Ж. Позенера и З. Моренц стал вскоре развивать тезис о том, что постепенное умаление (в суждениях древних египтян) божественности фараона привело в итоге к следующему: последний вообще перестал восприниматься в качестве бога какого-либо достоинства, превратившись в глазах своих подданных в простого получателя божественных приказов, как некий, отделенный от божественного мира «образ», «отражение» (*Bild, Abbild*) абстрактной, трансцендентной божественной сущности [422, с. 34, 36, 43, 47—49, 53—54, 58—60, 62—63, 73, 97, 138; 423, с. 7, 13, 15—16, 18—19, 21—26, 28—30, 34—39, 47—48].

С подобным выводом З. Моренца нам трудно согласиться, поскольку он, как мы полагаем, излишне абсолютизирует значимость одной определенной тенденции в развитии древнеегипетских религиозных представлений. В богословских, жреческих построениях о божестве, особенно позднего времени, действительно отразилась тенденция к пониманию божества как некоей извечной, исключительной, безначальной, вездесущей, универсальной, непостижимой, абстрактной и трансцендентной силы.

В одном гимне Амуну действительно утверждается: «Дух твой на небе, чтобы возвысить твоё сияние. Тело твоё в преисподней, дабы скрыть твою сущность. Статуя твоё на земле, её восхваляется и прославляется имя твоё» [85, II, с. 40]. Это может свидетельствовать о наличии у автора гимна представления о вездесущности и, следовательно, абстрактности, трансцендентности природы божества. Однако нельзя забывать, что тенденция, о которой мы сейчас говорили, была непоследовательной и эклектичной. В значительной мере она была плодом ученой, жреческой схоластики, доступной лишь немногим, избранным. Подобная тенденция не была усвоена и воспринята массовым религиозным сознанием, и, во всяком случае, она

не могла уничтожить то очень древнее, несколько примитивное и наивное представление о фараоне — божестве, «сыне» божественных «родителей», которое, имея явно политический оттенок и потому пропагандируясь, пережило тысячелетия фараоновского периода древнеегипетской истории и, мирно сосуществуя с различными утонченными схоластическими, теоретическими изысканиями, показало свою жизненность и во времена Птолемея и римских цезарей.

Итак, мы полагаем, что, чем больше прославлялся Амун-Ра, тем, в сущности, выше поднимался авторитет и его «сына» — земного властелина. Если же в фиванской доктрине амунократии, которую стали пропагандировать во времена Рамсеса XI, Херихора и его наследника Пианха, мы сталкиваемся с чем-то совершенно иным, то для этого, конечно, требовалось воздействие определенных факторов. К рассмотрению этих факторов мы и перейдем.

Мы уже обращали внимание на то, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» фараон, все еще считавшийся главой Египта, скорее всего фараон Рамсес XI, упоминается как-то вскользь, только под своим «Горovým» именем Хаемуаса⁶⁸.

Конечно, это не случайность для памятника, написанного с позиций доктрины амунократии. И все же некоторая специфичность тех строк «Путешествия», в которых упоминается Хаемуас, не может не привлечь пристальное внимание. Дело в том, что в них пренебрежительное отношение Ун-Амуна к Хаемуасу (фараону) выражено в очень уж сильной и откровенной форме.

Ведя не слишком дружественную беседу с Ун-Амуном, правитель Библи Чакар-Баал говорит: «(2, 50) „Не ходи смотреть на ужас моря: если ты будешь созерцать ужас моря, то уз(2, 51)ришь и мой собственный. Воистину я не сделал тебе того, что сделали с посланцами Хаемуаса, когда они провели 17 лет (2, 52) в этой стране: они умерли (в) своих местах (заключения?)“». Он сказал своему кравчему: „Возьми его, пусть он увидит их могилы, в которых они покоятся“».

Возражая Чакар-Баалу, Ун-Амун отвечал: «Не принуждай, чтобы я увидел это. Что же касается Хаемуаса, то люди те, которых он послал тебе в качестве посланцев, ведь он (только) человек (2, 54) сам⁶⁹. Ты не имеешь (здесь перед тобой) одного из его посланцев...» [40, с. 31, 130].

Сделанное Ун-Амуном утверждение, что Хаемуас (т. е. фараон) всего лишь человек, выглядит, как нам представляется, слишком резким и кощунственным даже в свете фиванской доктрины о господстве над всем миром Амуна-Ра — единственного подлинного властителя Египта⁷⁰. Для подобного утверждения требовалось воздействие вполне определенных, прежде всего политических, причин, учитывать которые в данном случае, по нашему мнению, совершенно необходимо⁷¹.

Нужно помнить, что Херихор домогался царской власти (и

даже объявил себя фараоном в некоторых текстах и записях) при жизни и в годы царствования так и не низложенного им Рамсеса XI и потому ему было выгодно всячески отрицать наличие каких-либо особых преимуществ, и прежде всего, естественно, божественных качеств, у того фараона, правление которого он пытался игнорировать.

В противовес традиционному и, во всяком случае, массовому представлению о божественном величии фараона, «сына» всех богов и богинь мироздания, Херихору было выгодно поддерживать другой тезис — о верховном владычестве Амуна и о праве на земное царствование в Египте только того, кто был особенно близок к Амуну не просто как его «сын» (таким издавна считался каждый фараон), но главным образом как его верховный жрец. Иными словами, для Херихора политически целесообразно было утверждать, что не каждый фараон имеет право на царствование; даже будучи сыном Амуна (и других богов и богинь), фараон остается просто человеком, не обладающим какими-либо особыми преимуществами, если при этом он к тому же не является «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов; только такой фараон, «сын» Амуна (и других богов и богинь), достоин престола, который одновременно выполняет функции верховного жреца Амуна⁷².

В двух основных, явно необычных царских, заключенных в текстах в картуши именах Херихора отразилась, по нашему мнению, именно такая точка зрения. В самом деле, если в одном имени Херихор называется «сыном Амуна» («Сын Амуна Херихор»), то в другом он провозглашает себя верховным фиванским жрецом («Первый жрец Амуна»). Таким образом, получается, что, как истинный фараон, Херихор не просто «сын» Амуна, но он к тому же и «первый жрец» последнего, именно это и дает Херихору право (хотя бы только в стенах переднего двора храма Хонсу и в заупокойных текстах, принадлежавших его жене) игнорировать царствующего Рамсеса XI — всего лишь «сына» Амуна, но не его «первого жреца».

Высказанное суждение, полагаем, хорошо объясняет как политический смысл отрицания Ун-Амуном (по-видимому, солидарным в этом отношении с Херихором, его господином) божественности Хаемуаса (Рамсеса XI), так и ту причину, которая заставляла и самого Херихора, и его современника Несубанебджеда (Смендеса), и преемников их обоих обзавестись жреческим званием «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов: если традиционная доктрина о божественной природе фараона несостоятельна и фараон, даже будучи «сыном» Амуна (и других богов и богинь Египта), всего лишь человек, то тогда только наличие титула верховного жреца Амуна-Ра является наиболее веским основанием для обладания царским престолом. Занимая этот престол, фараон — верховный жрец Амуна-Ра правит как бы от имени и по поручению своего божественного «отца» — единственного и полного властителя Египта. Херихору необхо-

димо было отрицать божественную сущность Рамсеса XI, ибо только таким способом, так и не низложив последнего Рамесса, он мог (правда, полулегально) заявить о своем желании стать «настоящим» фараоном, ничуть не менее законным, чем тот все еще правивший Рамсес XI, которого он «лишил» его основного преимущества — его божественности⁷³.

Все сказанное нами сейчас определяет отношение к Рамсесу XI как Херихора, так и его наследника Пианха, в правление которого была осуществлена запись «Путешествия Ун-Амуна в Библ».

Дошедший до нашего времени текст (единственный) «Путешествия» является скорее всего копией с первоначального официального отчета Ун-Амуна. Само «Путешествие», как нам известно, началось в 5-й год эры «Повторения рождений», а длилось оно, во всяком случае, больше одного года. Иными словами, Ун-Амун вернулся в Египет где-то в самом конце 6-го или даже в 7-й год эры «Повторения рождений». Между тем в 7-й год этой эры (в 25-й год царствования Рамсеса XI) Херихор умер, и, таким образом, и первоначальный отчет Ун-Амуна, и тем более литературно обработанная его копия скорее всего должны были быть составленными, записанными и переписанными уже после смерти Херихора, в годы правления в Фивах Пианха.

О Пианхе известно немного. Если он унаследовал от своего предшественника жреческий титул фиванского «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, то на царский титул Херихора он претендовать не отважился. В отличие от Херихора и своего сына Пиноджема I Пианх нигде и никогда не называет себя фараоном. Вряд ли это случилось из-за природной скромности наследника Херихора. Скорее здесь следует предполагать противодействие если не со стороны самого достаточно безвластного Рамсеса XI, то со стороны тех, кто стоял за спиной последнего Рамесса, возможно, что таким противником Пианха оказался правитель Нижнего Египта Несубанебджед. Как бы там ни было, враждебное отношение Пианха к Рамсесу XI могло найти дополнительный стимул в неспособности Пианха довести до победного конца то дело, которому были отданы честолюбивые помыслы Херихора. Враждебное отношение Пианха к Рамсесу XI было совершенно естественно и оправданно, и мы в источниках действительно находим об этом свидетельства. Так, в одном из своих писем (Pap. Berlin, № 10487) Пианх, упоминая Рамсеса XI, выражается о нем в весьма пренебрежительном и даже оскорбительном для царствующего фараона тоне: «Что касается фараона, ж.н.з., то как достигнет он этой земли? И над кем фараон, ж.н.з., еще главенствует?» [171, № 21; 563, № 21]. При таком отношении к Рамсесу XI неудивительно, если дошедший до нас текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ», записанный скорее всего уже во времена Пианха, получил направленность сугубо антирамессидовскую. Все это вно-

сит дополнительный штрих в сделанный ранее вывод о политической подоплеке резкого и категорического отрицания божественного достоинства Хаемуаса (Рамсеса XI) в тексте «Путешествия».

Подводя же общий итог нашим рассуждениям, можно отметить следующее: давно развивавшаяся фиванская религиозная и политическая доктрина, провозглашавшая господство над миром Амуна-Ра, царя богов, единственного подлинного властелина Египта (доктрина амунократии), получила особую остроту и антирамессидовскую направленность при Херихоре и Пианхе потому, что Херихор и его преемник рвались к царскому престолу в годы жизни и правления Рамсеса XI — того фараона, которого ни отстранить от верховной власти, ни пережить они так и не смогли⁷⁴

ЭХНАТОН — РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕФОРМАТОР И ПОЛИТИК (К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ)

В предыдущих частях работы мы старались показать, что Херихор и Пианх использовали религию в политической борьбе за власть в качестве средства для умаления авторитета фараона. С противоположной целью использовал религию Эхнатон.

Фараон Аменхотеп IV (Эхнатон) как личность, как политический деятель, как религиозный реформатор и мыслитель уже давно по-разному оценивается исследователями. В нем видят и первого известного в истории выдающегося политика, и религиозного фанатика, и мечтателя-идеалиста, и жестокого, расчетливого правителя-деспота. По мнению Я. Черны, например, «не похоже, чтобы он (Эхнатон.— И. С.) был человеком, чьи идеи были инспирированы практическими политическими нуждами; напротив, он кажется скорее побужденным чисто религиозным фанатизмом» [167, с. 65]. Согласно утверждению Ю. Я. Перепелкина, деятельность Эхнатона отражала попытку «новой служилой знати... полностью отеснить потомственную знать от власти и источников богатства. Во главе этого движения стоял сам Аменхотеп IV, стремившийся к укреплению своей власти посредством ослабления потомственной, в том числе жреческой, знати» [29, с. 348]. Сходных взглядов об Эхнатоне (ставших общепринятыми в советской историографии) придерживаются и некоторые зарубежные авторы, в частности Дж. А. Вильсон, писавший: «Этот фараон (т. е. Эхнатон.— И. С.) был вынужден найти новых гражданских слуг среди тех, кто был недавно обогащен государством, но не отличался консерватизмом, обусловленным узаконенными преимуществами и традициями» [569, с. 207]. Согласно точке зрения Г. Кееса, реальной опорой власти Эхнатона было войско [338, с. 75, 84, 88—89]. С мнением Г. Кееса был согласен и Дж. А. Вильсон, заявивший: «Войско, как кажется, находилось на стороне фараона» [569, с. 207].

Литература об Эхнатоне огромна, и высказанных о нем суждений имеется множество. В нашу задачу сейчас не входит подробный анализ всех сторон действительно исключительно

яркой, своеобразной и впечатляющей реформаторской деятельности сына Аменхотепа III, впервые в мировой истории сформулировавшего принципы монотеистической религии, основанной на почитании солнечного диска — Атона [97, с. 260]. Нас в данный момент интересует только политический аспект реформы Эхнатона, и в этом плане нам бы хотелось остановиться на рассмотрении обусловивших ее факторов.

Согласно уже давно утвердившейся в советской египтологии точке зрения в основе деятельности Эхнатона лежало его стремление укрепить свою деспотическую власть путем подрыва влияния потомственной знати, тесно связанной с многочисленными местными культами, и прежде всего с культом фиванского Амуна-Ра, царя богов. Мы уже приводили высказывание Ю. Я. Перепелкина, крупнейшего знатока всего имеющего отношение к эпохе амарны, о том, что Эхнатон опирался на новую служилую знать, заинтересованную «полностью оттеснить потомственную знать от власти и источников богатства» [29, с. 348].

Нужно, однако, иметь в виду, что действительно, сделав своей опорой «новую служилую знать», возвеличивая так называемых «немху», или «сирот», Эхнатон тем не менее не боролся со старой потомственной знатью как с некоей консервативной силой, принципиально отличавшейся от знати новой. Само собой разумеется, Эхнатон не преследовал каких-либо «демократических» целей, и ни о каком его союзе с простыми египтянами говорить не приходится. В ряде случаев к тому же, как полагает С. Олдред, «эхнатоновские „новые люди“ были явно „старыми людьми“». Свидетельства, которые существуют, указывают на то, что эхнатоновские „простые люди“ были сыновьями своих чиновных отцов. По их утверждению, они были выдвинуты царем с целью польстить ему в соответствии с древним обычаем, однако это было не более чем вежливой признательностью за то, что он назначил их на их должности¹. В Египте в четырнадцатом столетии до Р.Х. число образованных лиц, способных обслуживать развитую бюрократическую административную машину, составляло исключительно небольшой процент населения, и было бы невозможно найти для них заместителей, если бы они все были устранены. Войско было в таком же большом почете при Эхнатоне, как и в дни его предшественников» [97, с. 259].

Среди объективных факторов, определявших внутреннюю политику Эхнатона, нельзя обнаружить элементы борьбы между «консервативными» и «прогрессивными» тенденциями общественного развития. В частности, в религиозной сфере Эхнатон проводил борьбу со жречеством не потому, что оно было выразителем каких-то специфических, постоянно враждебных царской власти консервативных принципов, но прежде всего потому, что жречество было особой категорией влиятельного государственного чиновничества, по определенным мотивам не-

угодного фараону-реформатору. В данном случае мы полностью согласны с мнением С. Олдред: «Идея о разделении функций между жречеством и администрацией является в действительности современной концепцией, а в Египте времени Нового царства эти два аспекта государственного управления были столь же неразрывно связаны, как и всегда. Все верховные жрецы в различных храмах Египта были всего лишь заместителями царя, и превосходство его позиции обнаруживается в той легкости, с которой Эхнатон оказался в состоянии довести богатое жречество Амуна до полной беспомощности и рассеять его за очень короткое время. Последующее объявление вне закона амарнских царей было декретировано не жрецами, хотя последние с радостью присоединились к низвержению еретика, но фараонами XIX династии, преследовавшими цель собственной легитимизации» [97, с. 258].

Во внутренней политике Эхнатона мы сталкиваемся с явлением совершенно особого порядка, впрочем весьма характерным для деспотических обществ с громоздкой, бюрократической структурой государственного управления. В подобных обществах — а к их числу, несомненно, может быть отнесен и древний Египет времени Эхнатона — административная машина государства, насчитывающая в своем составе огромное число чиновников различного ранга, способна в определенных обстоятельствах приобретать как бы самостоятельное положение не только по отношению к народу, над которым она возвышается как некая исполинская гора, но и по отношению к своему создателю и руководителю. Чрезмерно усилившись, эта административная машина начинает со временем оказывать воздействие и на того деспота, интересы которого она должна защищать. Возникает возможность «конфликта» между деспотом и его же собственной администрацией, «конфликта», который допускает разрешение в ту или иную сторону, но обычно заканчивается в пользу верховного суверена, причем в последнем случае естественно использование самых крайних, жестоких, варварских мер с целью подавления и приведения к покорности строптивых слуг деспота.

Наиболее простым способом воздействия в подобных ситуациях на строптивых чиновников является замена их «новыми людьми», принципиально ничем не отличающимися от «старых», но зато всецело покорными выдвинувшему их владыке. Происходит своеобразная «чистка» административного аппарата, в ходе которой «старые», «укоренившиеся» на своих должностях и ставшие строптивыми чиновники заменяются «новыми», послушными функционерами, готовыми беспрекословно выполнять приказы своего господина. Ничего принципиально нового (тем более прогрессивного или демократического) в подобных административных «революциях» не проявляется и не может проявиться, поскольку так называемые «новые» администраторы со временем полностью уподобляются своим предшественникам, а вся

государственная система остается без изменений. В итоге «неизбежно» примирение «новых» деятелей со «старыми», и все общество в целом после какого-то периода резкой встряски продолжает идти старым путем до очередного административного «взрыва», организуемого деспотом, подбирающим для себя более преданных слуг.

Все это нам представляется весьма характерным для государственных образований, главу которых «ограничивала» лишь временами проявляющаяся строптивость (пусть даже робко выраженная) его же собственных слуг. Думается, что и в социальной основе «конфликта», потрясшего древнеегипетское общество при Эхнатоне, лежали те же факторы, почему и ход этого «конфликта» в целом соответствовал вышесказанному. Как писал С. Олдред, «с восстановлением старой государственной машины не могло произойти ничего иного, кроме возвращения к прежнему состоянию. Царские чиновники стали взыточниками и вымогателями как представители чрезмерно большой власти» [97, с. 259].

То, о чем шла речь выше, отвечало на вопрос о характере тех объективных факторов, которые определяли заинтересованность Эхнатона в проведении его реформы, отвечало на вопрос об объективном содержании его внутренней («социальной») политики. Не следует, однако, не замечать в действиях Эхнатона стимулирующее влияние и факторов субъективных, знание которых облегчает понимание того, почему именно Эхнатон решился и смог осуществить свою религиозную реформу.

Не отрицая личных, несомненно, выдающихся качеств Эхнатона, не ставя под сомнение его энергию, твердость, искренность его религиозных убеждений и высокий интеллект, нам бы хотелось обратить внимание на некоторые обстоятельства его происхождения и частной, семейной жизни, способные, как нам представляется, прояснить его особую «подготовленность» к деятельности реформатора.

Не будет, по нашему мнению, преувеличением сказать, что специфический психологический «настрой» Эхнатона, стимулировавший его реформаторскую активность, мог создаваться определенной необычностью, нетрадиционностью матримониальных связей как его самого, так и его ближайшего предшественника на престоле фараонов. Вопрос о том, как конструируется семья верховного правителя, каковы ее генетические корни, нельзя считать праздным и несущественным в тех случаях, когда имеется в виду общественная система, подчиненная строгим, освященным временем нормам организации, учитывать которые вынужден даже венчающий эту систему деспот. По этой причине нельзя не считаться с реальностью такой ситуации, когда именно из-за семейных взаимоотношений верховного властелина может вызревать конфликт между ним и подчиненной ему высшей знатью, конфликт, который обычно бывает тесно связан с возрастанiem элементов деспотизма во всей государственной си-

стеме. Последнее естественно, коль скоро разрешение этого конфликта в пользу верховного правителя требует его вознесения на недостижимую высоту над всей контролируемой им государственной машиной, требует его максимального возвеличения, с тем чтобы он мог противопоставить всем правилам «приличия» свою совершенно ни с чем не считающуюся волю².

Никто, конечно, не станет утверждать, что лишь сложность разрешения семейной проблемы вызвала у Эхнатона неприязнь к ревнителям традиции. Для этой неприязни, несомненно, существовали и другие причины, прежде всего желание освободиться от обременительного воздействия особо влиятельного старого столичного чиновничества, тесно связанного с идеологически и экономически могущественным культом Амуна-Ра, а также, может быть, расхождения в вопросах внешней политики между фараоном и столичной знатью, обусловленные заинтересованностью Эхнатона в поддержке войска, расквартированного в северных районах страны, преимущественно в Дельте. (Это обстоятельство могло, в частности, явиться стимулом для наблюдавшегося со времени Тутмоса IV поднятия авторитета северных религиозных культов³.)

Вероятно, существовали и какие-то иные, неизвестные нам причины, постепенно подготовившие тот конфликт между фараоном и старой столичной знатью, который определил реформаторскую деятельность Эхнатона. Все это, однако, не исключает возможности воздействия на вызревание этого конфликта и факторов матримониального свойства⁴, коль скоро царственные семьи Эхнатона и его отца Аменхотепа III с точки зрения традиционных норм отличались явным своеобразием⁵.

Так, Аменхотеп III, будучи сыном Тутмоса IV от неглавной жены Мутемуи [306, с. 165], для упрочения своих прав на престол вопреки традиции не женился на какой-либо из своих сводных сестер-наследниц, а предпочел сделать своей старшей женой Тейю — женщину явно незнатного происхождения, вызвав тем самым недовольство в определенных, консервативно настроенных кругах [306, с. 167]. Рожденный от не вполне достойного брака с Тейей его сын Аменхотеп IV (Эхнатон) также отказался сделать своей главной женой сводную сестру Сатамун (т. е. Дочь Амуна), прочившуюся ему в супруги и уже получившую почетный титул «царская жена» [306, с. 170], а выбрал столь прославленную в наши дни Нефертити — женщину хотя и очень красивую, но с сомнительной родословной, относительно происхождения которой до сих пор нет единого мнения.

И Аменхотеп III и Аменхотеп IV (Эхнатон)⁶ в выборе своих главных жен шли на разрыв с многовековой традицией, ставя тем самым свои царственные семьи в особое, не совсем легитимное положение в той государственной системе, которую они возглавляли. В свою очередь, новые родственники Аменхотепа III и его сына должны были ощущать зависть и неприязнь со стороны ревнителей ортодоксальных принципов, и потому

они были заинтересованы в максимальном возвеличивании царской власти, с тем чтобы последняя могла «вознестись» над освященными временем требованиями «приличия». (Не случайно, несомненно, именно жены и новые, незнатные родственники Аменхотепа III и Эхнатона сыграли исключительно активную роль в реформационном движении.)

Как известно, главная, старшая жена Аменхотепа III и мать Эхнатона, царица Тейя, была дочерью незнатных родителей. Ее отец, некто Иуйя, рядовой начальник отряда колесниц и провинциальный ахмимский жрец бога Мина, по-видимому, лишь в силу своих родственных связей с фараоном возвысился со временем до высокого придворного положения, характеризуемого громкими титулами, в том числе званием начальника лошадей (царя) и «отца бога» (т. е. в данном случае «тестя» бога — фараона Аменхотепа III). Не исключено, что Иуйя, хотя бы отчасти, был человеком сирийской крови, на это как будто указывает и необычное (для египтянина) звучание его имени [97, с. 44; 99, с. 30—31; 191, с. 1—2]. Мать царицы Тейи, носившая имя «Туйя», также скорее всего лишь благодаря своему высокому родству получила почетное звание «старшей гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов». Иуйя и Туйя в большом почете дожили до глубокой старости и были захоронены в Долине царей, в западной части Фив, где их гробницу в начале нашего столетия обнаружил Т. Девис [192].

Происхождение Иуйи и Туйи до сих пор остается неясным. Если в Иуйе исследователи видят сирийца или полусирийца⁷, то мумия Туйи свидетельствует о том, что она была типичной египтянкой [97, с. 44]. В то же время дочь Иуйи и Туйи — царица Тейя, если судить по эбеновой головке Берлинского музея, обладала негроидными чертами лица. Еще более интригующими являются генетические связи ближайшего сподвижника Эхнатона, его наставника и воспитателя, позднее временщика при юном Тутанхамоне и будущего фараона Эйи [507, с. 168 и сл.]. Последняя личность, несомненно, весьма примечательна. Один из вдохновителей реформаторской деятельности Эхнатона и ярый почитатель культа Атона⁸, Эйя же в конце концов возглавил контрреформацию и восстановление старого многобожия (что, впрочем, не избавило его от последующего проклятия и забвения).

Заслуживает особого внимания уже давно замеченная близость Эйи к отцу царицы Тейи — Иуйе. Эта близость проявляется и в созвучии необычных имен (Эйя и Иуйя), и в том факте, что жена Эйи, как и жена Аменхотепа III, носила имя Тейя, и в совпадении титулов Эйи и Иуйи. Так, подобно Иуйе, Эйя носил почетное звание «отца бога»; если Иуйя был начальником лошадей, то Эйя имел титул начальника всех лошадей его величества; если Иуйя был жрецом Мина в Ахмиме, то и Эйя, уже став царем, воздвиг в Ахмиме святилище и оставил длинную надпись; если известная нам жена Иуйи — Туйя была ма-

терью царицы Тейи, то и жена Эйи, также называвшаяся Тейей, была кормилицей (а скорее всего и мачехой) царицы Нефертити. Перечисленные сейчас признаки сходства Иуйи с Эйей столь очевидны, что П. Е. Ньюберри высказал даже предположение о тождестве этой пары носителей столь своеобразных имен — допущение, по мнению А. Гардинера, если не с фонетической, то с исторической точки зрения совершенно несостоятельное [242, с. 239—240]⁹.

В настоящее время все большее признание у исследователей получает мнение, согласно которому Эйя был сыном Иуйи и, следовательно, братом царицы Тейи и родным дядей Эхнатона, которого он с детских лет воспитывал как «отец бога» (т. е. сначала в качестве «наставника», «воспитателя», а позднее скорее всего как «тесть» «бога» Эхнатона). О наибольшей вероятности именно такого разрешения загадки происхождения и родственных взаимоотношений Эйи писали, например: В. С. Хейс [301, т. 2, с. 1202], С. Олдред [97, с. 90; 98, с. 17; 99, с. 35], А. Гардинер [242, с. 240], Л. Коттрел [164, с. 88], С. Силверберг [525, с. 48], М. Э. Матье [47, с. 95]. Думается, что подобная гипотеза наилучшим образом согласуется со всеми известными данными об Эйе.

Как отмечает А. Гардинер, эта гипотеза позволяет убедительно объяснить и тождество многих титулов Иуйи и Эйи, и их обоюдную связь с Ахмимом, и всю историческую ситуацию амарнского времени, для которого была характерна исключительная близость Эйи к Эхнатону и его семье. К сожалению, документально, в текстах надписей, оставленных как Эйей, так и Иуйей, их родство непосредственно нигде не подтверждено. Но, может быть, Эйя не считал полезным для себя афишировать свое незнатное происхождение, коль скоро он достиг исключительно высокого положения при дворе как «отец бога», т. е. «наставник», «воспитатель» (и, по-видимому, «тесть») Эхнатона? Иуйя же так и не назвал своим сыном Эйю, возможно, потому, что Эйя родился не от брака с Туйей, от которой у Иуйи была дочь — будущая царица Тейя, супруга Аменхотепа III и мать Эхнатона, сослаться на родительскую связь с которой для Иуйи (как и для его жены Туйи) было наиболее желательно и почетно. (Иуйя и Туйя кроме дочери, царицы Тейи, имели еще сына Онена — «первого жреца» святилища Рав Карнаке, «второго жреца» Амуна [99, с. 32]). Как сын Иуйи, но, по-видимому, не Туйи, Эйя в известном смысле выходил за пределы семьи, которая больше всего гордилась тем, что их дочь Тейя стала главной женой Аменхотепа III, и потому Иуйя мог, дабы не нарушать «ясности» своего семейного положения в качестве отца царицы Тейи и супруга ее матери Туйи, не называть Эйю (побочного ребенка) своим сыном. Вполне объяснимо, почему и царица Тейя не называла Эйю своим братом: для нее, супруги фараона, о таком родстве напоминать было невыгодно. Сам же Эйя, как хитрый политик, возможно, предпочи-

тал не свидетельствовать о своей кровной близости к Тейе, которую подобное родство должно было компрометировать.

Гипотеза о сыновней связи Эйи с Иуйей остается на сегодняшний день наиболее вероятной догадкой, помогающей понять особенности структуры семьи Эхнатона. Привлекательность этой гипотезы возрастает, поскольку она разъясняет и характер особо сердечных взаимоотношений Эхнатона и Нефертити. Как известно, о родословной красавицы Нефертити¹⁰ было высказано множество предположений. В ней видели сводную сестру Эхнатона — дочь Аменхотепа III от одной из его жен [507, с. 171]. Пытались объявить Нефертити и митаннийской царевной, отождествляя ее с Тадухипой — женой Аменхотепа III, доставшейся Эхнату вместе с гаремом его отца [164, с. 88; 558, с. 49]. Не исключалось и то, что Нефертити была племянницей Аменхотепа III — дочерью его сестры [47, с. 69—70].

В настоящее время кровное родство между Нефертити и Эхнатоном признается большинством исследователей. Как пишет, в частности, Ю. Я. Перепелкин, «жена Аменхотпа IV была его близкой родственницей, хотя и не дочерью фараона. Когда еще не были выяснены отличительные признаки голов Аменхотпа IV и Нефр-эт (т. е. Нефертити.— *И. С.*), их нередко путали. Иногда их путают и сейчас — сорок пять лет спустя после того, как Х. Шэфер установил главнейшие различия. Удивляться тому, впрочем, не приходится, так как сходство действительно велико. У обоих утонченные, худошабые лица с тяжелыми веками и нежно очерченными носами, черепа с выступающими затылками, длинные, тонкие шеи... Вглядевшись в изображение Аменхотпа IV и Нефр-эт, трудно не признать их родственниками, и притом близкими» [61, с. 43]. Близость эта, по мнению Ю. Я. Перепелкина, не проистекала от кровной принадлежности Нефертити к правящей династии фараонов. Нефертити не была дочерью Аменхотепа III (и сводной сестрой Эхнатона), поскольку и сестра Нефертити Бенремут нигде и никогда не называет Аменхотепа III своим отцом. (Можно допустить, что для Нефертити в качестве главной жены Эхнатона и царицы ссылаться на свое происхождение от Аменхотепа III было не обязательно.) «Будь эта причудница (т. е. Бенремут.— *И. С.*), — пишет Ю. Я. Перепелкин, — дочерью Аменхотепа III, ее бы не преминули величать „дочерью царицы“, как величали при солнцепоклонническом дворе дочь покойного фараона и царицы Тейи — Бок-йот. Данная же особа именуется всего лишь „сестрою жены царицы великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт-живи она вечно вековечно — Бенремут“. И так ее зовут памятники во всех случаях, когда она на них поименована. Близкая родственница Аменхотпа IV, но все же не сестра, царица Нефр-эт была обязана своим совершенно необыкновенным положением рядом с царем-солнцепоклонником не столько происхождению, сколько их личным взаимоотношениям» [59, с. 18; 61, с. 45].

Как видим, Ю. Я. Перепелкин, с одной стороны, признает близкое, кровное родство Эхнатона и Нефертити, но, с другой стороны, никак не уточняет характера этого родства.

Между тем во многих работах, вышедших в последние годы, аргументируется мнение, высказанное еще Л. Борхардтом, о том, что Нефертити была побочной дочерью Эйи, брата царицы Тейи, и двоюродной сестрой Эхнатона. Что же касается известной нам жены Эйи, также носившей имя Тейя, то она была не только кормилицей Нефертити (о чем сообщают наши источники), но и мачехой, воспитавшей Нефертити после смерти ее матери (первой жены Эйи, может быть, одной из митаннийек, сопровождавших митаннийскую царевну, ставшую женой Аменхотепа III [97, с. 90—92; 98, с. 17, 19—20; 99, с. 37—39; 301, т. 2, с. 202; 558, с. 49]).

Мачеха и кормилица Нефертити Тейя вырастила будущую царицу, супругу Эхнатона, вместе со своей родной дочерью (от Эйи) Мутнеджемт (младшей сводной сестрой Нефертити), ставшей впоследствии женой фараона Хoremхеба [99, с. 39].

Итак, мы склонны присоединиться к высказанному многими исследователями заключению, что Эхнатон и Нефертити, двоюродные брат и сестра, близкие родственники со стороны семьи царицы Тейи (и ее отца Иуйи), с детских лет росли и воспитывались под большим влиянием брата царицы Эйи (дяди Эхнатона) и его жены Тейи (кормилицы и мачехи Нефертити). Дружба и любовь, утвердившиеся между детьми, один из которых был наследником престола, определили их отношения на долгие годы. Как жена Эхнатона и царица, Нефертити из соображений этикета не должна была упоминать о своем «худородном» отце Эйе (тем более это было неуместно отмечать другим лицам). Эхнатон также не считал нужным где-либо зафиксировать этот факт, а Эйя воздержался от ссылок на обстоятельство, хотя и лестное для него, но не совсем удобное для царственной четы.

Многое из сказанного выше, конечно, лежит в сфере предположений. Однако беспочвенными эти предположения считать нельзя. Принятые нами гипотетичные выводы, сформулированные в современной египтологической литературе, посвященной Эхнатону и его времени, как мы полагаем, наилучшим образом объясняют и согласуют друг с другом все известные науке факты, и, как думается, достоверность этих фактов и соответствие их действительности весьма велики. Главное, что нам хотелось бы сейчас подчеркнуть, это несомненную специфичность царственных семей Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV, будущего Эхнатона, в известном смысле слова «образований», чужеродных той высшей знати, которая окружала царский двор. Возможно, именно в семье царицы Тейи, ее брата Эйи и их детей — Эхнатона и Нефертити, в семье, члены которой, ощущая свою отчужденность и изоляцию, были тесно сплочены друг с другом¹¹, и могла укорениться потребность в реформе, которая

в религиозном и политическом плане узаконила бы положение, в сущности, царственных *paugvenis*¹². Неудивительно, если в подобных обстоятельствах у членов этой семьи возник именно тот субъективный психологический настрой, который способен был под воздействием каких-либо конкретных, даже случайных факторов, «трений» и «эксцессов» подтолкнуть Эхнатона (точнее, Аменхотепа IV, поскольку Эхнатоном он назвал себя позднее) на начало реформаторской деятельности, направленной на максимальное религиозное и политическое возвышение авторитета царской власти, власти, вознесшейся над всеми многовековыми условностями.

* * *

Аменхотепа IV (Эхнатона) нельзя представлять себе только как человека «не от мира сего» — религиозного фанатика и мыслителя, якобы чуждого интересам реальной жизни. Несмотря на философски умозрительную окрашенность своего интеллекта, Эхнатон явно был и весьма здравомыслящим политиком и энергичным, решительным, властным администратором, быстрый успех деятельности которого в значительной мере был его личной заслугой. Религиозная реформа Эхнатона, как бы высоко ни оценивать ее в философском плане, несомненно, имела политическую подоплеку и политическую цель, поскольку ее основной задачей было идеологическое обоснование политических устремлений фараона-деспота.

В религии солнцепочитания, декларируемой реформатором, в религии Атона — видимого образа могучего солнца, прослеживаются два этапа развития. На первом этапе в религии Атона ощущается сходство с традиционными солнечными культами, в частности сходство с культом Ра-Горахте. На втором этапе, с 9-го года царствования Эхнатона, начинает господствовать наиболее интересная и политически заостренная особенность нового религиозного учения: не просто монотеистический отказ от почитания каких-либо богов, помимо Атона, но и отказ от самого понятия «бог», замененного понятием «царь». Эхнатон «воцарил» своего отца Атона, снабдил его полной царской титулатурой, стал окружать в текстах имена Атона-царя картушами, ввел датировку по годам «правления» царственного солнца. Высшая ирреальная субстанция, чья сущность могла конструироваться не иначе как по образу реального земного владыки-царя, в учении Эхнатона потеряла наименование «бог». В итоге единственный небесный «царь» Атон, «отец» единственного земного царя — Эхнатона, оказался совершенно одного «достоинства» со своим «отпрыском» — фараоном. Эхнатон провозгласил себя «одной породы» со своим царственным солнечным «родителем», почитать которого мог только он. Однако это почитание в данном случае приобрело сугубо «семейный» характер и свидетельствовало не столько о подчиненности Эхнато-

на Атону, сколько об особой «качественной» близости их друг другу. Авторитет Эхнатона как правителя вознесся, таким образом, на исключительную высоту, поскольку, «воцарив» Атону, он тем самым, по существу, максимально «обожествил» самого себя, полностью уподобив себя высшей, небесной ирреальной субстанции¹³.

Если попытаться хронологически проследить, как осуществлялось задуманное Эхнатоном (точнее, Аменхотепом IV) реформирование религии, то станет возможным изобразить следующую картину.

Эхнатон (Аменхотеп IV) был, несомненно, подготовлен к проведению реформации еще до своего воцарения, и есть достаточные основания полагать, что эта реформа была задумана в ближайшем, семейном окружении наследника престола. С. Олдред пишет: «Цель молодого фараона в отношении нового культа была очевидна с самого начала. Громадный храм Атона был воздвигнут в Карнаке, и Фивы отныне стали называться „Городом сияния Атона“ вместо (наименования как) „Города Амуна“» [97, с. 66]. В первоначальном своем облике Атон¹⁴ мыслился в качестве некоей формы старинного солнечного божества Ра-Горахте, и потому в том храме Атону, который по приказу фараона построили в Фивах, осуществлялись обряды, характерные для культа Ра, почитался, в частности, культовый камень «бенбен».

В 4-й год правления Эхнатона (тогда он еще носил имя Аменхотепа) наметился полный отказ от почитания Амуна. Отныне при датировках перед именем фараона стали ссылаться на годы «царствования» Атона, поскольку последний был объявлен верховным правителем. Атон стал как бы фараоном, чьи имена полагалось писать в царских картушах с типичным набором славословий и пожеланий¹⁵. Впрочем, и в 4-й, и в 5-й, и даже в 6-й годы своего (формально «атоновского») правления Эхнатон еще не отвергал полностью всех традиционных египетских божеств, культы которых еще продолжали сохраняться в стране. В 6-й год «царствования» Атона Эхнатон решил окончательно порвать с Фивами. К северу от древней столицы, на восточном берегу Нила, в пустынной местности, которая, по уверениям Эхнатона, зафиксированным в надписях на специально поставленных пограничных стелах, не принадлежала никакому богу или богине, был основан новый город — Ахетатон (т. е. Горизонт Атона), ставший резиденцией семьи и двора реформатора. В самом факте подчеркивания, что, кроме Атона, ни один бог или богиня не являлись владыками территории, на которой был основан Ахетатон, сказывалось еще терпимое отношение Эхнатона к старым божествам в год основания новой столицы. Даже через год после переезда в Ахетатон, который он обязался никогда не покидать, Эхнатон не ликвидировал полностью культ Амуна в Фивах. «Вскоре, однако, не должно было быть ни богов, ни богинь в Мемфисе или

где-нибудь в Египте. Должен был быть только Атон» [52b, с. 57].

Начался второй этап в развитии религии Атона, ставшей строго монотеистической. Произошло это на 9-й или 10-й год «царствования» Атона. Отныне Амун был проклят, храмы его закрыты; были отвергнуты все боги и богини Египта, включая таких прославленных, как Осирис, Исида, Птах, Гор и даже гелиопольский Ра. Остался только один сверхъестественный верховный владыка — небесный «царь» Атон, единосущный не менее сверхъестественному земному царю — Эхнатону. Само понятие «бог», как мы уже отмечали, перестало употребляться. Отныне всюду и везде «царил» один Атон¹⁶. Наибольшую ненависть Эхнатона вызывал могущественный и авторитетный культ фиванского Амуна-Ра, царя богов, и именно, как известно, он подвергся самым ожесточенным преследованиям. Повсюду в надписях уничтожали всякое напоминание о еще столь недавно прославленном божестве. Не было пощажено и имя отца Эхнатона Аменхотепа III, содержащее слово «Амун». Реформатор в это же время отказался от своего первоначального имени «Аменхотеп», провозгласив себя Эхнатоном [т. е. Полезным (или Угодным) Атону].

«Атоновский» и «антиамуновский» фанатизм Эхнатона с годами становился все более нетерпимым. Однако за всем этим скрывалась вполне прозаическая, «земная» политическая цель, которую преследовал реформатор с самого начала своего царствования — идеологическое обоснование претензий на исключительное величие своей власти. Даже если он сам и не осознавал это в грубо откровенной форме, объективно это было именно так. Отказавшись на втором этапе осуществления своей реформы от понятия «бог», «воцарив» Атона, Эхнатон добился полной реализации своих политических замыслов. Отныне «царь»-«отец» Атон и «царь»-«сын» Эхнатон могли безраздельно владеть всем миром, естественно не считаясь с какими-либо условностями и предрассудками, смущавшими самолюбие не вполне легитимной царственной семьи. Как пишет С. Олдред, «у воспитанного, как он (Эхнатон.— И. С.), в окружении, в котором фараон достиг столь высокой степени экзальтации, что его отец поклонялся самому себе как богу, а его сын также поклонялся ему, эгоцентричная мания величия могла видеть божество только как гигантскую тень, отбрасываемую фараоном. Атон есть небесный царь, который полностью подобен своей земной копии, который носит свои имена в аналогичных двойных картушах, который празднует царские юбилеи и помимо всего прочего, подобно фараону, уникален» [97, с. 260].

«Контакт» Эхнатона с Атоном носил совершенно исключительный характер. С одной стороны, «царь» Атон, «царствующее» лучезарное солнце, был вознесен на недостижимую высоту, но, с другой стороны, этот же всемогущий и единственный небесный властитель был максимально приближен к своему «сы-

ну» — фараону. Эхнатон объявил себя верховным жрецом Атона¹⁷, обладающим особым даром познания воли своего «отца». «Изображения придворных в гробницах Ахетатона показывают, что один только Эхнатон поклонялся Атону, в то время как остальной его (Ахетатона.— *И. С.*) люд поклонялся ему (Эхнатону.— *И. С.*)... молитвы придворных адресовались не Атону, а царю (Эхнатону.— *И. С.*)... Даже когда какой-либо придворный обращался непосредственно к Атону, то исключительно от имени царя» [525, с. 82].

В Ахетатоне существовало особое жречество культа Эхнатона в главе с верховным жрецом этого культа — всемогущим временщиком Туту. С молитвами и различными просьбами о даровании тех или иных благ обращались не только к Атону, но и к Эхнатону и к Нефёртити. Необходимо, однако, подчеркнуть, что ни сам Атон, ни его «сын» Эхнатон формально не признавались «богами» и потому не обозначались термином «бог» (*ntr*). И того и другого трактовали как «царей», но именно в таком качестве они оба и воспринимались как сверхъестественные существа, наделенные наивысшим, абсолютным могуществом. Наибольшее самообожествление Эхнатона заключалось, таким образом, в полном уподоблении ему верховного небесного владыки, ставшего отныне «царем», единосущным своему «сыну» — фараону.

Несомненное «богоненавистничество» Эхнатона, заставившее его объявить Атона «царем», имело совершенно очевидную, «земную» политическую подоплеку.

Как мы уже отмечали, в древнейший период истории объединенного египетского государства сверхъестественная природа фараона признавалась максимальной. Властелин страны в это время и при жизни, и особенно после смерти считался поглощением соколинообразного верховного божества Гора, воплощением даже более великим и могущественным, чем все прочие боги, чье благополучие, в сущности, в значительной мере зависело от щедрот божественного фараона Гора [521].

Как отмечал Дж. Г. Брэстед, в «Текстах пирамид» умерший фараон представлен в облике сокола, поднимающегося к своему отцу Ра и не только полностью сливающегося с ним, но даже превращающегося в космическую фигуру более величественную, чем сам солнечный бог [139, с. 109, 122—124, 138]. По словам А. Гардинера, «в Древнем царстве официальные надписи о фараоновской деятельности полностью отсутствуют; цари были богами слишком высокомерными и слишком могущественными для того, чтобы заботиться о том, чтобы их деяния были сообщены их подданным; их пирамиды были достаточным доказательством их величия» [242, с. 55]. Как писал Г. Шток, «когда древнейший... египетский бог, соколиный бог Гор, и затем, впоследствии, также и солнечный бог Ра стали обозначаться как *ntr*;—величайший бог, аналогичным образом с IV династии стали обозначаться также живые и умер-

шие цари, то в основе этого факта лежит религиозное переосмысление. Древнейший египтянин был пронизан сознанием рангового равенства и сущностной идентичности... бога и царя. Их видел он равным образом на вершине мира и пантеона; только в проявлении заключалось различие. Царь носил прозвание *ḥrꜥ*; в качестве воплощения имперского бога Гора, как такового, каким он (бог) считался еще до возникновения единой державы, в границах собственной области Гиераконполя. С возвышением этого соколиного божества до бога всей египетской державы царь получил такое же обозначение *ḥrꜥ*, как и сам... бог» [540, с. 12]. По мнению В. Хелка, к середине I династии последние остатки древнейших патриархальных отношений уже были преодолены «к выгоде неограниченного мирового божественного положения царя», который в образе сокола или неба как бы распростерся над миром, защищая Египет своими крыльями [306, с. 36]. По словам С. Олдреда, «в архаические времена фараон воспринимался как воплощение Гора, „некто отдаленного“, высшего, универсального небесного бога, имевшего образ гигантского сокола, чьи крылья покрывали небеса» [97, с. 26].

Существенное изменение претерпела религиозная трактовка личности фараона с конца правления царей IV династии и в особенности с началом V династии, когда в связи с утверждением гелиопольского культа солнечного бога Ра верховный земной владыка Египта при жизни оказался догматически «низведенным» до положения «сына» Ра (а впоследствии до положения «сына» всех богов и богинь страны). С конца эпохи Древнего царства фараон «был по-прежнему Гором, как провозглашают его титулы, однако он был также сыном Ра, созданным в результате брака с божеством» [97, с. 26]. Речь не шла отныне о полном непризнании божественного характера личности фараона. Так далеко дело не зашло. Просто божественность фараона как бы получила более низкую оценку по сравнению с абсолютной сверхъестественной мощью божественных «родителей» земного властителя Египта. Как «сын» богов и богинь мироздания, фараон стал догматически трактоваться несколько менее могущественным, чем прежде, и именно в этом факте заключалась определенная политическая опасность для царской власти, поскольку появилась возможность противопоставлять ее авторитету более высокий авторитет божественных «родителей» фараона. Конечно, отмеченное нами сейчас обстоятельство отнюдь не является предопределившим всю историю развития египетского государства после эпохи Древнего царства. Наоборот, хорошо известно, что власть обожествляемого фараона, сопричастного к сверхъестественному миру его божественных «родителей», как правило, была исключительно велика и авторитетна не в последнюю очередь вследствие признания его особых качеств как «сына» всех богов и богинь Египта, как божественного посредника между богами и людьми.

«Сыновнее» положение фараона (с точки зрения религиозной догмы) в мире богов автоматически не только не приводило к дискредитации его царственного авторитета, но даже этот авторитет почти всегда укрепляло. (По сути дела, быть божественным «сыном» означало для фараона возвышаться над всеми своими подданными.) Однако в критических ситуациях доктрина о божественном «сыновстве» фараона все же могла быть использована противниками царской власти. И мы знаем, что именно так и случилось в конце эпохи Нового царства, во времена верховных фиванских жрецов Херихора и Пиахна. Религия в древнем Египте была единственно возможным мировоззрением, единственно возможным идеологическим фактором общества. Неудивительно, если именно религия и использовалась в древнем Египте в качестве идеологического «оружия» политической борьбы. Какое применение это «оружие» получило у Херихора и Пиахна, политических противников фараоновского государственного централизма, мы уже показали: фараон был теоретически низведен до положения человека, ничтожного в сравнении с его «отцом» — Амуном-Ра, царем богов. С прямо противоположной целью — для укрепления авторитета фараоновской власти — была использована религия Эхнатона. Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем всех конкретных деталей столкновения Эхнатона с противодействовавшими ему политическими силами. Можно думать, что силы эти были сосредоточены у старой столичной администрации, высшие представители которой без должного уважения относились к Эхнатону и к его ближайшему семейному окружению. По-видимому, в качестве политического оружия была использована против Эхнатона, а возможно, и против его ближайших предшественников и теория «сыновства» фараона (в плане умаления авторитета царя в сравнении с авторитетом великих богов вселенной, и прежде всего в сравнении с авторитетом могущественного Амуна-Ра, царя богов). «Ответ» Эхнатона был решительным и исключительно смелым. Эхнатон не только отверг всех старинных богов и богинь Египта, противопоставив им «своего», нового небесного владыку Атона, но и отказался, в сущности, от признания самого мира богов — богов, стоящих над фараоном. Эхнатон максимально приблизил к себе Атона, которого он выбрал в качестве своего небесного «отца», но «отца», лишенного преимуществ божественной сущности и абсолютно не опасного своему «сыну» — фараону, поскольку именно этот «сын» и являлся его создателем и пропагандистом. Атон как «отец» Эхнатона был такой же «царь», как и его «сын». Они были полностью единосущны друг другу, и лишь возрастные критерии определяли взаимоотношения в этой «царственной» семье. В политическом аспекте Атон был безупречным «отцом» фараона-деспота, пожелавшего с помощью кардинальной религиозной (и политической) реформы раз и навсегда ликвидировать всякую возможность ограничения его самовла-

ствия ссылками на относительную приниженность его «сыновнего» положения в мире богов.

Политическим идеалом Эхнатона, по-видимому, было то высочайшее могущество, которым обладали фараоны раннего периода эпохи Древнего царства (в особенности фараоны IV династии), и потому, думается, можно полностью согласиться с мнением С. Олдреда, что замыслы Эхнатона «имели сильный антикварный аромат и выражали попытку восстановить верховенство фараона, которое существовало в раннем Древнем царстве» [97, с. 258]. Как и в действиях Херихора при становлении так называемой «фиванской теократии», так и в действиях Эхнатона, по нашему мнению, под религиозной оболочкой можно обнаружить определенную политическую тенденцию. Именно это мы хотели бы подчеркнуть.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Известный немецкий египтолог и романист Г. Эберс написал увлекательный роман о времени царствования Рамсеса II [93]. Одной из главных героинь романа изображена дочь Рамсеса II Бент-Анат.

Во французской серии книг «Жизнь выдающихся людей» была опубликована работа популярного характера, посвященная царствованию Рамсеса II, которую в стиле исторического романа на документальной основе написал Ш. Парэн [441]. Не представляя интереса в научном плане, эта работа, увлекательная по форме, пользовалась успехом у читателей и потому неоднократно переиздавалась.

Царствование Рамсеса II привлекло внимание известного на Западе астролога-фантаста И. Великовского, который также написал о Рамсесе II и его времени специальную работу фантастического характера [547].

Интересную работу популярного характера, основанную на источниках (и прекрасно изданную в иллюстративном отношении) посвятил Рамсесу II К. А. Китчен [342a].

РАМСЕС II

¹ Этот Сети упоминается на памятниках, хронологически предшествовавших воцарению его сына Рамсеса I: на двух сидящих статуях его сына — военачальника и визиря Парамеса из Карнака [374, с. 29—32, табл. I], на статуе его сына Рамсеса, названного военачальником и главой двойной житницы (статуя хранится в шотландском королевском музее в Эдинбурге) [464, т. I, ч. 2, с. 787], и на стеле из музея Восточного института в Чикаго, на которой его имя читается как Сути [166, с. 237—244].

² Е. Круц-Урибе, ссылаясь на стелу из музея Восточного института в Чикаго (0111456), указывает на то, что «начальник лучников» Сети (его имя здесь читается как Сути), чей сын стал впоследствии фараоном Рамсесом I, имел брата — «носителя опахала свиты» Хаемуаса, который на статуе из Кавы времени Тутанхамона назван «носителем опахала с правой стороны царя» и «начальником лучников Куша». Жена этого Хаемуаса была сестрой наместника Нубии — «царского сына Куша» Хеви и носила титул «старшей гарема Амуна». Таким образом, вероятно, своими корнями новая, XIX династия была связана с семьей и военным окружением наместника Нубии [166, с. 237—244]; см. также [461, с. 116—121]. О Хоремхебе см. [299].

³ Давно высказывается мнение, что Сети I был соправителем Рамсеса I [529, с. 276; 530].

⁴ См. [474, с. 73—78]. Более длительное царствование Сети I (как минимум 15 лет) предположил М. Л. Бизбрайе [121]. Однако это предположение является необидительным [426, с. 188].

⁵ Стела Каирского музея № 60539 [419, с. 191—215].

⁶ Последний вывод К. Зете нуждается в некотором уточнении: в надписи на стеле упоминается 400-летняя эра Сетха, но о праздновании 400-летней годовщины этой эры ничего не говорится. Визирь Сети лишь просит Сетха о покровительстве в определенный день эры Сетха.

⁷ Концепция К. Зете, разъясняющая смысл текста стелы 400-летия эры Сетха, в середине 70-х годов была подвергнута критике Лабибом Хабаши, попытавшимся вновь привлечь внимание к той трактовке этой стелы, которая была предложена Эд. Мейером.

В докладе, подготовленном к XXIX Международному конгрессу востоковедов, Л. Хабаши вполне убедительно настаивал на том, что стела, датированная 400-м годом эры Сетха, хотя и была обнаружена в Танисе, первоначально стояла в местности, носящей современное название Катаана-Кантир, где на развалинах древнего Авариса при Рамсесе II возник город Пер-Рамсес. Текст стелы должен был, по мнению Лабива Хабаши, оправдать создание Рамсесом II новой столицы. Что касается изображенных на стеле визирей Парамес и Сети, то их вслед за Эд. Мейером Лабив Хабаши интерпретировал как современников Рамсеса II, а не как его предков, ставших впоследствии фараонами — Рамсесом I и Сети I. Обосновывая последний тезис, Лабив Хабаши сослался на обнаруженный им в Телль Баста фрагмент статуи визиря Рамсеса II по имени Сети. Не думая, однако, что подобный аргумент достаточен для пересмотра точки зрения К. Зете на основное содержание стелы, поскольку в царствование Рамсеса II, конечно, мог существовать визирь Сети, не тождественный визирю Сети, фигурирующему на стеле, упоминающей 400-й год эры Сетха [290, с. 41—42].

⁸ По мнению В. Хелка, стела 400-летия была поставлена по приказу Рамсеса II, однако как замена другой аналогичной стелы, воздвигнутой значительно раньше отцом Рамсеса II Сети I в бытность последнего визирем, см. [305, с. 240].

⁹ Соответственно при расчете на юлианское и григорианское летосчисление.

¹⁰ Нельзя, конечно, считать, что эра «от Менотреоса» началась в 1322 (1318) г. до н.э. вследствие основания Мемфиса, так как город этот возник значительно ранее.

¹¹ Исследователи пытались не только установить год начала правления Рамсеса II, но и определить точно день и месяц его воцарения. Однако эта задача оказалась очень сложной. Различные авторы предложили неодинаковые датировки, о точности которых нельзя говорить с уверенностью.

В. Хелк предполагал, что Рамсес II вступил на престол в качестве самостоятельного правителя в 27-й день 3-го месяца периода шему [302, с. 118—120]. По мнению Дж. Д. Шмидта, это произошло во 2-й месяц периода перет [499, с. 159—160]. Как полагал Д. Б. Редфорд, некоторые даты, относящиеся к 1-му году царствования Рамсеса II, носят анахронистический характер и восходят к событиям прошлого [473, с. 110—111]. По мнению В. Марнейна, воцарение Рамсеса II осуществилось в интервал времени между 16-м днем 1-го месяца периода ахет и 1-м днем 3-го месяца периода ахет [426, с. 158]; см. также [117, с. 1—3; 122; 516, с. 110—114].

¹² Строго говоря, в приведенном отрывке текста стелы из Кубана о назначении царевича Рамсеса II соправителем Сети I ничего не сообщается.

Другой экземпляр кубанской надписи Рамсеса II с указанием местоположения колодца, выкопанного на пути к золотоносным рудникам, и его названия обнаружила советская археологическая экспедиция, работавшая в Нубии в 1960—1963 гг. под руководством акад. Б. Б. Пиотровского [63].

¹³ 11-й год — наиболее поздняя известная нам дата царствования Сети I [474, с. 76].

¹⁴ Восшествие Рамсеса II на престол в качестве единственного царя Египта было ознаменовано специальными торжествами и ритуальными действиями. Об этой второй коронации Рамсеса II свидетельствуют, в частности, выполненные техникой глубокого, врезного рельефа сцены и тексты, начертанные на каменном блоке, обнаруженном более 160 лет тому назад в Англии и хранящемся ныне в Королевском институте литературы и науки. На этом блоке представлена коронация Рамсеса II в Гелиополе в присутствии Атума, Гора и других богов. Все божества радостно приветствуют приближающегося к ним Рамсеса II, чье тронное имя выписывается как Усермаатра Сетепенра, т.е. в форме, характерной для самостоятельного царствования Рамсеса II [524, с. 18—19].

¹⁵ В 8-й год своего царствования Сети I осуществил какие-то военные акции в Нубии, о чем сообщают надписи и изображения в храме в Бейт эль-Вали; см. [529, с. 271—286].

¹⁶ Согласно данным текста стелы из Асуана, датируемой 2-м годом самостоятельного правления Рамсеса II, наследник Сети I в последние месяцы 1-го года своего царствования вел активную борьбу с азиатами, ливийцами, «народами моря» (шерденами), принимал послов из Вавилонии и страны хеттов. По мнению Д. Б. Редфорда, с которым трудно не согласиться, содержание стелы из Асуана говорит, что она была составлена позднее имеющейся в ней даты. Во всяком случае, с «народами моря» (шерденами) Рамсес II столкнулся не на 2-м, а скорее на 4-м году своего царствования [473, с. 119]. О «народах моря» см. [436].

¹⁷ В войске Рамсеса II было всего около 20 тыс. воинов.

¹⁸ В войске Муваталлиса помимо хеттов против египтян сражались люди Нахарины — жители Северо-Восточной Сирии (бывшего царства Митанни); дарданы — выходцы с западного побережья Малой Азии; люди кешкеш, жившие к северо-востоку от Хаттусаса на черноморском побережье; люди маса из юго-западной части Малой Азии; люди Пидаса, обитавшие в районе юго-западнее Хаттусаса и к северу от Арзавы; люди Арвены (?); люди Каркиша с западного побережья Малой Азии; люди лука — ликийцы с южного побережья Малой Азии; люди страны Киззувадна с юго-восточного побережья Малой Азии (позднейшая Киликия); люди города Каркемиша, расположенного на верхнем Евфрате, в 100 км к северо-востоку от Алеппо; люди финикийского города Угарита; люди страны Кеди в Северной Сирии; люди страны Нухаше — области в Северной Сирии между городами Хомс и Алеппо; люди земли Мушанет; люди из города Кадеш на Оронте; люди земли Инеса; люди города Халеб (Алеппо), расположенного в 200 км к северу от Кадеша [247, с. 7, 8, 10, 29, 57, 58].

¹⁹ «Поэма» Пентаура, или «литературный» отчет, о битве при Кадеше, отрывок из которой был нами приведен, переводилась на русский язык неоднократно [39, с. 122—138; 83, т. I, с. 334—335; 89, с. 122—123].

Факт обращения Рамсеса II к Амуну, бесспорно, свидетельствует о том, что «литературный» отчет о битве под стенами Кадеша отражает фиванскую жреческую редакцию. Сама же эта редакция, несомненно, в художественном и эмоциональном отношении совершенна. Что же касается исхода Кадешского сражения, то он был совсем не таким, каким его хотел представить Рамсес II.

²⁰ В «литературном» отчете говорится о 2-м месяце летнего периода. В данном случае можно видеть указание на то, что Рамсес II достиг Джахи через месяц после выхода из Египта [247, с. 47].

²¹ Так, И. М. Дьяконов полагает, что в Кадешской битве Рамсес, едва не попав в расставленную ему ловушку, сумел все же разбить хеттов и их союзников [34, с. 229].

²² Согласно сообщению одной записи папируса Анастаси I (XVIII, 3—5), чуть ли не все войско Рамсеса II состояло из воинов-чужеземцев, что, конечно, далеко от истины. Служившие в войске Рамсеса II чужеземные воины наравне с воинами-египтянами получали в частное владение земельные наделы на государственной (царско-храмовой) земле, как о том свидетельствует Диодор Сицилийский (I, 57, 73; см. также [77, гл. III]). Известно поселение колонистов — воинов Рамсеса II в Хорбете. Аналогичное поселение во времена Рамсеса II существовало в Дерре [113, с. 64—86; 286, с. 12, примеч. 30; 480, с. 57—67; 499, с. 179].

²³ О предлагаемой реконструкции очень испорченных строк египетского текста см. [499, с. 115—116, 135—136].

²⁴ Расшифровке имен некоторых богов, перечисленных в египетском тексте договора, посвящена специальная статья Эл. Эделя [214, с. 31—35].

²⁵ Ссылаясь на некоторые данные стелы Рамсеса II из Бейт-Шеана [177, с. 75—82] и на текст, сообщающий о захвате Ашкелона, помещенный в Карнаке на стене, непосредственно справа от записи мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III, Дж. Д. Шмидт высказывает предположение, что в период после первого десятилетия царствования Рамсеса II в Египте вспыхнуло

восстание, направленное против его власти, причем в этом восстании принял участие и палестинский город Ашкелон, попытавшийся воспрепятствовать войску Рамсеса II вернуться в Египет после очередного похода в Азию. По мнению Дж. Д. Шмидта, Рамсесу II пришлось усмирять Египет после острых беспорядков, и поэтому он был вынужден пойти на заключение мирного договора с хеттами [499, с. 177—180]. Нам представляется, что предположение Дж. Шмидта о каких-то острых смутах в Египте, происшедших в период борьбы с хеттами, обосновано недостаточно. Это предположение слишком гипотетично и потому вряд ли справедливо.

²⁸ Эд. Эдель признал свою интерпретацию данного места весьма спорной [205, с. 131, примеч. 3]. Мы приводим здесь перевод стк. 66, предложенный М. Б. Роутоном [486, с. 17].

²⁷ О первом браке Рамсеса II со старшей дочерью Хаттусилиса III см. [502, с. 186—187, 191—193]. О втором браке Рамсеса II с другой дочерью Хаттусилиса III см. [348, с. 14—18; 502, с. 186, примеч. 41, с. 187].

²⁸ О стеле, содержащей рассказ о царевне Бентреш из страны Бахтан, см. [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 284—287; 370, с. 222—223; 469, с. 29—31]. Рамсес II взял в жены также дочь царя Вавилона и дочь правителя страны Зулапи в Северной Сирии [163, с. 87; 209; KUB XXI, 31rt. 7—8; 212, с. 38—39; 502, с. 187, примеч. 41—42].

²⁹ А. Спэрлингер полагает, что в военных сценах в храме в Бейт эль-Вали нашли свое отражение военные действия, которые вел в Нубии не Рамсес II, а Сети I в 8-й год своего царствования [529].

³⁰ В царствование последнего Рамессиды — Рамсеса XI — в Нубии и в Египте огромной власти достиг «царский сын Куша» Панехси, чье имя буквально означает «кушит».

³¹ О «царских сыновьях Куша» см. также [529, с. 276].

³² Надписи Рамсеса II, обнаруженные в Нубии, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. II, вып. 18, 19, 1979].

³³ По мнению В. В. Струве, греческое имя «Сетос» (Σέτωσ) передавало краткое прозвище Рамсеса II — Сеси (ššj) [541, с. 47].

³⁴ О Сесострисе (Σεσωστρίς) после Геродота писали многие авторы: Аристотель, Феопомп, Мегасфен, Манефон, Аполлоний Родосский, Нимфодор из Сиракуз, Атенодор из Тарса, Страбон, Иосиф Флавий, Плутарх, Дион Христом, Арриан, Павсаний, Элиус Аристид, Менандр, Эллиен, Лукан, Плиний Старший, Валерий Флак, Авзоний. О Сесонхосисе (Σεσόνχωσις) писал Диодор. Диодор (I, 53—58) же упоминал «Сесоосиса» (Σεσωσις) (см. [386, с. 246—247]).

³⁵ П. Монтэ [416, с. 51] высказывал предположение, что греческое имя «Сесоосис», встречающееся у Диодора (I, 53—58), является не искажением имени «Сесострис», а передает прозвище Рамсеса II — Сеси Сесесу (и его варианты), — которое встречается в некоторых современных Рамсесу II египетских памятниках, в особенности в папирусе Анастаси I. Подобное предположение, по мнению М. Малеза [386, с. 247], с фонетической точки зрения необоснованно. Имя «Сесоосис», подобно имени «Сесострис», как показал К. Зете [517], представляет собой грецизированную передачу египетского имени «Сенусерт» (о Сесострисе см. также [362]).

³⁶ Имя «Рамсес», возможно, сохранилось в имени персонажа Геродота — Рамсинит (II, 121, 122), хотя то, что рассказывается о египетском царе Рампсините у Геродота, не имеет никаких точек соприкосновения с реальным историческим Рамсесом II или с каким-либо другим фараоном Рамессидом.

³⁷ Пер-Рамсес упоминается в Библии как город, который вместе с Питомом [Питом = «Пер-Атум» — «дом (храм) Атума» в Гелнополе] построили израильтяне для фараона в Дельте недалеко от местности Гошен, или Гесем: «И он (народ Израиль. — И. С.) построил фараону Питом и Раамсес, города для запасов» (Исход. I, 11) (см. [156; 165, с. 75—98; 544, с. 291—299]).

³⁸ Относительно различных локализаций Пер-Рамсеса см. [484, с. 25 и сл., 544, с. 291—316].

³⁹ А. Гарднер и Ю. фон Бекерат пытались найти гиксосское поселение в Танисе, однако в пользу такого предположения обнаруженные останки человеческих жертвоприношений не свидетельствуют [546, с. 129, примеч. 9].

⁴⁰ Дж. Вэн Сетерс приводит следующие слова А. Гардинера по поводу колонн из Бубастиса: «Ничего не было бы проще для бубастидских царей, как транспортировать колонны из Таниса в их новую столицу» [254, с. 124]. По данному случаю Дж. Вэн Сетерс справедливо спрашивает: «Разве не может то же самое быть сказано о колоннах в Танисе» [546, с. 131, примеч. 17].

⁴¹ Дж. Вэн Сетерс, ссылаясь на П. Монтэ [414, с. 106 и сл., 133 и сл.], подчеркивает отсутствие в Танисе погребений и остатков фундаментов, которые можно было бы датировать периодом более ранним, чем время XXI династии. Попытка обнаружить более древние погребения, относящиеся к годам царствования фараонов Рамессидов, к Среднему или Древнему царству [414, с. 144 и сл.], осталась столь же безрезультатной, как и попытка подобным образом хронологически определить стены и строения Таниса [546, с. 131, примеч. 19].

В Танисе были найдены доставленные из Пер-Рамсеса многочисленные стелы Рамсеса II, см. [344, т. II, вып. 6, 1971, с. 289—290, вып. 7, 1976, вып. 8, 1977; 582, с. 58 и сл.].

⁴² Дж. Вэн Сетерс дает географическую карту, заимствованную из работы С. Адама [95, с. 132, примеч. 22, с. 133, фиг. 21].

⁴³ Х. Роулей скептически относился к результатам раскопок в Катаана-Кантире на том основании, что в данном месте не были открыты памятники гиксосского времени [484, с. 28]. Подобные памятники, однако, теперь обнаружены на небольшом расстоянии к юго-западу от Катаана-Кантира.

⁴⁴ Поскольку значительное количество этих стел было куплено у торговцев, возникло предположение, что они происходят из Хорбета [331, с. 201]. Л. Хабаши, однако, смог полностью доказать, что эти стелы происходят из Катаана-Кантира.

⁴⁵ Литературные свидетельства о Пер-Рамсесе собраны А. Гардинером в его работе [241, с. 127—132, 179—200, 242—271].

⁴⁶ Как указывает Дж. Вэн Сетерс, А. Гардинер объяснял молчание источников о Танисе до самого конца периода Рамессидов тем обстоятельством, что Танис в то время назывался Пер-Рамсесом. Однако это не столь бесспорно, как может показаться. В данном случае это могло свидетельствовать и о несуществовании Таниса во времена царствования фараонов Рамессидов [546, с. 146, примеч. 73].

⁴⁷ А. Гардинер предложил название данного поселения читать как šsmṯ. Однако если gsmt есть обозначение главного центра в северной части XX, или арабского, нома, то местность šsmṯ, расположенная недалеко от Сафт эль-Хенна, находилась в южной части этого нома [253, с. 218].

⁴⁸ Сведения о монументальных сооружениях времени Рамсеса II можно найти в работах [35; 49; 57; 58; 100; 107; 119; 325; 349; 361; 410; 575].

⁴⁹ Надписи времени Рамсеса II, обнаруженные в Дельте, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. II, вып. 7, 1976, вып. 8, 9, 1977, вып. 10, 1979].

⁵⁰ О работах, которые производил Рамсес II в храме Сети I в Абидосе, см. [426, с. 162—165].

⁵¹ Этот храм упоминает Страбон, называя его Мемнонием (XVII, 42).

⁵² В Абидосе храмовое строительство велось также и при Рамсесе I, см. [573].

⁵³ Надписи Сети I и Рамсеса II, обнаруженные в храмах Абидоса, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. I, вып. 5, 6, 1974, т. II, вып. 11, 12, 1979].

⁵⁴ Классификацию изображений и текстов большого гипостильного зала Карнака, осуществленных на различных этапах царствований Сети I и Рамсеса II, а также в период их соправления и присвоенных Рамсесом II, предложил В. Марнейн [426, с. 153—158, 170—183].

⁵⁵ Стена покрыта рельефами и текстами ритуального содержания [311].

⁵⁶ Гипостильный зал и другие памятники Карнака, созданные в царствование Рамсеса II, представлены в блестяще выполненными фотографиях в работе К. Михаловского [57, с. 5—23, № 2, 5, 6, 8, 10, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 57, 60, 78]. О Карнаке см. также [35, с. 9—32; 112; 133; 152; 159; 376; 385, с. 32, 42—45; 389; 409; 433; 458; 460; 463, т. II, с. 3—97; 506].

Многочисленные надписи Сети I и Рамсеса II, обнаруженные в Карнаке.

собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. I, вып. 5, 6, 1974, т. II, вып. 13].

⁵⁷ Надписи Рамсеса II, обнаруженные в Луксоре, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. II, вып. 14, 1979].

⁵⁸ Фотографии Рамессеума имеются в работе К. Михаловского [410, № 29—35]. О Рамессеуме см. также [111; 464, т. II, 1972; 470]. Надписи Рамсеса II, обнаруженные в Рамессеуме и других храмах западной части Фив, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. II, вып. 15, 16, 17, 1979].

⁵⁹ Мумию лежащего в простом гробу Рамсеса II можно увидеть на цветном снимке в работе В. Макквитти [385, с. 59]. О мумии Рамсеса II, которую направили на «лечение» во Францию и затем возвратили в Каир, была помещена небольшая статья в еженедельнике «Humanité dimanche» [150, с. 48—49].

⁶⁰ В настоящее время этот храм в связи с постройкой новой высотной плотины в Асуане и затоплением окружающей территории возвышается на другом месте (на 60 м выше прежнего уровня), куда он был заблаговременно перенесен [33].

⁶¹ В большом пещерном храме Абу-Симбела помимо упомянутых композиций высечены: 1) текст «брачной стелы» Рамсеса II и 2) текст «благословения Птаха-Танена». Среди сцен религиозного характера особый интерес представляют те, на которых изображен Рамсес II в качестве фараона, приносящий жертвы самому себе как богу. Аналогичные сцены имеются в храмах Бейт эль-Вали и Акша.

⁶² Рядом с храмом находилось городское поселение, называемое Пер-Рамсес Мериамун, ставшее при Рамсесе II, возможно, центром провинции Куш [225, с. 18].

⁶³ По словам Х. А. Кинк, «при Рамсесе II вся долина Нила, от Дельты (Танис) до четвертых порогов (Напата), представляла собой гигантскую строительную площадку» [35, с. 174].

⁶⁴ О взимании в рамках государственного хозяйства зернового налога за 54-й год царствования Рамсеса II сообщает папирус Британского музея 10447, в котором речь идет о зерне, поступающем с земельного владения, приписанного к культовой статуе фараона [252, с. 59].

⁶⁵ Воины и строители получали содержание из государственной казны.

Об исправном функционировании государственного хозяйства во время царствования Рамсеса II, возможно, свидетельствует следующее обращение фараона к работникам фиванского некрополя (стела из Менскийет эс-Сандр): «Поскольку я знаю вашу действительно тяжелую работу, во время которой работник только радуется, когда его тело наполнено (пищей)... склады должны быть переполнены зерном, дабы не наступил день нужды в средствах пропитания. Оно (пропитание) утверждено для каждого из вас, для вашего прокорма, ежемесячно. Я наполнил для вас склады всем необходимым в виде хлеба, мяса, печений, сандалий, одежды и всевозможных масел для умащения ваших начальников в течение каждых десяти дней, платья же (выдаются) на каждый год, а сандалии на ваши ноги — на каждый день. Никто из вас не должен засыпать (от слабости), когда он от (нужды) вздыхает. Я дал вам, кроме того, много людей, которые спасают вас от нужды: рыбаков, чтобы доставлять рыбу, кроме того, огородников, чтобы выращивать овощи. Я повелел изготовить для вас на вращающемся круге сосуды для охлаждения воды летом. Также отправляется для вас Верхний Египет в Нижний Египет и Нижний Египет в Верхний Египет вместе с эммером, ячменем, пшеницей, солью и бобами без числа» [312, с. 231].

⁶⁶ Согласно данным одного неопубликованного, принадлежащего А. Гардинеру папируса, датированного 36-м годом царствования Рамсеса II, большое количество различных предметов было продано за 3 дебена и 8 кусков серебра [499, с. 48].

⁶⁷ Об административном аппарате см. [215; 310; 560].

⁶⁸ Очень сложный вопрос о причинах развития процесса постепенной экономической и политической дестабилизации Египта, ставшей особенно ощутимой в конце эпохи Рамессидов, заслуживает специального изучения. Этот вопрос невозможно решать на материалах одного царствования.

⁶⁹ В эпоху Рамессидов широкое развитие получило частное землевладение.

в форме условного служилого землепользования и частной подчиненной земельной собственности [77, гл. III].

О подчиненной частной земельной собственности во времена Рамсеса II сообщает запись о длительном судебном разбирательстве по делу о наследовании земли частными лицами [246]. Большое значение для характеристики социально-административной структуры Египта в годы царствования Рамсеса II, конечно, имеют надписи его современников, в которых затрагиваются проблемы социального и административного характера. Полагаем, однако, что анализ этих надписей, собранных в публикации К. А. Китчена [344, т. III, вып. 1—5, 1979, вып. 6—28, 1980], есть задача особого, специального исследования, которое можно производить, лишь учитывая данные документов всей эпохи Рамессидов, а не только времени Рамсеса II (несколько писем современников Рамсеса II сохранилось в собрании Лейденских папирусов) [322].

⁷⁰ Проблему взаимоотношений Рамсеса II со жречеством удобнее осветить на примере отношения к власти фараона «первых жрецов» Амуна в Фивах.

⁷¹ Культ Сетха (Сутеха) был в значительной мере семейным в роду Рамсеса II и наибольшего развития достиг в резиденции Рамессидов — в городе Пер-Рамсес. Следует отметить, что как бы в виде компенсации за почитание Сетха (Сутеха) при Сети I и Рамсесе II было осуществлено большое храмовое строительство в Абидосе в честь культа Осириса (и других богов). Владения храмов в Абидосе были весьма значительны и существовали даже за пределами Египта, например в Нубии, в местности Наури [36].

⁷² По мнению М. Э. Матье, стремление Рамсеса II противопоставить культ Птаха культу Амуна-Ра, с тем чтобы превратить Птаха (в ущерб Амуну-Ра) в верховное божество, нашло свое отражение в развитии мемфисской художественной школы и в изменении иконографии Птаха [52, с. 27—41].

Нам, однако, представляется, что действительно наблюдавшийся во времена Рамсеса II расцвет культа Птаха был проявлением естественной тенденции усиления позиций северных культов [в том числе и культов Сетха (Сутеха) и богини Нейт] в период, когда резиденцией фараона стал город Пер-Рамсес в дельте Нила. Видеть в этом отражение борьбы Рамсеса II с фиванским жречеством Амуна-Ра нет необходимости.

⁷³ Мнение о том, что фараоны Рамессиды пытались вести борьбу с культом фиванского Амуна-Ра, ориентируясь на северные культы Сетха и Птаха, является довольно распространенным (см., например, [116; 312, с. 240]).

Обратим, однако внимание на то, что Рамсес III, который повторил на первом пилоне своего храма-дворца в Мединет-Абу текст абу-симбельского благословения Рамсеса II Птахом-Таненом, переадресовав его себе (перевод см. [137, т. III, § 394—414, с. 175—182]), тем не менее, согласно данным большого папируса Гарриса, передал в храмы, связанные с культом фиванского Амуна-Ра, 80,63% всех земель, зафиксированных в этом документе, а в храм Птаха — только 0,95% (см. [312, с. 241]). Таким образом, должное внимание к культу мемфисского Птаха (Птаха-Танена), естественное для времени Рамессидов, когда политический центр страны переместился на север, как нам представляется, не было связано со стремлением создать какой-то противовес культу фиванского Амуна-Ра и потому не влияло на традиционное покровительство этому культу.

⁷⁴ Об азиатских богах в пантеоне Египта см. [277; 303, с. 482—514; 378, с. 437—442; 538].

⁷⁵ «Х. Кеес придерживается другого мнения: он полагает, что культ Сутеха в Аварисе был привнесен в Египет гиксосами [332, с. 364]. Однако никаких доказательств этого нет» [41, с. 113, примеч. 5].

⁷⁶ В Танисе была обнаружена происходящая из Пер-Рамсеса скульптурная группа, изображающая Рамсеса II и богиню Анат сидящими на троне [50, с. 179, ил. 102].

⁷⁷ В правление последней представительницы XIX династии, царицы Таусерт, большого влияния достиг ее фаворит Бийя, семит по происхождению. Возможно, именно он упоминается в исторической части большого папируса Гарриса в качестве сирийца, захватившего власть в Египте [242].

⁷⁸ В данном вопросе мы придерживаемся традиционной точки зрения, разделяемой многими египтологами. Между тем в 1960 г. Ж. Пдзэнер опублико-

вал работу, в которой пытался опровергнуть тезис об обожествлении фараона при его жизни на основе рационалистического анализа разнообразных текстов, отмечающих несовершенство человеческой природы фараона [465]. С выводами и аргументацией этой работы, в которой с позиций современной рациональной логики и современных представлений об абсолютном могуществе бога оценивается понимание божества древними египтянами, мы согласиться не можем, и потому мы полностью солидарны с той острой критикой, которой подверг труд Ж. Позенера Г. Кеес [336]. Не можем мы также принять и предположение Л. Хабаши, будто бы прижизненного и посмертного обожествления удостоивались лишь те фараоны, которые, подобно Рамсесу II, имели особые заслуги перед своей страной и своим народом [286, с. 46, 51]. Подобная гипотеза, на наш взгляд, модернизирует мировоззрение древних египтян.

⁷⁹ Юбилей «тридцатилетия» (хеб-сед) выражали идею магического омоложения фараона, а также подтверждали право последнего занимать престол владыки Египта (см. [53]).

⁸⁰ О первых четырех юбилеях Рамсеса II см. также [344, т. II, вып. 7, 1976, с. 377—393].

⁸¹ Хаемуас, бесспорно, руководил проведением первого, второго, третьего и четвертого юбилеев «тридцатилетия» (хеб-сед) своего отца в 30, 34, 37 и 40-й годы царствования Рамсеса II. Участие Хаемуаса в организации пятого юбилея в 42-й год царствования Рамсеса II также возможно (см. [273, с. 28—32]).

⁸² Роскошная гробница Хаемуаса, о которой мы не можем сейчас составить ясного представления, по-видимому, находилась в северной части Саккары, в непосредственной близости к Серапеуму. В более позднюю эпоху, когда гробница уже разрушилась, саркофаг с телом Хаемуаса был помещен в небольшой подземный склеп в Серапеуме, где его нашел Е. Мариетт [273, с. 51—52].

⁸³ А. Готье упоминает только 51 сына Рамсеса II [258, с. 80—101].

⁸⁴ Фл. Питри насчитывает только 59 дочерей Рамсеса II [453, с. 82].

⁸⁵ Все сведения о женах и детях Рамсеса II собраны в работе Фарука Гомаа [273].

⁸⁶ К. Зееле полагал, что у Рамсеса II были два сына, носившие имя «Хаемуас» [506, с. 37, примеч. 46]. Однако впоследствии было установлено, что существовал только один Хаемуас и именно он изображен в храме Бейт эль-Вали вместе со старшим сыном Рамсеса II, рожденным Нефертари-Меренмут, — царевичем Аменхерунемефом [273, с. 7, 9—11, 15; 324, с. 33, примеч. 2, с. 34—36; 529, с. 275].

⁸⁷ Подробные сведения о том, в каких памятниках упоминаются члены семьи Рамсеса II, собраны в работах А. Готье и Фарука Гомаа [258, с. 74—113; 273].

Надписи, сообщающие о семье Рамсеса II, собраны в публикации К. А. Китчена [344, т. II, вып. 22, 23, 1979].

⁸⁸ О египетских корнях библейского предания об Иосифе см. [44, с. 81—129; 45, с. 365—369; 321, с. 63—72; 383, с. 94—135; 387; 484; 550].

⁸⁹ Имя «Моисей» вопреки библейской этимологии «из воды взят» восходит к египетскому имени «Mśj» («рожденный») (см. [54, с. 122, № 13; 62, с. 81]).

⁹⁰ «Дошедший до нас масоретский текст, или *textus receptus*, основан на хорошей рукописной традиции» [21, с. 44].

⁹¹ Данное место В. В. Струве переводил: «Израиль опустошен, его посевы уничтожены» [71, с. 26]. Нам, однако, представляется более точным перевод: «Израиль опустошен, нет семени его» (*jsrlr fkt bn pr.t.f.*), поскольку здесь имеется в виду отсутствие у Израиля как народа (слово «Израиль» детерминируется знаками сидящих мужчины и женщины) не хлебов или посевного зерна, а семени, т. е. потомства (см. [Wb. I, 531] *pr.t—I Allgemein. Nachkommen, Kinder... Besonders auch die Nachkommenschaft der soll...*). Кажется маловероятным, чтобы у народа, который к началу царствования Мернептаха еще совсем недавно вел в основном пастушеский образ жизни, главным признаком опустошения была бы гибель не скота, а посевов или запасов зерна.

⁹² Данный текст неоднократно переводился и интерпретировался многими

исследователями в связи с проблемой пребывания израильтян в Египте (см. [137, т. III, § 638; 149, с. 293—295; 469]).

⁹³ Взгляды В. В. Струве по проблеме пребывания израильтян в Египте, изложенные им как в двух больших очерках, так и в небольшой статье [71; 72, с. 45—64; 74], были подвергнуты критике со стороны С. Я. Лурье и А. Б. Рановича [44, с. 81—129; 45, с. 365—369; 67; 67а, с. 187—201; 383, с. 94—135].

Проблеме пребывания израильтян в Египте из советских историков кроме В. В. Струве в 20-е годы специальное внимание уделил С. Я. Лурье. Полагая, что библейское предание о египетском плене израильтян возникло в Египте в VIII—VII вв. до н.э. в еврейской среде египетской диаспоры на основе обработки воспоминаний о многократном приходе в Египет азиатов-семитов, С. Я. Лурье особо отметил в библейском рассказе многочисленные египетские лексические, мифологические и литературные заимствования [44, с. 81—129; 45, с. 365—369; 383, с. 94—135].

⁹⁴ Этимология ошибочна. В действительности термин «гюксос», или «гиксос», «гиксосы», восходит к египетскому словосочетанию, буквально означающему «правители чужеземных стран».

⁹⁵ Помимо Манефона, писавшего на греческом языке, ранним эллинским информатором об «исходе» евреев из Египта был Гекатей Абдерский, живший в Египте при Птолемеи I. (Соответствующий отрывок из труда Гекатея Абдерского сохранился в сочинении Диодора, в кн. 40.) Подобно Манефону, Гекатею Абдерскому опирался на иудейскую библейскую традицию [55, с. 44—53].

⁹⁶ По-видимому, можно согласиться с мнением С. Я. Лурье, который полагал, что библейский рассказ о пребывании израильтян в Египте возник в Египте в период правления фараонов эфиопской династии (VIII—VII вв. до н.э.) в среде евреев египетской диаспоры, причем в основе рассказа лежат воспоминания о неоднократных приходах в Египет азиатов-семитов. Египетское происхождение рассказа подтверждается определенным знакомством с египетскими условиями его авторов, которые употребляли египетские слова и показали знание египетского ритуала и придворного этикета [44, с. 81—129; 45, с. 365—369; 383, с. 94—135].

⁹⁷ Ю. фон Бекерат утверждает, что с научной точки зрения сообщение Библии о пребывании израильтян в Египте не может быть признано реальным хотя бы в какой-то степени. В действительности, по его мнению, Библия передает записанное в XIII в. до н.э. предание ханаанского населения Палестины о времени гиксосского владычества в Египте ханаанцев, причем там, где «традиция рассказывает об угнетении со стороны египтян (вместо действительной основы „исхода“ — изгнания Яхмосом I), это угнетение теперь иллюстрируется ссылкой на строительство городов Раамсес и Питом, осуществленное Рамсесом II, который, несомненно, ко времени записи (предания) везде в Палестине был известен и о котором также и палестинские пленные могли упоминать примерно со времен войн Сети I» [116, с. 68]. В логике рассуждений Ю. фон Бекерата настораживает только одно обстоятельство: остается открытым вопрос о том, почему, просуществовав около 400 лет, предание ханаанцев о времени господства в Египте гиксосов в конечном счете оказалось вытесненным совсем другим преданием — о притеснении, испытанном израильтянами при Рамсесе II в связи со строительством городов Раамсес (Пер-Рамсес) и Питом. На осуществление такой подмены преданий должны были, как нам представляется, оказать воздействие какие-то реальные исторические факты, а именно должны были проявить себя воспоминания о реальном притеснении, испытанном кем-то уже при Рамсесе II при строительных работах в Дельте. Не исключено, что в последнем случае информаторами, определившими возникновение предания о притеснении, испытанном при Рамсесе II, могли стать упомянутые Ю. фон Бекератом пленные Сети I (или представители каких-то иных групп семитов, проникших в Дельту). Однако нет никаких данных, которые категорически свидетельствовали бы о том, что среди тех, кто подвергся притеснению в связи со строительством городов Раамсес и Питом, не могло быть и представителей израильских племен. Вопрос о том, соответствует ли исторической истине рассказ Библии о пребывании израильтян в Египте, в настоящее время остается открытым из-за отсутствия какого-либо

беспорного внебиблейского свидетельства на этот счет (см. об этом также [34, с. 231]).

⁹⁸ Как указывает И. П. Вейнберг, «не углубляясь в дискуссию о характере проникновения древнееврейских племен в Палестину, отметим лишь две доминирующие в современной библеистике интерпретации этого процесса: по мнению А. Альта (A. Alt. *Die Landnahme der Israeliten von Palästina*.— KSGVI, с. 89—125 и др.) и его школы, имела место постепенная и в основном мирная инфильтрация отдельных групп в не занятые ханаанскими городами-государствами районы Палестины с последующим столь же постепенным покорением страны, что нашло свое отражение в описании этого процесса в кн. Судей. У. Ф. Олбрайт (W. F. Albright. *From the Stone Age to Christianity*. N. Y., 1957, с. 215 и др.) и его последователи, опираясь на археологические данные о разрушении в 14—13 вв. до н. э. ряда ханаанейских городов, склонны признавать достоверность описанного в кн. Иисуса Навина завоевания страны в результате совместного одновременного военного похода древнееврейских „колен“. Отнюдь не претендуя на решение этого спорного вопроса, возможным представляется компромиссное предложение (Sh. Yeivin. *The Israelite Conquest of Canaan*. Istanbul, 1971, с. 71): в 14 в. до н. э. началась инфильтрация в Палестину отдельных групп древнееврейских племен, приобретающая с течением времени характер широкого миграционного потока, который сопровождался нараставшей военной конфронтацией с ханаанейскими городами-государствами и постепенным завоеванием страны; к концу 13 в. до н. э. основная часть Западной Палестины находилась во власти древнееврейских племен» [28, с. 64—65].

ХЕРИХОР

¹ «Hr (i) Hr» — буквальное значение имени «мой владыка Гор».

² В антиэпизе: Рамсес XIII (точнее, XII, кстати, такой фараон или царевич не засвидетельствован источниками) — Херихор на Б. Пруса могли повлиять и его антиклерикальные настроения, и его иллюзии и надежды, связанные с воцарением молодых императоров — Николая II и Вильгельма II, противопоставляемых им Победоносцеву и Бисмарку (см. примечания Е. Цыбенко к русскому изданию романа Б. Пруса [66, с. 715—719]).

³ Уже после второй мировой войны Ч. Ф. Нимс специально занимался изучением надписей и изображений храма Хонсу с целью подготовки их полного научного, удовлетворяющего современным требованиям издания [437, с. 162, примеч. 16]. (Ч. Ф. Нимс являлся членом эпиграфической экспедиции Чикагского восточного института.) К сожалению, однако, из-за крайне скверного состояния надписей, покрывающих стены храма Хонсу, новое, критическое издание этих текстов до сих пор так и не появилось (см. [563, с. 1, примеч. 1, с. 3—4, примеч. 13]. Нет этих надписей и в вышедших из печати выпусках обширной публикации текстов эпохи Рамессидов, осуществляемой К. А. Кит-ченем [344]).

⁴ На фаянсовой вазе № 3795 из Каирского музея Херихор титулован как фараон. Фараоном он представлен и в надписях переднего двора храма Хонсу, в надписях по бокам на косяках прохода из гипостильного зала в святилище и в одной строке текста в большом гипостильном зале Карнака (Херихор здесь наделен эпитетом «сын Амуна»; см. [112, с. 60, 257; 347, с. 20—21, § 17, с. 251, примеч. 42; 563, с. 4, примеч. 13]). Херихор характеризуется как фараон также и в тексте «Книги мертвых», принадлежащей его жене Неджемет, в которой он предстает в качестве «первого жреца» Амуна и фараона.

⁵ Папирус Британского музея 10541 (табл. 2) имеет справа боковое продолжение, распадающееся на три секции. В первой секции Херихор и Неджемет изображены молящимися [145, с. 178, табл. X; 146, табл. I—X]. Вторая и третья секции упоминаются в [264, фиг. 29, 206]. В издании 1964 г. обе эти секции обозначены как фиг. 214 [265; см. также 258, § X; 347, с. 42, примеч. 173]. В Британском музее хранится, кроме того, отрывок иератического текста «Книги мертвых» (№ 10490), о владелице которого сказано, что она «царская мать» Неджемет, дочь «царской матери» Хереры [146, табл. I—X].

Отношение этого отрывка к основному тексту «Книги мертвых», принадлежащей жене Херихора Неджемт (Par. Brit. Mus., № 10541), не ясно. О невозможности традиционного отождествления данной Хереры (как тещи Херихора) с Херерой, фигурирующей в письмах преемника Херихора Пианха — скорее всего в качестве жены последнего [171, № 2, 30, 38, 39; 563, с. 20, 65—66, 74], у нас пойдет речь ниже [120, с. 311; 347, с. 43, примеч. 184, 188, с. 44, примеч. 189—191; 564, с. 173, примеч. 145].

⁶ По поводу датировки, присутствующей в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», в египтологической литературе были высказаны различные суждения: как полагали А. Эрман и Дж. Брестед, в данном случае имелся в виду 5-й год царствования Рамсеса XI (XII) [137, т. IV, § 557; 221, с. 225]. Эд. Мейер считал, что под 5-м годом подразумевался 5-й год совместного правления Несубанебджеда (Смендеса) в Танисе и Херихора в Фивах после смерти последнего Рамессада. К аналогичному выводу пришел и Ю. фон Беркерт [116, с. 89; 407, с. 497]. В настоящее время большинство исследователей согласны с мнением Г. Кееса, что 5-й год, упоминаемый в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», — это 5-й год эры «Повторения рождений», или, иначе, 23-й год царствования Рамсеса XI (последнего Рамессада) [334]. (По вопросу о датировке в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» см. также [40, с. 34].)

⁷ Дж. Брестед первым увидел в надписи на гробе Сети I слово, обозначающее титул «визирь» [137, т. IV, с. 288; 563, с. 3, примеч. 13].

⁸ О «Книге мертвых» Неджемт см. также [145, с. 178, табл. X; 146, табл. I—X; 258, § X; 264, фиг. 29, 206; 265, фиг. 21; 347, с. 42, § 38, примеч. 173—180; 396, с. 648, 650, 677, 678; 523, с. 14—15, № 10541].

⁹ Согласно Эд. Ф. Венте [564, с. 174, примеч. 149], выражение «mst k; nht» не может быть переведено как «рожденная могучим быком», поскольку в последнем случае должна была бы быть использована скорее конструкция «irt n k; nht». С таким выводом согласен и К. А. Китчен [347], тем более что Неджемт в тексте папируса Британского музея № 10490 фигурирует как «царская мать», но не как «царская жена» или «царская дочь». Титул Неджемт «царская мать» вызвал еще у Эд. Навилля предположение, что данная Неджемт была матерью Херихора [432, с. 29—32]. Проблема эта долго дискутировалась. Мнение Э. Навилля, однако, не поддержали ни Г. Масперо, ни А. Видеманн. Не получила признания и гипотеза В. Врещинского, будто бы существовали две Неджемт, из которых одна была матерью, а другая — женой Херихора [578]. В конце концов стало ясно, что была лишь одна Неджемт, которая являлась женой Херихора [258, с. 236; 347, с. 44, примеч. 191, § 39, с. 251, примеч. 41]. Однако сам титул Неджемт, утверждающий ее достоинство «царской матери», «родившей могучего быка», все еще беспокоит исследователей, поскольку известно, что у Неджемт жены Херихора не было родных детей, претендовавших на царский титул. В итоге было выдвинуто даже предположение, что Неджемт (а следовательно, и Херихор) являлась родительницей танисского фараона Несубанебджеда (Смендеса) или по крайней мере родительницей жены последнего. (Упоминание «могучего быка», т.е. фараона, рожденного Неджемт, по мнению Эд. Ф. Венте и К. А. Китчена, свидетельствует, впрочем, скорее в пользу первого допущения [347, с. 43, примеч. 186; 39, с. 44, примеч. 191; 564, с. 174, примеч. 149].) К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся.

¹⁰ Раньше Херера, о которой говорится в четырех письмах времени Пианха, как мы уже отмечали, отождествлялась с Херерой — матерью Неджемт (т.е. с тещей Херихора). В настоящее время подобное отождествление резонно поставлено под сомнение; скорее всего данная, другая Херера была женой Пианха [120, с. 311; 347, с. 44—45, примеч. 196, 197; 564, с. 173—174, примеч. 145].

¹¹ О дискуссии, возникшей в связи с интерпретацией текста оракула от 7-го года эры «Повторения рождений», см. [116, с. 111; 242, с. 305; 306, с. 204—205; 317, гл. XIII, с. 102, примеч. 5; 318, с. 319; 335, с. 14—15; 347, с. 17—23, примеч. 75, 76, 81—87, § 15—19; 563, с. 3, примеч. 18; 564, с. 175; 576, с. 306—307; 580, с. 109—110, 112, примеч. 64]. Высказанное Эд. Ф. Венте

предположение, что Пианх не был сыном Херихора [566, с. 36—38], мы специально рассмотрим ниже.

¹² В начале 70-х годов М. Л. Бизбрайе высказал предположение, что непосредственным предшественником Херихора в должности верховного фиванского жреца был не Аменхотеп, а ранее никому не известный «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, Рамсесунахт II [123]. С аргументацией М. Л. Бизбрайе мы, однако, согласиться не можем. Так называемый Рамсесунахт II, по нашему мнению, никогда не существовал [80].

¹³ У Херихора было 19, а может быть, и 20 сыновей и не менее 5, если не 19 дочерей.

¹⁴ Впоследствии Эд. Ф. Венте, как мы уже указывали, добавил еще один, и, как ему представляется, решающий, аргумент в поддержку своей интерпретации титулов Неджефт, а именно то, что Неджефт не была матерью Пианха и, стало быть, не являлась бабушкой Пиноджема I [566, с. 37—38]. Насколько спорен подобный тезис, мы уже говорили выше.

¹⁵ Вот почему, как отмечает Эд. Ф. Венте, «Неджефт не смогла получить титул „царской матери“ (king's mother) в надписях, составленных при ее жизни» [564, с. 174].

¹⁶ Как писал А. Гардинер, «ранние стадии карьеры Херихора окутаны тайной» [242, с. 302]. Об интересующих нас проблемах генеалогии см. также [122].

¹⁷ По словам В. Хелка, «царский сын Куша» Панехси вторгся в Фиваиду потому, что хотел вырвать у верховного фиванского жреца Аменхотепа контроль над так называемыми землями «хата фараона» [312, с. 242, 247]. Если согласиться с таким выводом, то, казалось бы, можно было бы обосновать мысль, что вторжение войска Панехси в Египет было экономически выгодно для фараона Рамсеса XI. Между тем, хотя, по данным Туринского папируса 1895+2006, руководство в районе Фив землями «хата фараона» в 12-й год царствования Рамсеса XI действительно осуществлял Панехси, сведений о том, что делал он это с пользой для фараона, нет. Тем самым из данного факта невозможно извлечь дополнительное подтверждение справедливости тезиса о желательности для Рамсеса XI вторжения воинства Панехси в Египет.

¹⁸ Как отмечал и Эд. Мейер, «все его (Херихора.—И. С.) преемники по верховной жреческой власти удерживали военный титул» [407, с. 499].

¹⁹ В противоположность Г. Кеесу В. Хелк считает, что после провозглашения эры «Повторения рождений» в Фивах при Херихоре вновь утвердилась власть верховного жреца, пришедшая на смену «военной диктатуре» Панехси [306, с. 204].

²⁰ Предположение М. Л. Бизбрайе о существовании у «первого жреца» Амона Аменхотепа сына и наследника, некоего Рамсесунахта II [123, с. 195—199], как мы уже имели возможность показать, не является убедительным [80].

²¹ Как писал Г. Масперо, «вероятно, Херихор непосредственно наследовал Аменхотепу» [395, с. 562]. По словам Ж. Веркуттера, фараон, устранив Аменхотепа (?—И. С.), «какое-то время остерегался назначить преемника, но вскоре, то ли потому, что почувствовал себя неспособным управлять самостоятельно (?—И. С.), то ли потому, что оставшееся жречество оказало на него сильное давление (?—И. С.), то ли потому, наконец, что, будучи малопроницательным (?—И. С.), он просто пожелал возвысить фаворита, Рамсес XI назначил Херихора великим жрецом Амона» [548, с. 100].

По мнению А. Гардинера, Херихор мог получить титул «царского сына Куша» вместе с другими должностями «не ранее чем после поражения Панехси» [242, с. 302]. Согласно утверждению Г. Фехта, хотя и не исключена полностью возможность существования какого-то эфемерного верховного фиванского жреца, который бы наследовал должность Аменхотепа непосредственно перед приходом к власти Херихора, для него все же «наиболее вероятным является то, что Херихор непосредственно следовал за Аменофисом» (Аменхотепом) [230, с. 25].

Как считал Я. Черны, «Херихор был зятем (?—И. С.) Аменхотепа и мог иметь право, более чем кто-либо другой, наследовать ему в должности верховного жреца; существует также возможность, что после захвата свободной должности верховного жреца он (Херихор.—И. С.) должен был жениться на Ноджиме (Неджефт.—И. С.), приобретя некоторое дополнительное (право)

претендовать на нее (т.е. на должность.—И. С.). Кажется, таким образом, почти определенным, что своим падением Аменхотеп был обязан не Херихору, но только Панехси. Нельзя точно установить дату, когда Херихор стал верховным жрецом. Безопасно может быть резюмировано только то, что это событие имело место в какое-то время между занятием Фив Панехси, вероятно незадолго до 12-го года правления Рамсеса XI, и 19-м годом того же фараона, так как неназванный верховный жрец, современник папируса о разграблении гробниц, должен был быть Херихором» [168, с. 33].

По словам В. Хелка, «верховный жрец *ḥm-nḥr*, вероятно, в этих сражениях (т.е. в борьбе с Панехси.—И. С.) лишился жизни, поскольку он более не „упоминается“, что же касается Херихора, то он стал военачальником при Р; *nḥsj* (?—И. С.)» [306, с. 203—204].

Как полагал Г. Кеес сообразно со своей концепцией о первоначальном союзе Панехси с Херихором, сам Панехси назначил Херихора на свободную должность «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [334, с. 1—20]. Такого же мнения придерживается и Г. Фехт. Последний считает, что Херихор был финансовым верховным жрецом в течение всего периода господства в Фивах Панехси [230, с. 26].

²² Как заявляет Э. Горнунг, имея в виду «должностное время Херихора» (*Die Amtszeit Herihors*), «его начало в 18-й или 19-й год правления Рамсеса XI установлено прочно» [318, с. 439 (2)].

²³ Как справедливо подчеркнул В. Хелк, эра «Повторения рождений», вопреки мнению Ю. фон Бекерата, не могла быть введена в Фивах фараоном якобы после восстановления мира в древней столице с помощью Панехси [116, с. 94]. «Определяющим период *whm mswt* является... как раз то, что он празднует вытеснение Р; *nḥsj*, который с его (т.е. периода *whm mswt*.—И. С.) введением исчез (со страниц) истории и был детерминирован как „павший враг“» [307, с. 176, примеч. 7].

²⁴ По поводу спора между Ю. фон Бекератом и Г. Кеесом о том, кто был инициатором введения эры «Повторения рождений» — Рамсес XI или Херихор, следует сказать, что возникнуть этот спор мог только потому, что Ю. фон Бекерат обратил главное внимание на внешние признаки эры «Повторения рождений», содержащей идею торжества фараона над своими врагами, тогда как Г. Кеес отметил первенствующее значение реальных обстоятельств, свидетельствующих о господстве в Фивах (при введении новой эры) Херихора [116, с. 91, 93—94, 111; 334, с. 1—20; 335, с. 6].

Мы полагаем, что, когда провозглашалась эра «Повторения рождений», «первый жрец» Амуна-Ра преследовал цель под прикрытием официально декларируемой преданности Рамсесу XI облегчить для себя постепенный захват фактической власти в древней столице Египта. Если, согласно справедливому мнению Г. Кееса, сам Херихор и был фактическим учредителем новой эры, то оформлена эта эра была, на что указал Ю. фон Бекерат, явно в качестве детища сугубо царской инициативы (правда, не в знак победы Панехси, как полагал Ю. фон Бекерат, а по прямо противоположной причине).

(История вопроса об эре «Повторения рождений» подробно изложена в уже упоминавшихся работах Г. Кееса и Ю. фон Бекерата [204, с. 389].) Первым, кто определил время «Повторения рождений» как эпоху официальной реставрации власти фараона после периода вторжения в Фивы воинства Панехси, был Т. Пит [452, с. 67].

С этим выводом впоследствии согласились Я. Черны и Г. Лефевр [172, с. 194—198; 368, с. 199].

²⁵ Визирь Небмаатранхт в 19-й и 20-й годы царствования Рамсеса XI (1-й и 2-й годы эры «Повторения рождений») руководил в Фивах судебными разбирательствами по делам о грабежах в храмах и в царском некрополе [см. папирус Ливерпульского музея, № 11162 (папирус Майер А), папирус Британского музея, № 10052, папирус Британского музея, № 10383, папирус Британского музея, № 10221 (папирус Аббот)] [449, т. I, с. 129—169, т. II, табл. XXIII—XXIV, стк. 6—7, 20, табл. XXV—XXXV, стк. 4, 4; 451].

²⁶ Дж. Брэстед утверждал, что в храме Хонсу «со времени Рамсеса III были закончены лишь святая святых и задние покои» [25, т. II, с. 202]. Однако, как свидетельствует К. Михаловский, гипостильный зал существовал уже

при Рамсесе III [57, с. 28, фототаблица № 85—«Храм Хонсу. Северо-восточная угловая часть гипостильного зала времени Рамсеса III»; см. также 137, т. IV, с. 299, § 608].

²⁷ Как мы уже отмечали, храм Хонсу нуждается в тщательном изучении с целью издания на современном научном уровне его многочисленных изображений и надписей. К сожалению, такая работа не осуществлена, хотя еще в 1967 г. Эд. Ф. Венте с полным основанием писал: «Храм Хонсу, все еще неадекватно описанный, требует серьезного рассмотрения, поскольку он является главным источником документации о верховном жреце и царе Херихоре» [563, с. 1, примеч. 1].

²⁸ Может быть, не без желания довести до сведения прежде всего широких масс простого народа Фив свой замысел захватить высшую власть в стране Херихор и повелел начертать (в полном наборе) свои титулы фараона в переднем дворе храма Хонсу.

²⁹ Полагаем, что нет никаких оснований допускать личное присутствие Рамсеса XI во всех тех обрядовых действиях, которые в соответствии с традицией должны были возглавляться фараоном и потому вместе с ним и были зафиксированы в гипостильном зале храма Хонсу. Противоположное мнение Дж. Брестеда, как нам кажется, не столько соответствует истине, сколько красочно и увлекательно: «Подобно причрачному калифу, перевезенному египетскими султанами из Багдада в Каир и некоторое время сохранявшему там свои мнимые прерогативы, несчастный Рамсес XII (т.е. Рамсес XI.—И. С.) был переселен в Фивы из своей резиденции в Дельте, с тем чтобы церемониал древней фараонической традиции мог поддерживаться еще в течение короткого времени» [25, т. II, с. 202].

³⁰ Я. Черны полагает, что для захвата должностей Панехси Херихору требовалось лишь изгнание последнего из Фив. Он пишет: «Скоро после 17-го года (в этот год царским сыном Куша является еще Панехси) Херихор должен был сделать следующий шаг в направлении расширения своего могущества путем притязания на титулы и должности Панехси как царского сына Куша и начальника южных стран» [168, с. 33].

³¹ В надписи на гробе Сети I Херихор назван «визирем, начальником войска и „первым жрецом“ Амуна-Ра, царя богов». В испорченной надписи на крышке гроба Рамсеса II Эд. Ф. Венте, как и Дж. Брестед, обнаружил титулатуру Херихора аналогичного характера: «визирь (Г. Даресси ошибочно читал соответствующее слово как царь), великий начальник войска во всей земле, „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов» [563, с. 3, примеч. 13].

³² По мнению А. Вайля, «на протяжении всего Нового царства, вплоть до конца XXII династии, существовала тесная связь между визирями и верховным жречеством Амона» [560, с. 174]. В то же время Г. Лефевр утверждает, что визирь Пасер, сын Небчеру, был лишь одноименным современником «первого жреца» Амуна-Ра Пасера, известного по каирской статуе № 42156. Что же касается «первого жреца» Амуна-Ра Рамсесунахта (отца Аменхотепа), которому А. Вайль приписывал исполнение должности вернеегипетского визира [560, с. 114, 171], то, по словам Г. Лефевра, в данном случае А. Вайлем была допущена ошибка, вызванная неточной интерпретацией стк. 2 очень испорченной записи на каирском остраконе № 25271 [367, с. 63, примеч. 3, 4]. О совмещении в руках одних и тех же лиц светских и жреческих должностей см. [81, с. 47—56; 104, с. 68; 105, с. 7—8; 215, с. 156; 494, с. 32, 33, 171; 560, с. 69, 70, 73—76, 89—90, 93—95, 102, 104, 111, 114—115, 170, 174].

³³ По словам К. А. Китчена, до Херихора «в течение всего предшествующего (периода) Нового царства ни один верховный жрец Амуна... не обладал собственными военными титулами... Только двое [Рама-Раи и Бакенхонсу В (т.е. II.—И. С.)] были начальниками отрядов молодых воинов Амуна или его хозяйства, т.е. чисто внутренними распорядителями человеческой энергии владений Амуна в Фивах, и не имели ничего общего с реальными военными силами Египта» [347, с. 18—19, примеч. 80].

³⁴ Текст А на свитке папируса в виде вертикальных строк, располагающихся справа налево.

³⁵ Текст В на цоколе статуи в виде одной строки, идущей справа налево [367, с. 66—67].

³⁶ Текст на статуе, извлеченной Ж. Легреном из карнакского тайника во дворе перед VII пилоном, отражает определенный этап в развитии концепции амунократии — фиванской религиозно-политической доктрины, с помощью которой Херихор стремился обосновать свои честолюбивые притязания. Хронологически данный текст, по-видимому, очень близок времени фиксации в переднем дворе храма Хонсу решения оракула Хонсу и Амуна. Возможно, текст на статуе немного более позднего происхождения, коль скоро в самом оракуле Херихор еще прямо визирем не называется.

³⁷ Как справедливо констатирует К. А. Китчен, «это царство полностью замыкалось в храмовых стенах в пределах Карнака и в заупокойном снаряжении Херихора и его семьи» [347, с. 20—21, § 17].

³⁸ Как мы уже отмечали, о царском звании Херихора свидетельствуют помимо надписей переднего двора, косяков прохода из гипостильного зала в святилище и пилона храма Хонсу еще одна строка текста в большом гипостильном зале центрального храма Карнака, надпись на фаянсовой вазе из Каирского музея № 3795 и записи в «Книге мертвых», принадлежавшей жене Херихора Неджемет [112, с. 60, 257; 124, № 3795, с. 61; 258, с. 236, § XVIII; 347, с. 20—21, § 17, с. 251, примеч. 42; 563, с. 4, примеч. 13].

³⁹ Противоположная точка зрения о значении, для установления времени смерти Херихора, оракула, датированного 7-м годом эры «Повторения рождений», высказана в следующих работах [317, с. 102, примеч. 5; 318, с. 439; 335, с. 14—15; 437, с. 161; 580, с. 112, примеч. 64].

⁴⁰ Мнение, что Херихор унаследовал власть от последнего Рамессиды, на долгие годы, как мы уже отмечали, стало общепризнанным и потому отразилось и в популярном романе Б. Пруса. Об этой традиционной точке зрения см. также [137, т. IV, с. 295, § 605, с. 304—307, § 619—626; 258, § XII, примеч. 4].

⁴¹ К проблеме датировки путешествия Ун-Амуна мы еще вернемся несколько ниже.

⁴² Оба имени Херихора заключены в картуши.

⁴³ В тексте на фасаде возведенного им пилона перед передним двором храма Хонсу Херихор характеризуется именами и титулами, аналогичными тем, которые встречаются в надписях переднего двора [158, т. II, с. 226; 381, ч. III, с. 248, i, h].

⁴⁴ На стеле изображены Пианх, Несиамур и Несиаун. Первый показан в спокойной позе, с опущенными вдоль туловища руками; второй представлен в жреческом одеянии — в шкуре пантеры со свисающим хвостом; третий зафиксирован в позе прославления, с высоко поднятыми руками.

⁴⁵ Здесь стоит необычно выписанная иероглифическая группа, соответствующая, как указывает Ч. Ф. Нимс, слову *špw* [437, с. 159, примеч. «с»].

⁴⁶ По мнению Ч. Ф. Нимса, здесь в начале стк. 13 прослеживаются знаки выражения *m[t]r* [437, с. 159, примеч. «с»].

⁴⁷ По мнению Ч. Ф. Нимса, в начале стк. 14 прослеживается запись слова *smn* («укреплять») [437, с. 159, примеч. «g»].

⁴⁸ По мнению Ч. Ф. Нимса, в третьем слове от начала стк. 14 (*sk*;) присутствует детерминатив, указывающий на то, «что этот пьедестал имел прикрепленные шесты и таким образом был переносимым» [437, с. 159, примеч. «h»].

⁴⁹ В начале стк. 17, ссылаясь на мнение Г. К. Хьюджеса, Ч. Ф. Нимс предлагает приблизительное восстановление знаков в лакуне как *[k pr]*, т. е. как *p; [j] - [k pr] = th [y] [estate]* [437, с. 159, примеч. «k»].

⁵⁰ *hn r wr spj*; см. Wb. II, 492, 494. Как полагает Я. Черны, данное выражение можно переводить иначе: «дважды энергично двинулся вперед», поскольку, по мнению Я. Черны, при положительном ответе оракула переносные носилки со статуей божества двигались вперед, а при отрицательном — назад [169].

⁵¹ Восстановление слова в лакуне как *špnw* было предложено А. Гардинером и Я. Черны [437, с. 159, примеч. «o»].

⁵² *iw.f ditiwd* = caused (the) setting apart [437, с. 159, примеч. «p»].

⁵³ *rwḏw*.

⁵⁴ wп [tw] iwd=(have been) set apart. Здесь по аналогии с предлогом t-iwd ошибочно выписано wп[tw]r-iwd [437, с. 159, примеч. «q»].

⁵⁵ В дополнение к уже упомянутым письмам, в которых Пианх назван только начальником войска, интересно сослаться еще на два письма, где Пианх фигурирует и как «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и как начальник войска (а также как, носитель опахала с правой стороны царя, царский сын Куша, начальник южных стран, начальник житниц фараона, начальник лучников фараона) [563, № 28, 40, с. 59, 75].

⁵⁶ Как указывает К. А. Китчен, в пользу толкования данных оракула Амуна относительно времени смерти Херихора, предлагаемого А. Гардинером, Я. Черны, Эд. Ф. Венте и самим К. А. Китченом, высказались также В. Вольф, С. Бениг, Ю. фон Бекерат [347, с. 18, примеч. 75].

⁵⁷ Как отмечает К. А. Китчен, и в записях на гробах Сети I и Рамсеса II, сделанных в 6-й год эры «Повторения рождений», и на остраконе Каирского музея № 25745 Херихор нигде не назван фараоном. Когда же Пианх пишет письмо своей матери Неджемет (жене Херихора) (письмо № 35) [171; 563], он называет ее «старшей гарема Амуна», но не «царицей» в отличие от подобного титулования Неджемет в переднем дворе храма Хонсу и в ее заупокойных текстах [347, с. 21, примеч. 92].

⁵⁸ К. А. Китчен указывает и на другие факторы помимо отмеченных выше, противоречащих старому, традиционному мнению, будто бы Херихор стал фараоном после смерти Рамсеса XI. В частности, он обращает внимание на то, что, согласно данным письма № 9 [171; 563], в 10-й год эры «Повторения рождений», в первый месяц периода шему, в 25-й день, Пианх уже носил все титулы и звания Херихора (кроме царского титула). Аналогичны в этом отношении и многие другие письма (например, письмо № 28). Поскольку царствующим фараоном в 10-й год эры «Повторения рождений» был все еще Рамсес XI, совершенно очевидно, что Херихор к этому времени уже умер, и поэтому Пианх смог в этот год (в 28-й год царствования Рамсеса XI) воспользоваться всеми титулами и званиями (кроме царского титула) своего отца. Общий вывод К. А. Китчена относительно текста оракула, датированного 7-м годом эры «Повторения рождений», с нашей точки зрения, абсолютно бесспорен: «Подобно какой-либо другой надписи, она была высечена в пределах умеренно короткого времени, (когда произошло) отмеченное событие, в данном случае действительно в 7-й год эры „Ренессанса“. В это время Херихор уже умер и все его функции (помимо функции фиктивного „царствования“) перешли к Пианху, обнаруживаемому активным в 10-й год эры и, если можно (судить) на основании одной гипотезы, не намного позже, прежде чем его сын Пиноджем I наследовал ему» [347, с. 21—22].

⁵⁹ На невозможность для Херихора домогаться у Хонсу и Амуна санкции на захват царского престола в том самом документе, в котором сохраняется датировка по годам царствования Рамсеса XI, справедливо указывает Ю. фон Бекерат [116, с. 95].

⁶⁰ Эра «Повторения рождений» была прежде всего фиванской эрой, почему она могла, например, не использоваться в датировке на абидосской стеле частного лица № 1173, относящейся к 27-му году правления Рамсеса XI. (По поводу характера датировки на этой стеле были высказаны различные суждения; например, см. [116, с. 90—91; 230, с. 29; 307; 335, с. 6].)

Полагаем, что мнение В. Хелка и Г. Фехта, отметивших преимущественно фиванский характер эры «Повторения рождений», является наиболее обоснованным и наилучшим образом разъясняющим специфику датировки на абидосской стеле от 27-го года правления Рамсеса XI.

⁶¹ О возрасте в 110 лет как идеальном сроке человеческой жизни, с точки зрения древних египтян, см. [323, с. 33—44; 366, с. 106—118; 522, с. 41].

Интересно отметить, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» содержится совет Ун-Амуна правителю Библа исполнить возложенное на него поручение Амуна, а затем поставить стелу, на которой написать: «(2, 56)... Срубил (2, 57) я его (т.е. строительный лес — И. С.), снабдил я его своими судами и командами, сделал я, чтобы достиг он Египта, чтобы вымолить мне (2, 58) 50 лет жизни у Амона вдобавок к моей судьбе» [40, с. 31, стк. 2, 56—2, 58].

По всей вероятности, в данном случае царьку Библа советуется вымолить у Амуна именно 50 лет исключительно потому, что в год посещения Библа его правителю, по мнению Ун-Амуна, было 60 лет и до предельного возраста в 110 лет ему нужно было еще прожить как раз 50 лет. Херихору же в год оракула не хватало до предельного возраста в 110 лет только 20 лет, и, следовательно, ему уже было 90 лет. В данной связи отметим, что предположение К. А. Китчена, будто бы Херихор пришел к власти в возрасте 71 года, а умер через 6 лет, в возрасте около 77 лет, опирается лишь на ничем не подкрепленную гипотезу, согласно которой Херихор мог быть старше своего сына Пианха ориентировочно на 20 лет. Поскольку точный возраст Пианха в годы возвышения Херихора неизвестен, а весь свой расчет К. А. Китчен строит только на допущении, что Херихор мог бы стать отцом Пианха как минимум в 20 лет, предлагаемое К. А. Китченом определение возраста Херихора малоубедительно и, во всяком случае, значительно уступает по своей доказательной силе точным данным оракула Хонсу и Амуна.

(Как полагает К. А. Китчен, Пианх при вступлении в должность верховного фиванского жреца уже достиг 57 лет, а умер он через 4 года, в возрасте 61 года [347, с. 79, 252].) Предположение Ю. фон Бекерата, будто бы обещание Херихору 20 лет жизни задним числом санкционировало уже проведенный им срок пребывания в должности верховного фиванского жреца (см. [116, с. 95, примеч. 520]), нельзя признать справедливым, поскольку до 12-го года царствования Рамсеса XI в Фивах «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, был Аменхотеп, и нет никаких оснований думать, что в период владычества Панехси в Фивах (т.е. по крайней мере с 12-го по 17-й год правления Рамсеса XI) Херихор уже был фиванским верховным жрецом. Таким образом, невозможно определить, на какие конкретные годы пришлось бы предполагаемое Ю. фон Бекератом двадцатилетнее пребывание Херихора в высшей фиванской жреческой должности. По всем данным, Херихор мог занять в Фивах место «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, лишь после изгнания Панехси, скорее всего в 19-й год царствования Рамсеса XI, иначе, в 1-й год эры «Повторения рождений», а коль скоро в 7-й год этой новой эры (в 25-й год правления Рамсеса XI) Херихора уже не было в живых, для предполагаемого Ю. фон Бекератом двадцатилетнего периода пребывания Херихора в должности фиванского верховного жреца нельзя найти соответствующего временного определения.

⁶² Ссылаясь на приведенное нами сообщение Эд. Ф. Венте, К. А. Китчен предполагает, что на внутреннее оформление переднего двора храма Хонсу могло уйти два года (см. [347, с. 252, примеч. 45]).

⁶³ Фиванская концепция владычества над миром Амуна — концепция амуноткратии — хорошо заметна во многих строках текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» (см. [40, стк. 1, 3; 1, 4; 1, 5; 1, 14; 1, 15; 2, 28; 2, 30; 2, 31; 2, 32; 2, 33; 2, 34; 2, 35; 2, 36; стк. 26, 27, 29, 30, 54, 55]).

⁶⁴ М. А. Коростовцев пишет: «Отсутствие титулов фараона при имени H^c-m-wj's еще ничего не говорит; ведь в отчете Ун-Амуна «мена Херихора и Несубанебжеда также не сопровождаются никакими титулами. Отметим, что и в знаменитой стеле из оазиса Дахлиэ имя Шешонка стоит без картуша, ему предшествует „фараон“. По этому поводу Гардинер замечает: „Отсутствие картуша не имеет значения на иератической стеле из провинции“ (A. Gardiner. The Dakhleh stele.— JEA. 1933, 19, с. 23)» [40, с. 57—58].

⁶⁵ Такого же мнения придерживаются Эд. Ф. Венте и К. А. Китчен [347, с. 5, § 2, примеч. 13, 14, с. 17, § 14; 564, с. 158].

⁶⁶ Стремление освободиться от несколько (в определенных обстоятельствах) неудобного для фараоновского деспотизма религиозного статуса фараона как младшего партнера божественного мира было, по нашему мнению, одной из причин реформаторской деятельности Эхнатона, попытавшегося путем ниспровержения культов богов и провозглашения (на заключительном этапе реформы) культа не бога, а царя Атона восстановить в идеологическом плане тот абсолютный, сверхъестественный ранг фараона, который был у земных владык Египта в ранний период эпохи Древнего царства, когда фараон как воплощение Гора, высшего универсального небесного бога, считался во всем равным богам мироздания. Как писал С. Олдред, «эгоцентричная мания

величия (Эхнатона) могла видеть божество только как гигантскую тень, отбрасываемую фараоном. Атон есть небесный царь, который полностью подобен своей земной копии» [97, с. 260]. Замыслы Эхнатона, по словам С. Олдреда, «имели сильный антикварный аромат и выражали попытку восстановить верховенство фараона, которое было в раннем Древнем царстве» [97, с. 258].

⁶⁷ Отрицающая обожествление фараона древними египтянами, Ж. Позенер исходит из современного представления об абсолютном могуществе и совершенстве божества, что было несвойственно древним религиям.

⁶⁸ Стк. 2, 51; 2, 53 (см. [40, с. 31, 130]). «Горово» имя «Хаемуас» было у двух последних фараонов Рамессидов — у Рамсеса IX и Рамсеса XI. Кроме того, имя «Хаемуас» носил еще и тот верхнеегипетский визирь времени царствования Рамсеса IX, при котором в Фивах происходило судебное разбирательство по делу о хищениях в царском некрополе. В тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ», однако, явно имелся в виду фараон, и скорее всего Рамсес XI, а не визирь Хаемуас (вопреки противоположному мнению Я. Черны: см. [168, с. 40]), поскольку визирь не мог бы отсылать (при Рамсесе IX) в Финикию экспедицию от своего имени (а не от имени фараона, верным слугой которого он был). Следует учитывать также, что и правитель Библа Чакар-Баал не стал бы называть членов подобной экспедиции «посланцами Хаемуаса» (стк. 2, 51), имея в виду при этом посланцев лишь какого-то визиря Хаемуаса, но не Хаемуаса-фараона. (Хаемуаса, упоминаемого в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ», интерпретировал как фараона Рамсеса XI и Ю. фон Бекерат. Такого же мнения придерживался и М. А. Коростовцев; см. [40, с. 34, 57].)

⁶⁹ Это место лучше переводить в настоящем времени.

⁷⁰ Как сказано И. Г. Лившицем в комментарии на соответствующее место в тексте «Путешествия Ун-Амуна», под Хаемуасом следует подразумевать, «возможно, одного из высших египетских чиновников... В пользу последнего предположения говорит, быть может, несколько необычное (если считать, что в папирусе речь идет о фараоне) в устах египтянина подчеркивание того обстоятельства, что Хаемуас был только человеком. По воззрениям древних египтян, фараон был земным воплощением божества» [42, с. 278, примеч. 67].

⁷¹ Как давно уже отмечено, постепенное умаление божественного авторитета фараона (начиная с середины эпохи Древнего царства) происходило одновременно с распространением гелиопольского культа Ра — «отца» фараона и развитием концепции о сыновних связях фараона со всеми богами (и богинями) мироздания (см., например, [405, § 252]). Подобное умаление низводило фараона как бы до положения божества второго ранга, зависящего от великих богов — «родителей», но все же не лишало веры современников в наличие у него тех божественных качеств, которыми он обладал в силу своей «плотской» связи со сверхъестественным миром богов.

⁷² Как известно, по идее только фараон мог возглавлять культ своих божественных «родителей», в том числе культ Амуна-Ра, почему каждый фараон имел возможность стать верховным жрецом культа любого бога. [Именно по этой причине Рамсес II в первый год своего самостоятельного царствования (или во время соправления с Сети I) и занимал должность фиванского «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов.] Однако фараоны обычно поручали несколько утомительные культовые обязанности специально назначенным лицам жреческого звания. В «царствовании» Херихора — фараона и жреца наблюдалось как бы восстановление той древней традиции, о которой А. Морэ писал: «Египет знал оригинальную концепцию религиозной царской власти: фараон отличается от других царей-жрецов тем, что он связан с богами как по рождению, так и вследствие жреческого достоинства. Он бог, поскольку он жрец, но он жрец лишь постольку, поскольку он „сын богов“» [424, с. 320].

⁷³ Л. Какоши связывает «низведение» Рамсеса XI до уровня простого человека (в тексте «Путешествия Ун-Амуна») и становление фиванского «государства бога» Амуна с «мировоззренческим» кризисом, якобы вызванным отказом от древних религиозных постулатов, что привело к заполнению духовного «вакуума» народными поверьями и настроениями скепсиса (см. [329, с. 38—40]). В действительности, как мы полагаем, в данном случае проявила

себя сепаратистская политическая тенденция, сознательно направленная на умаление авторитета царствующего фараона.

⁷⁴ Как утверждал Ю. фон Бекерат, развивая идеи Г. Кееса, крах династии Рамессидов знаменовал собой и победу культа Амуна над культом Сетха, причем сама эта победа отражала торжество (правда, только в идеологическом плане) Верхнего Египта над Нижним [116, с. 98]. Не приходится, конечно, отрицать, что фараоны Рамессиды почитали свое родовое божество Сетха (а наряду с ним и его «врага» Осириса).

Однако, по нашему мнению, не следует считать фараонов Рамессидов этакими еретиками, с которыми вели борьбу ортодоксальные сторонники культа Амуна. Рамессиды, как известно, отнюдь не отвергали фиванского Амуна-Ра, которому ревностно поклонялись и для которого возводили роскошные сооружения и в Фивах и в Пер-Рамсесе. Нам представляется, что во времена Херихора и Пианха фиванская доктрина о владычестве над миром Амуна-Ра, царя богов, была использована для борьбы с Рамсесом XI не как с приверженцем культа Сетха, а потому, что в эти годы доктрина амунократии могла быть использована как действенное средство определенной фиванской политики, направленной на оправдание притязаний верховного фиванского жреца и фактического властелина Верхнего Египта на царский престол еще при жизни и в годы правления Рамсеса XI.

ЭХНАТОН — РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕФОРМАТОР И ПОЛИТИК (К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ)

¹ Одним из многих «новых людей» Эхнатона был вельможа Май, называвший себя в своей гробничной надписи «немху», т.е. «сиротой» (см. [90, с. 92—93; 492, с. 61]).

² Подтверждения сказанному можно найти в истории разных народов. Вспомним хотя бы византийского императора Юстиниана. Когда Юстиниан сделал своей женой и всеильной императрицей Феодорой бывшую танцовщицу и куртизанку, это вызвало возмущение и затаенный гнев придворной аристократии, оскорбленной необходимостью падать ниц, чтобы поцеловать багряный сапожок на ноге той, что недавно была балаганной плясуньей и всем доступной блудницей. Придворная аристократия была недовольна жестоким императорского самодержавного деспотизма, и эти ее чувства выразил Прокопий Кесарийский, придворный историограф Юстиниана, когда писал свой полный горечи, злобный (хотя отчасти и справедливый) памфлет, посвященный императорской чете, — так называемую «Тайную историю» царствования Юстиниана (см. ВДИ. 1938, № 4).

³ Как писала М. Э. Матье, «конница же была государственной и, естественно, стала опорой фараонов. А средоточием конницы был север — это обусловилось и наличием богатых пастбищ, и близостью к азиатской и ливийской границам. В течение XV в. до н.э. Мемфис становится крупным военным центром и резиденцией наследника престола, который, по обычаю, бывал главным веначалником. Таким образом, возвышение виднейшего северного культа (гелиопольского культа Ра.—И. С.) было продиктовано требованиями внешней и внутренней политики фараонов» [47, с. 24].

⁴ Вот как, в весьма туманной и завуалированной форме, говорит Эхнатон об этих неприятных для себя вещах: «Если же не сотворят в нем (в Ахетатоне.—И. С.) погребений (его самого, Нефертити, их детей и вельмож.—И. С.), это хуже, чем то, что я слышал в первом году (т.е. с самого начала царствования.—И. С.), это хуже, чем то, что слышал Небмаатра (Аменхотеп III.—И. С.), это хуже, чем то, что слышал Менхепрура (Тутмос IV.—И. С.)...» (цит. по [47, с. 9]).

⁵ Само собой разумеется, что специфическая структура семьи Эхнатона могла сыграть роль лишь дополнительного стимула, но не первопричины в деятельности реформатора. Религиозная реформа Эхнатона была постепенно подготовлена конфликтом между царской властью и высшими кругами столичной администрации, тесно связанными с влиятельным культом фиванского Амуна-Ра. Эхнатон, который под оболочкой религиозной реформы осущест-

влял политику максимального укрепления своего царственного авторитета, стремился избавиться от людей, которые могли как-то ограничить его самовластие, и потому создавал новый административный аппарат, укомплектованный во всем послушными ему чиновниками. Выразителем же интересов особых «демократических» социальных групп Эхнатон, конечно, никогда не был. Так называемые «немху» («сироты»), которых он возвышал, были нужны Эхнатону только потому, что эти новые, всем ему обязанные чиновники были покорными исполнителями его воли. (Среди приближенных Эхнатона были и представители старой чиновной знати.) Что касается религии Атона, то она наилучшим образом обосновывала и освящала абсолютную власть фараона-деспота.

⁶ Некоторые исследователи (H. W. Fairman, C. Aldred, K. A. Kitchen) высказывали предположение о длительном соправлении Аменхотеп IV (Эхнатон) с Аменхотепом III, продолжавшемся 8 или даже 11 лет. Подобную гипотезу, однако, в настоящее время нельзя считать достаточно обоснованной (см. [317, с. 71—78; 346]).

⁷ Р. Силверберг предполагает без какого-либо доказательства, что Иуйя был сирийским царевичем [525, с. 29].

⁸ Возможно, именно Эйя был автором замечательного поэтического гимна Атону, текст которого сохранился в его гробнице (см. [90, с. 90—92; 492, с. 93—96]).

⁹ Эйя кроме уже перечисленных нами носил еще титулы «писец царя» и «носитель опахала с правой стороны царя» [507, с. 169—170]. Обладая Эйя и многими другими весьма ответственными должностями и почетными званиями. Был он, в частности, и «начальником лучников» [99, с. 32]. При юном Тутанхамуне Эйя стал визирем и фактическим правителем Египта [97, с. 68].

¹⁰ «Красавица, прекрасная в диадеме с двумя перьями, владычица радости, полная восхвалений», «преисполненная красота» — так называет Нефертити Эйя [47, с. 59; 492, с. 122].

¹¹ Может быть, от этого проистекает и ярко выраженная интимность искусства времени Эхнатона, особенно заметная в откровенно реалистичном, доходящем до гротескного натурализма изображении членов семьи реформатора.

О сплоченности семьи Аменхотеп III и Аменхотеп IV сообщают некоторые письма из телль-эль-амарнского архива. Об этом свидетельствуют, например, те два письма Тушратты, в которых митаннийский царь просил вдовствующую царицу Тейю, поскольку она хорошо была осведомлена о государственных делах своего покойного мужа Аменхотеп III, оказывать политическое влияние на своего сына Аменхотеп IV, а Аменхотеп IV советовал консультироваться со своей матерью Тейей (письма 26; 28). О том же говорит и письмо Буррабуриаша к Аменхотепу IV, в котором вавилонский царь объяснял незначительность своего подарка, отправленного им для Нефертити («для хозяйки твоего дома»), тем, что он на Нефертити обижен, так как «она не сделала для меня ничего, о чем я просил» (письмо 11, стк. 23) [353; 404].

¹² По словам Р. Силверберга, «политические аспекты революции (т.е. реформы Эхнатона.— И. С.) были работой таких влиятельных советчиков, как царица Тейя и ее брат, „отец бога“ Эйя» [525, с. 52]. М. Э. Матье писала: «Создается впечатление, что Эйя был по крайней мере одним из ближайших сподвижников Эхнатона во всех его мероприятиях, если не инициатором этих мероприятий» [47, с. 95].

¹³ Идея отождествления сущностей Атона и Эхнатона была настолько важной в новом религиозном учении, что она подчеркивалась и на первом этапе его становления. Так, в одной ранней надписи, в которой Атон уподобляется Ра-Горахте и наделяется наименованиями других солнечных образов, он же охарактеризован и в качестве Ка царя, царя Верхнего и Нижнего Египта (т.е. Эхнатона), и, таким образом, представлен единичным с фараоном [144, с. 12—18].

¹⁴ Слово «Атон» первоначально обозначало видимый солнечный диск [314, с. 51].

¹⁵ Представление об Атоне как новом, специфическом солнечном божестве вызревало постепенно в семье фараона-реформатора. Еще в годы царства-

и отца Эхнатона Аменхотепа III прогулочное судно царицы Тейи называлось «Сияние Атона», что, по-видимому, отражало первоначальную трактовку Атона в качестве сияющего солнечного диска. Однако вскоре Атон стал мыслиться как особое божество, о чем, возможно, свидетельствует титул «управляющего дворцом Атона», зафиксированный в фиванской гробнице № 41, относящейся ко времени царствования Аменхотепа III [242, с. 217].

¹⁶ Развитие проповедуемой Эхнатоном религии отражалось в изменении полного наименования Атона. Последнее обстоятельство представляется очень важным для датировки памятников времени Амарны, о чем свидетельствует огромный, собранный и классифицированный Ю. Я. Перепелкиным материал [60].

¹⁷ Позднее эту функцию выполнял специально назначенный Эхнатоном жрец Мерира с гелиопольским титулом «Урмау».

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. М.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ДАН — Доклады Академии наук СССР. Л., серия «В».
 ЕПМ — Еврейская пролетарская мысль. М.
 ЕС — Еврейская старина. Пг.
 ЗВРОАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., Пг.
 ЗКВА — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л.
 ИА — Исторический архив. М.
 Кбс — Кавказско-ближневосточный сборник. Тб.
 СЕК — Сборник Египтологического кружка при Ленинградском государственном университете. Л.
 СФ — Советский фольклор. Л.
 ТЭ — Труды Эрмитажа. Л.
 ЯЛ — Язык и литература. М.
 AAWB — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B.
 AB — Analecta Biblica. Roma.
 AcAn — Acta Antiqua. Budapest.
 ACF — L'annuaire de Collège de France. P.
 ADAIK — Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Kairo.
 AJSLL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
 ASAE — Annales du Service des Antiquités de l'Egypte. Le Caire.
 BIFAO — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
 BSFE — Bulletin de la Société Française d'Égyptologie. P.
 BVSAW — Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil. hist. Klasse. Lpz.
 CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
 CdE — Chronique d'Égypte. Bruxelles.
 CdHE — Cahiers d'histoire égyptienne. Le Caire.
 CDHM — Cahiers d'histoire mondiale. P.
 CGMC — Catalogue Général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Le Caire.
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions. P.
 DB — Dictionnaire de la Bible. P.
 EI — Erets Israel. Jerusalem.
 GAT — Geschichte und Altes Testament. Tübingen.
 GM — Göttingen Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. Göttingen.
 IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem.
 IFAO — Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
 Iraq — Iraq. Journal of British Archaeology. L.
 JARCE — Journal of the American Research Center in Egypt. Cambridge (Mass.).

- JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven.
JEA — Journal of Egyptian Archaeology. L.
JKF — Jahrbuch für Kleinasiatische Forschungen. Internationale orientalistische Zeitschrift. Heidelberg.
JMEOS — Journal of the Manchester Egyptian and Oriental Society. Manchester.
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
JS — Le Journal des Savants. P.
JSSEA — The Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities. Toronto.
KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Lpz.
Kêmi — Kêmi. Revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes. P.
KSGVI, I — A. Alt. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. Bd I. München, 1959.
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. B.
Kush — Kush. Journal of the Sudan antiquities Service. Hartum.
LRS — Leipziger Rechtswissenschaftlichen Studien. Lpz.
MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Wiesbaden.
MDIAK — Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo. Kairo.
MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft. Lpz.
MIDAWB — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zur Berlin. B.
MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire.
MMAFC — Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire. Le Caire.
MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch—Ägyptischen Gesellschaft. Lpz.
NAWG — Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen.
NGWG — Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen.
Nubie — Nubie par divers archéologues et historiens. Le Caire, 1966.
OIP — Oriental Institute Publications. Chicago.
OL — Orientalia Lovaniensia. Periodica. Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. Louvain.
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. B.—Lpz.
Or — Orientalia. Roma.
PFLUS — Publications de la Faculté de Lettres de l'Université de Strassbourg. Strassbourg.
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. L.
RA — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. P.
Rb — Revue biblique. P.
RC — La Revue du Caire. Le Caire.
RdE — Revue d'Égyptologie. Le Caire.
RT — Recueil de Travaux Relatifs à la Philologie et à l'Archéologie Égyptiennes et Assyriennes. P.
SAK — Studien zur altägyptische Kultur. Hamburg.
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philos.—hist. Kl. B.
SPG — Studies Presented to Griffith. L.
SWG — Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft. Strassburg.
Wb. — A. E r m a n.—H. G r a p o w. Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. Bd I—VII. B., 1961—1963.
WVDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient Gesellschaft. B.—Lpz.
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. B.—Lpz.

- ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz.,—B.
- ZAW — Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft. B.
- ZDPV — Zeitschrift des Deutschen—Palästina Vereins. Wiesbaden.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz.
- ZfAVA — Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie, Neue Folge. B.
- ZIF — Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. B.—Lpz.

1. Маркс К. Немецкая идеология.— Т. 3.
2. Маркс К. Нищета философии.— Т. 4.
3. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов).— Т. 12.
4. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
5. Маркс К. Капитал. Т. I.— Т. 23.
6. Маркс К. Капитал. Т. II.— Т. 24.
7. Маркс К. Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. I.
8. Маркс К. Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. II.
9. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46. Ч. I.
10. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— Т. 19.
11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
12. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Т. 21.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
14. Энгельс Ф. Предисловие.— К. Маркс. Капитал. Т. II.— Т. 24.
15. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Т. 18.
16. Ленин В. И. Карл Маркс.— Т. 26.
17. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Т. 29.
18. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики».— Т. 29.
19. Ленин В. И. К вопросу о диалектике.— Т. 29.
20. Ленин В. И. О государстве.— Т. 39.
21. Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983.
22. Беленький М. С. О мифологии и философии Библии. М., 1977.
23. Белова Г. А. Титулатура «царских сыновей Куша» как источник для исследования их функций.— ВДИ. 1978, № 2.
24. Библия, или Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. СПб., 1904 (изд. 7-е).
25. Брэстед Дж. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. I—II. М., 1915 (пер. с англ.).
26. Бузескул В. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. I. СПб., 1923.
27. Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909.
28. Вейнберг И. П. Город в ближневосточных генеалогиях рубежа II—I тыс. до н. э.— Кбс. VI, 1980.
29. Всемирная история. Т. I. М., 1955.
30. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. I—II. М., 1888.
31. Голенищев В. Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну Амона в Финикию.— Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897.

* Труды В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений, К. Маркса и Ф. Энгельса — по 2-му изданию Сочинений.

32. Дерош-Ноблекур Хр. Наследие древней культуры.— «Курьер» ЮНЕСКО (спец. вып.). Париж, 1960, 5, февраль.
33. Дерош-Ноблекур Хр. Величие Абу-Симбела.— «Курьер» (ЮНЕСКО). Париж, 1980, 33, март — апрель.
34. История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982.
35. Кинк Х. А. Древнеегипетский храм. М., 1979.
36. Коростовцев М. А. Декрет Сети I в Наури.— ИА. 1939. Т. II.
37. Коростовцев М. А. Иератический папирус 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1961.
38. Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962.
39. Коростовцев М. А. Повесть Петеисе III. М., 1978.
40. Коростовцев М. А. Путешествие Ун-Амуна в Библ (Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве). М., 1960.
41. Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976.
- 41а. Лапис И. А. К вопросу о последовательности правления гиксосских царей в древнем Египте.— ВДИ. 1959, № 1, с. 84—88.
- 41б. Лапис И. А. Новые данные о гиксосском владычестве в Египте.— ВДИ. 1958, № 3, с. 97—105.
42. Лившиц И. Г. Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979.
43. Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н.э. Л., 1960.
44. Лурье С. Я. Библейский рассказ о пребывании евреев в Египте.— ЕПМ. 1926, № 40/42.
45. Лурье С. Я. [рец. на: A. Mallon. Les hebreux en Egypte.— «Orientalia». Roma, 1921, № 3].— ЕС. 1924. Т. XI.
46. Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1911 (пер. с 6-го франц. изд.).
47. Матье М. Э. Во времена Нефертити. Л.— М., 1965.
48. Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.— Л., 1956.
49. Матье М. Э. Искусство древнего Египта. Новое царство. XVI—XV века. Л., 1947.
50. Матье М. Э. Искусство древнего Египта. М., 1958.
51. Матье М. Э. Искусство древнего Египта. Л., 1962.
52. Матье М. Э. Искусство Фив и Мемфиса времени XIX древнеегипетской династии.— ТЭ. Т. II, 1958.
53. Матье М. Э. Хеб-сед (Из истории древнеегипетской религии).— ВДИ. 1956, № 3.
54. Мещерский Н. А. Египетские имена в славяно-русских месяцесловах.— Ж. Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979.
55. Мещерский Н. А. Екатель Абдерский и его отношение к иудеям.— ЯЛ. Т. 2, 1927.
56. Миньковская Э. Е. Египетская религия в Куше.— М. А. Коростовцев. Религия древнего Египта. М., 1976.
57. Михаловский К. Карнак. Варшава, 1970.
58. Михаловский К. Луксор. Варшава, 1972.
59. Перепёлкин Ю. Я. Кэе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.
60. Перепёлкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М., 1967.
61. Перепёлкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
62. Петровский Н. С. Египетский язык. Л., 1958.
63. Пиотровский Б. Б. Древняя Нубия. М.— Л., 1964.
64. Пиотровский Б. Б. Карнакский рельеф верховного жреца Аменхотепа.— ДАН.
65. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1895.
66. Прус Б. Фараон. Варшава, 1970.
67. Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937.
- 67а. Ранович А. Б. [рец. на: В. В. Струве. Древний Восток. М., 1937 (гл. Иудея и Израиль)].— «Антирелигиозник». 1937, № 2.
68. Савельева Т. Н. Военное дело.— Культура древнего Египта. М., 1976.

69. Священные книги Ветхого завета. Т. 1. Вена, 1903 (пер. с евр.).
70. Струве В. В. Древний Восток. М., 1937.
71. Струве В. В. Израиль в Египте. Пг., 1920.
72. Струве В. В. К истории пребывания Израиля в Египте.—ЕС. 1924. Т. XI.
73. Струве В. В. Манефон и его время.—ЗКВА. Т. III, 1928; Т. IV, 1930.
74. Струве В. В. Пребывание Израиля в Египте. Пг., 1919.
75. Стучевский И. А. Аменхотеп — первый жрец Амона-Ра, царя богов, — слуга фараона.—ВДИ. 1976, № 3.
76. Стучевский И. А. Данные большого папируса Вильбура и других административно-хозяйственных документов о нормах налоговой эксплуатации государственных («царских») земледельцев древнего Египта эпохи Рамессидов.—ВДИ. 1974, № 1.
77. Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.
78. Стучевский И. А. Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии. М., 1967.
79. Стучевский И. А. «Первый жрец» Амуна Аменхотеп и Рамсес IX.—ВДИ. 1981, № 3.
80. Стучевский И. А. «Притеснение» первого жреца Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси.—ВДИ. 1983, № 1.
81. Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962.
82. Тураев Б. А. Египетская литература. Т. 1. М., 1920.
83. Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. I—II. Л., 1935.
84. Флавий, Иосиф. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1898.
85. Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в Фиванский период. I—II. М., 1917—1918.
86. Франк-Каменецкий И. Г. Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период.—ЗКВА. Т. III, 1928.
87. Франк-Каменецкий И. Г. Религия Амона и Ветхий завет. Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного иркутского университета. Вып. I. Иркутск, 1920.
88. Францов Ю. П. Древнеегипетские сказки о верховных жрецах.—СФ. Т. 2/3, 1936.
89. Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963.
90. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980.
91. Черны Я. Брачная стела Рамсеса II.—«Курьер» (ЮНЕСКО) (спец. вып.). Париж, 1960, 5, февраль.
92. Шилейко В. К. Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева.—ЗВОРАО. Т. XXV, 1921.
93. Эберс Г. Уарда. М., 1963.
94. Adam S. Recent Discoveries in the Eastern Delta.—ASAE. 1958, t. 55.
95. Adam S. Report on the Excavations of the Department of Antiquities at Ezbet Rushdi.—ASAE. 1959, t. 56.
96. Albright W. F. From the Stone Age to Christianity. N. Y., 1957.
97. Aldred C. Akhenaten. Pharaoh of Egypt. L., 1968.
98. Aldred C. Akhenaten and Neferiti. L., 1973.
99. Aldred C. The End of the el-Amarna Period.—JEA. 1957, vol. 43.
100. Aldred C. New Kingdom Art in Ancient Egypt. L., 1951.
101. Alt A. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. Bd I—III. München, 1959.
102. Alt A. Die Herkunft der Hyksos.—BVS AW. Phil.—hist. Kl. 1957, Bd 101. Heft 6.
103. Alt A. Die Landnahme der Israeliten von Palästina.—KSGVI.
104. Anthes R. Die hohen beamteten namens Ptahmese in der 18. Dynastie.—ZAS. 1936, Bd 72.
105. Anthes R. Der Vezier Paser als Hoherpriester des Amen in Hermonthis.—ZAS. 1931, Bd 67.

106. Arkell A. I. A History of the Sudan. From the Earliest Times to 1821. L., 1961.
107. Badawy A. A History of Egyptian Architecture. The Empire. (The New Kingdom). From the Eighteenth Dynasty to the End of the Twentieth Dynasty (1580—1085 B. C.). Berkeley—Los Angeles, 1968.
108. Baillet A. De l'élection et de la durée des fonctions du Grand Prêtre d'Amon.—RA. 1863, t. VII.
109. Baillet A. Le régime pharaonique dans ses rapports avec l'évolution de la morale en Egypte. P., 1912.
110. Ball I. Egypt in the Classical Geographers. Cairo, 1942.
111. Baraize E. Déblaiement du Ramesseum.—ASAE. 1907, t. 13.
112. Barguet P. Le temple d'Amon-Rê à Karnak. Le Caire, 1962.
113. Barsanti A., Gauthier H. Stèles trouvées à Ouadi es-Sabouâ.—ASAE. 1911, t. II.
114. Barta W. Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs. Ritus und Sakralkönigtum im Altägypten nach Zeugnissen der Frühzeit und Altes Reiches. München—Berlin, 1975.
115. Beckerath J. von. Die angebliche Ära des Menophris.—ZDMG. 1976, Bd 126, Heft I.
116. Beckerath J. von. Tanis und Theben. Historische Grundlagen der ramesseidenzeit in Ägypten. Glückstadt—Hamburg—New York, 1951.
117. Beckerath J. von. Das Thronbesteigungsdatum Ramses II.—ZAS. 1956, Bd 81, Heft I.
118. Beckerath J. von. Untersuchungen zur politischen Geschichte der Zweiten Zwischenzeit in Ägypten. Glückstadt, 1968.
119. Bell E. The Architecture of Ancient Egypt. L., 1915.
120. Bierbrier M. L. Hrerere, Wife of the High Priest Paiankh.—JNES. 1973, vol. 32, № 3.
121. Bierbrier M. L. The Length of the Reign of Sethos I.—JEA. 1972, vol. 58.
122. Bierbrier M. L. The Late New Kingdom in Egypt (1300—664 B. C.). A Genealogical and Chronological Investigation. L., 1974.
123. Bierbrier M. L. A Second High Priest Ramessesnakht?—JEA. 1972, vol. 58.
124. Bissing Fr. W. von. Fayencegefäße. Wien, 1902 (CGMC).
125. Blackman A. M. The Literature of the Ancient Egyptians. L., 1927.
126. Blackman A. M. The Plundering of the Royal Tombs at Thebes in the Twentieth and Twenty—First Dynasties. L., 1923.
127. Blackman A. M. Preliminary Report of the Excavations at Sesebi.—JEA. 1937, vol. 23.
128. Blackman A. M. The Temple of Derr. Le Caire, 1913.
129. Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. B., 1970.
130. Boeser A. A. Beschreibung der aegyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. Haag. T. V, 1912; T. VI, 1913.
131. Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sahure. Lpz., 1913.
132. Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten. Le Caire, 1905 (CGMC).
133. Borchardt L. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens. Zur Baugeschichte des Amontempels von Karnak. Lpz., 1905.
134. Borchardt L. Zur Geschichte des Luqsortempels.—ZAS. 1896, Bd XXXIV.
135. Botti G. Who succeeded Ramesses IX—Neferkere?—JEA. 1928, vol. 14.
136. Botti G., Peet T. E. Il giornale della necropoli de Tebe (I Papiri ieratici del Museo di Torino). Torino, 1928.
137. Breasted J. H. Ancient records of Egypt. Vol. I—IV. Chicago, 1906.
138. Breasted J. H. The Battle of Kadesh. A Study in the Earliest Known Military Strategy. Chicago, 1903.
139. Breasted J. H. Development of Religion and Thought in Ancient Egypt. N. Y., 1912.

140. Breasted J. H. Ramses II and the Princes in the Karnak Reliefs.—ZAS. 1899, Bd 37.
141. Breasted J. H. The Report of Wenamon.—AJSL. 1905, vol. 21.
142. Brugsch H. Recueil de monuments égyptiens. Premier partie, Planches I—L. Lpz., 1862.
143. Brugsch H. Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften. Abt. VI. Lpz., 1891.
144. Brunaer H. Eine Inschrift aus der Frühzeit Amenophis IV.—ZAS. 1971, Bd 97.
145. Budge E. A. W. The Book of the Dead; Papyri of Hunefer Anhai and others, an English Translation. L., 1938.
146. Budge E. A. W. Facsimiles of the Papyri of Hunefer, Anhai Kherasher and Netchemet. L., 1899.
147. Budge E. A. W. A History of Egypt. L., 1902.
148. Calverley A. M. and Broome M. F. The Temple of King Sethos I at Abydos. Vol. 1—4. London and Chicago, 1933—1958.
149. Caminos R. A. Late-Egyptian Miscellaniens. L., 1954.
150. Camus Maris—Helene. La nouvelle mort de Pamses.—Humanité dimanche, 1976, 16—22, VI, № 20.
151. Capart J. Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien. T. I. P., 1927.
152. Capart J. Thèbes. La gloire d'un grand passé. P., 1925.
153. Capart J. and Gardiner A. H. Le Papyrus Leopold II et le Papyrus Amherst. Bruxelles, 1939.
154. Capart J., Gardiner A. H., Walle B. van de. New Light on the Ramesside tomb-robberies.—JEA. 1936, vol. 22.
155. Caufield A. S. G. The Temple of Kings of Abydos. L., 1902.
156. Cazelles H., Leclant J. Pitom.—DB, t. VIII, Fasc. 42, col. 2—6, P., 1967.
157. Chabas F. Les Ramses, sont-ils de la race des Pasteurs? Etude sur la stèle de l'an 400.—ZAS. 1863, Dritter Jahrgang, April.
158. Champollion J. Fr. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Notices descriptives. T. I—II. Autographie en entier par G. Maspero. P., 1889.
159. Chevrier H. Chronologie des constructions de la Salle Hypostyle.—ASAE. 1956, t. 54.
160. Christophe L. A. Abou-Simbel et l'épopée de la découverte. Bruxelles, 1965.
161. Christophe L. A. La Carrière du prince Merenptah et les trois régence ramessides.—ASAE. 1951, t. 51.
162. Christophe L. A. Quelques remarques sur le Grand Temple d'Abou-Simbel.—RC. 1961, t. 47.
163. Cornil P. et Lebrun K. Fragments hittites relatifs à l'Égypte.—(KUB XXVI 89, 9).—OL. 1975/1976, t. 6/7.
164. Cottrell L. Queens of the Pharaoh. L., 1966.
165. Couroyer B. La residence ramasside du Delta et la Ramses biblique.—Rb. 1946, t. 53.
166. Cruz-Urbe E. The father of Ramses I: OI 11456.—JNES. 1978, vol. 37, № 3.
167. Cerný J. Ancient egyptian religion. L., 1952.
168. Cerný J. Egypt. From the Death of Ramses III to the End of the Twenty-First Dynasty.—CAH (rev. ed.). Vol. II. Chapter XXV, 1965.
169. Cerný J. Egyptian oracles.—R. A. Parker. A Saite Oracle Papyrus from Thebes in the Brooklyn museum. Providence, 1962.
170. Cerný J. La Fin de la seconde dynastie on la période Sethienne.—ASAE. 1944, t. 44.
171. Cerný J. Late Ramesside Letters. Bruxelles, 1939.
172. Cerný J. A Note on the «repeating of births».—JEA. 1929, vol. 15.
173. Cerný J. Note on the Supposed Beginning of a Sothic Period under Sethos I.—JEA. 1961, vol. 47.
174. Cerný J. Ostraca hieratiques. T. 1—2. Le Caire, 1930—1935 (CGMC, nos. 25501—25832).

175. Cerný J. Papyrus Salt 124 (Brit. Muss. 10055).—JEA. vol. 15, 1929, табл. XLIII—XLVI.
176. Cerný J. Prices and Wages in Egypt in the Ramesside Period.—CdHM. 1954, vol. 1, № 4.
177. Cerný J. Stela of Ramesses II from Beisan.—EI. 1958, vol. 5.
178. Cerný J. Zu den Ausführungen in den Thebanischen Grabberaubungsakten der 20. Dynastie.—ZAS. 1940, Bd 65.
179. Cerný J., Donadoni S. Abou-Simbel. Porte d'entrée et grande salle F., Textes hieroglyphiques. Le Caire, 1963.
180. Cerný J., Donadoni S., Edel E. Abou-Simbel. Extérieur. Textes hieroglyphiques. Le Caire, 1963.
181. Cerný J., Edel E. Abou-Simbel. Décret Ptah (F. 62). Le Caire, 1963.
182. Cerný J., Edel E. Abou-Simbel. Salles intérieurs. Textes hieroglyphiques. Le Caire, 1963.
183. Cerný J., Sadek A. Graffiti de la Montagne Thebaine. Le Caire, 1970.
184. Cerný J., Youssef A. H. Abou-Simbel. Chapelle de Rê-Herakhty. Textes hieroglyphiques. Le Caire, 1963.
185. Daressy G. Cercueils des cachettes royales. Le Caire, 1909 (CGMC).
186. Daressy G. Notice explicative des ruines du temple de Louxor. Le Caire, 1893.
187. Daressy G. La Procession d'Ammon dans le temple de Louxor. Le Caire, 1892.
188. Daressy G. The Statue d'Aba.—ASAE. 1904, t. 5.
189. Davies N. de G. and Gardiner A. H. Tomb of Huy, Viceroy of Nubia in the Reign of Tutankhamun (№ 40). L., 1926.
190. Dumas Fr. Ce que l'on peut entrevoir de l'histoire de Oudie es-Sebouâ en-Nubie.—"Nubie".
191. Davis T. M. The Funeral Papyrus of Touiya. L., 1908.
192. Davis T. M. The Tomb of Iouiya and Touiya. L., 1907.
193. Delaporte L. Les Hittites. P., 1936.
194. Desroches-Noblecourt Chr. Les temples de Nubie et leur destin.—BSFE. 1956, № 20.
195. Desroches-Noblecourt Chr. Temples de Nubie. Des Trésors menacés. P., 1961.
196. Desroches-Noblecourt Chr., Cerný J., Christophe L., Donadoni S. Abou-Simbel. Chapelle meridionale. Textes hieroglyphiques et description archeologique. Le Caire, 1963.
197. Desroches-Noblecourt Chr., Edel E., Youssef A. H. Abou-Simbel. Petit temple. Textes hieroglyphiques. Le Caire, 1963.
198. Desroches-Noblecourt Chr., Gerster G. Die Welt rettet Abu-Simbel. Wien—Berlin, 1968.
199. Desroches-Noblecourt Chr., Kuentz Ch. Le petit temple d'Abou-Simbel. Le Caire, 1968.
200. Donadoni S. Per la data della «stela di Bentres».—MDAIK. 1957, 15.
201. Donadoni S., Edel E. Abou-Simbel. Battle of Kadesh (F. 58). Le Caire, 1963.
202. Drioton E. Amon avant la fondation de Thebes.—BSFE. 1958, № 20, Juillet.
203. Drioton E. Les origines du Culte d'Amon theban.—CdHE. 1957. Série IX. Fasc. 1/2. Août.
204. Drioton E., Vandier J. L'Egypte. P., 1952.
205. Edel E. Die Abfassungszeit des Briefes KBO I 10 (Hattušil-Kadašman-Ellil) und seine bedeutung für die chronologie Ramses II.—JCS. 1958, vol. 12.
206. Edel E. Der Brief des ägyptischen Wesirs Pašijara an den Hethiterkönig Hattušili und verwandte Keilschriftbriefe. NAWG. Phil.-hist. Kl., 1978, № 4.
207. Edel E. Der geplante Besuch Hattušiliš III in Ägypten.—MDOG. 1960, Bd 92.
208. Edel E. KBoI 15+19; Brief Ramses II mit einer Schilderung der Kadeschlacht.—ZfAVA. 1969, Bd 15 (Bd 49).

209. Edel E. KUB III 63, ein Brief aus der Heiratskorrespondenz Ramses' II.—JKF. 1952, Bd 2.
210. Edel E. Die Rolle der Koeniginnen in der aegyptisch-hethitischen Korrespondenz von Bogaškov.—ZIF. 1950, Bd 60.
211. Edel E. Die Teilnehmer der aegyptisch-hethitischen Friedensgesandtschaft im 21. Jahr Ramses II.—Or. N. S. 1969, Bd 38.
212. Edel E. Weitere Briefe aus der Heiratskorrespondenz Ramses' II. KUB III 37+KBo I 17+KUB III 57.—GAT, 1953.
213. Edel E. Zur historischen Geographie der Gegend von Kadeš.—ZfAVA. 1952, Neue Folge, Bd 16 (Bd 50).
214. Edel E. Zur Schwurgötterliste des Hethitervertrags.—ZAS. 1963, Bd 90.
215. Edgerton W. F. The Government and the Governed in the Egyptian Empire.—JNES. 1947, vol. 4, № 3.
216. Edgerton W. F. The Thutmosid Succession. Chicago, 1933 (SAOC, № 8).
217. Erdmanns B. D. Alttestamentliche Studien II. Die Vorgehichte Israels. Gissen, 1908.
218. Engelbach R. M. The Egyptian Name of Joseph.—JEA. 1924, vol. 10.
219. Engelbach R. M. The Hyksos Reconsidered. Chicago, 1939.
220. Erman A. Ein Fall abgekürzter Justiz in Ägypten.—AAWB. Jahrgang 1913, № 1.
221. Erman A. Die Literatur der Ägypter. Lpz., 1923.
222. Erman A. Eine Reise nach Phönizien im 11. Jahrhundert vor Chr.—ZAS. 1900, Bd 38.
223. Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Bd I—VII. B., 1961—1963.
224. Fairman H. W. Preliminary Report of the Excavation at Amarah West Anglo-Egyptian Sudan 1947—8.—JEA. 1948, vol. 34.
225. Faulkner R. O. Egypt from the Inception of the Nineteenth Dynasty to the Death of Ramesses III.—CAH. Vol. II. Chapter XXIII, 1966.
226. Faulkner R. O. Egyptian military organisation.—JEA. 1953, vol. 39.
227. Faulkner R. O. Festschrift für H. Junker. Wiesbaden, 1958 (MDAIK, 16).
228. Faulkner R. O. The Wars of Sethos I.—JEA. 1947, vol. 33.
229. Federn W. Roi ou statue royale?—CdE. 1959, t. 34, № 68.
230. Fecht G. Der Moskauer «literarische Brief» als historischen Document.—ZAS. Heft I. 1962, Bd 87.
231. Figulla H. H., Weidner E. F. Keilschrifttexte aus Boghazköi. Lpz., 1916.
232. Forrer E. Die Boghaskoi-Texte in Umschrift. Lpz., 1926 (BoTU).
233. Fougèrouse J. L. Etudes sur la construction de Tanis.—«Kêmi». 1935, t. 5.
234. Frankfort H. The Cenotaph of Seti I at Abydos. L., 1933.
235. Frankfort H. Kingship and the Gods. A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago, 1958.
236. Friedrich J. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache.—MVAG. Bd XXXI, 1926; Bd XXXIV, 1930.
237. Gardiner A. H. The Ancient Military Road between Egypt and Palestine.—JEA. 1920, vol. 6.
238. Gardiner A. H. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. 1—2. Ox., 1947.
239. Gardiner A. H. The Astarte Papyrus.—SPG, 1932.
240. Gardiner A. H. The Dakhleh Stele.—JEA. 1933, vol. 19.
- 240a. Gardiner A. H. The defeat of the Hyksos by Kamose. The Carnarvon tablet № 1.—JEA. 1916, vol. 3, p. 2.
241. Gardiner A. H. The Delta Residence of the Ramessides.—JEA. 1918, vol. V.
242. Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. Ox., 1961.
243. Gardiner A. H. The Geography of the Exodus. An Answer to Professor E. Naville.—JEA. 1924, vol. 10.
244. Gardiner A. H. Hieratic Papyri in the British Museum, Third Series (Chester Beatty gift). Vol. I—III. L., 1935.

245. Gardiner A. H. Hymns to Amon from Leiden Papyrus.—ZAS. 1906, Bd 42, Heft I.
246. Gardiner A. H. The Inscription of Mes. Lpz., 1905.
247. Gardiner A. H. The Kadesh inscriptions of Ramesses II. Ox., 1960.
248. Gardiner A. H. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937.
249. Gardiner A. H. Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.
250. Gardiner A. H. A Lawsuit Arising from the Purchase of the Two Slaves.—JEA. 1935, vol. 21, табл. XIII—XVI.
251. Gardiner A. H. Ramesside Administrative Documents. L., 1948.
252. Gardiner A. H. Ramesside Texts Relating to the Taxation and Transport of Corn.—JEA. 1941, vol. 27.
253. Gardiner A. H. The Supposed Egyptian Equivalent of the Name of Goshen.—JEA. 1918, vol. 5.
254. Gardiner A. H. Tanis and Pi-Ramesses: A Retraction.—JEA. 1933, vol. 19.
255. Gardiner A. H. The Wilbour Papyrus. Vol. I—III. Ox., 1941—1948.
256. Gauthier H. Une fondation pieuse en Nubie.—ASAE. 1936, t. 36, № 1.
257. Gauthier H. La grande inscription dédicatoire d'Abydos. Le Caire, 1912 (IFAO).
258. Gauthier H. Le livre des rois d'Egypte. T. III. Le Caire, 1914.
259. Gauthier H. Le temple de Kalabsha. T. 1—2. Le Caire, 1911—1914.
260. Gauthier H. Le temple de Ouadi es-Seboua. T. 1—2. Le Caire, 1912.
261. Gauthier H. Une tombe de la XIX dynastie a Quantir (Delta).—ASAE. 1932, t. 32.
262. Gayet A. Le temple de Louxor. P., 1894.
263. Gemoll M. Israeliten und Hyksos. Lpz., 1913.
264. General Introductory Guide in the Egyptian Collections. British Museum. L., 1930.
265. General Introductory Guide in the Egyptian Collections. British Museum. L., 1964.
266. Givon R. Les Bédouins Shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971.
267. Goedicke H. Considerations on the Battle of Kadesh.—JEA. 1966, vol. 52.
268. Goedicke H. Some Remarks on the 400-Year-Stela.—CdE. 1966, t. 41.
269. Goedicke H. Die Stellung des Königs im Alten Reich. Wiesbaden, 1960.
270. Goetze A. Treaty between Hattusilis and Ramses II.—J. B. Pritchard. The Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1955.
271. Goetze A. Zur Schlacht von Qadeš.—OLZ. 32 Jahrgang, 1929, № 11.
272. Golénischeff W. Papyrus hiératiques de la collection W. Golénischeff contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie.—RT. 1899, t. 21.
273. Gomaà Farouk. Chaemwese, Sohn Ramses' II und Hoherpriester von Memphis. Wiesbaden, 1973.
274. Goyon G. La technique de construction du grand temple d'Abou-Simbel.—CdE. 1967, t. 42, № 84.
275. Goyon G. J., el-Achirie H. Le Ramesseum. I. Hypostyle N. (Travée centrale). Le Caire, 1973.
276. Grdseloff B. La date de l'introduction du Culte de Seth dans le nord-est du Delta.—ASAE. 1944, t. 44.
277. Grdseloff B. Les débuts du culte de Réchef en Egypte.—ASAE. 1942, t. 42.
278. Grdseloff B. Une stèle scythopolitaine du roi Séthos I-er. Le Caire, 1949.
279. Gressman H. Altorientalische Texte zum Alten Testament. B., 1926.
280. Gressman H. Mose und seine Zeit. Göttingen, 1913.
281. Griffith F. L. Seventh Memoir of the Egypt Exploration Fund. L., 1890.
282. Griffith F. L. Stories of the High Priests of Memphis. The Sethon of Herodotus and the Demotic Tales of Khamuas. Ox., 1900.
283. Griffiths J. G. The Conflict of Horus and Seth. Liverpool, 1960.
284. Gunn B. and Gardiner A. H. New Rendering of Egyptian Texts, II. The Expulsion of the Hyksos.—JEA. 1918, vol. 5.

285. Güterbock H. G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son, Mursili II.—JCS. 1956, vol. X.
286. Habachi L. Features of the Deification of Ramesses II. Glückstadt, 1969 (ADAIK, Bd 5).
287. Habachi L. Graffiti and Work of the Viceroy of Kush in the Region of Aswan.—"Kush". 1957, vol. 5.
288. Habachi L. The Jubilees of Ramesses II and Amenophis III with Reference to Certain Aspects of their Celebration.—ZAS. 1971, Bd 97.
289. Habachi L. Khata'na-Qantir: Importance.—ASAE. 1954, t. 52.
290. Habachi L. The Four Hundred Year Stela Originally Standing in Khatan'na—Qantir or Avaris—Piramesse.—"Egyptologie". Vol. I. Actes du XXIX Congrès international des Orientalistes. Section organisée par Georges Posener. P., 1975.
291. Habachi L. Preliminary Report on Kamose Stela.—ASAE. 1956, t. 53.
292. Habachi L. La Reine Touy, femme de Sethi I, et ses proches parents inconnus.—RdE. 1969, t. 21.
293. Habachi L. The Second Stela of Kamose and His Struggle Against the Hyksos Ruler and His Capital. Kairo, 1972 (ADAIK, Bd 8).
294. Habachi L. Setau the Famous Viceroy of Ramses II and his Career.—CdHE. 1967, vol. 10.
295. Habachi L. The Two Rock Stelae of Sethos I in the Cataract Area, Speaking of Huge Statues and Obelisks.—BIFAO. 1973, 73.
296. Hammad M. Découverte d'une Stèle du Roi kamose.—CdE. 1955, t. 30, № 60.
297. Hamza M. Excavations of the Department of Antiquities at Qantir (Facus District).—ASAE. 1930, t. 30.
298. Hassan Selim. Le Poème dit de Pentaour et le rapport officiel sur la Bataille de Qadesh. Le Caire, 1929 (Université Egyptiennes. Recueil de Travaux publiés par la Faculté des lettres, fasc. 2).
299. Hari R. Horemheb et la reine Moutnedjemet. Geneva, 1964.
300. Hayes W. C. Glazed Tiles from a Palace of Ramesses II at Kantir. ("The Metropolitan Museum of Art". Papers. № 3). N. Y., 1937.
301. Hayes W. C. The Sceptre of Egypt. Vol. 1—2., 1953—1955.
302. Helck W. Bemerkungen zu den thronbesteigungsdaten in Neuen Reich.—AB. 1959, t. 12.
303. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend vor Chr. Wiesbaden, 1962.
304. Helck W. Eine Briefsammlung aus der Verwaltung des Amuntempels.—JARCE. 1967, vol. 6.
305. Helck W. Chronologische Kleinigkeiten. 2. Noch einmal zur 400—Jahrstiele.—CdE. 1966, t. 41.
306. Helck W. Geschichte des Alten Ägypten. Leiden—Köln, 1968.
307. Helck W. Die Inschrift über die Belohnung des Hohenpriesters Imn-ḥtp.—Miodawb. 1956, Bd IV, Heft 2.
308. Helck W. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. T. I—VI. Wiesbaden, 1961—1969.
309. Helck W. Ramessidische inschriften aus Karnak.—CdE. 1963, t. 38.
310. Helck W. Die Ritualdarstellungen des Ramesseums. Wiesbaden, 1972.
311. Helck W. Die ritualszenen auf der umfassungsmauer Ramses II in Karnak, Abbildungen, Text. Wiesbaden, 1968.
312. Helck W. Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3 und 2 Jahrtausend vor Chr. Leiden—Köln, 1975.
313. Helck W. Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reiches. Leiden—Köln, 1958.
314. Helck W., Otto Eb. Kleines Wörterbuch des Aegyptologie. Wiesbaden, 1956.
315. Hintze Fr. Untersuchungen zu Stil und Sprache neuägyptischer Erzählungen. B., 1950—1952.
316. Hofmann I. Indices zu W. Helck, Materialien zur wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. Mainz, 1970.

317. Hornung E. Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Bd II. Wiesbaden, 1964.
318. Hornung E. Zur «Dritten Zwischenzeit» Ägyptens [peu. na: H. Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak von Herihor bis zum Ende der Äthiopienzeit. Leiden, 1964].—OLZ. Jahrgang 61, 1966, № 9/10.
319. Jacobson H. Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Ägypten. Glückstadt, 1939.
320. Jaquet J. Observation sur l'évolution architecturale des temples rupestres.—"Nubie". Le Caire, 1966.
321. Janssen J. Egyptological Remarks on the Story of Joseph in Genesis.—Jaarbericht № 14 van het Voorasiatish Egyptish Genootschap, "Ex Oriente Lux". Leiden, 1956.
322. Janssen Jac. J. Nine Letters from the Time of Ramses II. Leiden, 1960.
323. Janssen J. J. On the Ideal Lifetime of the Egyptians.—Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden. 31. Leiden, 1950.
324. Janssen J. J. La Reine Nefertari et la succession de Ramses par Merenptah.—CdE. 1963, t. 38.
325. Jequier G. L'architecture et la décoration dans l'ancienne Egypte. T. 1—3. P., 1922—1924.
326. Jeremias A. Das Alte Testament in Lichte des Altes Orient. Lpz., 1906.
327. Junker H. Phnfr.—ZAS. 1939, Bd 75.
328. Kákósy I. Zur Vorgeschichte der Errichtung des thebanischen Gottesstaates.—AcAn. 1967, 15, 1—4.
329. Kákósy L. Die Weltanschauliche Krise des Neuen Reiches.—ZAS. 1973, Bd 100, Heft I.
330. Kamal Ahmed - Bey. Stèle de l'an VIII de Ramses II.—RT. 1930, t. 30.
331. Kees H. Ancient Egypt. A Cultural Topography. Chicago, 1961.
332. Kees H. Der Götterglaube im Alter Ägypten. B., 1956.
333. Kees H. Ein Handelsplatz des mittleren Reiches in Nordostdelta. Kairo, 1962 (MDIAK. Bd 18).
334. Kees H. Herihor und die Aufrichtung des thebanischen Gottesstaates.—NGWG. Phil. hist. Kl., Neue Folge, 1937/1938, Bd 2, Fachgruppe I, № 1.
335. Kees H. Die Hohenpriester des Amun von Karnak von Herihor bis zum ende der Äthiopienzeit. Leiden, 1964.
336. Kees H. [peu. na: G. Posener. De la divinité du Pharaon. P., 1960].—OLZ. Jahrgang 57, 1962, № 9/10.
337. Kees H. Die priesterliche Stellung des Montuemhet.—ZAS. 1962, Bd 87.
338. Kees H. Das Priestertum im ägyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spätzeit. Leiden—Köln, 1953.
339. Kees H. Tanis: ein Kritischer überblick zur Geschichte der Stadt. Göttingen, 1944.
340. Kitchen K. A. Ancient Orient and Old Testament. L., 1966.
341. Kitchen K. A. Further Notes on New Kingdom Chronology and History.—CdE. 1968, t. 43.
342. Kitchen K. A. On the Chronology and History of the New Kingdom.—CdE. 1965, t. 40.
- 342a. Kitchen K. A. Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramesses II. Warminster, 1982.
343. Kitchen K. A. Ramesses VII and the twentieth dynasty.—JEA. 1972, vol. 58.
344. Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. I—VII. Ox., 1969—1980.
345. Kitchen K. A. Some New Light on the Asiatic Wars of Ramesses II.—JEA. 1964, vol. 50.
346. Kitchen K. A. Suppiluliuma and the Amarna pharaohs. Liverpool, 1962.
347. Kitchen K. A. The Third Intermediate Period in Egypt (1100—650 B. C.). Warminster, 1973.
348. Kitchen K. A. and Gaballa G. Ramesside Varia II: 4. The Second Hittite marriage of Ramesses II.—ZAS. 1969, Bd 96.

349. Klebs L. Die Relief und Malerein des Neuen Reiches, XVIII—XX Dynastie. Heidelberg, 1934.
350. Korašec V. Hethitischer Staatsverträge. Ein Beitrag zu ihrer juristischen Wertung.—JRS. 1931, Bd LX.
351. Korostovtsev M. Grammaire du neo-égyptien. Moscou, 1973.
352. Korostovtsev M. A. An Unpublished Ancient Egyptian Literary text. Moscow, 1960 (XXV International Congress of Orientalists, Papers Presented by the USSR Delegation).
353. Knudtzon J. A. Die El-Amarna Tafeln 1—14. Lpz., 1907—1915.
354. Kruchten J.-M. Le Décret d'Horemheb. Bruxelles, 1982.
355. Kuentz Ch. La Bataille de Kadech.—MIFAO. 1928, vol. 55.
356. Kuentz Ch. La face du massif et du pylone de Ramses II à Louxor. Le Caire, 1971.
357. Kuents M. S. Le stèle du mariage de Ramses II.—ASAE. 1925, t. 25.
358. Labib P. Die Herrschaft der Hyksos in Ägypten und ihr Sturz. Glückstadt—Hamburg—New York, 1936.
359. Langdon S. and Gardiner A. H. The Treaty of Alliance between Hattusili King of the Hittites and the Pharaoh Ramses II of Egypt.—JEA. 1920, vol. 6, p. 3.
360. Lange H. O. Wen-Amon beretning om Haus Rejse Tel Phonizien. København, 1902.
361. Lange K. Ägyptische Kunst. B., 1939.
362. Lange K. Sesostris. Ein ägyptischer König in Mythos, Geschichte und Kunst. München, 1954.
363. Lebas J. B. L'obélisque de Louxor. P., 1839.
364. Leclant J. Montuemhat, quatrième prophète d'Amon prince de la ville. Le Caire, 1962.
365. Leclant J. and Yoyotte J. Les Obelisques des Tanis.—"Kêmi". 1957, t. 14.
366. Lefebvre G. L'âge de 110 ans et la vieillesse chez les anciens égyptiens. P., 1944.
367. Lefebvre G. Herihor, visir (Statue du Caire № 42190).—ASAE. 1926, t. 26.
368. Lefebvre G. Histoire des Grands Prêtres d'Amon de Karnak jusqu'à la XXIe dynastie. P., 1929.
369. Lefebvre G. Inscriptions concernant les Grands Prêtres Rome-Roy et Amenhotep. P., 1928.
370. Lefebvre G. Romans et contes égyptien de l'époque pharaonique. P., 1949.
371. Lefebvre G. Sur trois dates dans les aventures d'Ounamon.—CdE. 1936, t. 21.
372. Lefebvre G. Une version abrégée de la stèle du mariage.—ASAE. 1925, t. 25.
373. Legrain G. Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897.—ZAS. 1897, Bd 35, Heft I.
374. Legrain G. Les Statues de Paramessou, fils de Sêti.—ASAE. 1914, t. 14, табл. I.
375. Legrain G. Statues et statuettes de rois et de particuliers. T. I—III. Le Caire, 1906—1914 (CGMC).
376. Legrain G. Les temples de Karnak. P., 1929.
377. Leibovitch J. Le Problème des Hyksos et celui de l'exode.—IEJ. 1953, vol. 3.
378. Leibovitch J. [peu. na: B. Grdseloff. Les débuts du culte de Réchef en Egypte. Le Caire, 1942].—ASAE. 1942, t. 41.
379. Leonard C. Queens of the Pharaohs. L., 1966.
380. Lepsius C. R. Die Chronologie der Aegypter. B., 1849.
381. Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. I—VI. Bd 1—12. B., 1849—1859.
382. Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Textband I—V. Lpz., 1897—1913 (Herausgegeben von Ed. Naville, unter mitwirkung von L. Borchard, bearbeitet von K. Sethe).

383. Luria S. Die ägyptische Bibel (Joseph- und Mose) sage.—ZAW. 1926, Bd 44.
384. MacQuitty W. Abu Simbel. L., 1965.
385. MacQuitty W. Ramesses. The Great Master of the World. Photographs and Text by William MacQuitty. Foreword by T. G. H. James. N. Y., 1978.
386. Malaise M. Sésostriis, Pharaon de légende et d'histoire.—CdE. 1966, t. 41.
387. Mallon A. Les Hébreux en Egypte.—Or. 1921, № 3.
388. Mariette A. Abydos: Description des fouilles exécutées sur l'emplacement de cette ville. Vol. II. P., 1880.
389. Mariette A. Karnak, étude topographique et archéologique. Vol. 1—2. P., 1875.
390. Marquart J. Chronologischen Untersuchungen. Lpz., 1909.
391. Maspero G. Les contes populaires de l'Egypte ancienne. P., éd. 1, 1882; éd 4, 1911.
392. Maspero G. Deux monuments de la princesse Anhenasnofiribri.—ASAE. 1904, t. 5.
393. Maspero G. Le geste de Sésostriis.—JS, 1901.
394. Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'orient. P., 1875.
395. Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique. T. II. P., 1897.
396. Maspero G. Les momies royales de Deir el Bahari. P., 1889 (MMAFC. T. I).
397. Maspero G. Notes sur quelques points de Grammaire et d'Histoire.—ZAS. 1883, Bd 21, Heft 2.
398. Maspero G. Procès-verbal de d'ouverture de la momie de Ramses II. P., 1886 (CrAl).
399. Matthieu M. Notes on the leiden hymn to Amun.—CEK. 7, 1931.
400. Meissner B. Die Beziehungen Aegyptens zum Hattireiche nach hattischen Quellen.—ZDMG. 1918, Bd 72.
401. Meissner B. Der Staatsvertrag Ramses II von Ägypten und Hattušils von Hatti in akkadischer Fassung.—SPAW. 1917, Bd XX.
402. Meissner B. Zur Geschichte des Chattireiches nach neuerschlossenen Urkunden des Chattischen Stadtsarchives. Breslau, 1917.
403. Mercer S. A. B. Horus, Royal God of Egypt. Cambridge (Mass.), 1942.
404. Mercer S. A. B. The Tell el-Amarna Tablets. Vol. I—II. Toronto, 1939.
405. Meyer Ed. Geschichte der Altertums. Bd I. Abt. 2. Stuttgart—Berlin, 1909.
406. Meyer Ed. Geschichte der Altertums. Bd II, Abt. 1. Stuttgart—Berlin, 1928, 2 Aufl.
407. Meyer Ed. Gottesstaat, Militärherrschaft und Ständewesen in Ägypten (Zur Geschichte der 21 und 22 Dynastie).—SPAW. 1928, Philos.-Hist. Kl. Jahrgang 1928.
408. Meyer Ed. Die Israeliten und ihre Nachbarstämme. Halle, 1906.
409. Michalowski K. L'art de l'ancienne Egypte. P., 1968.
410. Michalowski K. Teby. Warszawa, 1974.
411. Möller G. Hieratische Lesestücke. Heft 2, 3. Lpz., 1910.
412. Montet P. Les dieux de Ramses aime d'Amon à Tanis.—SPG, 1932.
413. Montet P. Le drame d'Avaris: Essai sur la pénétration des Semites en Egypte. P., 1941.
414. Montet P. Les Enigmes de Tanis. P., 1952.
415. Montet P. Géographie de l'Egypte ancienne. P., 1957.
416. Montet P. Germanicus et le Vieillard de Thèbes. Strassbourg, 1945 (PFLUS, fasc. 106).
417. Montet P. Les Nouvelles Fouilles de Tanis (1929—32). P., 1933.
418. Montet P. Les obélisques de Ramses II.—"Kêmi". 1935/1937, vol. 5.
419. Montet P. La stèle de l'an 400 retrouvée.—"Kêmi". 1933, vol. 4.
420. Montet P. Tanis, Avaris et Pi-Ramses.—Rb. 1930, t. 39.
421. Montet P. La vie quotidienne en Egypte au temps de Ramses. P., 1946.
422. Morenz S. Gott und Mensch im Alten Ägypten. Lpz., 1964.
423. Morenz S. Die Heraufkunft des transzendenten Gottes in Ägypten. B., 1964.

424. Moret A. Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P., 1902.
425. Murnane W. J. *Ancient Egyptian Coregencies*. Chicago, 1977 (SAOC, № 40).
426. Murnane W. J. The Earlier Reign of Ramesses II and His Coregency with Sety I.—JNES. 1975, vol. 34, № 3.
427. Murnane W. J. The Earlier Reign of Ramesses II: Two Addenda.—GM. 1976, vol. 19.
428. Müller W. M. Der Bündnisvertrag Ramses II und der Chatiterkönigs.—MVAG. 1902, 7 Jahrgang.
429. Naville E. Did Meneptah invade Syria?—JEA. 1915, vol. 2.
430. Naville E. The Festival Hall of Osorkon II in the Great Temple of Bubastis (1887—1889). L., 1892.
431. Naville E. The Geography of the Exodus.—JEA. 1924, vol. 10.
432. Naville E. Trois reines de la XXI dynastie.—ZAS. 1875, Bd XVI.
433. Nelson H. H. *Reliefs and Inscriptions at Karnak*. Vol. 1—3. Chicago, 1936—1954.
434. Neubert O. *The Valley of the Kings*. L., 1957.
435. Newberry P. E. *The Amherst Papyri*. L., 1899.
436. Nibbi A. *The Sea Peoples and Egypt*. N. Y., 1975.
437. Nims Ch. F. An Oracle Dated in "The Repeating of Births".—JNES. 1948, vol. 7, № 3.
438. Nims Ch. F. *Thebes of the Pharaohs*. L., 1965.
439. Otten H. Ein weiterer Ramsesbrief aus Bogazköy.—*Ägypten und Altes Testament*. Studien zu Geschichte, Kultur und Religion Ägyptens und des Alten Testament. Bd I. Bamberg, 1979.
440. Otto E. *Die biographischen Inschriften der ägyptischen spätezeit*. Leiden, 1954.
441. Parain Ch. *La vie de Ramses II*. P., 1930.
442. Parker R. A. The Length of the Reign of Ramses X.—RdE. 1957, vol. 2.
443. Parker R. A. The Lunar Dates of Thutmose III and Ramesses II.—JNES. 1957, vol. 16, № 1.
444. Parker R. A. A Saite Oracle Papyrus from Thebes in the Brooklyn Museum. (Papyrus Brooklyn 47.218). Providence, 1962.
445. Peet T. E. The Chronological Problems of the Twentieth Dynasty.—JEA. 1927, vol. 14.
446. Peet T. E. *Egypt and the Old Testament*. Liverpool, 1922.
447. Peet T. E. Fresh Light on the Tomb-Robberies of the Twentieth Dynasty at Thebes.—JEA. 1925, vol. 11.
448. Peet T. E. The Great Tomb-Robberies of the Ramesside Age, Papyri Mayer A and B.—JEA. 1915, vol. 2.
449. Peet T. E. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty. Vol. I. Text. Vol. II, Plates. Ox., 1930.
450. Peet T. E. A Historical Document of Ramesside Age.—JEA. 1924, vol. 10.
451. Peet T. E. *The Mayer Papyri A and B*. L., 1920.
452. Peet T. E. The Supposed Revolution of the High-priest Amenhotep under Ramesses IX.—JEA. 1926, vol. 12.
453. Petrie Fl. *A History of Egypt*. Vol. III. L., 1905.
454. Petrie Fl. *Hyksos and Israelite Cities*. L., 1906.
455. Petrie Fl. *Memphis I*. L., 1909.
456. Petrie Fl. *Six temples at Thebes*. L., 1897.
457. Petrie Fl. *Tanis I*. L., 1885.
458. Pillet M. *Karnak et Louxor*. P., 1928.
459. Pillet M. *Tanis (San el-Hagar)*.—BIFAO. 1931, vol. 30.
460. Pillet M. *Thebes, palais et necropoles*. Vol. I—II. P., 1929—1930.
461. Philips A. K. Horemheb, Founder of the XIX Dynasty?—Or. 1977, vol. 46, I.
462. Pleyte W., Rossi F. *Papyrus de Turin*. Facsimile par F. Rossi, publié par W. Pleyte. Vol. 1—2. Leiden, 1869—1876.
463. Porter B., Moss R. L. B. *Topographical bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. I—VII. Ox., 1927—1951.
464. Porter B., Moss R. L. B., Burney E. W., Málek I. *Topographical*

- bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. I—III. Ox., 1960—1973.
465. Posener G. De la divinité du Pharaon. P., 1960.
 466. Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XII-e dynastie. P., 1956.
 467. Posener G. Recherches sur le dieux Khonsou.—ACF. 68 année, 1968/1969.
 468. Pritchard J. B. The Ancient Near East in Picture Relating to the Old Testament. Princeton, 1954.
 469. Pritchard J. B. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1955.
 470. Quibell J. E. The Ramesseum. L., 1898.
 471. Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd I—II. Glückstadt—Hamburg—New York, 1935, 1952.
 472. Ranke H. Istar als Heilgöttin in Ägypten.—SPG, 1932.
 473. Redford D. B. The Earliest Years of Ramses II and the Building of the Ramesside Court at Luxor.—JEA. 1971, vol. 57.
 474. Reisner G. A. and M. B. Inscribed monuments from Gebel Barkal, Part 3: The Stela of Sety I.—ZAS. 1933, Bd 69.
 475. Reisner G. A. The Viceroys of Ethiopia.—JEA. 1920, vol. 6.
 476. Ricke H., Hyghes P. R., Wente E. F. The Beit el-Wali Temple of Ramesses II. Chiacago, 1967.
 477. Roeder G. Ägypter und Hethiter in Der Alte Orient. Lpz., 1919.
 478. Roeder G. Altägyptische Erzählungen und Märchen. Jena, 1927.
 479. Roeder G. Der Felsentempel von Bet el-Wali. Le Caire, 1938.
 480. Roeder G. Ramses II als Gott. Nach den Hildesheimer Denksteinen aus Horbêt.—ZAS. 1926, Bd 61.
 481. Rosellini I. I Monumenti dell'Egitto e della Nubia. Vol. 1—2. Piza, 1832—1844.
 482. Rouge E. de. Inscriptions hieroglyphiques copiées en Egypte. T. I—III P., 1877—1879.
 483. Rowe A. The Topography and History of Beth-Shan. Philadelphia, 1930.
 484. Rowley H. H. From Joseph to Joshua: Biblical Traditions in the Light of Archaeology. L., 1950.
 485. Rowton M. B. The Background of the Treaty Between Ramesses II and Hattusiliš III.—JCS. 1959, vol. 13, № 1.
 486. Rowton M. B. Comparative Chronology at the Time of Dynasty XIX.—JNES. 1960, vol. 19, № 1.
 487. Rowton M. B. Manetho's date for Ramesses II.—JEA. 1948, vol. 34.
 488. Rowton M. B. The Material from Western Asia and the Chronology of the Nineteenth Dynasty.—JNES. 1966, vol. 25.
 489. Rowton M. B. Mesopotamien Chronology and the Era of Menofres.—"Iraq", 1946, vol. 8.
 490. Sander-Hansen C. E. Das Gottesweib des Amon. København, 1940.
 491. Sander-Hansen C. E. Historische Inschriften der 19 Dynastie. Brussels, 1933.
 492. Sandman M. Texts from the Time of Akhenaten. Bruxelles, 1938.
 493. Sandman-Holmberg M. The God Ptah. Lund, 1946.
 494. Sauneron S. Les prêtres de l'ancienne Egypte. P., 1957.
 495. Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien. Lund, 1941.
 496. Säve-Söderbergh T. The Hyksos Rule in Egypt.—JEA. 1951, vol. 37.
 497. Schäfer H. Die Kunst des Alten Orients. B., 1925.
 498. Schäfer H. Urkunden der älteren Äthiopienkönige. Lpz., 1905, Heft II.
 499. Schmidt J. D. Ramses II. A Chronological Structure for His Reign. Baltimore—London, 1973.
 500. Schulman A. R. Ankhesenamun, Nefertiti and the Amka Affair.—JARCE. 1979, vol. 15.
 501. Schulman A. R. Aspects of Ramesside Diplomacy: The Treaty of Year 21.—JSSEA. 1978, vol. 8.
 502. Schulman A. R. Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom.—JNES. 1979, vol. 38, № 3.

503. Schulman A. R. Military Rank, Title and Organisation in the Egyptian New Kingdom. B., 1964.
504. Schulman A. R. The N'rn at the Battle of Kadesh.—JARCE. 1962, vol. 1.
505. Schulman A. R. Some Observations on the Military Background of the Amarna Period.—JARCE. 1964, vol. 3.
506. Seele K. C. The Coregency of Ramses II with Seti I and the Date of the Great Hypostyle Hall at Karnak. Chicago, 1940 (SAOC, № 19).
507. Seele K. C. King Ay and the Close of the Amarna Age.—JNES. 1955, vol. 14.
508. Seele K. C. The Tomb of Tjanefer at Thebes. Chicago, 1959 (OIP, vol. 86).
509. Select Papyri in the Hieratic Character from the Collections of the British Museum. P. II. L., 1860.
510. Sethe K. Das ägyptische Verbum. Lpz., 1899.
511. Sethe K. Amun und die acht Urgötter von Hermopolis. B., 1929.
512. Sethe K. Die angebliche Rebellion des Hohenpriesters Amenhotep unter Ramses IX.—ZAS. 1924, Bd 59.
513. Sethe K. Die Berufung eines Hohenpriesters des Amon unter Ramses II.—ZAS. 1907, Bd 44.
514. Sethe K. Der Denkstein mit dem Datum des Jahres 400 der Ära von Tanis.—ZAS. 1930, Bd 65.
515. Sethe K. Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen. Bd I. Lpz., 1928.
516. Sethe K. Die Jahresrechnung unter Ramses II und der Namenswechsel dieses Königs.—ZAS. 1927, Bd 62.
517. Sethe K. Der Name Sesostri.—ZAS. 1904, Bd 41.
518. Sethe K. Ramses II als "erster Prophet" des Amun.—ZAS. 1923, Bd 58.
519. Sethe K. Sethos I und die Erneuerung der Hundessternperiode.—ZAS. 1931, Bd 66.
520. Sethe K. Über einige Kurznamen des Neuen Reiches.—ZAS. 1908, Bd 44.
521. Sethe K. Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Lpz., 1930.
522. Sethe K. Von Zahlen und Zahlworten bei den alten Ägyptern und was für andere Völker und Sprachen daraus zu lernen ist.—SWG. 1916, H. 25.
523. Shorter A. W. Catalogue of Egyptian Religious Papyri in the British Museum (pr(t)-m-hrw). Vol. I. L., 1938.
524. Shorter A. W. Reliefs showing the coronation of Ramesses II.—JEA. 1934, vol. 20.
525. Silverberg R. Akhnaten. The Rebel Pharaoh. N. Y., 1964.
526. Simpson W. K. The Hyksos Princess Tany.—CdE. 1959, t. 34.
527. Smith G. E. Royal Mummies. Le Caire, 1912 (CGMC, t. 59).
528. Sparlinger A. The Northern Wars of Seti I: An Integrative Study.—JARCE. 1979, vol. 16.
529. Sparlinger A. Traces of the Early Career of Ramesses II.—JNES. 1979, vol. 38, № 4.
530. Sparlinger A. Traces of the Early Career of Seti I.—JSSEA. 1978, vol. 8.
531. Spiegelberg W. Der Aufenthalt Israels in Ägypten im Lichte der ägyptischen monumente. Strassburg, 1904.
532. Spiegelberg W.-Die Empörung des Hohenpriesters Amenhotep unter Ramses IX.—ZAS. 1923, Bd 58.
533. Spiegelberg W. Der Siegeshymnus des Merneptah auf der Flinders Petrie—Stele.—ZAS. 1896, Bd 34.
534. Spiegelberg W. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches der XVIII dynastie. Hannover, 1892.
535. Spiegelberg W. Zwei Beiträge zur Geschichte und Topographie der thebanischen necropolis in Neuen Reich. Strassburg, 1898.
536. Stade B. Geschichte des Volkes Israel. Bd I. B., 1887.
537. Stadelmann R. Die 400-Jahr-Stele.—CdE. 1965, t. 40.
538. Stadelmann R. Syrisch-Palästinische Gottheiten in Ägypten. Leiden, 1967.
539. Steindorff G. Aniba. Vol. 1—2. Glückstadt, 1935—1937.

540. Stock H. Ntr nfr-der gute Gott. Hildesheim, 1951.
541. Struve W. Die Ara «ἀπὸ Μενόφρεως» und die XIX Dynastie Manethos.—ZAS. 1928, Bd 63.
542. Tanbouli M. A. L., Sadek A. F., Kuentz Ch. Gerf-Hussein II, Le Caire, 1974.
543. Tresson P. Le stèle de Koubân. Le Caire, 1922.
544. Uphill E. P. Pithom and Raamses: their Location and Significance.—JNES. 1968, vol. 27, № 4.
545. Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. T. 1—4. P., 1952—1964. Vol. I, 1959, vol. II, 1954—1955, vol. III, 1958, vol. IV, 1964.
546. Van Seters J. The Hyksos. A New Investigation. New Haven and London, 1967.
547. Velikovskiy I. Ages in chaos. Ramses II and his time. L., 1978.
548. Vercoutter J. L'Egypte ancienne. P., 1960.
549. Vercoutter J. Preliminary Report of the Excavations at Aksha by the Franco-Argentine Archaeological Expedition, 1961.—"Kush". 1962, 10.
550. Vergote J. Joseph en Egypte. Louvain, 1959.
551. Vergote J. Die Oplossing van een geachtig Problem: de Vocalisatie van de Egyptische Werkwoordvormen. Bruxelles, 1960.
552. Waddel W. G. Manetho (Loeb Classical Library), Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1940.
553. Wainwright G. A. The Origin of Amun.—JEA. 1963, vol. 49.
554. Wainwright G. A. The Ram-Headed God of Hermopolis.—JEA. 1933, vol. 19.
555. Wainwright G. A. The Sky-Religion in Ancient Egypt. Cambridge, 1938.
556. Wainwright G. A. Some Aspects of Amun.—JEA. 1934, vol. 20.
557. Weidner E. F. Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi. Lpz., 1923.
558. Weigall A. The Life and Times of Akhenaten. L., 1970.
559. Weigall A. The Valley of the Tombs of the Kings. N. Y., 1923.
560. Weil A. Die Vezieres des Pharaonenreiches. Strassburg, 1908.
561. Weill R. The Problem of the Site of Avaris.—JEA. 1935, vol. 21.
562. Wells E. Nefertiti. L., 1965.
563. Wente Ed. F. Late Ramesside Letters. Chicago, 1967.
564. Wente Ed. F. On the Chronology of the Twenty First Dynasty.—JNES. 1967, vol. 26, № 3.
565. Wente Ed. F. The Suppression of the High Priest Amenhotep.—JNES. 1966, vol. 25, № 2.
566. Wente Ed. F. Was Paiankh Herihor's Son?—Древний Восток. 1. К семидесятипятилетию академика М. А. Коростовцева. М., 1975.
567. Wiedemann A. Altägyptische Sagen und Märchen. Lpz., 1906.
568. Wildung E. Un aspect amonien du roi d'Egypte.—XXIX Congrès International des orientalistes. P., 1973 (Résumé et communications).
569. Wilson J. A. The Culture of Ancient Egypt. Chicago, 1957.
570. Wilson J. A. The Texts of the Battle of Kadesh.—AJSLL. 1927, vol. 43.
571. Wilson J. A. Treaty Between the Hittites and Egypt.—J. B. Pritchard. The Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1955.
572. Winlock H. E. Basrelief from the Temple of Ramses I at Abydos, Metropolitan Museum of Arts, Paper I. N. Y., 1921.
573. Winlock H. E. The Temple of Ramesses I at Abydos. N. Y., 1937.
574. Woldering I. Götter und Pharaonen. München, 1967.
575. Wolf W. Die Kunst Agyptens. Stuttgart, 1957.
576. Wolf W. Kulturgeschichte des alten Agypten. Stuttgart, 1962.
577. Wreszinski W. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. Bd II. Lpz., 1935.
578. Wreszinski W. Die Hohenpriester des Amon. Wien, 1904.
579. Yeivin Sh. The Israelite Conquest of Canaan. Istanbul, 1971.
580. Young E. Some Notes on the Chronology and Genealogy of the Twenty-First Dynasty.—JARCE. 1963, vol. 2.

581. Youssef A. H., Maher M. Le Ramesseum. IV, Les batailles de Tunip et de Dapour. Le Caire, 1977.
582. Yoyotte J. Les stèles de Ramses II à Tanis.— "Kêmi". 1949, vol. 10.
583. Zandee J. An Ancient Egyptian Crossword Puzzle. Leiden, 1966.
584. Zandee J. Seth als Sturmgott.— ZAS. 1963, Bd 90.
585. Zippert E. Das Gedächtnistempel Sethos I zu Abydos. B., 1931.

- Ламу-Сахорнеджихериотеф 71
 Август 15
 Авзоний 199
 Адад-Нерари I 14, 58
 Адам С. 71, 72, 200
 Альт А. 205
 Аменемопет 66
 Аменемуа 107
 Аменемхет I 70, 71
 Аменофис III 14, 114, П5
 Аменофис IV 14
 Аменофис (сын Пааписа) 115
 Аменхерхопшеф, Аменхерунемеф 86, 105, 106, 203
 Аменхотеп I 84
 Аменхотеп II 23, 136
 Аменхотеп III 28, 80, 81, 102, 109, 114, 116, 135—137, 181, 184—188, 191, 214—216; см. также Небматра
 Аменхотеп (Амен-хотп) IV 9, 180, 184, 187—190, 215; см. также Эхнатон
 Аменхотеп («первый жрец» Амуна) 94, 95
 Аменхотеп («первый жрец» Амуна, сын Рамсесунахта) 119, 125, 126, 132, 134, 144, 207—209, 212
 Аменхотеп (сын Хапу) 136
 Амур, Амон (бог) 5, 24—26, 35—42, 44, 45, 52, 72, 74—78, 83, 85—87, 98—100, 105, 119—124, 126, 132, 134—136, 138, 140, 142—160, 162—167, 169, 173, 175, 176, 182, 184, 186, 190, 191, 198
 Амунемипет 94
 Амур-Ра, Амон-Рэ (бог) 4, 5, 49, 92, 97—99, 104, 119—127, 130, 132, 133, 139—141, 143, 144, 146, 148—154, 156, 159—164, 170—174, 176—179, 181, 184, 185, 191, 202, 206, 208, 209, 211—214
 Анат (богиня) 99, 100, 104, 202
 Ангарет (богиня) 52
 Анубис (бог) 96
 Анук (богиня) 86, 105
 Анхеммут 127, 128, 150
 Апахнан 113
 Аполлоний Родосский 199
 Апофис 113
 Апиелл Е. П. 68, 77
 Аристотель 199
 Арма-у-ас (Армататас) 47
 Арриан 199
 Асенета 118
 Ассис 113
 Атенодор 199
 Атон (бог) 181, 185, 189, 190—192, 194, 212, 213, 215, 216
 Атум (бог) 49, 197
 Ахбакенамун 104
 Ашахет 152
 Аштарта, Астарта (богиня) 74—76, 99—101
 Ашшурубаллит I 13
 Баал, Ваал (бог) 6, 12, 99, 100
 Баал-Шафон (бог) 76, 99
 Баерна Мернамун 109; см. также Мернептах
 Бакенхонсу (II) 94—96, 126, 209
 Балак 32
 Барэз Э. 30
 Бекерат Ю. фон 16, 17, 68, 76, 133, 134, 158, 163, 164, 168, 169, 199, 204, 206, 208, 211, 214
 Белова Г. А. 66
 Бен-Оцен 101
 Бент-Анат 86, 87, 101, 105, 107, 196
 Бентешина 46
 Бентреш 64, 67, 199
 Бенремут 187
 Беон 113
 Бийя 202
 Бизбрайе М. Л. 126, 127, 196, 207
 Блэкман А. М. 33
 Бок-йот 187
 Борхардт Л. 188
 Бругш Г. 159, 160, 162
 Бругш Э. 84
 Брестел Дж. 5, 13, 18, 24, 27, 33, 40, 41, 43, 44, 45, 79, 96, 99, 107, 139, 158, 159, 161, 162, 168, 192, 206, 208, 209
 Бурнан Э. 62
 Буррабуриаш 215

- Вайль А. 209
 Вайль Р. 67
 Валерий Флак 199
 Вандье Ж. 20
 Васашатта 58
 Вейнберг И. П. 205
 Великовский И. 196
 Вениг С. 211
 Венте Эд. Ф. 120, 126, 127—130, 134, 150, 153, 155, 156, 166, 169, 206, 207, 209, 211, 212
 Веркуттер Ж. 207
 Видеманн А. 206
 Вильсон Дж. В. 33, 180
 Винклер Г. 49
 Виноградов И. В. 43
 Вольф В. 211
 Врещинский В. 33, 119, 206
 Вэн Сетерс Дж. 11, 12, 68, 69, 70—74, 76, 200

 Гардинер А. 33, 34, 40, 67, 68, 70, 76, 77, 125, 126, 153, 169, 186, 192, 199, 200, 201, 207, 210—212
 Геб (бог) 104
 Гекатей Абдерский 66, 204
 Германик 67
 Геродот 67, 199
 Гедике Г. 9, 10—12, 39—43
 Гётце А. 45, 47, 54
 Голенищев В. С. 76
 Гомаа Фарук 203
 Гор. Хор (бог) 7, 49, 78, 86, 100, 104, 147—149, 191—193, 197, 205, 212
 Горахте (бог) 49, 86
 Горн 94
 Горнунг Э. 16, 126, 153, 208
 Готье А. 66, 119, 125, 203

 Даресси Г. 209
 Дебора 111
 Деъис Т. 185
 Джедхонсефанх 158
 Диодор 108, 198, 199, 204
 Дион Хрисостом 199
 Дьяконов И. М. 198
 Дриотон Е. 20

 Зееле К. С. 19, 20, 22, 91, 92, 203
 Зете К. 8, 9, 16, 91, 92, 118, 196, 197, 199

 Ианнас 113
 Ибпай 103
 Инхпай 84
 Иосиф (библ.) 108, 117, 118, 203
 Исида (богиня) 78, 104, 191
 Исис 94
 Истмах 107
 Истнофрет 105, 107
 Исхара (богиня) 52
 Иуа 103

 Иуйя 185—188, 215
 Иуни 66
 Иупа 103
 Иштармува 46

 Иам (бог) 100

 Кавалерович Е. 4
 Кадашман-Тургу 13, 14, 59
 Кадашман-Эллиль II 13, 14, 59, 60
 Кадеш (богиня) 99
 Какоши Л. 213
 Каминос Р. А. 111
 Камос 73, 74
 Кеес Г. 5, 45, 68, 73—75, 126, 132—134, 153—158, 163, 168, 169, 174, 175, 180, 202, 203, 206—208, 214
 Кинк Х. А. 201
 Китчен К. А. 14, 30, 31—33, 49, 123, 126, 128—131, 134, 153, 156—158, 169, 196, 199—203, 205, 206, 209—212, 215
 Коростовцев М. А. 33, 100, 212, 213
 Коттрел Л. 186
 Круц-Урибе Е. 196
 Куентц Ш. 30, 33

 Лазарь (библ.) 107
 Легрен Ж. 143, 210
 Лепсиус Р. 15, 62, 127, 159
 Лефевр Г. 96, 119, 125, 132, 143, 167, 169, 208, 209
 Лившиц И. Г. 213
 Лукан 199
 Лурье С. Я. 204

 Маат (богиня) 72, 104
 Маатнефрура 64, 105
 Май 214
 Макквитти В. 201
 Малез М. 199
 Манефон 13, 16, 17, 66, 73, 112, 113—116, 199, 204
 Мариетт О. 6, 203
 Маркс К. 89
 Марнейн В. 20—22, 197, 200
 Масахарта 158
 Масперо Г. 5, 84, 125, 206
 Матье М. Э. 79, 82, 85, 97, 98, 135, 136, 186, 202, 207, 214, 215
 Махар-Баал 101
 Мегасфен 199
 Мейер Эд. 5, 8, 18, 27, 45, 133, 158, 168, 197, 206, 207
 Мемнон 85
 Менандр 199
 Менмаатра 7, 25, 50; см. также Сети I
 Менна 36, 37
 Менпехтира 50; см. также Рамсес I
 Ментухерхопшеф 107
 Менхепрура 214; см. также Тутмос IV

- Мернамун 107
 Мерира (сын Рамсеса II) 86
 Мерира (жрец) 216
 Меритамен 81, 86, 107
 Мернептах 15—17, 38, 74, 94, 96, 101, 106, 107, 109, 110—112, 118, 203
 Мернептах Хетепхермаат 109, 110
 Мерсер 50, 53; см. также Мурсилис II
 Мес 14
 Мессуа 66
 Мехи 19
 Меченра 50, 51; см. также Мува-
 таллис
 Мин (бог) 82, 185
 Минмес 94, 95
 Минмуариа 54; см. также Сети I
 Минпахтариа 54; см. также Рамсес I
 Мисфрагмуфос 113; см. также Тут-
 мос III
 Михаловский К. 80, 136, 138, 200,
 201, 208
 Мойсей (библ.) 108, 109, 115, 203
 Монт (бог) 36
 Монтуемхет 157
 Монтэ П. 6, 68—70, 169, 199, 200
 Моренц 3 175
 Морэ А. 213
 Мосс Р. 119
 Муваталлис 28, 33, 35, 40, 43—47,
 50, 51, 57, 198; см. также Меченра
 Мурсилис II 50, 53, 54; см. также
 Мерсер
 Мут (богиня) 49, 86, 92, 95, 105, 120,
 122, 127, 135, 138, 140, 145, 149, 150,
 160, 162
 Мутемуна 184
 Мутнеджемт 188
 Мухаммед-Али 80

 Навилль Э. 76, 110, 206
 Небенхару 107
 Небеттаун 86, 107
 Небмаатра 214; см. также Аменхо-
 теп III
 Небмаатранахт 135, 142, 167, 208
 Небнечеру 94
 Небуненеф 91—94
 Неджемт 120—132, 205—207, 210,
 211
 Нейт (богиня) 104, 118, 202
 Несиамун 124, 151—153, 210
 Несиамунра 124, 151—154, 156, 157,
 210
 Несубанебджед 121, 127, 129—134,
 168—171, 177, 178, 206, 212; см.
 также Смендес
 Нефеттари-Меренмут (жена Рамсе-
 са II) 80, 81, 85—87, 92, 105, 107,
 203
 Нефerti (Нефр-эт) 184, 186—188,
 192, 214, 215
 Нефрхотеп 103

 Нефрура 64
 Нефтида (богиня) 104
 Нехбет (богиня) 149
 Нехси 10, 12, 112
 Нимс Ч. Ф. 121, 150, 151, 153—156,
 159, 166, 169, 205, 210
 Нимфодор (из Сиракуз) 199
 Нофферонпет 103
 Ньюберри П. Е. 186
 Нут 7, 49

 Олбрайт У. Ф. 42, 205
 Олдред С. 181—183, 186, 190, 191,
 193, 195, 212, 213, 215
 Овен 186
 Онурис (бог) 92, 94
 Осарсиф 114, 115
 Осимандий 67; см. также Рамсес II
 Осирис (бог) 78, 83, 96, 115, 135, 191,
 202, 214

 Павсаний 199
 Пам 103
 Панафер 143
 Панехси 126, 132—134, 141, 142, 163,
 164, 199, 207—209, 212
 Па-Ра (бог) 52—54
 Парамес 6—9, 11, 196
 Парахерунамиф 86, 106
 Паркер Р. А. 13, 14, 157
 Парэн Ш. 196
 Пасер («первый жрец» Амуна) 94
 Пасер («царский сын Куша») 66, 94,
 95
 Пасер (визирь) 94, 209
 Пахемнечер 94
 Пезард М. 27
 Пенра 82
 Пентаур 33, 198
 Перепёлкин Ю. Я. 180, 181, 187, 188,
 216
 Петри Фл. 125, 203
 Петровский Н. С. 33
 Пианх (Пайанх) 120, 121, 124—128,
 133, 145, 146, 150, 152—157, 176,
 178, 180, 194, 206, 207, 210—212,
 214
 Пибеса 74
 Пиноджем I 127, 130, 131, 158, 178,
 207, 211
 Пиноджем II 158
 Пиотровский Б. Б. 197
 Пит Т. Е. 151, 208
 Плиний Старший 199
 Плутарх 199
 Позенер Ж. 174, 175, 202, 203, 213
 Портер Б. 119
 Потифер 118
 Прокопий Кесарийский 214
 Прус Б. 4, 119, 205, 210
 Птах, Пта (бог) 7, 35, 37—40, 42, 47,
 49, 70, 72, 77, 78, 85—87, 93—94,
 100, 106, 172, 191, 202

Итахимос 143
 Птах-Сокарис (бог) 96
 Птах-Танен (бог) 97, 98, 201, 202
 Птолемей I 204
 Птолемей II Филадельф 112
 Птолемей III Эвергет I 136
 Пудухепа 53, 59, 61

 Ра (бог) 7, 8, 25, 26, 35, 37—42, 44, 49, 50, 63, 70, 72, 77, 92, 95—100, 139, 140, 146—149, 151, 172, 173, 190—193, 213, 214
 Ра-Горахте, Ра-Гор-Ахути (бог) 7, 49, 85, 189, 190, 215
 Рама-Раи 94—96, 209
 Рамери 107
 Рамес 48, 49, 50, 57
 Рамесесу 106
 Рамесес I 6, 8, 15, 24, 50, 54, 79, 133, 143, 196, 197; см. также Минпах-тариа
 Рамесес II 3, 4, 6, 8—67, 77—110, 114—116, 118, 120, 121, 123, 171, 173, 196—201, 203, 204, 209, 211, 213
 Рамесес III 82, 126, 135—138, 202, 208, 209
 Рамесес IV 17
 Рамесес VI 125
 Рамесес IX 132, 168, 213
 Рамесес XI 121, 122, 129, 130, 132, 134—146, 151—170, 172, 176—179, 206—209, 211, 212, 214
 Рамесесунахт 126, 144
 Рамесесунахт II 207
 Ранович А. Б. 204
 Рахотеп 94
 Редфорд Д. Б. 197, 198
 Рейснер Г. А. 66
 Решеп (бог) 99
 Роулей Х. 200
 Роутон М. Б. 13, 14, 60, 199

 Салатис 112
 Салманасар I 58
 Са-Осирис 106
 Сатамун 184
 Сатни-Хаемуас (Сетон) 106; см. также Хаемуас
 Сатра 8, 11
 Сематаун 93
 Семенхкара 14
 Сенусерт I 67, 199
 Сенусерт II 78
 Сенусерт III 71
 Сеперер 50, 51; см. также Суппиу-лиумас
 Сетау 66
 Сетепенра 107
 Сети (правитель города Рамсес) 62
 Сети («начальник лучников») 6
 Сети (визирь) 6—11, 196, 197

Сети I 6—11, 14—28, 31, 32, 39, 54, 67, 78, 82, 83, 95, 104, 120—123, 142, 196—198, 200, 202, 204, 206, 209, 211, 213; см. также Менмаатра
 Сети (сын Рамсеса II) 107
 Сети II 111, 112
 Сетимуа 107
 Сетх (Сутех) (бог) 6—12, 16, 25, 26, 35, 36, 39, 40, 42, 49, 50, 52, 53, 64, 68, 70, 72, 74, 75, 77, 86, 96, 97, 99, 100, 112, 114, 196, 197, 202, 214
 Сехмет (богиня) 101
 Силверберг Р. 186, 215
 Смендес 121, 128, 129, 131, 158, 168, 177, 206; см. также Несубанебджед
 Собек (бог) 72, 104
 Собекнофру 71
 Спэрлингер А. 20—25, 199
 Страбон 199, 200
 Струве В. В. 15, 16, 43, 110—112, 199, 203, 204
 Суппилиумас 23, 50, 51, 54, 57; см. также Сеперер
 Сэве-Седерберг Т. 65

 Тадухипа 187
 Тани 71
 Таусерт 202
 Тахат 93
 Тацит 67
 Тейя (Тии, жена Аменхотепа III) 81, 184—188, 215, 216
 Тейя (жена Эйи) 188
 Тент-Амун 170, 171
 Теон 15—17
 Теретсеб 48, 49, 50, 57
 Тешуб (бог) 49
 Тимеос 112
 Тну 8, 11
 Тифон (бог) 114
 Туи 11, 86, 104
 Туйя 185, 186
 Тураев Б. А. 5, 13, 101, 158
 Тутанхамон 13, 23, 24, 185, 215
 Тутмос I 23
 Тутмос III 14, 23, 24, 28, 80, 113, 116, 119; см. также Мисфрагмуфос
 Тутмос IV 113, 116, 184; см. также Менхепрура
 Туту 192
 Тутхалияс 46
 Тушратта 215

Уаджит (богиня) 149
 Ун-Амун 150, 167, 170, 176—178, 213
 Унефер («первый жрец» Амуна) 94, 95
 Урхи-Тешуб 57, 61
 Усермаатранахт 72, 126

- Феопомп 199
 Фехт Т. 142, 159, 164, 207, 208, 211
 Филипп Арридей 81
 Флавий Иосиф 16, 17, 66, 73, 112, 113, 199
 Фолкнер Р. О. 23—25, 27, 28, 33
 Фугерусс Ж. 68, 69
 Фэрмен Г. В. 215

 Ха 102—104
 Хабаши Л. 68, 72, 77, 102, 103, 197, 200, 203
 Хаемуас (сын Рамсеса II) 93, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 203; см. также Сатни-Хаемуас
 Хаемуас (Рамсес IX и Рамсес XI) 176, 177, 179, 213
 Хаемуас (визирь) 213
 Хаемуас (дядя Рамсеса I) 196
 Хамза М. 68, 72, 77
 Хапусенеб 143
 Харендот (бог) 104
 Хассан Селим 33
 Хатиаи 103
 Хатор (богиня) 81, 86, 87, 92, 93, 104, 105
 Хаттусилис III 13, 14, 30, 39, 42, 43, 46—49, 53, 62—64, 94, 99, 104, 105, 198, 199
 Хатшепсут 143
 Хеви 24, 66
 Хейс В. 68, 71, 77, 186
 Хелк В. 9, 11, 41, 153, 159, 164, 193, 197, 207, 208, 211
 Хеканахт 66
 Хентмира 105
 Хенттауи 86
 Херера 120, 123, 124, 126—131, 137, 205, 206
 Херихор 4, 5, 119—151, 153—170, 176—180, 194, 205—214
 Херхерумеф 107
 Хершефи (бог) 12, 86, 94
 Хетесер 49, 50, 53; см. также Хаттусилис III
 Хиан 71
 Хонсу, Неферхотеп (бог) 49, 67, 92, 119, 121—124, 126, 128, 131, 135—143, 145—151, 155, 157—170, 177, 196, 205, 208—211
 Хоремхеб 6, 8, 13—15, 23, 24, 79, 102, 103, 112, 116, 133, 188
 Хорхеби 157
 Хьюджес Г. К. 210

 Цафнат-панеах 118
 Цензорин 15
 Цыбенко Е. 205

 Чакар-Баал 176, 213
 Черны Я. 16, 62, 88, 89, 141, 146, 151, 153, 155, 159, 162, 164, 180, 207—211, 213

 Шампольон Ж. Ф. 159
 Шапитиш 46
 Шаттуара 58
 Шепси (бог) 104
 Шешонк III 69, 212
 Шмидт Дж. Д. 13, 14, 20, 21, 30, 197—199
 Шпигельберг В. 109
 Штадельманн Р. 8—11
 Шток Г. 192
 Шэфер Х. 187

 Эберс Г. 196
 Эдель Э. 13, 14, 39, 42, 60, 198, 199
 Эй (Ау) 71
 Эйя 23, 82, 185—188, 215
 Эллиус Арнстид 199
 Эллиен 199
 Эль (бог) 100
 Эрдманнс Б. Д. 110
 Эрман А. 33, 168, 206
 Этерия 76, 77
 Эхнатон 9, 13, 16, 23, 180—192, 194, 195, 212—216; см. также Аменхотеп IV

 Юнг Е. 153
 Юстиннан 214

 Яхве (бог) 111
 Яхмос I 204

- Аба (Уби) 47
 Абидос 11, 18, 19, 35, 37, 61, 78, 101, 104, 158, 200, 202
 Абу-Симбел 3, 34, 35, 37, 38, 61, 62, 64—66, 78, 85—87, 90, 97, 101, 105—107, 201
 Аварис 10—12, 67, 68, 70, 71, 73, 75, 112—115, 169, 197, 202
 Азия 23, 24, 26, 28, 30, 37, 39—41, 48, 58, 59, 66, 67, 72, 74, 75, 88, 89, 101, 107, 110, 113
 Айлонская долина 31
 Акита 78
 Акра 26
 Акша 67, 87, 97, 101, 201
 Алашия (Кипр), о-в 28, 170
 Александрия 15, 48, 116
 Алеппо 37, 38, 44, 198; см. также Халеб
 Амара 61, 64, 87, 97, 101
 Амка 23
 Амман 31
 «страна Амор» 27, 29, 35, 38, 39, 42, 48
 Амурру, страна 42, 46
 Англия 197
 Анет 52
 Аниба 66
 Антиливан 41
 аперу (хабиру-хапиру) 39
 Арабия 76
 Арвад 48
 Арвена 198
 Арзава 198
 Аринна 52—54
 Армант 103
 Арнон, р. 31, 32
 Аронама 35, 42
 ассирийцы 112, 113
 Ассирия 13, 14, 58
 Асуан 65, 66, 102, 106, 198, 201
 Африка 67
 Ахетатон 190, 192, 214
 Ахмим 185, 186
 Ашкелон (Аскалон) 29, 40, 109, 198, 199
 Багдад 209
 бактрийцы 67
 Бактрия 64
 Бахтан 64, 67—199
 Бейт эль-Вали 20, 22, 65, 87, 101, 106, 198, 199, 210, 203
 Берит 28, 29
 Бекаа 40
 Берлин 107
 Бейт-Шеан 24—26, 28, 29, 116, 198
 Библ 170, 176, 206, 211—213
 Бига, о-в 102
 Богазкёй 49, 54, 59, 61
 Бубастис 107, 200
 Бутро 91
 Вадн-Аллаки 65
 Вадн эс-Себуа 48, 87, 101
 Гадер 26
 Галилейское озеро 26
 Гебель эль-Сильсиле 87, 102—104, 106
 Гезер 31, 109
 Гелиополь 78, 98, 100, 114, 115, 148, 197, 199
 Гераклеополь 78, 100
 Гермополь 78
 Герф-Хуссейн 87, 101
 Гесем 74, 76, 118, 199; см. также Гошен
 Гиераконполь 91, 193
 гиксосы 74, 100, 112, 113, 115, 116, 204
 Гилеад 32
 Гошен 74, 76, 118, 199; см. также Гесем
 Гуроб 17
 Дамаск 27, 47
 Дапур 29, 48, 81, 107
 Дахлис (Дахлиэ) 100, 212
 Дейр эль-Бахри 84, 120, 123—125
 Дендеры 92
 Дерр 37, 65, 87, 106, 107, 198
 Джахи 37, 40, 198
 Джер 52

Джин 52
Дибан 31; см. также Дибон
Дибон (Дэбон) 31; см. также Дибан
Дра-бул-Негга 92, 96
Европа 67
Евфрат, р. 198
египтяне 32, 115—117, 130, 165, 193, 198, 211, 213
Езбет Рушди эс-Сагира 70, 71

Заиорданье 29, 30—33, 48
Зеред, р. 31, 32
Зиппаланда 52
Зитхарнас 52
Зулапи 61, 105, 199

Иеноам 24—26, 109
Иерихон 31
Иерусалим 113, 114
Израиль 32, 108—111, 115, 118, 203
израильтяне 32, 33, 109—112, 116—204
Иллахун 78
Инеса 198
Иордан, р. 26, 31—33
Иудея 31, 113

Иизреэль, долина 26

Кадеш-Барнеа, оазис 118
Кадеш галилейский 27
Кадеш на Оронте 18, 23, 25—29, 31, 33—47, 78, 79—82, 84, 85, 198; см. также Кинза

«Кадеш старый» 37, 41, 44

Каир 78, 95, 201, 209

Қалабша 87

Канаан 24—26, 109

Қарахна 52

Қарзис 52

Қаркемиш 198

Қаркиш 198

Қарнак 3, 18, 19, 26, 27—31, 34, 35, 37, 48, 49, 61, 64, 78, 79, 83, 91, 92, 94, 95, 97, 101, 106, 107, 119, 120, 121, 127, 135, 136, 140, 151, 155, 157, 158, 160, 190, 196, 198, 200, 205, 210

Қатаана-Қантир 68, 70—73, 75—78, 197, 200

Қатна 27, 48

Кеди 61, 64, 198

Керет 52

Кефтиу (Крит), о-в 48

кешкеш 198

Қиззувадна 52, 53, 198

Қиликия 198

Кинза 42; см. также Кадеш на Оронте

Ком-Зимран 78

Ком-Омбо 100
Ком эль-Хисн 78
Коносо 66
Коптос 61, 78, 158
Кубан 19, 22, 65, 197
Курна 26, 92

Куш 24, 48, 66, 87, 94, 122—124, 133, 134, 141, 142, 144, 151, 159, 160, 163—165, 196, 199, 201, 207, 209, 211

Ленинград 54

либу 48

Ливан 24, 26, 41, 42, 171

Ливийская пустыня 100

ливийцы 3, 18, 25, 27, 48, 85, 109

Ливия 67, 198

лука—ликийцы 198

Лихзина 52

Луксор 3, 29, 30, 34, 35, 37, 38, 78, 80, 91, 92, 94, 101, 105—107, 135, 136, 201

маджан 128

Малая Азия 198

маса 198

Мегиддо 26, 28

Мелеба 32

Мединет-Абу 202

Мемфис 15, 78, 93, 106, 107, 112, 115, 190, 197, 214

Менскийет эс-Сандр 201

Мертвое море 31, 32

Месопотамия 14

мешвеш 48

Микийе, р. 41

Митанни 48, 58, 198

Моав 29, 30—32

Мушанет 198

Напата 87, 201

Наури 202

Нахарина 28, 48, 198

Неаполь 94

Негев 32

Нижний Ретену 48

Нил, р. 3, 11, 15, 24, 27, 67, 68, 74, 77, 82, 84, 85, 87, 102, 108, 111, 113, 114, 116, 190, 201, 202

Нуа 52

нубийцы 85

Нубия 4, 22, 24, 34, 48, 61, 65—67, 78, 86, 87, 94, 101, 104, 135, 158, 164, 196, 197—199, 202

Нухаше 198

Оронт, р. 18, 23, 25—28, 31, 33, 35, 37—39, 45, 47, 48

Палестина 23, 25, 28—30, 32, 33, 39, 40, 48, 109—111, 116—118, 204, 205
Париж 80, 105, 106

Пелла 25, 26
Пелузий 68
Петтиарик 52
Пидаса 198

Раба-батора 31
Ракотис 48
Рамессеум 3, 34, 35, 37, 38, 48, 72,
78, 82—84, 101, 104, 106, 201
Рас-Шамра 99
Рафа 25
Рехоб 25, 26
Рибла 41, 42, 44; см. также Шаб-
туна

Саккара 104
Сариса 52
Сафт эль-Хенна 200
Сахпин 52
Сеир 31
семиты 112, 116, 202
Серабит эль-Кадим 21
Серапеум 106, 203
Силе 32
Симира 24—26
Синай, Синайский полуостров 25, 32,
107, 118
Сирийская пустыня 113
Сирия 23—25, 27—30, 37, 39, 47, 48,
58, 59, 64, 105, 109—111, 115, 198,
199
Сихейл 66, 104
Средиземное море 48
Су 100
Судан 87
Суккот 108, 111, 118; см. также
Чеку

Таминта 42
Танис 6, 8, 11, 31, 40, 68—77, 100,
105, 107, 158, 167—170, 197, 200,
201, 206
Таур 92
Тахси 27
Тель Баста 197
Тель эд-Дабаа 70, 71, 76
Тель эль-Маскут 78
Тель Мокдам 12, 78
Тель Небешех 74, 76, 78
Тель Неби Менд 41, 44
Тель эр-Ретабе 31, 68
Тель эль-Фараун 75
Тель эс-Шихаб 26, 32
Тель эль-Яхуди 71, 78
темеху 48
техену 48, 109
Тир 26, 28
Тунип 27, 29, 37, 48, 81
Турип 105

Угарит 40, 198

Уллаза 25, 26
Упи 62

Факуса 76
Фарас 87
Фивы 11, 70, 72, 82, 84, 85, 88, 91—
97, 121—123, 125, 132—135, 137—
145, 147, 149, 151—155, 158—160,
163—165, 167, 178, 190, 201, 202,
206—209, 212—214
Финикия 23, 28—30, 40, 41, 48, 59,
110, 150, 170
Франция 80, 201
французы 80

Халеб 52, 198; см. также Алеппо
Хамат 25, 26
Ханаан 23
ханаанеяне 117—204
Ханигальбат 58
Хапанталиас 52
Харга 100
Хатти 46, 47, 54—56
Хаттусаса 198
Хауран 26
Хебет 52
Херхерамун 92
Хесбон 32
хетты 3, 24, 25, 27—29, 37—39, 42,
47, 57—61, 85, 110
Хиссасхапа 52
Хомс, г. 198
Хомс, оз. 41
Хорбет 101, 198, 200
Хорсабад 13

Чеку 92, 110, 111, 118; см. также Сук-
кот

Шабтуна 31, 35, 37, 41, 42, 44; см.
также Рибла
шасу 24, 25, 31, 32, 37, 110, 111, 116
Шахата 71
шердены 35, 40, 48, 198

Эдом 29, 31, 32, 110, 111
эдомитяне 111
Эдфу 78
Эйэ 62
Элеутерос, р. 42
Элефантина 61, 104, 126, 127
Эль-Аламейн 48
Эль-Каб 102
Эль-Кебир, р. 42
Эль-Кельб, р. 29, 41
Эль-Литани, р. 28, 40, 41
Эль-Хермиль 42
Эль-Хибэ 135
Эфиопия 115

Ярмук 26

The monograph *Ramses II and Herihor* by I. A. Stuchevsky examines various aspects of the Ramses II reign and the rule in Thebes of Herihor, High Priest of Amun, two prominent political figures whose careers encompassed large period in the history of ancient Egypt—the Ramessid epoch.

The personality of Ramses II, who ruled over Egypt for more than sixty years, is well known. To some extent, his popularity in the antiquity and Modern Times was due to the fact that his reign witnessed the final surge of Egypt's might; it was not only time of long wars in Asia, but of economic prosperity, political stability and large-scale temple-building as well.

Ramses II, had undoubtedly strong personality. It is hard to trace the individual traits of his character, as far as the Egyptian sources portray all Pharaohs by a general pattern of unearthly grandeur and might. Still, it may be said that he was bold and resolute, determining for decades the entire life in the Nile valley.

Herihor was quite a different sort of ruler. Whereas under Ramses II the principle of utmost political centralization found its absolute realization, under Herihor, on the contrary, the tendency was towards political separatism. In the reign of the last Ramessid, Ramses XI, Herihor was practically the virtual ruler of Upper Egypt. The High Priest of Amun, seeking to become Pharaoh himself, tried to justify his lofty ambitions by means of a religious doctrine belittling the authority of the Pharaoh, opposing it to the supreme Theban deity. Herihor was the architect of a specific political entity, the so-called Kingdom of Amun, or the Theban theocracy, which arose on the ruins of the Ramessid Empire in Upper Egypt. The leading exponents of the old classical school in Egyptology (G. Maspero, Ed. Meyer, J. H. Breasted) believe that the Theban theocracy meant victory of Egyptian priesthood. According to H. Kees, who radically revised the existing image of Herihor, the Kingdom of Amun, despite its religious camouflage, was, in essence, a dictatorship of a military leader who had gained political power at a historically opportune moment.

The works by H. Kees and his followers considerably clarified the history of Herihor's rise to power and the establishment of the Theban theocracy. Yet some pages in this history are still

blank, giving rise to disputes among Egyptologists and sometimes to mutually contradictory conclusions.

Examining various sources and attempting to disentangle numerous complex and controversial problems, the author gives his own interpretation of a number of questions arising from the long rule of Ramses II and that of Herihor's in Thebes at the dawn of the Ramessid epoch.

Предисловие	3
Рамсес II	6
Предки Рамсеса II	6
Абсолютная датировка начала царствования Рамсеса II	12
Продолжительность царствования Рамсеса II	17
О так называемом старшем брате и сопернике Рамсеса II	18
Соправление Рамсеса II с Сети I	19
Предыстория военной политики Рамсеса II в Азии (войны Сети I)	23
Войны Рамсеса II в Азии	28
Битва при Кадеше на Оронте	33
Мирный договор Рамсеса II с Хаттусилисом III	48
Брак Рамсеса II с хеттской принцессой, дочерью Хаттусилиса III	61
Рамсес II и Нубия	65
Рамсес II и античная традиция	66
Пер-Рамсес — резиденция Рамсеса II	67
Монументальное строительство во времена Рамсеса II	77
Экономическое состояние Египта в царствование Рамсеса II	88
Рамсес II и жречество	90
Рамсес II и культы египетских богов	96
Азиатские божества и азиаты-семиты в Египте в царствование Рамсеса II и его преемников	99
Обожествление Рамсеса II	101
Юбилей «тридцатилетия» Рамсеса II	102
Семья Рамсеса II	104
Рамсес II в библейской традиции	108
Херихор	119
Источники о Херихоре	119
Родственные связи Херихора	124
Херихор на пути к престолу фараонов	132
Продолжительность правления Херихора	151
Херихор и решение оракула Хонсу и Амуна	158
Доктрина амунократии и Херихор	170
Эхнатон — религиозный реформатор и политик (К проблеме использования религии в политических целях)	180
Примечания	196
Список сокращений	217
Список использованной литературы	220
Именной указатель	237
Указатель географических и этнических названий	242
Summary	245

Иосиф Александрович Стучевский

РАМСЕС II И ХЕРИХОР

**(Из истории древнего Египта
эпохи Рамессидов)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Н. В. Барина
Младший редактор М. В. Малькова
Художник Б. Г. Дударев
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Л. Н. Дегтярева

ИБ № 14972

Сдано в набор 05.12.83. Подписано к печати 08.06.84. А-05535. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,88. Уч.-изд. л. 18,65. Тираж 3000 экз. Изд. № 5441. Зак. № 884. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143 Открытое шоссе, 28

Затем сказал его величество:

«Что беспокоит тебя, мой отец Амун? Разве приличествует отцу игнорировать своего сына? Разве я делал что-либо без тебя? Разве я не иду и не останавливаюсь по твоему слову? Разве я пренебрегал тем, что ты приказывал?.. Сделай добро тому, кто полагается на тебя... Я обратился к тебе, мой отец Амун, когда я был в середине множества, которое я не знаю. Все чужеземные страны объединились против меня, в то время как я один с самим собой, никого другого нет со мной, моя многочисленная пехота покинула меня, никто не смотрит на меня на моей колеснице. Я стал кричать им, но никто из них не услышал меня, в то время как я звал. Я нашел, что Амун более полезен, чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч колесниц и чем десять тысяч братьев и детей, объединенных одним сердцем. Нет пользы во множестве людей, но Амун более полезен, чем они...». Я нашел, что Амун пришел, когда я звал его, он дал мне свою руку, и я возрадовался. Он говорил позади меня, как если бы он был лицом к лицу. «Вперед, Рамсес Мериямун ж. н. з.! Я с тобой. Я твой отец. Моя рука с тобой. Я более полезен, чем сотни тысяч людей. Я господин победы, который любит доблесть». Я нашел мое сердце крепким и мою грудь полной радости. Все, что я делал, приходило к завершению. Я был подобен Монту. Я стрелял своей правой (рукой) и схватывал своей левой. Я был на их взгляд подобен Сутеху в его момент...